

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова»

РОССИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции
Барнаул, 17 мая 2013 г.

Изд-во АлтГТУ
Барнаул • 2013

УДК 323(470)+316.422
ББК 66.3(2рос)+87.610.2
Р768

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, профессор В. Ю. Инговатов (отв. ред.),
канд. ист. наук, доцент О. А. Литвинова,
ассистент кафедры философии АлтГТУ И. В. Демин

Р768 Россия в эпоху глобализации : опыт, проблемы, перспективы : материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Барнаул, 17 мая 2013 г. / науч. ред. В. Ю. Инговатов, О. А. Литвинова, И. В. Демин. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2013. – 191 с.

ISBN 978-5-7568-0995-4

В сборник материалов конференции, прошедшей 17 мая 2013 г. в Барнауле на базе АлтГТУ им. И. И. Ползунова, вошли публикации ученых разных научных направлений, объединенных единым проблемным полем исследований – анализом глобализации как ведущего тренда современного мирового развития, а также российского опыта участия в глобализационных процессах. В издании изложены как теоретические вопросы и проблемы глобализации, так и прикладные аспекты её имплементации. Особое внимание уделено рассмотрению проблем и перспектив России, связанных с политико-правовым, социально-гуманитарным, экономическим и образовательным измерениями глобализации. В представленных научных статьях и докладах нашли отражение различные – подчас диаметрально противоположные – точки зрения на стратегию российской политики в глобализирующемся мире. Материалы конференции рассчитаны на широкий круг специалистов: философов, историков, политологов, социологов, экономистов, культурологов, педагогов. Кроме того, издание адресовано всем, кто интересуется ключевыми проблемами современного мира, его динамикой и сценариями будущего.

УДК 323(470)+316.422
ББК 66.3(2рос)+87.610.2

Научные статьи, составившие настоящий сборник, публикуются в авторской редакции. Воспроизведение целого текста любой статьи или какой-либо её части не может быть осуществлено без письменного разрешения авторов и издательства АлтГТУ им. И. И. Ползунова.

ISBN 978-5-7568-0995-4

© Авторский коллектив, 2013
© Алтайский государственный технический университет
им. И. И. Ползунова, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами новый сборник научных статей по комплексным проблемам России в современном глобализирующемся мире. Он представляет собой итоговый аналитический свод научных разработок, представленных на прошедшей 17 мая 2013 г. под эгидой факультета гуманитарного образования АлтГТУ им. И. И. Ползунова II Всероссийской научно-практической конференции «Россия в эпоху глобализации: опыт, проблемы, перспективы». Данный труд служит логическим развитием проблематики предшествующего сборника, изданного по итогам конференции «Россия в эпоху модернизации: опыт, проблемы, перспективы» (17–18 июня 2011 г.). Хотелось бы подчеркнуть, что выраженное тогда намерение проводить один раз в два года конференцию по актуальным проблемам России на современном этапе развития глобального социума не осталось пустой декларацией. На этот раз тематика конференции также нашла широкий отклик среди представителей научных сообществ: в конференции приняли участие почти 60 исследователей (в очной и заочной формах) из разных вузов Астрахани, Барнаула, Елабуги, Кемерово, Москвы, Омска, Томска, Уфы и Ярославля. Они представляли и разные научные направления: философию, историю, политологию, социологию, экономику, культурологию, а также технические науки. Впервые конференция проводилась с целью интеграции усилий ученых различных отраслей науки для комплексного, междисциплинарного изучения проблем и перспектив России в современном глобализирующемся мире. Поэтому можно сказать, что системный и мультипарадигмальный подходы стали концептуальным фундаментом конференции. Глубокий теоретический анализ разнородных концепций позитивной и негативной глобализации сочетался с рассмотрением их противоречивой имплементации в российском обществе. Впервые в сборнике представлены уникальные исследования, способствующие по-настоящему всестороннему, глубокому изучению глобального и национального развития. Надеемся, что наша конференция следует в русле этих серьезных достижений и отвечает достаточно высокому профессиональному уровню.

Структура настоящего сборника статей соответствует тематической логике конференции. Было выделено пять основных исследовательских направлений, в рамках которых были представлены соответствующие статьи и доклады. К ним относятся: «Философское и социокультурное осмысление процессов глобализации», «Историческое прошлое России как опыт сохранения идентичности в глобализирующемся мире», «Современное российское общество и проблемы глобализации: политические, правовые и социальные аспекты», «Глобализация, мировой рынок и экономика России», «Российское образование в условиях глобализации». В выступлениях докладчиков и дискуссиях по каждому из этих направлений была подчеркнута необходимость (для России и вообще национального государства) оптимального баланса между тенденциями универсализма и ценностями партикуляризма. Только на этом пути возможно избежать окончательного закрепления России в группе государств периферийного капитализма и перманентной догоняющей модернизации.

Особое место на конференции занял круглый стол, в ходе работы которого были подняты крайне острые вопросы, посвященные: проявлениям неолиберальной глобализации в отечественном образовании, особенностям управления образованием в глобализированном мире, месту и роли России в современной геополитической архитектуре, феномену технауки и связанным с ним вызовам классической науке, политико-правовым аспектам вхождения РФ в глобализированное общество, трансформациям национальной идентичности и национального государства в условиях глобализации.

Организаторы конференции выражают искреннюю признательность всем участникам и полагают, что подобные мероприятия и в дальнейшем должны оставаться площадкой для плодотворного сотрудничества разнопрофильных научных коллективов в направлении поиска адекватных ответов на вызовы глобализации и современности в XXI в.

Редакционная коллегия

ЧАСТЬ 1. ФИЛОСОФСКОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Г. П. АФАНАСЬЕВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ВРЕМЯ ВЫБОРА: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ

И вот опять, в который раз!, на карту ставится Россия. Опять речь идет о ее существовании независимой державой. Казалось бы, сколько можно враждебным силам указывать нам, как нам лучше вести хозяйство, учить детей и что любить. Непреходящая зависть к русским просторам, природным богатствам России и всегдашнее недоумение, как не стремиться из всего этого великолепия делать деньги – не одно столетие сводит с ума наполеонов, гитлеров, черчиллей и прочих ротшильдов, уже определивших, сколько людей должно населять Россию, какую веру она примет и что надлежит ей исполнять по воле единого правительства (читай антихриста). Вот эта зависть, порождающая ненависть к нам и явилась толчком к глобализации, она объединила всех, кто против России и против Христа. Россия сохраняет Православную веру вопреки давлению запада, потому что вера как наиболее древний оплот русского народа позволяет нам оставаться русскими и не продавать себя за глобализационные фетиши. Империя золотого тельца распространяется как заразная болезнь; глобализация нам навязывается извне не без помощи доморощенных пророков ее, на отечественных харчах возросших. Им выгодно служить глобализации, им платят ее диктаторы, поэтому они расшатывают и уничтожают все, что всем народом создавалось десятилетиями и столетиями, будь то наши образование и наука, наша культура, все наши достижения в производственных, военных и других сферах.

Чтобы Росси остаться Россией, не надо плясать ей под дудку ее кажущихся доброхотов. Важнее быть не политкорректными, а независимыми. Не примениться к глобализации, как к чему-то неизбежному и необходимому, но противостоять ей. Это возможно. Только осознав всю опасность глобализационных явлений для существования России, только зная ее историю, ее героев, честно павших за независимость Отечества. Это значит, возрождать традиции нашего народа, изучать достижения всех принеших славу России, приобщать студентов к благоговейному отношению к родному языку. На наш взгляд, в воспитании молодых поколений старшим важно честно показывать свою позицию в отношении к процессам глобализации, важно не допустить лжи. Для этого нужно самим определиться, какой мы хотим видеть будущую Россию. Нам глобализация представляется в виде угрозы образу, данного Николаем Рубцовым:

*«... Россия, Русь, храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они –
Иных времен татары и монголы...»*

Экспансия английского языка, изъятие из образования огромного количества часов по инженерным дисциплинам, внедрение бакалавриата вместо добротного высшего образования, введение менеджеров там, где должны работать профильные специалисты, повальное тестирование, направленное на унификацию мышления молодежи, на стандартные способы применения знаний, вырабатывающие не самостоятельный подход к той или иной проблеме, но пагубную привычку искать неизбежный из 4-х вариантов готовый ответ. В реальной жизни не бывает готовых ответов. Но подражание чужому образу мысли и действия заставляет забыть об этом, тем более, что тестирование как наиболее простой способ манипулирования людьми повсеместно возведен в главный метод контроля знаний и компетенций студентов. О творчестве и речи нет, да оно и невозможно без всеобщей стандартизации, где

унылая унификация предполагает нажатие одинаковых кнопок вместо гармоничного развития уникальной личности каждого студента. Да и кому нужна гармония развивающейся личности молодого человека, завтрашнего работника, способного нести ответственность за себя и служить своей стране? Ведь гармония – это ценностное, сущностное понятие, ему все меньше и меньше остается места в глобализирующемся пространстве. Глобализационные агрессии постепенно изъяли из мыслей и лексикона тех, кто реформирует образование, духовную сущность человека. И нам, вузовским преподавателям, предписывается то же. Главным в работе со студентами становится стандартная матрица, на разработку которой уходит и энергия коллектива, и время единственной и неповторимой жизни каждого его члена. Но, поскольку природа не терпит пустоты, то вместо ценностных ориентиров, десятилетиями развиваемых в нашем образовании, возникают новые, манипуляционные, основанные на информационной гонке под девизом «кто владеет информацией, тот владеет миром».

Глобализация и рассчитана на манипулирование людьми, она именно рассчитана, а не послана нам с неба. Последствия ее весьма плачевны для нас – это постоянное подлаживание к требованиям запада. Но и сам Запад находится в ловушке глобализации. Европейское содружество не демонстрирует дружества. И у них сильные, богатые правят, слабые, бедные должны выполнять их требования, иначе не выжить. Россию и Запад и Восток рассматривают как источник обогащения, потенциальную собственную провинцию или колонию.

Особенно страшно подключение России к всемирной мыслящей паутине будущего, к миру так называемых облачных сервисов, о которых заявил их автор Рэй Оззи, софт-архитектор корпорации «Майкрософт». Эти облачные сервисы или «тонкий клиент» позволяют благодаря постоянной включенности во все сферы человеческой жизни держать сотни миллионов людей в полном подчинении. Противодействие им станет невозможным. Отключение же от общего сервера будет считаться всей сетью наказанием, отключенный станет изгоем. Облачные серверы американские эксперты предполагают разрабатывать и в Сколково, т.е. в России. Таким образом, мы добровольно надеваем на себя рабские путы, потому что противостоять властителям мировой паутины будет еще труднее, чем сейчас. Подступают времена, описанные Иоанном Богословом в его «Откровениях».

Поэтому самое главное для России – не угодить авторам глобализационных проектов, а сохранить себя, свою самобытность, свою целостность перед остальным миром, поскольку только в этом случае с нашей страной будут считаться. Середины нет. Или глобализированные до мозга костей, значит послушные Западу, или самостоятельные. Самостоятельно решающие свою судьбу, сами выбирающие свой путь.

Н. А. БЕЛОУСОВ

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

О ПАРАДИГМЕ РУССКОГО ПУТИ

*«... Необъятные русские пространства
находятся внутри русской души
и имеют над ней огромную власть»
Н.А. Бердяев*

Огромную власть имеют пространства и над судьбой России. Власть эта настолько велика, что многие свои надежды русский народ связывает со своими бескрайними территориями как в ландшафтно-географическом измерении («много в ней лесов, полей и рек»), так и в геологическом, вертикально-подземном (несметные кладовые). Пространства – территории (и их богатства) многократно спасали страну, народ от гибели. Неоднократно природные ресурсы выполняли (или воспринимались в таком качестве) роль решающего фактора, который обеспечивал исторический прорыв России. За столетия русские стали пространственно сориентированным народом. Что и закрепилось в русском мировосприятии в специфическом отношении к пространству как одной из основных форм бытия.

Как следствие – особенность национального поведения. Русские, да и в целом россияне, с большей легкостью решаются на освоение новых пространств, чем на подчинение себе времени. Только в течение XX века население страны (огромные массы активной молодёжи) неоднократно откликались на призывы покорения великих пространств («столипинский призыв» начала века, тридцатые годы, целинная эпопея, освоение «нефтяной целины», эпоха всесоюзных ударныхстроек и, наконец, «странные 90-е годы», когда десятки миллионов людей берутся за **огородные пространства** и набирают себе земли под садовые участки, где предполагается в основном ручной труд с почти доисторическими орудиями труда? А еще многие миллионы людей превращаются в «челноков», которые бросаются осваивать новую для России **экономическую целину, экономические пространства**, объективно поднимая экономики сопредельных государств. И это в эпоху научных и технологических прорывов, переводящих мировую экономику на совершенно иные, инновационные, рельсы).

Немаловажным фактом российской действительности стало формирование огромного по численности и очень активного слоя населения и ещё более могущественного слоя национальной элиты, жизнь свою, благополучие и будущее своё связывающих преимущественно с разработкой, освоением, эксплуатацией и продажей сырьевых ресурсов страны. Эта мощная социальная сила объективно, в силу своего положения, заинтересована в весьма специфическом и крайне опасном для будущего России международном статусе сырьевого ресурса развитых экономик. Такая перспектива вызывает в обществе всё большую тревогу. России в очередной раз (даже для самосохранения) требуется осуществить рывок во времени.

Прорыв во времени в России осуществляется, как правило, во имя решения двух судьбоносных задач: 1) освоения очень сложных для колонизации территорий и 2) защиты своих территорий.

Если России уготована участь поднимать пространства, целину, если пространственная ориентация нашей национальной картины мира действительно является одним из основных императивов нашего национального поведения, то в современных условиях важно понять тот вектор развития нашего национального бытия, который одновременно позволит нам, не отказываясь от нашей идентичности, от своей истории, вместе с тем соответствовать своему времени. Этот вектор – покорение космических пространств. Точнее – очеловечивание холодного и пока кажущегося чуждым нам космоса. То, от чего исходит основная угроза человечеству, должно превратиться сначала в один из основных факторов развития, а затем и в основную сферу нашего бытия. Он позволит рационально использовать и мобилизационную модель развития, которая нередко в России оказывалась предпочтительным обеспечивающим механизмом исторического прорыва.

Проекты овладения космическими пространствами способны вызвать научный и технологический сдвиг – прорыв во времени. Американский путь – концентрации на своей территории мировых интеллектуальных сил – у России по разным причинам не получится. Отличительная особенность российского прорыва – опора на собственные человеческие ресурсы с быстрым овладением современных мировых (передовых) интеллектуальных, информационных и технологических достижений. Решение же этих сложнейших задач предполагает серьёзные коррективы в духовно-интеллектуальной жизни общества: 1) осознание миссии, исторического предназначения русской цивилизации и 2) возрождение культа науки и научно-инновационного творчества. Пассионарность новых поколений должна не консервировать научное и технологическое отставание России, а обеспечить её поступательное развитие.

В. Д. БОРОВИКОВ, Л. С. БОРОВИКОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФОН ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация как тенденция универсализации социального бытия осуществляется в мире, который всё чаще оценивается как мир, где не только Бог, но и Человек умер (Э. Фромм), как «постчеловеческий мир», переживающий «антропологическую катастрофу». Эта катаст-

рофа свидетельствует о том, что современная цивилизация по своим социокультурным основаниям (культ безудержного прогресса, профанный гуманизм и его детище – индивидуализм, рационализм) не только не может предотвратить эту катастрофу, но сама её провоцирует. Глобализация как стратегия создания «Глобального общества» многократно усиливает негативное воздействие на человеческую природу.

Глобализация как проект сближения различных цивилизаций и культур не только не вызывает отторжения и возражения, но порождает массовый энтузиазм и веру в светлое будущее всего человечества. Но глобализация это не только объективное планетарное явление, но и явление, порождающее планетарные иллюзии. Все великие исторические события происходили под знаком всеобщего упоения очередной иллюзией: именно иллюзии и вызывают всеобщий энтузиазм и всплеск социальной активности. Хотя время иллюзий, по замечанию Наполеона, – это время счастья как для отдельных людей, так и для народов, освобождение от них – неперемненное условие как общественного, так и личностного развития. Поэтому объективный анализ глобализации, её истинных и декларируемых целей жизненно необходим. Наиболее адекватное понимание сущности и содержания глобализации предложено А.А. Зиновьевым, который называет её «западнизацией». «Сущность западнизации состоит в навязывании незападным народам и странам социального строя, экономики, политической системы, идеологии, культуры и образа жизни, подобных таковым (или имитирующих таковые) западных стран» [1, с. 629]. Тактика западнизации состоит не только в дискредитации базовых атрибутов общественного устройства страны, которую предстоит западнизировать, но и в активной пропаганде достоинств западного образа жизни. Необходимо не только возбуждать у населения зависть к западному изобилию, но и «создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо и для них в кратчайшие сроки, если страна станет на путь преобразований по западным образцам. Заражать их пороками западного общества, изображая пороки как добродетели, как проявление подлинной свободы личности» [2, с. 630]. Таким образом, осуществление глобализации приводит к тому, что история утрачивает свой естественно-исторический характер, всё более становясь предметом социального конструирования.

Иллюзии относительно глобализации подпитываются старыми западными идеями и мифологемами. Многие мифологемы уже изжиты, но до сих пор в массовом сознании существует незыблемая вера в материально-технический прогресс как панацею от всех бед, и в свободу личности, неотделимую от демократии. Но чтобы приобрести подлинную, а не мнимую свободу, необходимо избавиться и от этих ошибочных представлений.

Тот факт, что материальный аспект жизни не только приобретает приоритетное значение, но и вытесняет из жизни ценности традиционной культуры, отмечен давно. «Цели человеческой жизни померкли. Человек перестал понимать, для чего он живёт, и не имеет времени задуматься над смыслом жизни. Цель человека заполнена средствами к жизни, которые стали самоцелью» [3, с. 317]. И это неудивительно – современный человек постоянно искушаем «дарами» технического прогресса и именно в них видит истинные ценности жизни. Власть использует в своих целях эту неутолённую жажду потребления и формирует новый, удобный для управления тип личности, насаждая безудержный эгоизм и гипертрофированную самооценку, ничем не подкреплённую амбициозность. Ещё один упорно внедряемый миф о том, что в выборе социального поведения человек сам выбирает: быть ему сувереном или функцией? Эта дилемма как бы содержит в себе свободный выбор, но выбором не является: кто же захочет быть функцией? Поэтому сама постановка вопроса, само полярное разведение социальных ролей есть своего рода вызов, провокация. Раскольников мучился сходно: «Тварь я дрожащая или право имею?»

Хотя в социальной философии под «сувереном» понимается личность, способная к ответственному самоопределению в мире, само применение отвлечённого правового понятия к социальной характеристике любого индивида, зачастую не обладающего ни реальной властью, ни обязанностями быть сувереном – выражать всеобщее – почти содержит утверждение, что это каждому по силам, а это далеко не так. Недаром Гегель отмечал, что понятие суверена – самое трудное для рассудка, т.к. для деятельности суверена нет причин, напротив, он сам – причина всех причин. «Суверенов» не может быть много, их может не быть даже на вершинах власти, поскольку суверен должен быть персонификацией определённой системы ценностей или идей, и только тогда его деятельность становится эталоном поведения, а сам он – идеалом для многих людей, находящих в нём опору для своей субъектности.

Измельчание не только «человека массы», но и лидеров, их удручающая безликость – симптом болезни нашего времени. Об этом было пророчество Ф. Ницше: «Горе! Приближается время, когда человек не родит больше звезды. Горе! Приближается время самого презренного человека, который уже не сможет презирать самого себя. Смотрите! Я показываю вам *последнего человека* ...Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий всё маленьким» [4, с. 11]. И этот «маленький» человек не вызывает сочувствия как «маленький человек» Гоголя и Достоевского, да он его и не хочет: он благополучен, самодоволен и самодостаточен. И власть вынуждена его слегка «пощекотать», чтобы вызвать на нужное действие. Непосредственно этим сейчас занимается PR, значение которого в управленческих процессах возрастает: «Провокация субъектности, превращение пассивного объекта в активный субъект диалога, коммуникации – это главная задача, это цель, которая оправдывает любые средства, потому что от её достижения зависит легитимация компании или политических институтов. Это борьба не на жизнь, а на смерть. И в этой борьбе этика, гуманизм, разумность – лишь инструменты» [5, с. 90]. Но сама провокация субъектности не делает человека субъектом, напротив, она вызывает к жизни наиболее непросветлённые духом, хаотические и тёмные стороны его «Я». «Человеческое, слишком человеческое!»

«Весь мир – театр, и люди в нём – актёры» – так было всегда, но роли людьми играемые, были серьёзны и требовали серьёзного к себе отношения. Новые социальные программы, предъявляемые индивиду обществом, вызывают резкое изменение социальных ориентаций. «Это программа достижения, а не самоотверженности, успеха, а не долготерпения, индивидуалистической притязательности, а не аскезы» [6, с. 184]. Стремясь уйти в гедонистику досуга, человек становится «социальным дезертиром», а затем и «мародёром», живущим по формуле: «максимум притязаний при минимальных усилиях» [7, с. 186–192]. Но само социальное дезертирство означает отказ «быть сувереном», т.е. отказ от права на ответственную самодетерминацию поведения, и превращает «скопище свободных индивидов» (Х. Ортега-и-Гассет) в материал для манипулирования. В глобализируемом мире власть через утончённые по форме, но репрессивные по сути технологии, целенаправленно создаёт новую глобальную иллюзию полной свободы личности при её реальной программируемости. *Человек действительно делает то, что хочет, а хочет он того, что требуется.*

Реализуя себя лишь в функциональном проявлении, человек отчуждает себя как от органики, спонтанности жизни, так и от собственной индивидуальности, и приобретает устойчивые, стереотипные, предсказуемые качества функции. Поэтому и возможна организация программируемого поведения людей во всё возрастающих масштабах. Беда не только в том, что цели жизни подменяются её средствами, а в том, что сама жизнь подменяется её симуляцией. Во всех сферах бытия симуляция вытесняет его действительное жизненное содержание. Имидж, видимость, имитация заменяют подлинную жизнь на квазиреальность, а симулякры подменяют истинные ценности, создавая обманчивое впечатление полноты социального бытия. Если раньше личности нужно было «быть, а не казаться», то сейчас происходит беспрецедентный самоотказ от «быть». «Быть – это казаться» – вот новая социальная онтология, вот современный способ явления себя «в мире и для мира».

«Вопрос о возвращении к бытию и преодолении нигилизма в наше время получает не только философскую актуальность, но и острейший социальный смысл. Способы преодоления глобального нигилизма – главная тема современного дискурса о человеке и мире» [8, с. 167].

Библиографические ссылки

1. Зиновьев А. На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000.
2. Там же.
3. Бердяев Н. Философия неравенства. М.: Мысль, 1990.
4. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч. в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1990.
5. Гусев Д., Матвейчев О., Чернаков С. Уши машут ослом. Современное социальное программирование. Пермь: Alex J. Bakster Group, 2002. 192 с.
6. Панарин А. Стратегическая нестабильность XXI века // Москва. 2002. №10.
7. Там же.
8. Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире // Москва. 2001. №4.

И. В. ДЕМИН

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ФОРМИРОВАНИЕ И МЕТАМОРФОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В настоящее время проблемы, связанные с кризисом и конфликтом идентичностей, по-прежнему находятся на переднем плане дискуссий в научно-экспертном сообществе. При этом национальная идентичность как одна из важнейших форм коллективной идентичности – в фокусе особо пристального внимания. Претерпевающая в эпоху глобализации колоссальные изменения она впервые с такой силой обнаруживает свою процессуальную компоненту, т.е. содержательно присущая идентичности некая устойчивость, самоидентифицированность комплекса представлений нации о самой себе дополняются, по-видимому, небывалым прежде динамизмом паттернов национальной самоидентификации. Ясно, что это вызывает новейшие угрозы для стабильного позитивного развития любого социума, национальная идентичность которого подвергается эрозии в условиях глобализации. При всем при том, что само по себе изменение идентичности – исторически вполне естественный процесс, тем более происходящий, как правило, интерактивным образом (с точки зрения распространенной концепции «значимого Другого» имеется постоянное соотношение «Нас» с «Другими, чужими», выступающими в качестве референтной группы), сам масштаб изменений, однако, ставит серьезные вопросы.

Во избежание понятийной разногласицы важной представляется концептуализация исходных феноменов «национальной идентичности» и «глобализации». Как будет показано ниже, их взаимодействие в современном мире наиболее эвристично рассматривать в контексте двух рамочных моделей: *модернистской* и *постмодернистской*.

Так, традиционно при анализе идентичности выделяют две основные теоретические позиции в её осмыслении: эссенциализм и конструктивизм. В литературе отмечается [1], что эссенциалистская трактовка идентичности / идентификации в целом проистекала из субстанционалистских установок классической философии, утверждавшей примат «единого самотождественного» над различиями и разнообразием как всего лишь акциденциями всеобщего. Такая онтологическая позиция и человека представляла в свете его неизменной сущности. Конструктивизм как более поздняя трактовка идентичности, напротив, базируется на феноменологических основаниях и, следовательно, категорию идентичности (в нашем случае – национальной) рассматривает как некий инструмент, применяемый в прагматических и интеракционных соображениях для некоего описания связи людей с окружением. Например, авторитетные представители феноменологической социологии знания П. Бергер и Т. Лукман раскрывают диалектическую взаимосвязь идентичности с обществом: формирующаяся и изменяющаяся под воздействием социальных отношений идентичность, в свою очередь, сама способна модифицировать социальную структуру посредством переформирования теоретических интерпретаций «символического универсума» [2, с. 279–282]. В этой связи постмодерн выступает как раз против классической традиции онтологизации «идентичности» (или «тождества»), настаивая на признании значимости различий как первостепенных черт реальности (показательный пример – деконструкция Ж. Дерридой западной классической «метафизики присутствия» с её логоцентризмом и поисками индивидуальной и коллективной опоры). Очевидно, что парадигмальная установка на отказ от центризма в понимании Бытия и замену его плюралистической игрой знаков не может не привести к развенчанию нововременного рационалистического положения о самотождественности субъекта и, как следствие, о наличии у него познаваемой целостной идентичности. Говорить же в такой ситуации о коллективных идентичностях вообще лишается смысла. Тем не менее, теоретически непродуктивно жестко противопоставлять классическую и конструктивистско-постмодернистскую трактовки идентичности. Вероятно, более приемлемо их взаимообогащение при взаимодействии в едином концептуальном пространстве. Последнее позволит соблюсти баланс между, с одной стороны, сохранением / преемственностью идентичности, а с другой – её обновлением / корректировкой.

По мнению К.С. Гаджиева, в структуре национальной идентичности выделяются внутренняя и внешняя составляющие: если первая являет собой как бы «образ для себя» народа, то вторая – «образ для других» (сближаясь в этом смысле с геополитической идентичностью) [3]. По сути два этих измерения «Я-концепции» государства-нации и обуславливают семантическое значение термина «национальная идентичность». Стоит подчеркнуть, что отождествление в данном случае государства и нации восходит к принципам Вестфальской политической системы мира, сделавшей национальное государство, которое, кстати сказать, объединило в своей тотальности различный этнокультурный и конфессиональный материал, практически единственным субъектом международного общения, обладающим весьма четкими идентификационными параметрами. «Национальная и геополитическая идентичность, – пишет Гаджиев, – включает множество компонентов, таких как мировоззрение, национальное самосознание и менталитет, национальный характер, историческая память, этнонациональные образы, национальные традиции, мифы, символы и стереотипы поведения и др. Немаловажными составляющими идентичности являются... представления о месте страны в мире, её культурно-цивилизационной принадлежности, национальных интересах, геополитических приоритетах и т.д.» [4].

Идентификационное ядро национального государства (не важно, понимаем ли мы под нацией политико-правовое сообщество граждан или же в примордиалистском ключе этнокультурное сообщество людей одинакового духовного склада) усиленно размывается глобализационными процессами. Однако отшатываться сегодня от глобализации, замыкаясь в автаркии и мифологеме «особого пути», – крайне опасная стратегия, могущая навсегда маргинализировать «непокорное» государство, агрессивно сопротивляющееся объективно-историческим тенденциям. Поэтому необходимо определиться с тем, какая глобализация есть действительно неотвратимый, закономерный, естественноисторический тренд, а какая – лишь относительный политико-идеологический проект определенных групп мировых акторов, продвигающих средствами глобализации свои корпоративные интересы. Ведь идея универсализации, сверхнационального сплочения стран и народов в планетарное единство далеко не нова. Скажем, в философско-утопических проектах В.С. Соловьева и П. Тейяра де Шардена временный национальный эгоизм преодолевается в объединении людей на базе христианского гуманизма. Другие перспективы предлагает глобализм неолиберального толка, гомогенизирующий человечество на основе господства мирового рынка и всеобщего насаждения утилитарного индивидуализма. Во многом правы те, кто основное противоречие современного этапа глобализации видят в противоречии между рынком и государством. Антигуманная глобалистски-неолиберальная идеология не только уничтожает всякое «общее благо» и солидарность в угоду единственно признаваемым экономико-утилитарным ценностям, но и фактически деиндивидуализирует «экономического человека», несмотря на постоянные тоталитарные призывы «делать себя» и «делать свой выбор»: «отныне он всего лишь единица, от которой можно получить большую или меньшую прибыль, которую можно использовать» [5, с. 26–28]. В итоге кажущаяся свобода выбора индивидуальных жизненных стратегий оказывается подчиненной бескомпромиссной рыночной необходимости.

Таким образом, глобализацию нужно отличать от глобализма, экспансионистская развертка которого в конце XX – начале XXI вв. связана с попыткой закрепления глобального доминирования США / западного культурно-цивилизационного ядра и сохранения финансово-экономического диктата мирового капитала. Совершенно справедливо отмечает У. Бек, что «глобализация подчеркивает характер процесса, происходящего в сфере транснационального», конкретизируясь в «интенсификации транснациональных пространств, событий, проблем, конфликтов, биографий» и возросшей роли непрямолинейного глокального движения [6, с. 154]. Исходя из таких границ содержательного наполнения понятия глобализации, последняя как интенсификация глобального движения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, информации, а также реальная усиливающаяся взаимозависимость различных регионов планеты с выходом в мировое публичное пространство негосударственных акторов и формированием унифицированных стилей жизни, ценностей и картин мира, – такая глобализация вполне соотносится с естественноисторическими предпосылками глобальности в виде интернационализации хозяйственных связей, разных видов международной кооперации и интеграции.

Подобно теоретическим описаниям национальной идентичности, глобализационный дискурс также ведется в двух главных концептуальных вариантах: во-первых, в теориях глоба-

лизации как позднего продолжения модерна и, во-вторых, в постмодернистских теориях, постулирующих «конец субъекта», «конец общества», «конец истории», а значит и вертикального социального порядка модерна, заменяющегося горизонтальными, мобильными, сетевыми коммуникациями [7, с. 366–371]. Обнаруженные перекрещивания в концептуальном осмыслении как национальной идентичности, так и глобализации в отдельности позволяют перейти к общему анализу их взаимодействия в контексте двух вышеописанных рамочных моделей.

1) Модернистская модель. Традиционный элемент национальной идентичности предстает как существенное условие и платформа эффективной модернизации незападных обществ. В западных же обществах развитие постиндустриальной экономики идет при сопутствующем размывании национальной идентичности как сверху (со стороны наднациональных структур управления), так и снизу (со стороны дробящих национальную идентичность регионализации и автономизации, а также мощных инокультурных анклавов мигрантов). Но в целом эта модель, независимо от национальной специфики, задает гибридную, «множественную идентичность», отрицающую алармистский тезис о линейно-упрощенной унификации / вестернизации (как переходе от «международного сообщества» к «мировому обществу», оформленному по типу западного цивилизационного ядра). Хотя, без сомнения, «усложненной этнонациональной идентичности» противостоит в ряде случаев и «этнокультурная маргинализация» [8, с. 272]. В такой ситуации исследователи зачастую оперируют термином «мерцающая идентичность», относя его к человеку, растворенному в транснациональных сетях мирового социума (в том числе вследствие глобализации повседневности и формирования сходного стиля жизни, сходной потребительско-гедонистической ментальности); для такого индивида эпохи глобализации становится безразличной его принадлежность к знаково-символическому полю своего социокультурного образования.

Конечно, впечатляющие успехи Запада в технологической и социально-экономической сферах, казалось бы, должны были побуждать к дальнейшему уподоблению ему, что продолжало бы вызывать глубокие трансформации национальной идентичности стран не-Запада. Но к началу нынешнего столетия «догоняющая модернизация» исчерпала себя, да и «фаустовская цивилизация» с ее технократизмом, бездумным покорением природы, приматом инструментальных ценностей, формальной демократией и безличным рыночным механизмом как никогда нуждается в критическом пересмотре. Вот почему в условиях глобализации классическая модернизационная теория подвергается ревизии. К её ошибкам относят непризнание нелинейности и неравномерности мирового развития; излишний детерминизм; отказ от плюрализма рациональностей и требование рекультивации, предъявляемое незападным народам в процессе модернизации [9, с. 42–43]. В связи с этим на повестку дня и вышел вопрос о множественности модернизмов, модернизации на базе мобилизационных рычагов собственной идентичности, модернизации без вестернизации, иначе говоря, национальной модели модернизации. В широко известной концепции Ш. Айзенштадта отрицается роль западной культурной программы как единственной репрезентации «современности»; среди множества локальных «модернизмов» Запад больше не рассматривается как универсальный образец развития [10].

Далее, у отечественных авторов А.Д. Богатурова и А.В. Виноградова мы находим очень продуктивное углубление критики классического «проекта модерна» в направлении объяснения конкретного состояния обществ в условиях глобализации. Весьма близко к зарубежным наработкам (теоретическим конструктам «глокализации» Р. Робертсона и «фрагментации» Дж. Розенау) они обращают внимание на конгломеративно-анклавный тип самоорганизации, позволяющий незападным обществам эффективно адаптироваться к постиндустриализму [11]. Конгломеративность представляет собой в известном смысле альтернативу линейно-прогрессивной системности, при которой всепроникающие связи между разнородными элементами формируют однородность системного целого (по логике диалектического отрицания отрицания). Напротив, в конгломеративных образованиях связи между элементами — опоясывающие, несквозные, благодаря чему конституируется не однородность, а взаимосохранность соположенных анклавов, не поглощающих друг друга, а развивающихся «равноположенно» во взаимовлиянии, одновременно создавая по внешнему периметру новое общее макросвойство. В этом заключается суть «системно-несистемного» типа организации конгломерата. Настоящая аналитическая схема оригинально эксплицирует сочетание противоположных тенденций при глобализации: модернистских инноваций и традиций, уни-

версалистских паттернов самоидентификации и партикуляристских идентификационных ориентиров. Более того, очевидна и её особая социально-практическая значимость. В её русле только те общества, которые формируют национальную идентичность на пути инкорпорирования заимствованных западных институтов и структур в свою собственную социокультурную матрицу, демонстрируют успешную приспособляемость к глобализации.

Исходя из вышеизложенного, можно представить основные результирующие влияния глобализации на национальную идентичность (в первую очередь незападных обществ, хотя до известной степени и западных, если учесть, что Запад внутренне неоднороден, и, предположим, проблема американизации затрагивает его в не меньшей мере, чем не-Запад):

- *Культурная гомогенность* как итог внешнего, некритического импорта западного опыта при размывании или разрушении национальной / этнокультурной специфики. Опасность огульной вестернизации показали ННГ на постсоветском пространстве, страны «новой Европы». Временами борьба идентичностей здесь приводит к грубому извращению / отказу от исторической и национально-цивилизационной самоидентификации во имя одной цели – вхождения в «цивилизованное, демократическое пространство» Запада. При этом существует и неправильное, безальтернативное понимание Запада (как только американского, раз США претендуют на статус гегемона), и копирование исключительно негативных западных реалий (глобальная массовая культура, релятивизм ценностей, культ успеха). Не говоря уже о том, что в автохтонных условиях реалии эти приобретают особенно дикие, антигуманные черты, сам факт их настойчивой «прививки» говорит, скорее, о глубоком комплексе неполноценности их проводников. К сожалению, этот сценарий не исключен и для России, кризис идентичности которой, среди всего прочего, был вызван системным сломом радикальными либералами-западниками тысячелетних историко-культурных скреп национального бытия (в их числе – специфическая духовность, соборность, православие, космизм).

- *Национально-культурная герметизация* – следствие сознательного сопротивления глобализационному выравниванию. Реализуется в многообразных формах национальной самозащиты, включая архаичную модель «осажденной крепости» (КНДР). Но более распространены, естественно, относительно более мягкие варианты заявок на альтернативную глобализацию, проводимую не сторонниками американской исключительности и Рах Америсана, а по-настоящему полицентричным объединением равноправных государств. Вместе с тем, потенциал антиамериканизма, видимо, не стоит преувеличивать. Реактивный антиамериканизм на наиболее вызывающие действия неолиберального капитализма не обладает достаточным политико-психологическим и информационно-пропагандистским багажом для того, чтобы играть серьезную роль. При кратковременных успехах он вновь уменьшается, проигрывая информационную войну. Чрезвычайно показателен тот факт, что свержение неугодного режима М. Каддафи в Ливии было обеспечено мировой информационной кампанией по дискредитации «варварского» правительства, и даже ярые поборники «невмешательства во внутренние дела» государств и критики теории «гуманитарной интервенции» РФ и Китай на этот раз заняли благожелательный нейтралитет. Это служит наглядным доказательством того, что антиамериканские коалиции если и возможны, то только ad hoc, а потому агрессивное противопоставление себя глобализационному локомотиву, по всей вероятности, обречено на провал. Если при этом учесть, что Каддафи выступал с независимыми проектами национально-цивилизационной идентичности, то отчасти становится понятной природа его «неугодности». Он подвергал острой критике западную империалистическую политику в Третьем мире, продвигал идею африканского единства, разочаровавшись в панарабизме. Выделялась и альтернативная модель государственного устройства «страны-изгоя» - основанная на «третьей мировой теории» (отличной от монархии и республики) Джамахирия – «государство масс» с прямым народовластием, причудливо сочетающая идеи ислама, панарабизма и анархизма. Эта форма государства, безусловно, не коррелировала с западной моделью либеральной представительной демократии. Сходным образом действовал левонационалистический лидер Венесуэлы У. Чавес. При всем популизме он методично продвигал «боливарианскую идентичность» в борьбе, как ему представлялось, с западным неокOLONIALИЗМОМ, так или иначе развивал элементы «демократии участия» (также с экстравагантными новшествами типа добавления к классической триаде государственной власти еще двух – электоральной и гражданской) и гуманистической, ориентированной на человека, экономики. Аналогично Иран готов защищать свое исламско-традиционалистское идентификационное ядро от поползновений профанной западной цивилизации, правда с

прагматической оговоркой о нужности и нормальности инновационных заимствований у Запада в области науки и технологий для национальной модернизации (это уже признак наиболее плодотворной *национально-культурной амальгамы*). В целом, данная результирующая подтверждает тезис о том, что, несмотря на повсеместный упадок традиций в современную эпоху, глобализация нередко порождает / возрождает, если воспользоваться терминологией М. Кастельса, «защитные идентичности» в подчас неоднозначных формах национализма, этнизма и фундаментализма [12, р. 155]. Действительно, с одной стороны сжатие пространства и времени при глобализации побуждает локальные сообщества к более глубокому осознанию собственной уникальности, непохожести на Других и соответственно последующему маркированию своих отличий. В то же время нельзя не признать, что непомерное раздувание проблемы этничностей, их прав и самоопределения – вполне сложившийся геополитический инструмент дробления, «перемалывания» больших пространств с целью их обессиливания. Управление мелкими, разобщенными, слабыми государствами менее затратно, чем геополитическое столкновение с сильными игроками. В подтверждение сказанного достаточно обратиться к этнополитическим конфликтам в Косово, Южной Осетии и Абхазии, где США и Россия, вполне в русле новой «холодной войны», защищали права «своих» этнических групп.

- *Национально-культурная амальгама* соответствует исследованной выше «множественной идентичности». Другие встречающиеся в научной литературе определения – много-составная, гибридная идентичность. Характеризуется, как уже указывалось, неконфликтным сочетанием современности и традиций, а также конкурентоспособной экономики и коллективных практик, модернизации и ценностно-рационального социального действия и др. На сегодняшний день представляется наиболее оптимальным ответом на вызовы глобализации в связи с тем, что осуществление модернизации в национально-культурной амальгаме проходит не разрушительно, а адаптивно: первоначальное западное обрамление для старта собственного проекта модернизации не переформирует, а, наоборот, переформируется незападным социокультурным кодом. К тому же, имеется немалое количество состоявшихся модернизаций по этому типу, главным образом в Восточной Азии (Япония, Китай, «азиатские тигры»). Так, иерархически-пирамидальная структура японского и китайского общества вкупе с высоким уровнем морально-трудовой культуры (фундированной синтоистской и конфуцианской религиозными традициями соответственно) обеспечивает эффективную адаптацию обоих обществ-цивилизаций к глобализации. Сингапур – пример авторитарной модернизации, рушащий типичную западную смысловую связку «модернизация – демократизация». Однако для запуска механизма формирования национально-культурной / цивилизационной амальгамы недостаточно простых операционных шагов. По-видимому, должен наличествовать комплекс эндогенных факторов, приводящих в движение этот механизм. Известно, например, что российский опыт долгого и трудного взаимодействия с западным модерном показывает скорее не положительный синтез, а крайние шатания то в сторону вестернизации, то национального своеобразия. В этом плане следует согласиться с О. Малиновой [13, с. 86–88], которая отмечает устойчивый биполярный дискурс о национальной самоидентификации России, структурированный такими соперничающими нарративами об идентичности, как либерально-прогрессистский и консервативно-традиционалистский. Ни одна из этих моделей, по её словам, в условиях «догоняющей модернизации» не могла стать доминирующей, и есть все основания скептически относиться к возможности трансформации бинарной структуры российской национальной идентичности в более гибкую модель, допускающую «множественную идентичность».

Теперь остановимся на метаморфозах национальной идентичности, наблюдаемых на Западе как родоначальнике идеологии модернизации и глобализационном локомотиве. Прежде всего, эрозия национально-государственного суверенитета в этом ареале как сверху (со стороны меж- и наднациональных органов управления международных организаций и интеграционных объединений), так и снизу (со стороны активизировавшихся негосударственных акторов – неправительственных организаций, ТНК, внутригосударственных регионов, всевозможных локальных групп интересов и этноконфессиональных меньшинств и диаспор) прослеживается в гораздо большей степени, чем в странах не-Запада. Нормой политического сознания становится «многоуровневое управление» с перемещением акцента с международного уровня на наднациональный и, самое главное, транснациональный уровни. Либерально-ориентированный аналитик Дж. Соренсен подчеркивает, что для Западной Европы и

Северной Америки, относимых им к привилегированной группе «постсовременных государств», коллективные идентичности более не связаны с социально-политической спаянностью и, следовательно, с силой государства; в этих странах идентичности более дифференцированы и изменчивы [14, р. 90]. Дифференциация означает рост влияния межгрупповых идентичностей микросообществ и ассоциаций глобального гражданского общества. Транснациональным отношениям свободных индивидов придается гипертрофированное значение новых признаков демократии.

Показательна в этом контексте позиция У. Бека, находящего альтернативу национально-государственному Первому модерну в «идеальном типе» транснациональных государств, политическое мышление которых впервые строится не на исчерпавшем себя, по его мнению, принципе демаркации и противопоставления наций, а по линии глобализация – локализация [15, с. 191–192]. Одновременно, не стоит, как предостерегает Ю. Хабермас, связывать конец национального государства с концом политической социализации вообще. Иначе финалом может стать гоббсовское «естественное состояние», когда «децентрированное мировое сообщество», распавшееся на «неупорядоченное множество самовоспроизводящихся и самоуправляемых функциональных систем», перестанет разговаривать на едином языке и разделять набор интересусубъективных значений. Сегментированные социальные системы окажутся в противостоянии друг другу, руководствуясь лишь логикой самосохранения [16, с. 225–226]. Но и предлагаемый самим Хабермасом проект «конституционного государства», предполагающий «снятие» национального государства в «всеевропейски интегрированной публичности» коммуникативного типа, опирающегося на «лабильные ассоциации гражданского общества» [17, с. 274–275], вряд ли отвечает коренным интересам личности и социума. Основной его недостаток – недостаточное прояснение того, каким именно образом центробежные спонтанные связи граждан согласуются с общественной солидарностью и политическим единством этого государства. Поэтому не удивительно, что универсалистские концепции и Бека, и Хабермаса выглядят для критиков столь утопичными. Ю.Д. Гранин отмечает, что в их основе лежит крайне сомнительная теоретическая посылка о примате вне-национальной политической самоидентификации людей в условиях глобализации (глобального гражданского общества) над исторической памятью, национально-культурными традициями, символами, служащими в реальности куда более сильными интеграторами, нежели чисто политико-правовые механизмы [18, с. 812].

Еще один аспект проблемы связан с изменением культурного облика западных обществ под влиянием инокультурной иммиграции. В 2000-х гг. это вызвало всплеск дискуссий о мультикультурализме. Взгляды на него были нередко диаметрально противоположными. Приверженцы красноречиво преподносили культурную мозаику как реальное взаимообогащение, взаимообучение и диалог культур. Другие заняли объективистскую позицию, будучи более сдержанными в оценках. «Прежде взаимоисключающие приверженности человека как гражданина политико-государственного сообщества и члена этнокультурной или этноконфессиональной группы страны его происхождения (пакистанец – британец, индеец-сикх – ирландец, даже турок – немец...) сплавляются в понятие “мультикультурного гражданства”» [19, с. 42]. Оппоненты указывали, что либерально-толерантное отношение государства к иммигрантским культурным группам переносит акцент с индивида на культурную общность, каждая из которых имеет равные права и равные возможности, что на деле умаляет национально-государственные интересы в пользу «политкорректности» в отношении инородной культурной общности. Более того, если говорить, допустим, о подчеркивании мусульманами своей этнокультурной особенности в чужом окружении, то оно в Европе приняло отчетливо демонстративный характер. Следствием мультикультурной политики явились тревожные признаки социальной дезинтеграции, выражающиеся в этнической поляризации коренного и пришлого населения, а также настораживающая геттоизация групп меньшинств.

2) Постмодернистская модель. Обозначая кризис западной культуры на исходе XX в., эта модель не только элиминировала все формы коллективной (и, стало быть, национальной включительно) идентичности, но и поставила под вопрос идентичность человека. Национальная общность трансформируется в «молчаливое большинство» (Ж. Бодрийяр); человек, вращающийся в мире гиперреальности и симулякров, сам становится симулякром, а значит и лишается сущности и самотождественности. Другой, необходимый для соотношения с ним персональной либо коллективной идентичности, также превращается в симулякр. Отсюда предельно децентрированная и ризоморфная картина мира, предложенная постмо-

дернистами. В ней «номадическое мышление» (в терминологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари) освобождается от любой идентичности, разрушая структуру, организм и порядок. На смену субъекту, наделенному самосознанием, приходит «кочевник», «тело без органов», вариативно самоконфигурирующиеся в свободных знаковых играх. Изучение идентичности в контексте такой парадигмы, как видно, теряет всякий смысл, потому что ей просто отказывается в существовании. Тем не менее, мощнейшее распространение глобальных информационно-коммуникационных сетей при глобализации очень часто трактуется именно в постмодернистском ключе, разрушающем рационалистический оптимизм модернистских теорий.

Ж. Липовецки в работе с характерным названием «Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме» [20] описывает глобализацию под углом постмодернистского равнодушия, так называемого «cool» человека – «нарцисса, поработанного самим собой и оказавшегося в своей стеклянной капсуле». И здесь мы вновь возвращаемся к краеугольному камню постмодернизма – логике различий, разнообразия, персонализации. Дело в том, что, с точки зрения Липовецки, стимулируя внешнее разнообразие, «постмодернистская пустыня» стирает фундаментальные различия на уровне метафизических оппозиций «истина» и «ложь», «действительность» и «иллюзия», «смысл» и «абсурд» [21, с. 63]. Девальвация ценностей модерна (прогресса, космополитизма и т.п.) привела к расцвету тотальной персонализации, обуславливающей смешение всего и вся. В этом свете разобранный нами в фокусе модернистской модели гибридизация национальной идентичности как сочетание разнородных, иногда взаимоисключающих элементов не является позитивным и оптимальным сценарием. Она может выражать просто рассеянное по поверхности ризомы, любопытно-обольщенное, равнодушное внимание самопоглощенного нарцисса. «Безразличие в чистом виде, - пишет Липовецки, - означает апофеоз временного и индивидуалистического синкретизма. Таким образом, можно быть одновременно космополитом и регионалистом, рационалистом в своей работе и в то же время учеником то одного, то другого восточного гуру, жить в эпоху вседозволенности и в то же время почитать религиозные законы (на выбор). Постмодернистский индивид утратил опору, он как бы “вездесущ”» [22, с. 67]. Стремление к бесчисленным самовыражениям представителей гражданского общества поверх своих национально-культурных маркеров (состояние транснациональности) с точки зрения постмодернизма умножает анонимность и пустоту: «...первичность акта связи относительно характера сообщения, безразличное отношение к его содержанию, «игровое» поглощение смысла; сообщение, не имеющее ни цели, ни слушателей; автор сообщения, ставший его же главным слушателем» [23, с. 31].

Деструктивную тенденцию потери идентичности в чрезмерной персонализации, всеохватывающем доминировании частного над общественным подчеркивают многие философы. Согласно З. Бауману, потеря национально-государственным суверенитетом (структурирующим коллективную идентичность) монополии принуждения (признака современной рациональности) не ведет, как полагают хулители наделенного властью государства, к автоматическому уменьшению насилия, а только меняют его характер – с уровня государства оно спускается на неоплеменной уровень [24, с. 207]. Действительно, безопасность и уверенность, дававшиеся человеку идентификационной принадлежностью к национальному сообществу, выхолащиваются безличной формулой «ты сам хозяин своей судьбы», что усиливает напряженную конкуренцию разобщенных «кочевников», лишая их коллективных мобилизационных рычагов для артикуляции и отстаивания своих интересов. Отсюда вытекает то следствие, что невротические атомы-одиночки, распыленные в многочисленных ростках ризомы, вынуждены полагаться только на себя и имплицитно относиться к другим как «враждебному окружению». А на первый взгляд индивидуализирующие различия вырождаются на самом деле в унифицирующую всех стратегию потребления. Фундаментом негативной свободы человека-атома представляется, благодаря этому, потребительский выбор. Тот же Бауман констатирует: «Массово производимые средства – инструменты индивидуального разнообразия. Идентичность – «уникальная» и «индивидуальная» – может быть выявлена лишь на веществе, которое все покупают и могут получить только посредством покупки. Вы получаете независимость, сдаваясь» [25, с. 92–93].

В сущности, постмодернистская модель устраняет классический образ общества как структурированной иерархичной системы. Ситуативная идентичность детерминирована пребыванием в тех или иных сетевых потоках. Такая апокалипсическая концептуализация глобализационной динамики встречает естественное сопротивление со стороны классического

онтологизма. Вдохновленный религиозно-философскими поисками русских мыслителей (Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева), современный российский исследователь С.В. Картунов залогом прорывного, опережающего и необходимо альтернативного развития России в XXI в. считает национальную идею, духовную сверхзадачу, заключающуюся в создании интеркультуры [26, с. 549]. Несмотря на мифологический мессианизм православного универсализма (заслуживающий отдельного изучения в свете его потенциала для современной России), важен сам монистический подход к национальной идентичности, обладающий, как нам думается, непреходящей ценностью. В национальной идентичности духовно-смысловым стержнем полагается миссия народа, которая есть «содержание, стержень, душа народа», «цель, национальная идея, выходящая в трансцендентное» [19, с. 547].

Таким образом, наше исследование предложило двухмодельный концептуальный аппарат для изучения формирования и метаморфоз национальной идентичности в эпоху глобализации. Результаты описания и объяснения национально-идентификационных изменений в каждой модели – модернистской и постмодернистской – выступают как базовые теоретико-методологические схемы, требующие дальнейшего проведения эмпирических и теоретических исследований, что позволит более детально проанализировать особенные трансформации национальной идентичности в современном глобализованном мире.

Библиографические ссылки

1. Орлова Э. А. Концепции идентичности / идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории. 2010. Том IV. С. 87–111.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Гаджиев К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400&Itemid=52 (дата обращения: 20.04.2013).
4. Там же.
5. Судьба государства в эпоху глобализации / отв. ред. В. Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2005. 200 с.
6. Бек У. Что такое глобализация? / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
7. Полякова Н. В. XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004. 384 с.
8. Астафьева О. Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Том IV. С. 255–281.
9. Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / отв. ред. В. Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 2002. 208 с.
10. Multiple Modernities / S. N. Eisenstadt, ed. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2002. 267 p.
11. Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транс-системной теории // Восток-Запад-Россия. Сборник статей. К 70-летию академика Н.А. Симонии. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 109–128.
12. El-Ojeili C., Hayden P. Critical Theories of Globalization. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006.
13. Формирование образа России в современном мире: социокультурные механизмы // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 12. С. 81–91.
14. Globalization, Security, and the Nation State: Paradigms in Transition / Edited. by E. Aydinli and J. N. Rosenau. Albany: State University of New York Press, 2005. 282 p.
15. Бек У. Что такое глобализация?
16. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю.С. Медведева под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2001. 417 с.
17. Там же.
18. Гранин Ю. Д. Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космо-политическим» // Вестник РАН. 2012. Том 82, № 9. С. 807–813.

19. Семененко И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. 2010. № 3. С. 40–59.
20. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / пер. с франц. В.В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
25. Там же.
26. Кртунов С. В. Национальная идентичность: Постижение смысла. М.: Аспект Пресс, 2009. 589 с.

В. Ю. ИНГОВАТОВ

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В МЕТАИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Тема исторического как бытия человеческой культуры во времени имеет ключевое значение для определения духовно-метафизических основ процесса глобализации. Истолкование времени ведет к принятию протяженности бытия как перетекания прошлого в настоящее, а настоящего в будущее, но не в качестве неопределимой бесконечности, а через утверждение смысла самого времени. Познание тайны времени как некоего прерывания бытия, как завершения того, что определяется в качестве существования мира, есть подлинная цель любого историсофского анализа. Вместе с тем, проблема соотношения времени и вечности может и должна быть разрешена. Это станет возможным, если мы будем рассматривать время не как антагонизм вечности, а как нечто внедренное в вечность и высвечивающее её смысл. Поэтому и толкование времени может иметь положительное значение только тогда, когда оно способно выражать через конечность бытия грани того, что мы называем вечностью.

Коренная проблема здесь сводится к констатации, что глобализация в том виде как она реализуется в исторической практике современности, обнаруживает внутреннюю конфликтность существования самого человека. Это проявляется, в частности, в мировоззренческих приоритетах, так или иначе истолковывающих бытие исторического. Сама же проблема также неизбежно формулируется в форме антитезы: нужно ли человека в истории понимать исходя из мира (космоса) или мир (космос) следует понимать исходя из самого человека. Весьма важно осознавать, что возможность того или иного разрешения поставленной проблемы дает нам и вполне определенное толкование смысла человеческого существования. В сущности, спор здесь идет о том, следует ли искать раскрытие этого смысла через гармонию безличного космического бытия или его следует утверждать самому человеку в своих исторических деяниях. Соответствующим образом и история может представлять как история феноменального мира (космоса) или как история развертывания человеческой реальности. Ведь, действительно, свою «историю» имеет космос и природа. Мы даже можем экстраполировать на существование звезд или природных явлений наши земные представления о времени, его направленности и продолжительности. Но всегда будет оставаться открытым вопрос о *смысле* такой истории. Ибо, если признать бытие мира (космоса) естественным и самоценным и, поэтому, лишенным какой либо эсхатологической перспективы, то возникновение истории человечества, истории его культуры как «искусственной природы» или «искусственного мира» есть ничтожнейший акт мировой драмы. И, напротив, ожидание будущего бытия, рождённое в эсхатологическом сознании человечества, только и способно конструировать цель и смысл исторического движения. Существование мира, космоса, природы в таком сознании, действительно, становится историческим, поскольку выступает как *подготовительная* часть истории человечества. История, стало быть, и есть *разгадывание, высвечивание* тайны самого человека, тайны его свободы и предназначения в мире. Ибо то,

что возникло во времени как акт свободного выбора личности, имеет не только *начало*, но и *смысл*, а, значит, и будет иметь свое телеологическое развёртывание в вечности.

К сказанному уместно добавить, что очередной этап глобализации, начавший свой отсчёт во времени в конце минувшего столетия вполне укладывается в эту общую историософскую схему.

Зададимся ещё одним немаловажным вопросом: почему вообще существует наше понятие об истории? Очевидно, что для ответа на него мы должны будем обратиться не только к проблеме адекватного отражения исторического в мыслительных конструкциях исследователей. Здесь также возникает и иная тема – принципиальной незавершенности истории как суммы уже свершившихся фактов бытия. Историю, очевидно, невозможно осмыслить, исходя из её собственного «наличного» бытия. В своём познании исторического мы сталкиваемся с идеей относительности всего, что существует во времени. Однако подлинное познание истории есть поиск вечного в бытии. Можно сказать, что всё в истории подчинено конечному, но существует как проявление бесконечного. «Омертвление» цельного ощущения истории есть объективный момент рационального понимания исторического. Проблема состоит в том, что в таком понимании обнаруживается не просто наше «школьное», в терминологии И. Канта, знание истории, а его профанное декларирование. Текст конкретно-исторического бытия, оказывается, нельзя «прочитать» и правильно понять вне общего смыслового контекста исторической перспективы, например, в нашем случае это касается смыслов процесса глобализации. В незавершенности истории и скрыт её смысл, поскольку каждый новый исторический субъект движения бытия во времени выступает как его со-творец. Такая логика понимания текста истории сознательно выстраивается, опираясь на идею проникновения трансцендентного начала в человеческое бытие, и восходит к общим принципам христианской историософии. Однако незавершенность истории не тождественна её бесконечности, хотя и обнаруживает с ней свою связь. Можно сказать, что через трансцендентное начало историческое бытие получает телеологическую полноту, а время соприкасается с вечностью. Но точно также как глобализация не является и прологом идеи «конца истории» (Ф. Фукуяма).

Однако на самом деле философия не может стремиться также и к одному лишь эпистемологическому «схватыванию» цели земного бытия человека. В гораздо большей степени задача его познавательных усилий состоит в духовно-метафизическом прояснении судьбы своего времени. Иначе говоря, разрешение проблемы исторического заключено не столько в гносеологическом, сколько в онтологическом понимании бытия мира и присутствии в нем человека. Именно через последнее и осуществляется в наибольшей полноте вскрытие тайны истории как фиксации, «схватывания» единства ноуменального и феноменального в бытии глобализирующего человека.

Но и в самом историческом знании часто возникают темы вторичные, заслоняющие собой живое полотно трансцендентного проникновения в имманентность истории. Тогда как при более глубоком всматривании в историю можно обнаружить, что её главной темой является мессианизм. Он может принимать различные образы, творить новые формы бытия или консервировать уже отжившие и хранящиеся только в народной памяти. Мессианизм может быть истинным и ложным, может активизировать народные силы и может быть соблазном для «расслабленного» принятия своей исторической доли. Эллинский мир не знал мессианского вдохновения, его призвание в истории было иным. Одним из первых известных ответов на ожидание будущего мессианского торжества был юдаистический мир. Родственные ему мотивы можно обнаружить лишь в персидских верованиях, воплощенных в текстах Авесты. Однако персидская апокалиптика не знала Мессии как спасителя мира. Столкновение эллинского и юдаистического миров было подготовительным этапом в становлении христианского универсализма. Как и в Древнем Израиле, здесь ведущей формулой мессианизма является вера в избавление от страданий в земном бытии. Н.А. Бердяев совершенно справедливо утверждает, что рождение мессианизма в религиозном сознании было ответом на проблему теодицеи. Мессианская надежда рождается из ожидания избавления человека и народа от тягот и страдания мира земного [1, с. 23–24]. Как же примирить совершенство и благодать Творца с несправедливостью и тяготами существования его возлюбленной твари? – вот главный вопрос любого варианта теодицеи. Заметим также, что если народ выдерживает то историческое испытание, которое выпадает на его долю, если страдания и удары судьбы не деморализуют его дух и волю, то он

выходит в дальнейшем на арену исторического бытия обладателем огромного творческого потенциала. Нет пути, по которому можно было пойти в «обход» истории, попытаться избежать выполнения возложенной задачи и не исчезнуть во времени – единственной дорогой может быть лишь сама история, в творении которой мы Провидением призваны участвовать. Опыт показывает, что так нередко открывается *новый горизонт* исторической судьбы народа.

В христианском учении о историческом времени существует известная теоретическая позиция, согласно которой философия истории есть путь к построению метаистории. В целом она вполне верно указывает общую канву толкования смысла движения народов мира в пространстве земного бытия [2, с. 190–191]. Однако нам представляется весьма важным обратить здесь внимание на две крайности, могущие в равной степени привести к ложному пониманию назначения любого народа в его историческом существовании. Речь идет как о представлении, обосновывающим возможность «растворения» в истории *личности* (индивидуума или целого народа) в так называемой общечеловеческой (или глобальной) истории, так и о противопоставлении его собственной исторической судьбы – судьбам иных индивидуумов, народов и культур. Уже само предположение о том, что история личностного бытия есть также и история всего человечества, содержит внутреннюю двойственность: человечество неопределимо без дифференциации на некие локальные культурные общности, равно как и выявление подлинного содержания последних возможно лишь через их инаковость, что затруднительно осуществить без противопоставления иным культурам. Вместе с тем, в противовес мнению О. Шпенглера об абсолютном делении культур на изолированные и параллельно существующие общности следует указать на лежащую в их основе целостность [3, с. 187–188]. Ибо в оппозиции существованию «вечно чуждого» друг другу культурного кода находится не только возможность их взаимного отрицания, но и реальность взаимопонимания и заимствования. В сущности, всё, о чем люди думают, надеются, мечтают и создают в мире отражает, в конечном счете, одно и то же – их историческую судьбу. Это делает весьма проблематичным финальную фиксацию во времени общечеловеческой истории, но, вместе с тем, и открывает возможность для каждого народа внести свой вклад в развитии общечеловеческой (глобальной) цивилизации.

Метаистория и есть фиксация нашего знания о самих себе хотя и не только через собственную национальную историю, но и через историю всего мира. Вообще единство истории возможно как развитие способности культур и народов, индивидуумов понимать, «всматриваться» друг друга, видя за относительными формами бытия начало абсолютного. Кроме того, проблема понимания неявно обнаруживает себя и в том, что история *должна* быть преодолена и, следовательно, каждая историческая личность являет собой в этом направлении меру творческой активности. Ведь сам феномен существования исторического связан с разломом бытия, с утратой его первоизданной целостности. Такой разлом совершился вследствие отпадения человека от абсолютного. И то, что уже совершено в сфере преодоления истории как состоявшегося бытия единичных субъектов, освещает их путь к метаисторическому единству. Поскольку же вклад каждой личности в историю мира своеобразен и неповторим, возникает проблема понимания смысла его конкретных креативных усилий. Но за спором о степени «величия» народов в истории также возникает тема присутствия во времени нечто такого, что есть не просто больше чем временность, но и его онтологическая основа, и неразгаданная тайна. Метаистория есть, таким образом, перспектива для самой истории. «Вознесение над историей» (К. Ясперс), впрочем, само может стать заблуждением, если мы всё же попытаемся выйти за пределы уже состоявшейся истории [4, с. 280].

Мы говорили, что история существует только там, где есть *время*. Но история настоящего бытия конкретного народа есть лишь *отражение* вечности во времени. Ибо во времени обнаруживает себя тот экзистенциальный центр бытия, в котором проявляется смысл и тайна истории. Вообще экзистенциальное начало имплицитно присутствует в переживании истории как формы самосознания народа. Через это начало раскрывается и диалектика индивидуального и универсального во времени. Народ, обладающий своей собственной динамикой бытия и собственной судьбой, разворачивает себя в истории через драму рождения, расцвета и неизбежного угасания. Однако такая драма не есть переход чьей-то индивидуальной судьбы в некую универсальную сумму бытия человечества, а есть раскрытие индивидуально-конкретной судьбы в универсальном существовании всего мира.

Так, например, и судьба России есть, прежде всего, живая, конкретная судьба *моего народа*, в которой прояснение метафизического смысла присутствия во времени возможно через проникновение в тайну метаистории всего человечества. Однако попытка вскрытия смысла исторического самым поразительным образом высвечивает причастность времени к онтологическим основам существования народа. Можно сказать, что познавая тайну собственной исторической судьбы, мы здесь обращаемся к ноуменальному откровению о самом человеке. Уединяясь в своей истории и противопоставляя её истории остального человечества, мы вольно или невольно стремимся к отрицанию этого откровения. Но смысл истории заключен не в одном только феноменологическом материале, даже если он вполне наглядно свидетельствует об истории моего народа, а в одухотворении движения человечества к ноуменальным формам жизни. Поэтому подлинная задача философии истории состоит в установлении того живого тождества между судьбой конкретного народа и судьбой всего человечества, которое и есть конечная цель нашего существования во времени.

Одно из самых любопытных открытий метаисторического взгляда на бытие каждой конкретной личности во времени состоит в установлении ритмов исторического движения. Здесь подъемы и восхождения всегда сменяются спусками и даже падениями. Важно уметь воспринимать за их чередой *подлинный* горизонт бытия, которым ограничено наше современное номотетическое знание об истории, но посредством которого наше настоящее соприкасается и с вечностью. Метаисторическое знание и есть знание о смысле времени, самым тесным образом связанное с историософскими интуициями. Известное высказывание, будто история не терпит сослагательного наклонения здесь совершенно неуместно. Напротив, историософское знание только и возможно как знание о том, что *должно* было состояться во времени и что является его подлинной целью. Ритмы истории не отменяют этого состояния *должного* в бытии человека и общества. Метаистория возвращает нас к тому, что предзадано и выступает как подлинное цивилизационное призвание. Возможные отклонения от заданного вектора развития также есть конкретное содержание истории, есть её драматическая ткань, и они могут придавать ей колоссальное внутреннее напряжение. Однако и самые мрачные Смутные времена вписаны в контекст исторической судьбы народа и также являются выражением смысла его присутствия во времени. В такие эпохи в совершенно ином виде начинает представлять перед народом его опыт национально-государственного строительства, культурного развития, духовной традиции.

Проблема цели и направленности глобального исторического движения человечества имеет ещё одну важную грань в истолковании смысла бытия как отдельного индивида, так и всего общества в целом. Тема истории, очевидно, вообще не может быть правильно осмыслена вне темы духовной жизни человека, вне его преображения и искупления. В истории обнаруживает себя действие духа как реальности, необъяснимой с позиций мира земного. Но, будучи реальностью неотмирной, дух не отрицает земное бытие, а наполняет его подлинным смыслом. Можно сказать, что дух есть проникновение ноуменального бытия в бытие феноменальное. Духовность надо понимать не только как выход человека из мира повседневного, не только как трансцендентирование за пределы своего земного бытия, но и как наполнение самого мира подлинной целью и смыслом существования.

В этой связи полагаем, что одним из ключевых моментов актуальности этой проблемы для современного социально-философского знания является угроза производства глобального человека. Определить специфику его ценностного мира можно как тотальное состояние миграции – своеобразного духовного и физического фланирования в пределах государств так называемого «золотого миллиарда». Такой человек есть «глобальный отщепенец» (А.С. Панарин), освобожденный от чувства причастности к подлинному бытию [5, с. 79]. Однако реальной альтернативой западному глобализму не может быть и его негативный контур – европейский антиглобализм, не несущий в себе никакого креативно-положительного заряда. Альтернативой может быть *совестливый глобализм*, объединяющий человечество не посредством культивирования материальных соблазнов, но на основе общих духовных приоритетов, выработанных в тысячелетней истории человеческой цивилизации.

Однако такой взгляд предлагает иное толкование времени. Его центральный мотив неразрывно связан с темой судьбы. Есть небесный пролог земного бытия, и именно он открывает мировую историю. Согласно библейской традиции, источник земного времени

находится совсем не на земле. Он скрыт в потенции человеческого духа, в свободном выборе личности. Без возможности такого выбора не было бы и нашей судьбы как уникального, неповторимого духовного развития. Подлинное, настоящее бытие может мыслиться, с христианской точки зрения, как бытие с Богом, поэтому каждый человек должен быть устремлен к своему творцу как онтологическому центру. Развивая разработанную Августином традицию персоналистического погружения человека в метафизику времени, нельзя не обратить внимание на тот факт, что такая позиция выступает как преодоление греческого взгляда на историю [6, с. 178]. Если присмотреться к системе исторического мышления Геродота или Фукидида, то мы обнаружим не только «бессубъектную» позицию в толковании истории, но и позицию, не знающую экзистенциального трагизма исторического творчества, воплощаемого в судьбе отдельной личности, целого народа и всего мира. Такому космоцентрическому толкованию истории, как циклическому быванию мира во времени, объективно противостоит антропологический взгляд на мир, в котором и осуществляется онтологическое наполнение истории темпоральным смыслом. Именно здесь мы находим и наивысшее духовное напряжение в столкновении между языческим и христианским взглядами на историю, характерное для поздней античности, также столкнувшейся с проблемой осмысления процессов глобализации, характерных для той эпохи [7, с. 28].

Но каким же образом мы всё же могли бы «схватить» в философском дискурсе о времени и глобализирующем мире проблему их подлинного смысла? В чём должны состоять исходные наши методологические посылки, позволяющие непротиворечиво решить проблему конечности исторического бытия? Прежде всего, важно отметить, что миг перехода прошлого в будущее всякое рациональное фиксирование истории лишь склонно наделять статусом бытия, видя в нем возможность укрытия, «метафизического бегства» от неопределенности времени. Прошлое в таком представлении о времени не есть подлинное время, а является только его подготовительным этапом для настоящего и будущего.

Осмысление этого вопроса ведет нас к тому, что любой из предложенных ответов не может оказаться исчерпывающим и однозначным. Но данная констатация указывает также на противоречие, отражающее экзистенциальную глубину человеческого бытия, ибо *не только* человек творит время и *не одно лишь* время создает человека, равно как и человек участвует в определении «пространства» времени, и время вызывает к жизни существование конкретного человеческого типа. Историю, как оказывается, вообще нельзя сводить к упрощенному отождествлению с прошлым, ибо наступающее осуществление будущего всегда заново открывает метафизический горизонт продумывания цели и смысла свершившихся когда-то событий.

Философское проникновение в смысл истории, таким образом, неразрывно связано с эсхатологическим представлением о начале, движении и завершении истории во времени, т.е. о *конце самого времени*. Вообще, следует сказать, что тема философии истории есть очень *русская тема*. В постижении тайны исторического процесса, его смысла и направленности мы искали разрешения всех «последних и проклятых» вопросов жизни. Истинно-сущее в истории обнаруживается как свободная и творческая реализация человеком провиденциального плана бытия. Человек есть не только объект исторического процесса, но и его субъект. История обретает смысл лишь в раскрытии тайны самого человека.

Столкновение «небесного» (идеального) и «мирского» (материального) в самосознании народа предстает как проявление высших, предельных противоборств в его духовном выборе и именно этот выбор бывает определяющим в последующей судьбе. Такое столкновение обнаруживает трагедийный характер онтологического дуализма в бытии исторического и, как мы уже отмечали, оно также является отражением кардинального различия между Богом и тварным миром, пребывающим в истории.

Здесь нам представляется уместным поставить вопрос: в чем состоят причины упрощенного и выхолощенного понимания роли и предназначения человека в духовно-историческом бытии? Нам представляется, что это во многом связано с метафизически ошибочным восприятием самого феномена исторического. Скажем так: сущность исторического как бытия человека и общества, как тайны и смысла присутствия в мире и отдельного человека, и всего человечества в целом, трансформировалась в современном секулярном сознании в упрощенный историзм. Рациональное конструирование истории всё

явственнее стало заменять нам подлинное и живое переживание своей собственной причастности к историческому процессу. Истоки этой трансформации надо искать в тех радикальных аксиологических и духовных сдвигах, которые произошли в национально-духовном самосознании в последние три с половиной столетия. И хотя процесс обмирщения значительно в более слабой форме коснулся России, чем Запада, он всё же способствовал, пусть даже и частичному, замещению историософского переживания бытия рационализированным историзмом как лаицизированной формой восприятия существования мира и человека во времени. По мере того как усиливался этот процесс, наблюдалось и укоренение либеральной идеи в самосознании русского общества и, прежде всего, её интеллигенции.

Стоит отметить, что разрыв с провиденциальным планом становления исторического бытия имел трагические последствия для новоевропейской философии истории. В раскрытии смысла феноменального присутствия в мире мы излишне увлеклись конструированием научно-методологической базы исторического исследования. Поиск законов истории был провозглашен высшей научной целью. Начиная с Д. Вико, Б. Спинозы, М. Кондорсе, Ж.-Ж. Руссо, О. Конта, Г.В.Ф. Гегеля европейская мысль искала подтверждения концепции детерминированного характера существования человечества.

Однако и с помощью новейших достижений научного знания невозможно представить себе полную картину тех причинно-следственных связей, которые приводят к необходимости наступления какого-то конкретного события в истории. Ибо сама история всегда содержит в себе момент неожиданности. Никакие точные науки не могут заменить понятием причинности понятие судьбы. Судьба есть некий принцип мироздания, который непостижим посредством человеческого разума. В ней заключена тайна всего жизненного потока, несущего человека в неизведанное. Сциентистски ориентированная историческая наука ограничена обнаружением необходимости. Тогда как в дуализме свободы и необходимости заключен корень всякой судьбы. Разумеется, мы должны вполне ясно отдавать себе отчет, что в разных культурах имплицитно содержатся смыслы, наделяющие рок, фатум, судьбу уникальными характеристиками. Греки, например, готовы были охотно подчиняться как богам, воплощающим в своем могуществе неотвратимость космического закона, так и земной судьбе, даже если последняя представала в образах тотального нравственного безобразия. Для христианства с его ощущением греховности мира, а также жадой спасения и искупления свойственно совсем иное отношение к судьбе. Здесь жизненные испытания и даже тяжелейшие страдания воспринимаются как проявления любви Божьей. Страдания вообще есть форма бытия. Его носители допущены в скорби своей до славы Творца, ибо на всё есть воля Его. Страдание народа в таком контексте толкования судьбы воспринимаются в христианстве как восхождение к истинной славе истории, поскольку тот, кто отвергает скорбь, не приносит покаяние. А без покаяния нет и не может быть пути к достижению истинного духовного совершенства. Так разрывается необходимость истории, преодолевается механистически-линейное обоснование её движения.

История наполняется подлинным смыслом отнюдь не в рациональном реконструировании прошлого, равно как и сама она существует не только в качестве некой суммы уже свершившихся событий и фактов бытия, ставших затем в сознании человека *историческими*. Прежде всего, история есть то, что ещё *должно* и *может* свершиться в жизни человечества. Смысл истории не столько в её прошлом, сколько в её будущем. Он самым тесным образом увязан с проблемой участия человека в творении исторического процесса и меры управления им. Наибольшая трудность в познании смысла исторического связана с констатацией простого и очевидного факта: пока мы находимся в состоянии присутствия, мы обращаемся «внутри» истории и, следовательно, не имеем объективного знания о том, какой из возможных вариантов развития будущего реализует себя в действительном времени. Хотя именно *непрояснённость* будущего порождает саму возможность его помысливания. Однако такое помысливание требует не только серьезной и профессиональной философской подготовки, но и духовной зоркости.

Но всё же в истории возможно пророчество. Более того, именно пророчество является *подлинной* задачей истории как науки. Иначе говоря, тайна прошлого неразрывно связана с нашим будущим бытием. И в самом деле, социолог видит в истории факты, которые необходимо «встроить» в дискурсивное понимание истории. Его интересует объяснение исторического, позволяющее выявлять законы развития общества. Историк видит в истории факты,

которые требуют хронологической фиксации и объяснения. Его также интересуют законы смены исторических эпох. Есть, конечно, и третий вариант, видящий в истории чистую игру случая, не поддающуюся какому бы то ни было предвидению. Здесь важно отметить то, что предсказать единичные события дня завтрашнего во всей его полноте, разумеется, нельзя. Но предвидеть типические очертания грядущей эпохи не только можно, но и необходимо для всякого исследователя исторического процесса. Именно этот методологический нюанс, много проявляющийся в подобной историософии, заставил Х. Ортегу-и-Гассета прямо предложить считать «историю научной в амбивалентной зависимости» от того, насколько она сама допускает возможность пророчества как особой формы исторического знания [8, с. 9]. С этой точки зрения, очевидно, что бытие будущего глобального мира заложено в нас самих, оно порождается нами настолько, насколько мы готовы утверждать в нем собственные чаяния и представления о должном. Здесь также надо видеть необходимость реализации воли к воплощению того, что является существенным для нас самих в нашем историческом существовании.

Библиографические ссылки

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1900. 175 с.
2. Зеньковский В.В. Основы христианской философии. М.: Канон+, 1997. 548 с.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М. Мысль, 1993. 663 с.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
5. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.
6. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
7. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. 408 с.

А. Г. ИНГОВАТОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова г. Барнаул

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Культура как социально-исторический феномен, и сложнейшее системно-организованное образование – извечный субъект диалогических отношений и постоянный участник коммуникативных процессов. Богатейшее поле мировой культуры, ее многообразие представлено ликами и образами этнических и национальных культур, из которых даже самая незначительная по масштабам культура вступает в диалог и с равнопорядковыми, и с превосходящими в развитии другими, иными культурами и цивилизациями. Чего уж говорить о таких крупных социокультурных образованиях, каковыми до «конца истории» (Ф. Фукуяма) были система социалистически ориентированных государств и противостоящая ей естественно более индивидуализированная конгломерация капиталистических стран. В двадцатом веке сложилась уникальная ситуация: способы существования двух социальных систем, исходя из привычного культурфилософского понимания дихотомии культура-цивилизация (О. Шпенглер, Н.А. Бердяев), могли быть одинаково охарактеризованы как общества, в которых культурное начало вытесняется технико-технологическим настроем цивилизации. Материально-индустриальное начало довлело над традиционно-патриархальными формами жизни. А сами духовные традиции в России, как известно, надолго оказались под прессом моноидеологического строя. Однако действительно: «большое видится на расстоянии». Сегодня, спустя почти 30 лет, становится понятным насколько, несмотря на специфику исторической объективации идей марксизма, на акцент в развитии материальных основ в жизни общества, сам по себе социалистический проект в своей идейной направленности, определенных масштабах ее воплощения, по сравнению с ценностями и строем жизни политического вави (назовем его условно Западом), все же являлся воплощением живой культурной поло-

жительной энергии. Именно об этом в самом конце своей жизни писал А.А. Зиновьев. Он был по большому счету – цивилизационным проектом, где создавались неведомые истории доселе, такие условия общественной жизни которые стали основой для дальнейшего становления и развития личностных начал человека, причем в широких массовых масштабах. Гуманистический характер направленности социальных перемен в российском обществе трудно подвергать сомнениям, особенно на фоне происходящей сегодня дегуманизации и массовой духовной деградации в постсоветском обществе. Проект СССР был своеобразным фактически последним выплеском идеи культуры, вопреки неизбежному наступлению псевдоцивилизационных форм общества тотального потребления. В этом смысле «конец истории» может быть переосмыслен как конец созидания ценностей жизни, значимых не только для утверждения и развития человеческой сущности, но и, увы (!)– для ее сохранения. Сама историческая логика развития Запада, выбор жизненных приоритетов приводит к вечной «войне всех против всех» (Т. Гоббс), не к культивированию сотруднических диалогических отношений, а к утверждению монологизма и интолерантности в отношении к незападному миру, который изначально воспринимается не как самостоятельный, самобытный и, конечно, иной культурный мир, а как «материал» для цивилизационного воздействия и подчинения интересам цивилизованного человечества.

Несмотря на то, что провал советского проекта был запрограммирован изнутри, идейные основания бывшей советской культуры и образа жизни людей в той, кажущейся теперь такой далекой социальной среде, особенно в сегодняшних условиях, не могут не вызывать уважения. Если Запад Нового Времени и постновой эпохи оставался верен принципу верховенства денег, то советский проект в идеале был довольно убедительным примером гуманистической альтернативы сугубо прагматическому и утилитаристскому пониманию человеческих возможностей и способностей. Нельзя отрицать, что в длящемся более 70 лет в XX в. своеобразном «диалоге-столкновении» происходило и взаимное стимулирование систем в поиске ими новых жизненных форм, в итоге – шло развитие и движение вперед, к более совершенному. Запад учился у СССР с его плановой экономикой стратегиям планирования, перенимал опыт в системе обеспечения социальных гарантий, социальным программам, а мы до сих пор изучаем технологии успешного менеджмента, учимся предприимчивости, деловому прагматизму и этике деловых отношений в самых различных сферах деятельности, маркетингу, франчайзингу, копирайтингу...Как выяснилось из последних после матчевых интервью: победившая российскую команду хоккеистов США в 2013 г., по признанию тренера училась у российских хоккеистов коллективной игре и поднятию духа команды. Американские специалисты, подобно нашим тренерам начали создавать галереи славы клубов, приглашать на матчи ветеранов, чтобы спортсмены чувствовали себя единым целым, а не надеялись исключительно на индивидуальное мастерство и успех. Это детали, но весьма красноречивые. Жизненные проявления диалога между культурами многообразны, порой экзотичны. Противостояние двух систем приводило к серьезным прорывам в научной мысли, техническом и технологическом развитии обеих сторон. И, конечно, нельзя недооценивать ту тонкую сферу пересечения между двумя системами, где шел диалог, имеющий ценность всечеловеческую – общение в среде интеллектуальной и художественной элиты, приводящий к кристаллизации ценностей, оценок, нахождению ответов на остро стоящие перед современным человеком проблемы.

Глобализационные процессы второй половины XX-го начала XXI в. в еще большей степени обострили дилемму культура-цивилизация по целому ряду признаков. В теории культуры О. Шпенглера цивилизация и культура изначально неразрывно связаны: развитие общества, обретение им цивилизационных характеристик без базовой идейной основы невозможно. Культура, по мнению мыслителя, духоносна, источник идей, цивилизация – объективация и воплощение идей, рожденных в недрах культуры. Последний выплеск энергии культуротворчества. Процессы глобализации в современном мире сами по себе – тяжелое испытание и для национальных культурных традиций, и для самобытности социально-государственных образований. Унификация образа жизни, прочно утвердившиеся в сознании людей рецепты гарантированного потребительского счастья – сегодня не требуют проникновения в глубинные пласты духовного самосознания. Одномерность человека (Г. Маркузе) потребительской цивилизации не запрашивает, не нуждается в культурной, национально-этнической, социально-исторической и личностной самоидентификации. Они не актуальны.

Сложность современной ситуации состоит в том, что вот уже три десятка лет утверждается монологическая стратегия развитых стран во главе с США в отношении к их геополитическим оппонентам. Наблюдается некая монополия на истину, на возможность односторонних оценок, на «картбланш» вседозволенности, который они сами же себе и выдают, если чья-то позиция и интересы не совпадают с интересами стран, относящихся к глобальной метрополии. Такой способ самоутверждения во внешней политике является логическим продолжением тех ценностных доминант и приоритетов, которые давно в качестве эталонных установил для себя цивилизованный Запад. Здесь давно всем заправляет десакрализованный научный разум, технократистские тенденции в управлении общественной жизнью привели к управлению человеческим сознанием, его клишированности, а сам человек низведен до уровня роботизированного существа, желаниями и волей которого легко манипулируют с помощью ухищрений современных пиар-технологий и рекламного менеджмента. Человечество попало в ловушку научно-технического прогресса, приведшего не к его развитию и совершенствованию, а к более остро стоящей угрозе взаимного физического уничтожения, не к благу в общечеловеческом измерении, а к распространению банальной, редуцированной к комфортному и обеспеченному существованию полуспящей в духовном и интеллектуальном плане, ориентированной на сугубо мещанское личное счастье человеческой массы. Всякие попытки пробудиться от этой летаргической спячки цивилизация царствующего денежного интереса пресекает с помощью ею же порожденных современных военных супер-машин и информационных технологий. Это не внешнеполитическая борьба, идет массированное преодоление человеческого в человеке. Его стирание. «Всемирно господствующий Монолог убивает жизнь». Еще один парадокс эпохи глобализации состоит в том, что ставшие глобальными информационные сети не улучшили качество человеческого общения. Кризис человеческого общения и духовных начал человеческой жизни проявляется в нарастании социального равнодушия, эгоизма и индивидуализации. А разве к чему-то иному мог привести потребительский идеал? Эти характеристики легко узнаваемы в масштабах межгосударственных и межкультурных отношений. Нет единства в преодолении общемировых проблем на геополитическом небосклоне, как нет, а, казалось бы, должно быть наоборот при дико растущих масштабах коммуникации, понимания и единства в межличностных отношениях. «Каждый сам за себя» – этого требует алгоритм капиталистического счастья. Каждый становится одиноким. Миллиардные массы одиноких – беспрецедентный опыт в истории цивилизаций.

Одиночество и отчужденность при нарастающей одинаковости, стирании самобытных и оригинальных граней, хранящихся в анналах культурной генетической памяти, духовном коде каждого народа, не только бессознательных архетипах, но и в опыте глубоко осознанной и пережитой самобытности, инаковости. Творческий и продуктивный диалог и возможен только между несхожим, различным, а подчас и разнонаправленным и, казалось бы, несовместимым. Сохранение традиционного начала в этно-национальных, региональных и других культурах – неиссякаемый источник новых форм жизни, основа развития и взаимного обогащения в живом диалоге-обмене, диалоге-общении. О России же А.С. Панарин в одной из последних своих книг говорил прямо: «вопрос о цивилизационной идентичности России, о ее праве быть непохожей на Запад, иметь собственное призвание, судьбу и традицию на наших глазах превращается в вопрос о нашем праве на существование вообще, о национальном бытии как таковом» [1, с. 6].

Проецирование стратегии выгоды и только выгоды на внешние связи и отношения приводит к одиночеству и в культурном пространстве. Если «каждый сам за себя» (свой и только свой интерес, даже вопреки интересу общему), то диалог и понимание своей и иной культуры не нужны. Они – помеха. Язык банковских счетов или бомбардировок понятен и «красноречив» без слов. Утверждения о целесообразности и полезности, взаимной дополнительности и новых возможностях развития в условиях межкультурного и межкультурного диалога – все оборачивается романтической иллюзией на фоне весьма реальной экономической выгоды «здесь и теперь», побольше и любой ценой. Глобализационный проект, культивирующий такие ценности уже показал – каковы издержки и вред для общества от сугубо гедонистических установок, независимо от того, какое общество мы имеем сегодня ввиду, всюду совершенствуются внешние, формальные и прикладные стороны жизни. Сам человек не только из-за совершенства техники стал еще слабее, стал менее социально ответственным и ценностно ориентированным, он все больше и больше теряет те самые этно-

национальные и культурные основы для личностного саморазвития, которые аккумулированы в живой стихии родного языка, художественной культуре народа, самобытном образе и устоях жизни. Ради воплощения мечты о полном удовлетворении всех инстинктов, унаследованных от природы, человек легко отрекается от своей национальной и культурной ниши, от экологически оправданных способов, не наносящих вреда живому, труда и хозяйствования и постепенно превращается в жителя глобального мира, но безкорневого, безродного, значит неполного, уполовиненного.

Очевидно, что только диалог в межкультурных отношениях – это сегодня одно из главнейших условий сохранения не только самобытного культурного начала государственно-цивилизационных образований, но и единственно возможный способ сохранения человеческой идентичности. Несмотря на то, что «вызовы» утвердившейся стратегии глобализации в первую очередь наносят удар по культурной идентичности субъектов глобальных отношений, единственным стоящим «ответом» может быть только стремление услышать и понять другое, иное, то есть сделать его реальностью для себя, не отказываясь при этом от своего, родного. Признание реальности Другого, другой позиции, образа жизни, ментальности – начало диалога. В диалоге сегодня – спасение не только мира, постоянно вспыхивающие военные конфликты и столкновения, говорят о том, насколько он проблематичен, труднодоступен, как сложно повернуть вспять заданную логику, однако путь к миру один – это диалог. Спасение мира человека как такового – это диалог.

Библиографические ссылки

1. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.

Р. В. КАЛАНЧИН

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЦИКЛИЧНОСТИ

Культурно-исторический процесс – сфера бытия, самореализации человека и общества, и потому вопрос о его смысле и движении – один из ключевых для понимания законов развития мира. Постигание принципа цикличности исторического развития способствует объяснению самых острых и актуальных проблем современности, в том числе и процессов глобализации.

Еще с древнейших времен существовали попытки сформулировать циклические представления о свойствах времени, и уже на этой основе – строились первые теории циклического развития цивилизации. Причем данные построения оказали благоприятное влияние на появление и развитие систем счета и письменности, но также на развитие основ государственности и преемственности в общекультурной традиции. Древние авторы обнаружили изоморфизм культурной и природной динамики, который был описан уже в сакральных текстах Древнего Востока.

Позднее паттерн цикличности исследовали такие известные авторы, как О.Конт, Н. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер, П. Сорокин, А. Чижевский, Л. Гумилев, М. Элиаде, Кондорсэ, Вико, Борхес и др. В их работах рассматриваются долгосрочные циклы в динамике всего общества, всех составляющих его элементов, а также сложное переплетение и взаимодействие циклов разных сфер общественной жизни. Выявленные ими ритмичные процессы, способы моделирования возникающих кризисов и явлений, смены повышательных и понижительных фаз в циклах разной длительности могут быть взяты на вооружение современной прогностической наукой.

Если говорить о современных исследованиях культурно-исторических процессов XX–XXI вв., то необходимо уточнить, что используемое в них понятие «глобализация» имеет двоякое толкование. С одной стороны, процессы глобализации рассматриваются как геополитическая стратегия, главной целью которой является достижение политической и экономической гегемонии посредством массовой культурной унификации (волюнтаристски

направляемой определенными политическими структурами). При этом в определении основных характеристик глобализации, таких как ориентация на тотальную власть, извлечение прибыли любой ценой, культ потребления, гедонизм и т.п., необходимо отметить, что по существу они являются отражением процессов секуляризации и отрицания классических гуманистических ценностей в Западной цивилизации.

С другой стороны, ряд исследователей признают, что тенденции мировой интеграции отчасти можно рассматривать как проявление естественного стремления человечества к единению на основе диалога культур, способствующего оптимизации развития всей цивилизации и духовному прогрессу в целом.

Представляется целесообразным развести эти понятия и под глобализацией понимать именно глобальную экспансию и репрессивное воздействие элитных групп стран «золотого миллиарда» – с целью все большего захвата и достижения господства над природными и интеллектуальными ресурсами «периферийных» регионов.

Нужно отметить, что господство Западного культурного мира не было постоянным в истории человечества и соответствовало ритмам общечивилизационного развития. Исходя из концепции цикличности, есть основания предполагать, что в новом периоде – в XXI в. центр доминирования сместится в сторону Восточного культурного мира. Данные прогнозы были высказаны П.А. Савицким еще в начале XX в. и в дальнейшем всесторонне обоснованы Г.В. Вернадским и Л.Н. Гумилевым. Последний разработал оригинальную концепцию этногенеза, являющуюся эталоном междисциплинарного исследования, в котором интегрированы данные из истории, социологии, географии, биологии и космологии. При этом он уравнивает по степени значимости в социальной динамике земные и природно-космические процессы, делая акцент на взаимообусловленности циклического развития социальных и природно-космических систем. На разнообразном историческом материале ученый описал и обосновал взаимосвязь социальных систем с природно-географической средой, проявляющуюся в процессе обмена веществом, энергией и информацией. Единство биосферы и социальной общности он считал объективным, которое при этом в силу своей уникальности формирует самобытность развития того или иного этноса [1].

Важное место в теории этногенеза Л.Н. Гумилева занимает концепция пассионарности. Пассионарность – термин, примененный Гумилевым для характеристики мощного стремления людей к активной деятельности. По Гумилеву, пассионарность возникает в результате выбросов биохимической энергии космоса. Опираясь на теорию ноосферы В.И. Вернадского, Гумилев создал пассионарную теорию этногенеза. Пассионарные циклические «толчки» продуцируют социальную гиперактивность, которая также имеет определенную ритмическую картину и при определенных историко-географических обстоятельствах способствует формированию новых этносов и этнических систем (суперэтносов). Космические процессы протекают в соответствии с определенной цикличностью, и жизнь этносов подвержена той же периодичности [2].

Свои наблюдения Л.Н. Гумилев подтверждает описанием ритмов собирания евразийских суперэтносов: «С начала нашей эры евразийские народы объединялись несколько раз: хунны, сменившие скифов, Великий Тюркский Каганат VI–VIII вв., монгольский улус XII в. ... и Россия (в широком понимании термина). Как государственное строительство, так и духовная культура евразийских народов давно слита в «радужную сеть» единой суперэтнической целостности» [3, с. 61].

Дихотомия Восток–Запад достаточно давно уже является предметом исторической рефлексии. Развивая данный подход сегодня, А.С. Панарин указывает, что на протяжении истории человечества наблюдается периодическое смещение приоритетов развития то в сторону Востока, то в сторону Запада, поскольку «с глубокой древности сложилось специфическое разделение труда, при котором Запад выступал поставщиком инновационных технологий (в том числе социальных), а Восток – духовных инициатив надэмпирического, неутилитарного характера» [4., с. 24]. По мысли исследователя, Запад проявлял себя весьма наступательно и преобразовывал окружающий мир в соответствии со своими узко утилитарными интересами; Восток, напротив, стремился «вписаться» в мир, следуя по пути его подлинного постижения. Таким образом, западный культурный мир отличался широко поощрявшимся индивидуализмом; в восточном мире культивировался общественный настрой – коллективизм.

Чередование «Восток-Запад» было связано, не в последнюю очередь, со сменой востребованности соответствующих ценностно-мировоззренческих установок. Примерно с III тысячелетия до н.э. по VIII в. до н.э. доминировал Восточный культурный тип с коллективистскими ценностями, представленный такими цивилизациями, как Месопотамия, Шумер, Египет, Ассирия, Вавилон и т.д. VIII в. до н.э. – V в. н. – центр цивилизационной силы смещается в сторону Античной Греции и Рима, где торжествует индивид и принцип частной собственности. В V–XV вв. вновь доминируют кооперация и дух традиционного общества – это время взлета арабской государственности и культуры. XV–XX вв. – возвращение к доминированию Запада. Эти процессы выразились в предельном усилении индивидуализма, выросшего в культ атомарного человека, а также в господстве европоцентризма, который был подкреплен научно-техническим прорывом Европы, что в итоге привело к утверждению техногенно-потребительской цивилизации и форсированию процессов глобализации [5].

В условиях современных геополитических трансформаций исследования взаимодействия социокультурных, биосферных и космических процессов, проводящиеся на основе паттерна цикличности, предоставляют возможность определить перспективы будущего мироустройства и полагать, что в новом периоде – в XXI в. – будут востребованы именно евразийские ценностно-культурные константы, а именно:

- приоритет духовных ценностей над материальными;
- ценность братских отношений и дружелюбия между людьми и народами, которые противостоят европейскому культу индивидуализма и эгоцентризма;- семейные ценности и традиции ответственного отношения к воспитанию и забота друг о друге представителей разных поколений;
- ориентация на разумное потребление согласно принципу «что лишнее - то не мое»;
- традиция уважения к народным героям и святым;
- отношение к родной природе как святыне, данной на бережное хранение и приумножение.

Библиографические ссылки

1. Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: Экспресс, 1992.
2. Там же.
3. Там же.
4. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999.
5. Иванов А.В. Вечные ценности народов Евразии // Алтайский вестник. 2007. № 9.

И. Н. КАЛАНЧИНА

Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул

ТРАНСГУМАНИЗМ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ГЛОБАЛИЗМА

Управление социальными системами (в том числе используемые при этом технологии) в глобализирующемся мире заслуживает специального исследования. В качестве одной из таких технологий можно рассматривать широкое транслирование идеи трансформации человека и цивилизации будущего.

При этом значительная часть апологетов «конструирования» будущего выступают с позиций парадигмы философского плюрализма, в рамках которой принципиально отрицается наличие изначально заданных общих принципов, критериев и законов, в соответствии с которыми структурируется, развивается мир и общество. И часто мы встречаем не столько философские размышления и поиски подлинных оснований и законов развития человечества, сколько именно планы по трансформации как природно-физиологической, так и духовно-интеллектуальной сфер человеческого бытия. Рассмотрим более подробно данный подход и его воплощение в современных технологиях социального управления.

В первую очередь, в рамках такого подхода признается возможность совершенно произвольного прогнозирования и даже «конструирования» образа человека будущего – в зависимости зачастую от весьма «одномерных» представлений и установок техногенно-

потребительского мировоззрения. Проблема заключается в том, что данная тенденция еще более усугубляет общую атмосферу антропологического кризиса, отчуждения человека от высших смыслов и подлинных знаний.

Неслучайно современность часто характеризуют как эпоху антропологического кризиса, отчуждения человека от высших смыслов, размывания границ человеческого. Определить эти границы и осознать на новом философском уровне, что есть человек, возможно, применив метод «от обратного» – через понятие «нечеловек», которое сегодня активно раскрывается в неолибералистическом, конструктивистском дискурсе, в частности, в трансгуманизме.

Трансгуманизм – сравнительно новое теоретическое направление, возникшее в последние десятилетия XX в. При изучении множества авторских определений трансгуманизма мы можем эксплицировать его ключевое содержание, которое заключается в обосновании необходимости осуществить «трансформацию» традиционного человека – на основе применения открытий в области нано-био-инфо-когно (NBIC) технологий и искусственного интеллекта (AI) – в постчеловека. Это человек, «модифицированный» с помощью hi tech-технологий до такой степени, что с традиционной общепринятой точки зрения уже не является человеком. Средства, с помощью которых собираются проводить подобную трансмутацию, включают в себя молекулярную нанотехнологию, генную инженерию, искусственный интеллект, фармакологические средства для улучшения настроения и памяти, профилактику старения, нейроинтерфейс, программы для управления информацией, вживляемые компьютеры, когнитивные технологии и т.д. По замыслу проводников трансгуманизма, постчеловек будет полностью освобожден от биологических «оков». Благодаря этому, перед человечеством открываются захватывающие перспективы преобразования всего и вся, в себе и вокруг себя – не подчиняясь никаким общим регулятивам, правилам и законам, что полностью соответствует одному из главных формул неолиберализма: «каждый имеет право самовыражаться – как ему заблагорассудится». Главной целью объявляется достижение состояния бессмертия.

Если бы движение трансгуманистов не нашло поддержки в структурах, в чьих руках находятся рычаги социального управления, не получило такого широкого распространения в социальной жизни и научном сообществе, то с точки зрения здравого смысла, подобные рассуждения можно было бы проигнорировать, восприняв их как некую экзальтированность современного человека, обольщенного и разнеженного благами техногенно-потребительской цивилизации.

Но следует отметить, что существует ряд причин для появления столь радикального подхода к устройству будущего человечества. С одной стороны, в основе распространения трансгуманизма лежит множество раз описанная надежда уйти от несовершенств жизни с помощью некоего чуда, стремление достичь потребительского рая, куда гонит страх и желание избежать любого напряжения и труда, необходимых для эволюции и совершенствования мира.

По большому счету – это закономерное следствие широкого проникновения в общественное сознание неолиберальной идеологии, краеугольным камнем которой является тотальный ценностный релятивизм, культ неограниченного потребления, этический нигилизм, ведущие к отчуждению человека от метафизических оснований его подлинного бытия.

С другой стороны, трансгуманизм – это в определенном смысле эсхатологическая рефлексия на нарастающие негативные тенденции социального напряжения, в частности, и системного кризиса – в целом.

Существует серьезная опасность того, что приобретает статус «общепринятой» мировоззренческой платформы, трансгуманизм легализует все крайние формы онтологических, когнитивных, социальных, этических, культурологических инверсий. В определенной мере эти процессы уже присутствуют в современном обществе и поражают радикальным антигуманизмом. К проявлениям последнего следует отнести тотальное применение глобалистской манипулятивной стратегии soft power; разрушение основ лучших достижений в национальных системах образования, когда вместо формирования целостной картины мира и развития гармоничной личности-творца ставится цель – воспитать человека-функцию, «квалифицированного потребителя»; ликвидация института семьи – через внедрение так называемой ювенальной юстиции, направленной на лишение

родителей возможности воспитание их собственных детей, которая в форме социального патроната фактически передает право на определение судьбы ребенка в руки коммерчески заинтересованных, влиятельных групп, являющихся авангардом либерального фундаментализма. Эти же технологии расчеловечивания используются и в конструировании информационного пространства, в экономике, политике, праве – во всех сферах социальной жизни.

Попытки рассматривать судьбу человека под знаком его исторического конца и вступления в эру постгуманизма не новы. Об этом так или иначе пророчествовали О. Шпенглер, Ф. Ницше, Ф. Фукуяма, М. Фуко с его постструктуралистской эпистемой «конца человеческого», Э. Фромм, К. Лоренц, И. Валернстайн.

При этом заключения современных научных экспертов со всей очевидностью демонстрируют, что техногенно-потребительские нагрузки нарастают, мир стремительно меняется, техносфера интенсивно вытесняет биосферу, показатели качества состояния среды обитания человека колеблются на критических отметках. Соответственно, становится понятно, что при продолжении этих процессов в определенный момент параметры окружающей среды окажутся несовместимыми с гомеостазом *homo sapiens*. И как выход видится новый «эволюционный» виток, когда на смену традиционному, естественному человеку приходит постчеловек. По мнению сторонников трансгуманизма, необходимо избавиться от «слепого» процесса эволюции, в основе которого лежит случайность, и начать осознанное движение к новой ступени своего биологического развития. В этой связи американский исследователь киберкультуры Марк Дери пишет, что секуляризация общественного сознания, научно-технический прогресс, развернутый в позитивистском ключе, привели к духовному вакууму и дегуманизации общества, в котором, возникли необходимые условия для возникновения техноэсхатологии – теологии «катапультируемого кресла» [1, с. 14–15].

Симптоматично, что в настоящее время растут ряды сторонников трансформации человеческого вида любыми доступными средствами, и прежде всего с помощью высоких технологий. Это могут быть «загрузка сознания»; био-, наномедицина; нанокompьютерные имплантаты (молекулярные компьютеры, интегрированные в мозг и предоставляющие дополнительный объем памяти, повышающие скорость обработки информации и включающие программы для принятия решений); биомедицина, генная инженерия; крионика; «самотрансформационная психология» и т.д. [2, с. 409].

Для ответа на вопрос, возможна ли перспектива трансгуманистического будущего человечества и насколько оправданы эти прогнозы, имеет смысл обратиться к классической философской традиции, истоками уходящей в глубокое прошлое, представленной в метафизике Платона, продолженной в учении таких известных авторов, как Плотин, Августин Блаженный, Дж. Бруно, Н. Кузанский, Лейбниц, Шеллинг, М. Шеллер, Тейяр де Шарден, и впоследствии глубоко проработанной в русской философии, прежде всего В. Соловьевым, который сумел синтезировать полифонию этой традиции – в метафизике всеединства.

С позиций метафизики всеединства признается реальность идеального уровня бытия, где сосредоточены идеи-эйдосы, которые в своем иерархическом единстве управляют миром физическим. Эволюция понимается не как спонтанный процесс, а как направленный, действующий по определенным законам, в частности, в сторону развития сознания и духовной организации человека с соответствующей этому уровню «утонченной» телесностью, что сумели всесторонне промыслить представители золотого века русской философии. Эти мысли были воплощены В.С. Соловьевым, Н.А. Бердяевым, П.А. Флоренским, Н. Лосским, Н.К. и Е.И. Рерихами, В.И. Вернадским и др. в учении о духовно преображенной телесности, или эволюционном духовном и телесном преображении человека. Русские мыслители признавали, что собирание раздробленного и падшего мира является процессом его всестороннего качественного преображения, которое неотрывно от очищения телесно-материальных оснований жизни. И человеку, являющемуся важнейшей эволюционно-собирающей силой, заповедано нравственное пробуждение собственного сознания, ибо только любовь, вера в идеалы, сострадание, служение общему благу и очищенное мышление открывают дверь в иной, более совершенный мир и лишь посредством напряженного духовного труда может просветлиться и утончиться телесность.

Но для вступления в Новую эпоху преображения духа и плоти человеку необходимо осознать эту миссию и сгармонизировать свои отношения не только внутри социума, но с биосферой. Это является стратегической целью и смыслом жизни современного человека.

С позиций теории социального управления, трансгуманизм – одна из технологий «одномерного» репрессивного общества, направленных на подавление подлинной индивидуальности человека – с целью колонизации и насаждения глобального господства представителей класса корпоратократии (верхушки хозяев транснациональных корпораций и финансовой олигархии).

В системе координат метафизики всеединства пророчества трансгуманистов о заселении Земли постлюдьми-киборгами – это явная антиутопия, данная нам как предупреждение (*чтобы избежать действительно грозящей человеку перспективы стать музейным экспонатом*) о необходимости скорейшей выработки и реализации новой цивилизационной стратегии, способной вывести из техногенно-потребительского тупика.

Библиографические ссылки

1. Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. М.: Аст, 2008.
2. Там же.

Т. В. ФАНЕНШТИЛЬ

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ АНАЛИЗА ПОВСЕДНЕВНОГО В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Современное обновленное исследование мировой истории сродни тому, что часто называется подростковый период. Если ранее периферийное и полупериферийное человечество «разинув рот» благоговело от европейского образца существования и развития, то «дитё» подросло сегодня и пытается всеми силами самостоятельно обрести свою собственную идентичность. Совершается это, как и подобает подростку в исключительном противостоянии европейскому образцу. Потому современный взгляд на мировую историю можно назвать сегодня часто антиевропейским.

Эта тенденция схватывается и в трудах Фернана Броделя, одного из создателей мир-системного анализа мировой истории. В своем фундаментальном труде середины XX в. «Материальная цивилизация» он ставит перед собой задачу: уйти от европейского критерия анализа социальных явлений. Этот критерий в попытке уравнивать народы мира часто закрывает некоторые важные аспекты. И это достаточно сложная задача. Легко заметить, как в поиске своей идентичности те же народы мира формируют свой национальный критерий, который ставит этот народ в центр мировой истории, и ошибка повторяется.

Мир-системный анализ, структурируя мировую историю, мыслит ее развитие, главным образом, с экономической точки зрения. Так возможным становится выявление центра и периферии, и народов переходного типа – полупериферийных. У Ф. Броделя появляется возможность показать действительно универсальные структурные элементы и для цивилизаций Арабского Востока, Азии, Америки, Европы, в том числе и России. Свой первый том «Материальной цивилизации» Ф. Бродель структурирует относительно основ всякой материальной жизни, какой бы национальный критерий к ее анализу ни применялся. Это хлеб, пища, напитки, жилище, одежда, мода, источники энергии, металлургия, деньги, города. Исследователь указывает особенности существования каждой структуры материальной жизни в различных условиях цивилизации. Возможно, именно это позволяет Броделю помыслить мир как систему, как единое целое, основываясь на универсальном экономическом критерии анализа. Но не будем забывать, что это только с экономической точки зрения, и речь идет о самом первичном и фундаментальном пласте существования цивилизации: материальная жизнь [1, с. 618].

Анализ процессов глобализации и повседневного существования цивилизаций, которое Ф. Бродель в свое время отождествляет с материальной жизнью, сегодня выходит за рамки мир-системного подхода, становится сложным, многоаспектным.

Шотландский социолог Роланд Робертсон в своих многочисленных трудах уже XXI в., посвященных глобализации, указывает на ряд характеристик этого антиевропейского процесса

сегодня. Прежде всего, он говорит о многомерности глобализации, и помимо экономического измерения добавляет политическое, социальное, культурное измерения. Мне представляется, что сегодня и этим рядом измерений не исчерпывается объем понятия многомерности глобализации.

Р. Робертсон также указывает на глубокую внутреннюю диалектичность процесса глобализации, и о двухуровневой системе существования этого процесса. Это онтологическая пространственная глобализация и так называемое «осознание глобализации» – уровень гносеологический, во многом, эпистемологический. Если указанный первым уровень отражает современную внешнюю политику стран, активно обсуждается и формирует представление о себе даже у тех, кто не имеет никакого отношения к внешней политике государств. То второй уровень, ведет нас к индивиду, к человеку, и это ново для социальной науки. Хотя, упомянутый выше, Ф. Бродель своими трудами показал сформированное «осознание глобализации», пытаясь осознать мир как систему. Однако он при этом схватил общемировую тенденцию, которая дала о себе знать на пороге нового тысячелетия. Речь об экономическом критерии к единому миру. Применяя этот критерий для анализа мира, человечество только так и стало воспринимать этот самый мир вокруг, к тем его сферам и структурам, где просто противопоставлено подобное восприятие, ибо оно ведет к вырождению этих структур.

Однако меня интересуют не дисциплинарные научные запугивания, а весьма важный методологический ход социолога Робертсона относительно возможности структурирования единого мира. Вот, что он пишет в одной из своих статей «"Возвращение" религии и конфликтная ситуация мироустройства»: «Формулируя свою идею о глобальном поле, я типологически разделил мир на четыре главных элемента: отдельные государства (национальные или другие); системы государств (государства-нации); человечество; и, не в последнюю очередь, индивиды». О глобализации как типичном макроявлении Робертсон пишет как и о микросоциальном явлении [2].

Сегодня такой подход к глобализации становится все более заметным. Р. Робертсон, желая подчеркнуть важность этого микроуровня для глобализации, создает термин «глокализация».

Осознав важность этого микроуровня, я вновь возвращаюсь к тому слою единого мира, который Ф. Бродель назвал материальной культурой. И задаюсь вопросом, какие возможности помыслить этот уровень жизни индивида, изыскиваются при новом критерии.

Экономика позволяла увидеть в повседневном мире индивида чистый утилитаризм. И большой пласт работ двух последних столетий напоминает нравоучительные строки из Гесиода: «Мешкотный борется с бедами всю свою жизнь непрерывно», или, «Для смертных порядок и точность в жизни полезней всего, а вреднее всего беспорядок». Повседневное прописано в «Трудах и днях» в противопоставлении правдивой и лживой повседневности, критерием же выступает «забота» и «польза» об общем благе [3, строки 410, 470].

Представление, что жизнь индивида сложна, имеет свою замысловатую структуру, уровни, аспекты, складывается в социальной науке со второй половины XX в. Возможно, приходит то самое «осознание глобализации», о котором пишет Р. Робертсон, возможно, приходит время для научного анализа той фундаментальной элементарщины, которую сама же порождает система потребления, экономический критерий.

Социальная наука подошла к такому новому для себя предмету как повседневное не сразу, как и не сразу проявился микроуровень социального исследования. По началу это звучит оскорбительными нотками для благородной науки, чтобы заниматься экзистенциальным навозом жизни. Но времена меняются, сегодня наука осуществляет важную для себя попытку – стать ближе к человеку. Социальные исследования разбиваются на мириады прикладных поисков оснований и характеристик жизни индивида. И все это, по большому счету, ведет к обоснованию того методологического шага: что не только на экономическом критерии строится анализ мир-системы сегодня, что глобализация – это многоуровневый и многопланный процесс.

Библиографические ссылки

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVII вв. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. 624 с.
2. Робертсон Р. «"Возвращение" религии и конфликтная ситуация мироустройства // Век глобализации. 2010. №1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/127585/>

Р. А. ШЕРЕНКОВ, В. В. ШЕРЕНКОВА

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск

ФЕНОМЕН ТЕХНОНАУКИ КАК ОБРАЗ НАУКИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

За последние десятилетия наука претерпела ряд существенных изменений не только в области технологического прогресса, но так же в сфере методологического анализа её отдельных составляющих с одной стороны и научной картины мира с другой. Внедрение термина технонаука видится вполне адекватным отображением тех изменений, которые может запечатлеть философия и методология науки сегодня. Данное понятие начинает фигурировать на Западе в конце 70-х гг. прошлого века в статьях таких исследователей, как Бруно Латур, Питер Галисон, Хельга Новотны, Жильбер Оттуа.

Первоначальное явление термина знаменовало собой переход научного типа деятельности от классического созерцательно-производственного характера к новому подходу, заключающемуся в «переплетении исследовательской деятельности с практикой создания и использования современных инновационных технологий» [1, с. 202]. Яркий пример тому – нанотехнологии, когда фундаментальные исследования и прикладная деятельность, подстигаемые друг другом, представляют собой единый процесс, осуществляемый одними и теми же средствами. Но, обратившись к истории науки, можно привести не один пример, когда процесс разработки новых технологий одновременно с конечным продуктом давал прирост новых знаний для наук фундаментальных. К историческим примерам относится изобретение телескопа Галилеем, без технологии которого дальнейшее развитие астрономии было бы невозможным; изобретение технологии паровых машин также предшествовало развитию термодинамики. Конкретный пример показывает, что локальные проявления технонауки уже имели место в истории развития науки. В таком случае, что принципиально нового несёт с собой появление этого термина?

Следует отметить, что положение дел в науке в разные времена непосредственно зависело от того, в какой степени проявляют себя те или иные культурные сферы жизнедеятельности человека. И исключать какой-то фактор из процесса исторического анализа научной деятельности учёные попросту не могут. Равным образом дело обстоит и с рассмотрением понятия технонауки. Конечно, процессы, схожие с современными, могли иметь место в развитии науки в предшествующие эпохи. Но хотелось бы обратить внимание на то, что случаи эти имели характер скорее частный и в большинстве своём неосознанный их изобретателями. Сегодняшние исследователи предлагают разграничить науку когнитивную (с присущими ей теоретическими и абстрактными схемами) и технологии как процесс применения полученного наукой знания. Однако «в век глобализации разграничить как прежде науку и технологию уже не удастся...» [2]. И причиной тому как раз являются те самые социокультурные, экономические, политические факторы, которые сегодня приобрели характер глобальный, то есть затрагивают уже не отдельно взятого учёного с предложенной им концепцией, а всё человечество в целом. Таким образом, обращаясь к современным исследователям, можно выделить несколько основных аспектов, в которых современная наука меняет свой облик.

Экономико-политическая ситуация сегодня такова, что основное внимание конкретизируется на всевозрастающей коммерциализации науки. Ж.Ф. Лиотар по этому поводу пишет: «Знание производится... для того, чтобы быть проданным..., оно потребляется... чтобы обрести стоимость в новом продукте... Оно перестаёт быть самоцелью и теряет свою потребительскую стоимость» [3, с. 18]. Обозначенный процесс коммерциализации науки не случаен. Сегодняшний глобальный характер экономики охватывает все страны, участвующие в научно-техническом прогрессе и отказываться от этих отношений с финансовой точки зрения не может позволить себе ни одно государство, рискуя быть выброшенным за борт всеобщего «корабля глобализации». Термин технонаука в данном случае призван, чтобы подчеркнуть обесценивание главной составляющей в науке – её объективной цели – и придание ей принципа полезности в угоду платящей стороны.

С позиций социальной составляющей современная наука также переживает ряд существенных, если не принципиальных, изменений, касающихся, как общества в его потребительском контексте, так и науки, как социального института, и как отдельно взятого учёного. Вкратце ситуацию здесь можно описать так: общество потребления выступает в качестве главного заказчика на технологии, производимые в стенах лабораторий, являясь одновременно основным потребителем производимой продукции. И так по кругу: снова и снова. Сегодня мы недовольны тем, что купили вчера, а завтра сегодняшние новации сменяются уже модернизированными и усовершенствованными их аналогами, которые в свою очередь будут незамедлительно заменены на более новые, попадающие под наши требования. Роль учёного в этом производственном круговороте существенно изменяется относительно классического периода накопления знаний. Ему приходится покинуть тесные лаборатории и учебные заведения, чтобы выйти на связь с общественностью, жаждущей обладать последними новинками технологического прогресса, желающей самолично участвовать в научных разработках, быть составляющей технологических новаций.

Отметим, что и здесь технаука проявляет свою актуальность в глобальном масштабе, заменяя традиционную бэконовскую “линейную” модель взаимодействия науки и технологий: [чистая наука – прикладная наука – рост благосостояния общества] на новую технауку: [технологии – материальная база – потребности общества].

Не менее интересные метаморфозы, как это видят авторы данной статьи, происходят и на философском поле технауки. Этическая сторона вопроса достаточно подробно разработана в современной философии как в России, так и за рубежом, черпая свои истоки из раздела философии, посвященного вопросам философии науки и техники. Здесь можно отметить таких философов, как Х. Йонас, Д. Дэннет, Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас, Н.С. Юлина, Б.Г. Юдин. Таким образом, данная тематика выходит за рамки интересов, затронутых в настоящем исследовании.

Подробнее хотелось бы рассмотреть гносеологическую проблематику, лежащую в основе концепции технауки модели развития современной науки. Для этого, как представляется, необходимо провести сравнительный анализ схем научного познания в классической науке и в современной технауке (подробнее на рис. 1).

Если рассматривать картину мира, как научную метафору, обозначим познаваемую реальность в традиционной науке Ньютона и Галилея, как один большой сложенный механизм, работающий по универсальным фундаментальным законам. «Объективная картина мира вырабатывалась шаг за шагом через познание законов природы, не зависящих от особенностей времени и пространства, безразличных к месту действия и предыстории. Согласно представлениям модерна технологии являются производными этих законов» [4]. В данном случае реальный мир будет выступать в роли объективной реальности или действительности, а по большому счёту – природы. В противоположной стороне от объективной действительности будет располагаться познающий субъект. Последний, в свою очередь, выступает непременно, как сторонний *наблюдатель*, который следит за объективным миром со стороны, и вмешиваться в природу не может. Знания, т. е. те самые теоретические конструкции или модели объективной природы, на которых будет строиться развитие технологий, субъект получает посредством универсального метода познания и они обретают статус трансцендентных материальному миру. И собственно техносфера, как вторая природа, предстающая в виде практических образов, создаваемых человеком для удовлетворения собственных нужд и потребностей, выступает, как итог прикладной деятельности. Причём важно отметить, что фундаментальные исследования нацелены на получение истины, как следствия моделирования объективного материального мира самого по себе.

Существенно то, что в классический период накопления знаний место фундаментальных наук и прикладных логически разделяется на две стадии: сначала знание получаем, а затем его применяем. Научный метод предполагает отделение стадии получения знаний от их применения, «...из этого предполагалось, что предметный мир мог быть воспроизводим в его объективных качествах, а не из потребностей субъекта» [5, с. 204].

В технауке картина мира онтологический статус субъекта и объекта кардинально меняется, вслед за ним изменяется и метод познавательной деятельности. Субъект больше не сторонний наблюдатель, а непосредственный участник познавательно-производственного процесса. «В контексте глобализации, усиления взаимодействия и изменений, которые она с собой несет, несомненным субъектом технауки становится человечество в целом. Субъект классической науки в этом смысле становится идеальным, вневременным, нематериальным и трансцендентальным. Если же говорить о субъекте технауки, то он по своей природе является эмпирическим и историческим, служит ареной столкновения множества

мировоззрений. Его воля, управляемая желаниями, неоднородна, зачастую противоречива и иррациональна...» [6, с. 14]. Поскольку реальный мир больше не представляется учёному в качестве неизменной реальности, а одни конструкты можно заменять другими (например, генетика и геновая инженерия, нанотехнологии), и «...объективная реальность заменяется материально-технической базой, созданной внутри “второй природы”» [7]. «Наука и технонаука демонстрируют различные подходы к познанию, ибо наука рассматривается в теоретическом контексте универсализма, а технонаука в практическом контексте глобализации» [8, с. 14].

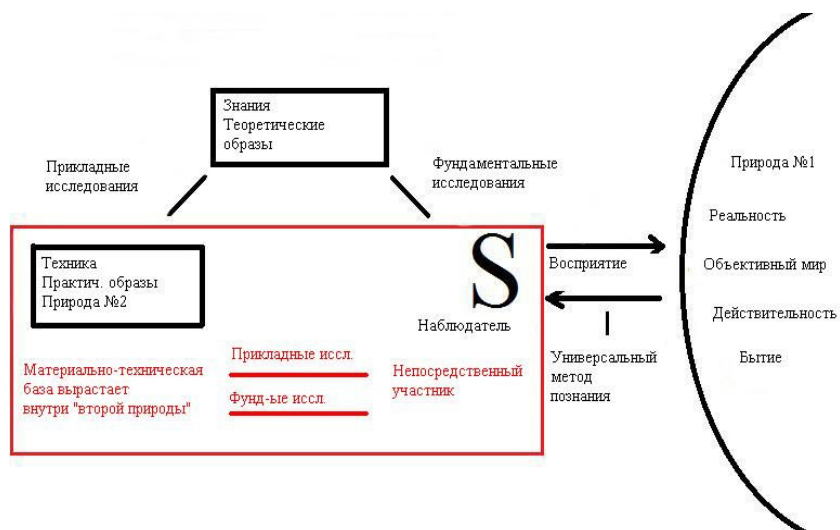

Рисунок 1

(Чёрным показаны взаимоотношения субъекта и объекта в классической науке, красным очерчена сфера их взаимодействия в технонауке)

Таким образом, процессу теоретико-познавательной деятельности в современной науке зачастую невозможно выделить обособленного места. Что совершенно не означает, что теоретические базовые исследования исчезли вовсе и им не нужно уделять должного внимания. Как видно из схемы, в современной науке этот процесс сливается с процессом прикладной деятельности, нацеленной на получение прибыли. Е.А. Мамчур в одной из статей, посвященных анализу технонауки, обращает внимание на явную незавершённость исследований в области гносеологической проблематики в сфере современной науки. Из чего следует, что роль фундаментальных исследований в получении прибыли на основе инновационных технологий сегодня размыта и не каждому представляется оправданной. Из-за чего финансирование фундаментальной науки, по крайней мере в России, в значительной степени уступает финансированию прикладных исследований.

Библиографические ссылки

1. Андреев А. Л. Технонаука // Философия науки. Вып. 16. Философия науки и техники. М.: ИФ РАН, 2011.
2. Оттуа Ж. Технонаука – угроза культурному разнообразию. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://logosbook.ru/educational_book/jo.html (дата обращения: 3.05.2013).
3. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
4. Оттуа Ж. Технонаука – угроза культурному разнообразию.
5. Андреев А. Л. Технонаука.
6. Там же.
7. Столярова О. Е. Технонаука. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://postnauka.ru/faq/7722> (дата обращения: 25.04.2013).
8. Hottois, Gilbert Philosophies des sciences, philosophies des techniques., Collège de France, 2004.

ЧАСТЬ 2. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ РОССИИ КАК ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

А. В. АХСЯНОВ

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль

МЕРОПРИЯТИЯ ЗЕМСТВА ПО АГРАРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Прогрессирующее малоземелье, архаичное ведение хозяйства тормозили проникновение в ярославскую деревню новых, капиталистических форм землепользования. Для борьбы с земельным голодом предлагались самые разнообразные проекты: члены местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности выступали за использование пустующей земли – такие площади располагались в центре обрабатываемых участков и представляли собой межи. Представители либерального крыла призывали к перераспределению земли непосредственно внутри самого крестьянства. Значительная часть ярославских земских деятелей признавала общинный строй преградой на пути интенсификации сельского хозяйства губернии и указывала на замкнутость крестьянства, как сословия, неразвитость индивидуализма в его психологии [1, с. 45].

В рассматриваемое время органами местного самоуправления Ярославской губернии предпринимались неоднократные попытки агрономической помощи крестьянским хозяйствам. К заслугам ярославского земства в данной области следует отнести создание в губернии агрономической организации со складами сельскохозяйственных машин и орудий, в результате чего земские деятели получили возможность оказывать существенное влияние на переход крестьянского хозяйства к новым формам и техническим приемам возделывания земли. Помимо этого, земские органы занимались распространением сельскохозяйственных знаний, вели разнообразные просветительные мероприятия в народных школах [2], следили за развитием сельскохозяйственного опытного дела, учреждали должности инструкторов по агрономии хозяйства, проводили экспериментальные работы по изучению местных условий на опытно-агрономических участках и метеорологических станциях, организовывали прокатные пункты и сельскохозяйственные склады, содействовали кооперации, описывали и премировали наиболее выдающиеся крестьянские хозяйства [3].

В агрономической деятельности ярославских органов самоуправления можно выделить два основных этапа: первый охватывал собой 1864–1890 гг.; второй ограничивался 1890–1905 г. В рамках **первого периода** ярославское земство сосредотачивало свою агрономическую деятельность, главным образом, «на распространении орудий, семян и полевого травосеяния, как на мерах, удовлетворяющих двум основным требованиям улучшения крестьянского хозяйства: повышению урожаев зерновых растений ... и увеличению кормовой площади, обеспечивающей улучшение скотоводства и молочного хозяйства» [4, с. 49].

Проблему крестьянского малоземелья ярославское земство рассматривало как первоначально важную, предлагая в корне поменять формы и способы ведения земельного хозяйства [5]. Органы местного самоуправления придерживались мнения, что при существовавших ко второй половине XIX в. формах крестьянского земледельческого хозяйства, а также условиях землевладения и землепользования в многочисленных группах крестьянских хозяйств обнаруживалось, что значительное количество работоспособных сил не находили себе целесообразного применения в хозяйстве.

Ввиду этого земство настаивало на изменении установившейся формы крестьянского хозяйства и переходу к более интенсивным, с тем, чтобы вся масса свободных и непродуцированных сил нашла бы себе разумное применение при тех же самых земельных размерах площади хозяйства, увеличив его доходность. Такой результат, по мысли земских деятелей,

имела бы замена существовавшего трехполья многопольным плодосменным севооборотом, затем – введением в плодосмену корнеплодов и целого ряда других специальных культур. Дальнейшее интенсификация хозяйства должно было проявиться в переходе от пастбищной системы летнего содержания скота к стойловому его кормлению. В результате это изменение формы хозяйствования предоставило бы возможность к расширению культурной площади надела и улучшению луговых пространств [6, с. 49].

Такая замена отживших форм крестьянского хозяйства более интенсивными и более приспособленными к изменившимся условиям хозяйства страны диктовалась самой жизнью и составляла неотложную задачу на то время. С переходом к новым формам хозяйства появлялась возможность разрешения проблемы малоземелья и коренного улучшения сельскохозяйственной промышленности на ярославской земле.

Следующую задачу в сфере интенсификации крестьянского хозяйства «сообразно требованиям рынка и новейшим данным сельскохозяйственной науки» местное земство видело в использовании парового поля, применении культуры корнеплодов и минеральных удобрений при полеводстве; а также «улучшении лугов и выгонов», поскольку непроизводительное обустройство последних наносило весьма ощутимый ущерб крестьянскому хозяйству [7, с. 49].

Вместе с тем деятельность органов местного самоуправления в деле оказания агрономической помощи ярославским крестьянским общинам не ограничивалась мерами по улучшению интенсивности полеводства.

В рамках **второго этапа** произошло улучшение кормовой площади земель, рост скотоводства и молочного хозяйства. Увеличение в 1890-е гг. численности маслодельных заводов и постоянный вывоз племенного скота за пределы Ярославской губернии заставили земство обратить внимание на скотоводство и молочное хозяйство края. За период с 1900 по 1903 гг. по всей территории Ярославской губернии земством устраивались многочисленные выставки рогатого скота, а в 1900 г. профессором частной зоотехнии при Ново-Александровском институте И.О. Широких [8], по поручению губернского земства, было проведено исследование маслоделия в Пошехонском и Мологском уездах. Все это подтверждало идею земства о том, что скотоводство и молочное хозяйство могли составить достаточно серьезную статью дохода в крестьянском хозяйстве, которая, при надлежащем развитии ее потенциала, могла далеко превысить доходы от полеводства.

В начале XX в. в целях улучшения поголовья крупного рогатого скота, учитывая тот факт, что крестьянские стада Ярославской губернии снабжали племенным скотом ряд губерний средней полосы России, Кавказа и даже Сибири, органы местного самоуправления приняли одну из наиболее существенных мер в этой области – организовали «рассадник» ярославского скота на территории края. Здесь следует уточнить, что данное предприятие, являясь по замыслу исключительно земским делом, выполнено было, в том числе, и на государственные средства, поскольку без финансовой помощи правительства столь затратное предприятие не могло быть реализовано только местными силами.

Деятельность земства в этой области доказала его способность, в сотрудничестве с государственной властью воздействовать на крестьянское хозяйство, привнося в него целый ряд полезных новаций: «...без впечатляющих успехов, достигнутых земской агрономией при финансовой поддержке государства, результаты аграрной реформы были бы более скромными» [9, с. 118].

В то же время следует подчеркнуть, что указанное сотрудничество не всегда шло гладко – периодически эти две ветви власти сталкивались по принципиальным для них вопросам (контроль над выдачей денежных ссуд, некомпетентность и злоупотребления местного чиновничьего аппарата, неполучение в должном размере государственных субсидий и др.), при этом уступать не желал никто. Отношение к земствам со стороны правительственных органов наглядно иллюстрировал следующий факт: за период 1874–1879 гг. из 235 ходатайств, поданных земством на окончательное разрешение Комитета министров, было отклонено 208 (88,5 %) и лишь 27 было удовлетворено или отклонено «небезусловно» [10, с. 95].

В конце XIX в., при разработке принципов государственной продовольственной политики, произошло столкновение двух подходов – земского и правительственного. В рамках решения этой проблемы органы местного самоуправления предлагали оставить продовольственную помощь селу под их патронатом и работать над укреплением хозяйственно-

экономических возможностей крестьянского двора. В свою очередь государственная власть настаивала на изъятии указанных функций из земского ведомства.

Кроме того, следует отметить, что в рамках проводимой ими модернизационной деятельности органам местного самоуправления приходилось уделять столько внимания региональным особенностям, постоянно видоизменяя и приравнивая к ним отдельные мероприятия, что никакому другому учреждению, помимо земства, состоявшего из представителей того же населения, подобная работа была бы не под силу.

Совместная работа представителей правительства и земства способствовала лучшему учету местных особенностей. Говоря о взаимодействии двух этих структур, следует отметить, что планы мероприятий в различных областях сельского хозяйства вырабатывались агрономическим совещанием при губернской землеустроительной комиссии, в которую входили представители земства. Затем они рассматривались губернским земским собранием и, в случае одобрения, как правило, не встречали возражений в Главном управлении землеустройства и земледелия. Окончательные планы мероприятий устанавливало губернское земство, при этом финансирование агрономических мероприятий органов местного самоуправления наполовину производилось Департаментом земледелия [11, с. 147].

Вместе с мерами по улучшению скотоводства, одним из ключевых направлений деятельности ярославских земских учреждений стали работы по землеустройству, т.е. внедрение совокупности мер по улучшению землевладения и землепользования крестьян в целях интенсификации их хозяйств. Помощь земств в данном вопросе включала в себя: работу землемеров по сведению земельных участков к одному месту, переселение и перенос построек (в том случае, если такое вмешательство было необходимым и представлялось возможным), оформление межевых и юридических документов для каждого домохозяина.

В землеустройство также входило оказание агрономической помощи общинному хозяйству: организация наиболее успешного, эффективного и гармоничного соотношения различных отраслей хозяйства (полеводства, скотоводства, животноводства, овощеводства, садоводства и пр.) Одним из аспектов землеустройства являлось и огнестойкое строительство хозяйственных и жилых построек с использованием кирпича и бетона в противопожарных целях. Землеустройство включало в себя также организацию кооперации крестьян в различных ее формах, широкое развитие их собственной инициативы. Наконец, в землеустройство входило кредитование сельского населения, т.е. выдача ссуд и, в редких случаях, даже безвозвратных пособий крестьянам для их сельскохозяйственных нужд [12]. Необходимость внедрения интенсивных форм сельского хозяйства для эффективного использования избыточной рабочей силы ярославской общинной деревни и повышения доходности крестьянских хозяйств сталкивалась с проблемой отсутствия достаточного финансирования данных начинаний [13, с. 45].

Мероприятия земства, направленные на реорганизацию крестьянского хозяйства, вызвали в последнем весьма сложный процесс перехода от натуральной формы к чисто денежной. Для того чтобы иметь возможность воспользоваться новыми хозяйственными приемами, крестьянин был поставлен перед необходимостью покупки земледельческих орудий, семян, удобрений и др., тогда как при старой форме хозяйствования все его потребности удовлетворялись собственными силами двора: примитивные земледельческие орудия он изготавливал дома, семена получал с собственного урожая, а удобрением служил только навоз.

Такое экономическое положение среднего крестьянского двора исключало возможность приобретения за наличные деньги необходимых для улучшения хозяйства предметов, тем более, что целый ряд затрат давал результаты не сразу, а лишь через некоторое время. Таким образом, необходимость кредитования ярославского крестьянства выступала как наиболее действенная и окупаемая мера для расширения земской агрономической помощи. Так, практика земских сельскохозяйственных складов показала, что их обороты прямо пропорциональны размерам отпускаемых в кредит товаров и что население исправно погашает взятые кредиты, расплачиваясь за них, например, из нового прироста урожая, без ущерба для своих насущных нужд.

Кредитование населения было как краткосрочным (мелким), так и долгосрочным (мелиоративным). Мелкий кредит мог быть «личным и вещным» – в форме организации сельских ломбардов, ссудных касс и снабжения крестьян сельскохозяйственными орудиями и скотом с рассрочкой платежа. Одним из правил мелкого кредитования являлась непосредственная

выдача заемщику необходимых предметов или чека на получение таковых из земских сельскохозяйственных складов. По вопросу об организации среди населения кредита под залог вещей или продуктов земледелия, ярославское земство высказывалось за устройство хлебных ломбардов, указывая, что данная форма кредита являлась наиболее важным мероприятием в этой области для сельского населения. В августе 1902 г. первый хлебный ломбард был открыт в с. Некоуз Мологского уезда – и, по отзывам представителей местного земства, являлся достаточно успешным предприятием.

При обсуждении вопроса о «вещном кредите», члены ярославского земства (М.А. Ошанин, В.С. Дмитриев, С.А. Мусин-Пушкин и др.) неоднократно указывали на те неблагоприятные в жизни крестьянина условия, которые, при отсутствии правильно организованного «вещного кредита», заставляли его обратиться к ростовщикам. Среди таких условий были названы: неудачный выбор распорядителей, отсутствия в них интереса к делу, слабое взыскание долгов и т.д.

Долгосрочный (мелиоративный) кредит распространялся на выдачу ссуд для приобретения семян трав и минеральных удобрений, поскольку затраты на эти хозяйственные нужды окупались полностью лишь через 2–3 года. Важным значением данного кредита было также снабжение оборотным капиталом мелких землевладельцев и крестьян, приобретавших землю с помощью государственных земельных банков. Кроме разного рода сельскохозяйственных улучшений, долгосрочные ссуды предназначались на устройство картофеле-терочных и льнообрабатывающих заведений, выкопку прудов и колодцев, скотоводство и огневая сушка овощей. Члены губернского земского комитета даже внесли предложение о том, чтобы предметы «сельскохозяйственного улучшения» не были точно ограничены законом, а решение этого вопроса отдавалось на откуп губернским о ссудах на сельскохозяйственные улучшения комитетам.

Одной из важнейших причин упадка крестьянского общинного хозяйства на территории Ярославской губернии земство справедливо считало малоземелье. При существовавших на конец XIX – начало XX в. условиях землепользования возможность безбучточно вести сельское хозяйство давал земельный минимум в 10–12 десятин на один двор, тогда как большая часть крестьянских хозяйств края (70 %) были этим минимумом не обеспечены.

В качестве борьбы с малоземельем органы местного самоуправления в Ярославской губернии предлагали привлечение денежных средств «для ссуд сельским обществам на приобретение в собственность обществ земель от частных владельцев». Так, Ярославское губернское земское собрание постановлением 18 декабря 1880 г. ассигновало сельским обществам из средств пенсионного капитала 30000 руб. Через год сумма данного капитала была увеличена до 50000 руб. По свидетельству источника, «эта операция пошла довольно успешно, не смотря на то, что условия ссуды из земского капитала были тяжелы» [14, с. 47]. Ссуда выдавалась в размере 90 % покупной стоимости, всего на 10 лет, и налоги по ней составляли 6 %. За период с 1881 по 1902 гг. земством было выдано 113 таких ссуд на общую сумму 173501 руб. – в результате чего крестьянами было приобретено 12760 десятин земли [15, с. 50–52].

История указанного мероприятия является ярким доказательством того, насколько сильна была потребность крестьянского населения в земле и насколько «исправным плательщиком» могло выступать крайне заинтересованное в получении данного ресурса население. По материалам статистического исследования Угличского и Мышкинского уездов можно судить о том, что и сами крестьяне прилагали значительные усилия для приобретения земли. В частности, в 1887 г. в Мышкинском уезде ими было приобретено около 35 % по отношению к наделной земле, а в Угличском – около 27 % [16, с. 73].

Видя в приобретении крестьянами земли основной залог последующего успешного развития крестьянского хозяйства и повышения уровня его благосостояния, Ярославское земство призывало правительство сделать более доступными для населения ссуды государственного кредита на покупку земель, «для чего следовало бы полностью отменить доплату на покупку земли, т.е. выдавать ссуду полностью, в размере покупной цены» [17, с. 48] или признать понижение процентной ставки по ссудам Крестьянского банка, по крайней мере, до размеров процента, взимаемого с заемщиков Дворянского банка.

Земство считало, что, приобретая землю без доплаты, крестьяне-общинники будут иметь оборотный капитал, дающий полный простор хозяйственной деятельности, являвшейся залогом их платежеспособности. При этом сам земельный участок, после приложения к нему

оборотного капитала, приобретал большую денежную стоимость и, вместе с общим возрастанием цены на землю, мог служить вполне надежным обеспечением банковской ссуды.

Таким образом, Ярославское земство вело активную модернизационную деятельность. Начало земской модернизации совпало с период появления первых земств на ярославской земле. Проблема взаимоотношения крестьянской общины с земскими органами в Ярославском крае в пореформенное время была сложной и многогранной. Эта многоплановость во многом была обусловлена их социальным составом. Земство по социальному составу являлось, в значительной мере, дворянским учреждением. Сельская община, разумеется, оставалось, как и в дореформенный период, исключительно сословно-крестьянским институтом.

Фундаментальным антагонизмом между сельским миром и земскими органами самоуправления было противоречие между общинными уравнительными установками, основанными на традиционных ценностях и «справедливых» экономических постулатах, и земскими нововведениями, объединенными идеей неприкосновенности частной собственности и хозяйственной свободы. Ярославское земство имело существенный модернизационный потенциал, который оно стремилось привнести сельским обществам. Земские действия основывались на сельскохозяйственном просвещении крестьянского мира, преобразовании землеустройства, кредитовании и изменении правового поля для крестьян-общинников. Функционирование общины в пореформенный период в Ярославской губернии, как и по всей центральной России, базировалось на ценностях традиционного общества и мало подходило для модернизационных мероприятий земства. Однако другой путь для перехода к индустриальному обществу от традиционного у сельских обществ отсутствовал, развитие сельского хозяйства губернии по пути модернизации невозможно было остановить.

Библиографические ссылки

1. Самолетов И.Д. Аграрный вопрос в деятельности ярославских комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. Т. I. Гуманитарные науки.
2. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 485. Оп. 2. Д. 173. Л. 1–4.
3. ГАЯО. Ф. 623. Оп. 1. Д. 36. Л. 2–117.
4. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Ярославская губерния. СПб., 1903.
5. ГАЯО. Ф. 623. Оп. 1. Д. 31. Л. 15об.–36.
6. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Ярославская губерния.
7. Там же.
8. Широких И.О. Маслоделие в Ярославской губернии. Пошехонский уезд. Ярославль, 1902.
9. Петровичева Е.М. Земства центральной России в период Думской монархии (1906 – пер. пол. 1914 г.). М., 2001.
10. Карнишина Н.Г. Земские учреждения в структуре местного управления в пореформенной России второй половины XIX века // Земства, советы, муниципалитеты: исторический опыт и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иваново, 2005.
11. Артиков Ю.С. Земская агрономия во Владимирской губернии в период аграрной реформы Столыпина (1906 – 1914 гг.) // Земства, советы, муниципалитеты: исторический опыт и современность. Иваново, 2005.
12. Волгирева Г.П. Земство и землеустройство крестьян Пермской губернии в начале XX века. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.archive.perm.ru
13. Самолетов И.Д. Аграрный вопрос в деятельности ярославских комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.
14. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Ярославская губерния.
15. Там же.
16. Памятная книжка Ярославской губернии на 1888 год. Ярославль, 1888.
17. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Ярославская губерния.

ШКОЛА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Изучая вопрос о генезисе социокультурной идентичности любого народа, невольно обращается внимание на особую роль такого социального института, как образование, посредством которого происходит передача традиций, культуры, формируется историческая память и общегражданское национальное самосознание. Именно поэтому любые масштабные политические изменения практически всегда были сопряжены с реформами системы образования в целом, а также школы как отдельного элемента этой системы в частности. Школьная реформа первых лет советской власти весьма подробно освещена в научных и учебных исследованиях. Однако современная трансформация отечественного образования делает необходимым ещё раз обратить внимание на некоторые аспекты развития школьного дела в России. В представляемой публикации автор попытался поднять вопрос о векторе целей школьной реформы 1918 – начала 1920-х гг. Что же определило концептуальную основу большевистских преобразований: новаторские педагогические идеи, пришедшие с Запада, или желание создать новую уникальную систему образования? Чтобы ответить на поставленные вопросы имеет смысл обратиться к историческому материалу.

Говоря о школьной политике большевистских лидеров, исследователи в первую очередь указывают на комплекс мероприятий в области образования, имевший место сразу же после Октября 1917 г. В частности, в литературе обращается внимание на то, что учителям, перешедшим на сторону советской власти, предписывалось обязательное участие в распространении партийной литературы, пропаганде политической и экономической линии партии большевиков. Такое политическое давление новой власти вызывало сопротивление многих учителей. В стране по призыву Всероссийского учительского союза 13 декабря 1917 г. началась забастовка учителей, продолжавшаяся по 11 марта 1918 г. Эта забастовка была объявлена Советом народных комиссаров (СНК) незаконной, и деятельность Всероссийского учительского союза была запрещена [1, с. 452]. Документы региональных архивов также свидетельствуют об имевшем место противостоянии властных структур, в частности, отелов народного образования, с местными учительскими союзами на протяжении весны 1918 г. [2, л. 64–68 об.]. В сложившихся условиях государству важно было принять ряд документов, в том числе и законодательного характера, которые должны были стать правовой основой функционирования новой системы образования. В 1918 г. были изданы Декрет СНК РСФСР «Об организации дела народного образования в Российской республике (Положение)», Декреты Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «Основные принципы Единой трудовой школы», «Об Единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» и другие нормативно-правовые акты. Показательно, что в этих документах использовались новаторские идеи как отечественных, так и зарубежных педагогов. В частности, развивалась концепция соединения учёбы с практикой. Вместе с тем модернизированная школа, согласно взглядам идеологов реформ из Народного комиссариата по просвещению (Наркомпроса), должна была делать ставку на политическое воспитание молодёжи. «Просвещение и весь государственный просветительный аппарат должны быть использованы в целях коммунистической пропаганды», – писал в 1919 г. нарком просвещения А.В. Луначарский [3]. Именно поэтому рядовые учителя отнеслись к образовательной политике большевистских лидеров неоднозначно: кто-то видел возможность использовать школу в борьбе с косностью дореволюционной образовательной системы, а кто-то, анализируя политическую подоплёку реформ, понимал утопичность реализации официально озвученных новаторских теорий [4, с. 453; 5, с. 13].

Действительно, приход большевиков к власти в октябре 1917 г. создал условия для внедрения новых педагогических идей. Важно отметить, что новая власть всячески подчёркивала своими политическими кампаниями ориентацию на новые парадигмы, демонстрируя тем самым разрыв с культурно-образовательными установками прежней власти. Как справедливо заметил Е.Т. Юинг, большевистская революция 1917 г. открывала дорогу новым теориям и методикам преподавания, поскольку «педагогов-“новаторов” разочаровывал глубоко укор-

ренившийся консерватизм царской школы, и они нашли понимание у большевиков, которые силились превратить школу в орудие борьбы с прежними ценностями. Советские педагоги-теоретики позаимствовали у своих любимых прогрессивных западных педагогов методики, проповедовавшие соединение учёбы с практикой, обильно приправив их социалистическими лозунгами о ценности физического труда. Ставилась цель создать «единую трудовую школу» с одинаковой для всех детей программой обучения. Такой школе надлежало формировать нового советского человека, вполне подготовленного для перехода к коммунизму» [6]. Между тем нельзя не согласиться с мнением того же исследователя, что в 1920-е гг. амбициозные проекты как в школах, так и во всём советском обществе «натыкались на препятствия экономического, социального и политического свойства» [7]. В частности, экономический и финансовый кризис, достигший апогея к концу Гражданской войны, а также начавшая воплощаться с весны 1921 г. рыночно ориентированная модель экономики привели к тому, что провинциальные школы практически оказались в условиях самопокупаемости. «Правительство отпускало школе малые крохи, предпочитая культурным программам укрепление политических институтов и восстановление экономики», – такая справедливая оценка сложившейся ситуации даётся в литературе [8, с. 13–14].

Осознавая уникальность России 1920-х гг. как социокультурного пространства, заключающуюся в том числе и в статичности культурной жизни провинции, имеет смысл рассмотреть позицию регионального учительства в отношении начавшихся преобразований. Интересно, что в названной социальной группе имелись и приверженцы, и противники радикальных реформ школьной системы. Например, И.Л. Смирнов, главный редактор «Сибирского педагогического журнала», с воодушевлением писал, что основная цель образования – это подготовка «производителя материальных и духовных ценностей, организатора производства материальных и духовных ценностей, борца за осуществление идеалов социализма» [9, с. 13.]. М.Г. Тимофеев, заведующий Томским методическим бюро, отмечал, что «свежие струи новой жизни с трудом пробивались в школу, пропитанную затхлостью буржуазной идеологии. Верхи учительства – учителя старой школы, оглушённые громом революции и выбитые из наезженной колеи “мирного жития”, не могли понять действительного смысла совершающихся вокруг них событий и, ссылаясь на педагогику, продолжали лепетать о “демократической школе, об автономии школьных советов, о свободе преподавания, об основных запросах детской души”» [10, с. 25]. Отстраняясь от декларативных установок «педагогов» из властных структур, попытаемся всё же выяснить, в каких условиях и в какой степени «передовые» идеи западных учителей-теоретиков были воплощены в жизнь учителями-практиками.

Новаторские идеи, официально озвученные А.В. Луначарским и его соратниками, а также закреплённые в упомянутых ранее нормативно-правовых актах, должны были способствовать коренной перестройке системы школьного образования и методики обучения. Так, с осени 1918 г. начала реализовываться концепция Единой трудовой школы. Согласно введённым изменениям в школе было выделено две ступени: I ступень для детей от 8 до 13 лет с пятилетним сроком обучения и II ступень для подростков и юношей 14–17 лет с четырёхлетним курсом обучения. Школьному обучению должен был предшествовать детский сад для детей от 6 до 8 лет. Создаваемая школа должна была стать центром организации детской жизни, соответственно процесс обучения и воспитания планировался как круглогодичный. Зимой дети должны были учиться в школах, посещать заводы и фабрики, а летом участвовать в производительном труде в городе и деревне, применяя на практике полученные в школе знания, умения и навыки [11]. В реальности учебный процесс круглогодичным не стал, более того, учебный год крайне редко начинался и заканчивался в положенное время. Так, в Сибирском крае в 1924/25 учебном году лишь 1,3% сельских школ и около 60% городских школ I ступени школы начали работать в сентябре [12, с. 15]. Причина сложившейся ситуации заключалась в необходимости помощи детей родителям во время сельскохозяйственных работ. Таким образом, теория и практика обучения в действительности как бы существовали в параллельных измерениях по причинам социально-экономического характера.

Помимо попыток ввести круглогодичное обучение приверженцы школьной реформы делали ставку на развитие самостоятельности у учеников. В школах поощрялось выполнение творческих заданий, таких как сочинения, рефераты, конкурсы на лучшую работу, самостоятельные опыты в лабораториях, работа в читальнях, подготовка вечеров, утренников и т.д. [13, с. 456]. Между тем автор в более ранних публикациях акцентировал внимание на про-

блемах, возникших у рядовых учителей при попытке внедрить подобные методы обучения [14]. Речь идёт о нехватке учебников, наглядного материала, что порой ставило в тупик даже самых инициативных педагогов.

На протяжении осени 1919–1922 гг. происходила реструктуризация Единой трудовой школы, в результате которой в 1922 г. основным типом общеобразовательной школы стала девятилетняя школа, состоявшая из двух ступеней: школа I ступени с пятилетним сроком обучения и школа II ступени с четырёхлетним сроком обучения. При этом концепция системы образования не изменилась. В 1921 г. Наркомпросом были приняты «Программы семилетней Единой трудовой школы», в соответствии с которыми устанавливалась тесная связь обучения с действительностью, создавались условия для развития инициативы как у учащихся, так и у преподавателей. Несомненно, что нынешние преподаватели как общей, так и высшей школы при этих словах могут провести параллель с вводимым в настоящее время компетентностным подходом. Между тем в 1920-е гг. взаимосвязь процесса обучения с жизнью осуществлялась иначе, чем в наши дни: посредством реализации идеи трудового воспитания, воплощавшейся на практике через триаду «природа – труд – общество». Это означало, что в ходе комплексного изучения действительности детям следовало получать сведения о природных свойствах объектов, характеристиках социальных институтов и формировать представление о производственных процессах. Такой подход, как считали его адепты, смог бы удовлетворить нужды промышленности и сельского хозяйства, так как воспитывал передового работника, строителя коммунизма [15, с. 455–461]. Такова была теория. Что же происходило непосредственно в школах?

Во-первых, в провинции далеко не сразу начали вводиться новые принципы обучения. Как много позднее отмечали в своих воспоминаниях учителя, на первых порах ни о каких новых методах преподавания им невозможно было и думать, поскольку работа была организована по дореволюционным программам и учебникам [16, с. 83].

Во-вторых, спускаемые «сверху» программы и методики обучения неоднозначно воспринимались учителями. Кто-то в принципе не признавал новой системы преподавания, видя в ней явное смещение в сторону практической трудовой деятельности. В то же самое время некоторые из учителей видели в новом методе обучения возможность для широкого применения творческого подхода. Существовала также категория учителей, относившихся к вводимому комплексному методу критически, т.е. метод в чём-то хорош, но важно его продуманно использовать.

Наконец, «кое-кто в самих школах, включая многих учителей, сохранял скептицизм ко всему новому. Им казалось, что любые изменения подрывают авторитет педагогов, ослабляют дисциплину, поселяют в классах безответственность» [17].

Раскрывая вопрос о работе школы на начальном этапе функционирования советской власти, имеет смысл упомянуть и о некоторых конкретных методических новшествах, «захвативших» одну часть творческих учителей, но в то же время вызвавших явный протест у другой, не менее творческой, но в то же время опытной части школьных преподавателей. Таким педагогическим нововведением начала 1920-х гг. был пришедший из англоязычных стран метод обучения чтению – метод «целых слов». Известный сибирский педагог, просветитель и писатель Адриан Митрофанович Топоров, имевший к началу 1920-х гг. шестилетний опыт работы с крестьянскими детьми, остановился в своих воспоминаниях на использовании популярного «американского» метода и оставил при этом свои резко негативные комментарии. Для наглядности имеет смысл обратиться к первоисточнику: «Это поветрие охватило почти всех учителей начальных школ. Но я захотел самолично убедиться в “чудотворности” метода “целых слов”. Отправился в Барнаульскую школу им. III Коминтерна послушать образцовые уроки “американистки” Левандовской, присланной из Москвы. Попросив разрешения присутствовать на уроке, я сел в гуще малышей. Наблюдал. Учительница (выставив на доске слово “рама”) сказала: “Читайте, дети, это слово сразу, не по буквам”. И по всему классу пробежал шепоток: “РЫ-А-МЫ-А, РАМА...”. Учительница попросила: “Ну, почти ты, Лида”. Лида прочла “РАМА”. Учительница: “Хорошо. Садись”. Так читали дети и другие слова в течение всего урока. Что же получалось? Ясно: сначала я слышал “тихозвучное” чтение, а потом “громкоамериканское”! Никаким методом “целых слов” на уроке и не пахло! Правда, некоторые, наиболее способные дети, научившиеся чтению дома, читали слова сразу и подсказывали своим соседям. Но такие дети всюду были, есть и будут. Они научатся читать по любому методу» [18, с. 70]. Сегодня нет смысла комментировать уроки

«американистов» начала 1920-х гг., но при этом стоит заметить, что и в настоящее время существует большое количество сторонников данной методики обучения, а потому споры о том, каким способом учить читать: фонологически или целыми словами (метод Глена Домана), – остались актуальны и по сей день. Однако в дидактических спорах начала 1920-х гг. можно уловить и более тонкий социокультурный подтекст – противостояние двух противоположных подходов к процессу обучения: западного – перспективного лишь на первый взгляд, и почвеннического – казалось бы, консервативного, но при этом основательного и разумного. Причём традиционный почвеннический подход, как продемонстрировали дальнейшие события, одержал верх, закрепившись в отечественном образовании на долгие десятилетия.

Разумеется, ограниченные рамки публикации не позволяют представить более подробное исследование заявленной в заглавии темы. Однако изученный исторический материал позволяет сделать определённые выводы. Так, политические изменения, произошедшие в России осенью 1917 г., создали возможность воплотить на практике новаторские педагогические идеи, значительная часть которых была рождена на Западе. Между тем объективные условия российской действительности (экономические проблемы; консерватизм многих провинциальных учителей; педагогическая подкованность немалой части преподавателей) не позволили в полной мере воплотить радикальные реформаторские замыслы. Развитие интеллектуального созидательного начала у учеников, о котором много говорилось в официальных документах, формирование творческой инициативы посредством внедрения новых образовательных методик у учителей оказалось ненужным. В результате концептуальные основы школьной реформы, испытав влияние экономической и отчасти социальной конъюнктуры, трансформировались в тезис о воспитании социально ориентированного человека. Причём, если концепция единой трудовой школы с мыслью о развитии самостоятельности у ребёнка весьма быстро сошла на нет, то идея социальной направленности личности составила основу воспитательного процесса в советской школе в последующие десятилетия. Коллективизм, взаимопомощь, установка на служение обществу, сформированные на уровне школы, стали вектором деятельности большинства людей и составили основу социокультурной идентичности советского социума в дальнейшем.

Библиографические ссылки

1. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века: учебное пособие для педагогических учебных заведений / под ред. академика РАО А.И. Пискунова. 2-е изд., испр. и дополн. М.: ТЦ Сфера, 2001. 512 с.
2. Декрет и постановления СНК об организации народного образования в республики // Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.Р-141. Оп. 1. Д. 1.
3. Луначарский А. В. Коммунистическая пропаганда и народное просвещение // Блог о Луначарском. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sites.google.com/site/lunacharskyfund/lib/o-vospitanii-i-obrazovanii/kommunisticheskaya-propaganda-i-narodnoe-prosveshchenie> (дата обращения: 31.05.2013).
4. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века.
5. Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. / пер. с англ. Д.А. Благова. М.: РОССПЭН, 2011. 360 с.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Смирнов И.Л. Современные педагогические течения в России // Сибирский педагогический журнал. Новониколаевск, 1923. № 1–5. С. 13.
10. Тимофеев М. Г. Участие школы в социалистическом строительстве и метод проектов // Просвещение Сибири. Новосибирск, 1930. № 4. С. 25
11. Об Единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение): декрет ВЦИК от 16.10.1918 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. [Электронный ресурс].

Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_377.htm (дата обращения: 31.05.2013).

12. Состояние народного образования в Сибирском крае. (По материалам декабрьского обследования народного образования 1925–26 учебн. года). Барнаул: Б.и., 1927. 68 с.
13. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века.
14. Литвинова О.А. Провинциальный учитель в первые годы советской власти: выживание или вживание в систему? // Общечеловеческие императивы и этнонациональные ценности интеллигенции: материалы XVI Международной научно-теоретической конференции. Иваново: ИвГУ, 2005. С. 92–96; Она же. «Времена не выбирают ...»: О повседневной жизни провинциального учителя начала 1920-х гг. // История в подробностях 2012. №9 (27). С. 60–65.
15. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века.
16. Школа и учительство Сибири 20-е – начало 30-х годов. Материалы по истории культуры и интеллигенции советской Сибири. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978. 190 с.
17. Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг.
18. Школа и учительство Сибири 20-е – начало 30-х годов.

Б. И. МИННИБАЕВ

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета

РОСТ БЛАГОСОСТОЯНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА В ТАССР (1959–1965 гг.)

Правительство Советского Союза выражало большую заботу о народе, в его удовлетворении материальных и культурных потребностях. И это ярко прослеживается на примере ТАССР. За годы семилетки (1959–1965 гг.) советское правительство превратила данный регион, в передовую и многоотраслевую республику. Все предпринятые меры способствовали в создании прочной базы для неуклонного роста благосостояния населения страны.

Как мы знаем, главным богатством любого общества, является человек. Благодаря успешной, планомерной работе советского правительства, увеличивается естественный прирост населения в стране. На 1 января 1960 г. в республике было 36 поселений городского типа, в том числе шесть городов республиканского значения [1, с. 70].

Рабочие классы, работники сельского хозяйства, интеллигенции Татарии, все они преуспевали в жизнь и вкладывали все усилия в реализации программ направленные на улучшение благосостояния страны.

Одним из важных шагов в данном направлении, служило значительное сокращение вооруженных сил. Высвобождаемые средства из данного отрасли, позволили увеличить производство продукции необходимых для населения товаров, улучшить качество народного образования и здравоохранения.

Увеличение продукции народного хозяйства, способствовало росту численности городского населения. Однако в то же время с ростом темпов промышленного строительства, во многих городах и рабочих поселках, создавало трудное положение с жильем.

По мере роста татарской нефтяной промышленности и увеличения объема его добычи, в республике возникли новые города – Лениногорск, Альметьевск. В связи с открытием и разработкой нефтяных месторождений, вступил в строй трубопровод Елабуга-Альметьевск [2, с. 98].

Перед партийными, советскими, профсоюзными, организациями и работниками здравоохранения стояла важная задача, это пропаганда населения за здоровый быт, за здоровый образ жизни. Советское правительство, оказывала всестороннюю помощь через органы здравоохранения в целях повышения санитарной культуры наших городов и сел. И в этих целях, была проведена огромная работа по созданию и организации медицинских и лечебно-профилактических учреждений. Если расходы на охрану здоровья трудящихся, выделяе-

мые из бюджета Татарской АССР, к 1955 г. составляли 259,8 млн рублей, то 1958 г. они составили уже 383, 4 млн рублей [3, с. 86].

Одним из важных показателей благосостояния народа страны, в особенности ТАССР, является уровень потребления продуктов питания и иных товаров. В торговую среду начали внедряться новые прогрессивные формы обслуживания населения: торговля без продавца, продажа товаров по образцам и с открытой выкладкой, доставка товаров и продуктов на дом. Все эти новшества, позволили резко побудить производительность труда работников магазина и в тоже время создать необходимые удобства для покупателей. В целях облегчения труда рабочих, в особенности женщин, в практику вошла система доставки на дом хлебобулочных изделий, картофеля, овощей и других продуктов. Для увеличения потребительской корзины семьи, в Казани и в других городах, начали открываться специализированные магазины, павильоны и домовые лавки по продаже картофеля, овощей и фруктов. Такие торговые магазины возникли также в центрах сосредоточения рабочего класса как в Бугульме, Чистополе, Лениногорске, Зеленодольске, Альметьевске. Ведь главной задачей, выполнения всех разделов семилетнего плана, служила политика по повышению материального благосостояния и культурного уровня советского народа.

Все это, конечно, явилось немаловажным вкладом в дело выполнения семилетнего плана, развития народного хозяйства страны и неуклонного роста благосостояния народа.

Библиографические ссылки

1. Абрамов П.В. Советская Татария. Казань, 1960. 230 с.
2. Там же.
3. Там же.

Е. В. БОДРОВА, В. В. КАЛИНОВ

*Российский государственный университет нефти и газа им. И. М. Губкина,
г. Москва*

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ КРИЗИСА В СОВЕТСКОМ НЕФТЕГАЗОВОМ КОМПЛЕКСЕ В 80-е гг. XX в.

Анализ научной литературы, посвященной проблеме кризиса в нефтегазовом комплексе в позднесоветский период отечественной истории показал наличие различных точек зрения относительно его глубины и причин. Так, директор института проблем нефти и газа РАН, академик А.Н. Дмитриевский пишет: «Тяжелый опыт воздействия мощного углеводородного экспорта на экономику и социальное развитие страны имеется и у нашей страны. Ярчайший пример – СССР во второй половине 1970-х - начале 1980-х годов». При этом Анатолий Николаевич настаивает на принципиальном выводе о том, что необходим «...переход от экономики сырьевой, экспортно-ориентированной, к экономике ресурсно-инновационного типа. Не только добывать нефть и газ, но и самим перерабатывать их – такова задача сегодняшнего дня» [1, с. 35–38.]. А.Н. Дмитриевский в связи с этим напоминает о явно непродуманных решениях советского руководства, в результате которых за 1966–1991 гг. в СССР было построено только семь новых НПЗ, из них шесть – вне РСФСР. После 1966 г. на ее территории был построен лишь один нефтеперерабатывающий завод – Ачинский, который был введен в эксплуатацию в 1982 г. В 1979 г. началась переработка нефти в Нижнекамске, что позволило обеспечить сырьем нефтехимическое производство [2].

Ряд экспертов акцентирует внимание на наличии и иных факторов. Так, Р. Маганов, А. Галустов, Г. Вахитов пишут о в корне неверном подходе, когда предусматривалось использование проектов, будто бы позволяющих добывать «больше» и «интенсивнее», вкладывая как можно «меньше». Это свидетельствовало о волюнтаризме руководителей партии и государства, элементах стихийного подхода, отсутствии государственной программы развития нефтяной отрасли на дальнюю перспективу [3]. Главным принципом подобных концепций являлось утверждение о возможности повышенных отборов нефти за счет примене-

ния интенсивных систем внутриконтурного заводнения с первых дней эксплуатации месторождения, выделения крупных объектов разработки, включающих до 20-25 пластов в один объект, неоправданно редкого начального расположения добывающих скважин и др.[4]. Более 95% добычи нефти перед распадом СССР осуществлялось за счет первичного заводнения, что обусловило преждевременное, не обусловленное самой технологией заводнения, обводнение многих месторождений. Но партийно-государственное руководство поддерживало идею о возможности при минимуме вложений добывать максимум сырья [5]. В действительности, при двухстадийном разбуривании крупные капитальные затраты откладывались на определенное количество лет. Также как и откладывалось обустройство месторождений, требующее значительных средств, и выделение достаточных средств на разведку, ремонт. Именно об этом говорил начальник объединения «Башнефть» С.И. Кувыкин еще в 1957 г. в предложениях по подготовке пятилетнего плана развития народного хозяйства страны. Степан Иванович считал «... необходимым чтобы Госплан СССР, АН СССР и Миннефтепром СССР разработали план обустройства перспективных разведочных площадей на Русской платформе и в Сибири заблаговременно, до начала эксплуатации месторождений и создавать там районные базы с жильем» [6]. В результате игнорирования этих требований работы приходилось проводить в экстремальных условиях, неэффективно расходовались государственные средства, что непременно сказывалось на уровнях и устойчивости добычи нефти и нефтяного газа в будущем [7]. При этом, по данным В. Спандарьяна, 50% валютных средств, полученных от продажи нефти, в течение двух десятилетий уходило на покупку за границей продуктов питания и товаров ширпотреба [8].

Н.А. Мальцев, В.И. Игrevский, Ю.В. Вадецкий в качестве примера подобной политики приводится решение Политбюро ЦК КПСС, принятое в марте 1980 г. об увеличении в Западной Сибири на 10 млн т добычи нефти сверх утвержденного ранее государственного плана в связи с необходимостью закупки 42 млн т пшеницы в Канаде и США. В итоге были введены 18 новых нефтяных месторождений, а на других эксплуатируемых месторождениях простаивали тысячи пробуренных скважин из-за нехватки материально-технических средств, что имело самые негативные последствия для развития НГК в середине 1980-х гг. [9, с.168–169]. В 1985 г. уровень добычи нефти (включая газовый конденсат) по отношению к 1980 г. снизился с 603 млн т до 595 млн т [10, с. 157]. К 1990 г. падение добычи продолжилось и составило 571 млн т (включая газовый конденсат) [11]. В конце 1980-х гг., утверждают эксперты, в нефтедобывающей отрасли возник непреодолимый кризис, суть которого состояла в утрате в сложившихся экстремальных условиях нефтедобывающей отраслью роли балансира в формировании текущего годового бюджета и пятилетних планов страны. Более того, она сама требовала огромных капиталовложений, но выделяемых средств оказывалось недостаточно. Кроме того, из-за резкого сокращения объемов разведочного бурения сложились диспропорции между приростом запасов и объемом добычи нефти, то есть, в расходовании запасов. В качестве примера авторы приводят ситуацию в Западно-Сибирском нефтедобывающем регионе, сложившуюся в 1971–1985 гг., когда добыча нефти выросла в 12,7 раза, а запасы нефти всех категорий увеличились в 3,1 раза, активные запасы – в 1,8 раза [12]. По новым скважинам всех месторождений Тюменской области средний дебит уменьшился с 171 т в сутки в 1975 г. до 26,2 т в сутки в 1985 г., что потребовало увеличения ввода новых скважин, объемов их бурения и обустройства, чтобы удерживать достигнутые в 1980-х гг. объемы добычи в отрасли порядка 580 млн т в год. Кроме того, средняя обводненность добываемой нефти по отрасли в 1989 г. достигла 74%. В результате было поднято из скважин вместе с нефтью 2 млрд т воды [13].

Одновременно объемы экспорта нефти при падении мировых цен оставались примерно теми же: 1980 г. – 119 млн т; 1985 г. – 117 млн т; 1990 г. – 109 млн т, что давало стране в среднем ежегодно за это десятилетие \$34,4 млрд долларов [14], но на модернизацию отрасли не хватало [15, с. 196–198], хотя объемы капиталовложений с 1981. по 1990 г. увеличились в 3 раза. На период с 1991 по 1995 г. требовалось в 1,5 раза больше капиталовложений в отрасль, чем в предшествующее пятилетие. Такие огромные капитальные вложения, требуемые для того, чтобы поддерживать объемы добычи, страна выдержать не могла. По мнению значительной части экспертов, вышеперечисленные причины стоят в ряду основных, обусловивших распад союзного Министерства нефтяной промышленности в начале 1990-х гг. и создание частных нефтяных компаний в условиях

распада СССР. О будто бы «стихийно» возникших частных нефтяных компаниях, по их мнению, не может быть и речи [16].

О том, что к началу – середине 1980-х гг. ни советские ученые-экономисты, ни крупные руководители, принимающие политические решения, не смогли адекватно оценить все последствия интегрированности СССР в мировую экономику, пишет профессор, доктор политических наук, директор Научно-исследовательского центра международной нефтяной политики Китайского нефтяного университета Пан Чанвэй. Поэтому никто из них, полагает автор, не смог предсказать катастрофических последствий падения цен на нефть для советской внешней торговли, ее валютно-финансовой системы, поэтому неожиданный распад СССР оценивался впоследствии либо как результат действия факторов субъективного характера, цепь стратегических и тактических просчетов советского руководства в политической сфере, либо как итог реализации специальной доктрины американского президента Рейгана от 1982 г., направленной на экономическое ослабление СССР. Пан Чанвэй формулирует весьма интересный и значимый для нашего исследования вывод о том, что «именно непонимание новым политическим руководством СССР принципов функционирования мировой экономики, органической частью которой стала советская экономика, лежит в основе неверной оценки ситуации и ошибочных решений» [17]. В качестве аргументов китайский исследователь называет ошибочными не только решения брежневского руководства о необязательности проведения экономических реформ в условиях колоссальных доходов от нефтегазового экспорта (на один вложенный рубль 30–40 рублей прибыли), о продолжении форсированной разработки месторождений, приведшей к быстрому истощению крупнейших месторождений, но и просчеты, допущенные правительством М.С. Горбачева в условиях падения мировых цен на нефть более чем в два раза и одновременно невозможности поддерживать прежний уровень производства нефти, вкладывая сравнительно незначительные средства. Требовались гораздо более серьезные средства. Возможно было, с точки зрения исследователя, параллельно начать освоение новых нефтяных регионов с более дешевой нефтью (на Каспии, в Восточной Сибири, Арктике). Отвечая на вопрос, почему не был реализован этот сценарий, китайский исследователь называет такие причины, как неспешность, затягивание переговоров с американцами о разработке Тенгизского месторождения, задержка с началом разработки ресурсов Восточной Сибири. В свою очередь эти просчеты стали, по мнению автора, результатом «склероза» советской административной системы, который достиг своего апогея – паралича власти, хотя еще в 1960–70-е гг. эта система смогла осуществить масштабный разворот в сторону новых нефтяных регионов. Спасением в той сложной ситуации могло бы стать и резкое сокращение внутреннего потребления хотя бы на 6-7%, чтобы увеличить на 25–30 млн т экспорт нефти и получить значительный приток иностранной валюты. Советское руководство сократило к 1991 г. экспорт сырой нефти более чем в 2 раза – до 54 млн т. Но, по-настоящему катастрофическим положение стало и в связи с падением объемов экспорта металлов, леса, хлопка. В начале 1990-х гг. возник гигантский дисбаланс – объем импорта значительно превышал объем экспорта. При чем импортировалось в основном (более половины) зерно и продовольственные товары. Страна закупала не менее 40% потребляемого ею зерна. К 1990 г. доля этих товаров составляла более половины всего импорта. Ситуация в нереформируемом сельском хозяйстве, самом слабом звене советской экономики, обусловленная еще сталинской форсированной индустриализацией, заставляла наращивать и экспорт, и импорт, расшатывала фундамент экономики, развалила потребительский рынок. В середине 1980-х гг. чрезвычайные меры: повышение розничных цен на продовольствие, введение карточной системы, снижение инвестиций в новое строительство, сокращение военных расходов, импорта и т.п. еще могли спасти ситуацию. Но принятие непопулярных, конфликтных решений постоянно откладывалось. А внешние государственные займы и коммерческие кредиты лишь отодвинули момент катастрофы. Пан Чанвэй резюмирует: «Сегодня ясно, что М.С. Горбачев не был в принципе готов к решительным антикризисным действиям – и по причине своей неконфликтной, конформистской психологии, и по причине отсутствия у него политической и экономической команды единомышленников, а также и по причине воздействия на него влиятельных политических сил изнутри и вовне СССР... Стратегия балансирования между интересами противоположных властвующих элит – не могла быть успешной в условиях кризиса» [18].

Таким образом, форсированное освоение новых месторождений, прежде всего в Западной Сибири, обусловили резкое увеличение объемов капиталовложений на нефтепромысловое обустройство, потребовали технического перевооружения отрасли. Однако на многих месторождениях до конца одиннадцатой пятилетки даже не приступили к строительству компрессорных станций и систем газораспределения, поэтому простаивали несколько сот скважин, прекративших фонтанирование и не поддающихся эксплуатации центробежными электронасосами. В несколько раз возросли затраты на строительство, транспорт в северные районы. Требовалось качественное, надежное оборудование. В первой половине 80-х гг. по нефтедобывающей отрасли капиталовложения увеличились по сравнению с десятой пятилеткой в 1,2 раза, а по сравнению с девятой пятилеткой – в 2,9 раза. Однако коэффициент общей эффективности капиталовложений в нефтяной промышленности снизился с 0,15 в десятой пятилетке до 0,08 в одиннадцатой. Возросли условно-постоянные расходы на одну тонну добытой нефти. В десятой пятилетке в Западной Сибири начался рост себестоимости добычи нефти [19, с. 166].

В связи с этим представляется правомерным вывод ученых В.В. Кулешова и В.А. Крюкова о том, что в советской плановой, чрезмерно централизованной экономике не были заложены механизмы саморазвития и самосовершенствования отдельных экономических объектов, особенно это заметно проявилось с середины 1970-х гг. В условиях роста масштабов, ускорения научно-технического прогресса руководство из единого центра становилось малоэффективным [20, с. 33–34]. В результате, по оценкам С.Ю. Глазьева, в 1970–80-х гг. отставание СССР от ведущих западных стран в сфере внедрения НИР 15–20 лет и увеличивалось, если сравнивать с серединой 1960-х гг., почти вдвое. Средний научно-производственный цикл в нашей стране составлял в 1970-е гг. 17,5 лет, в США – 6–8 лет, а к концу 1970-х – 4–5 лет [21, с. 209].

Нельзя сказать, что не предпринималось никаких попыток ускорить этот процесс. Однако стагнирующую экономику, привыкшую к значительным поступлениям извне, на фоне падения цен на нефть, раскручивающейся инфляции, попыток реализовать чересчур затратный и неточный вариант модернизации, растущих внешних долгов, а в целом – в условиях кризиса управления – спасти не удалось. Как не удалось спасти СССР.

Библиографические ссылки

1. Дмитриевский А.Н. Ресурсно-инновационная экономика: история, проблемы, перспективы // Энергетическая политика. 2011. № 2. С. 35–38.
2. Там же.
3. Маганов Р., Галустов А., Вахитов Г. Структурные преобразования в нефтяной промышленности СССР в начале 90-х годов: причины и следствия. Кто виноват? И что делать? // Нефть России 1999. № 9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oilru.com/nr/57/209/oilru.com> (дата обращения: 15.03.2013).
4. Крылов А. Основные задачи в области разработки нефтяных месторождений // Опыт разработки нефтяных и газовых месторождений: Материалы Всесоюзного совещания по разработке нефтяных месторождений, состоявшегося в г. Киеве. М.: Гостоптехиздат, 1963.
5. Маганов Р., Галустов А., Вахитов Г. Структурные преобразования в нефтяной промышленности СССР в начале 90-х годов: причины и следствия. Кто виноват? И что делать?
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 355. Оп. 1. Д. 390. Л. 22.
7. Мальцев Н.А., Игrevский В.И., Вадецкий Ю.В. Нефтяная промышленность России в послевоенные годы. М.: ВНИИОЭНГ, 1996. 307 с.
8. Спандарьян В. Куда уходит валюта? // Бюллетень ордена Ленина Всесоюзного общества «Знание» // Аргументы и факты. 1989. № 29 (458). 22–28 июля.
9. Мальцев Н.А., Игrevский В.И., Вадецкий Ю.В. Нефтяная промышленность России в послевоенные годы.
10. Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Стат. Ежегодник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1986. 655 с.
11. Народное хозяйство СССР в 1990 г.: Стат. Ежегодник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1991 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://>

file:///C:/DOCUME~1/915E~1/LOCALS~1/Temp/Rar\$EX00.610/%D0%9D%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D1%85%D0%BE%D0%B7%D1%8F%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0_%D0%B2_1990%D0%B312..htm#gid_474 (дата обращения: 04.05.2013).

12. Маганов Р., Галустов А., Вахитов Г. Структурные преобразования в нефтяной промышленности СССР в начале 90-х годов: причины и следствия. Кто виноват? И что делать?
13. Там же.
14. Народное хозяйство СССР в 1990 г.: Стат. Ежегодник / ЦСУ СССР.
15. Мальцев Н.А., Игrevский В.И., Вадецкий Ю.В. Нефтяная промышленность России в послевоенные годы.
16. Маганов Р., Галустов А., Вахитов Г. Структурные преобразования в нефтяной промышленности СССР в начале 90-х годов: причины и следствия. Кто виноват? И что делать?
17. Пан Чанвэй. Нефтяная политика и распад Советского Союза. Взгляд из Китая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.oilforum.ru/index.php?app=core&attach_id=17567...http://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&ved=0CDYQFjAC&url=http%3A%2F%2Fwww.oilforum.ru%2Findex.php%3Fapp%3Dcore%26attach_id%3D17567%26module%3Dattach%26section%3Dattach&ei=LbhOUfXQBMbV4gS8vIHIBQ&usg=AFQjCNFYbZ3-SZKnyYWMcqr571fqmWNhA&bvm=bv.44158598,d.bGE (дата обращения: 25.03.2013)
18. Там же.
19. Нефть СССР (1917–1987 гг.) / Ю.Г. Апанович, Н.М. Байков, М.А. Берлин и др. Под ред. В.А. Динкова. М.: Недра, 1987. 384 с.
20. Кулешов В.В., Крюков В.А. Проблемы развития Западной Сибири в XX веке – повторение пройденных уроков? // ЭКО. 2000. № 12. С. 33–34.
21. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993. 310 с.

Т. Е. КОРШУНОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ИСТОРИИ

Для постановки проблемы необходимо задаться следующими вопросами: Может ли история существовать без человека, а **человек** без истории? И совсем простой, но нелегкий вопрос: Что такое история?

На уровне обыденного мышления вопрос: что такое история? вызывает недоумение и замешательство. Это вызвано тем, что для большинства людей история предстаёт в качестве определённого набора фактов. Неотрефлексированность понимания истории объясняется, видимо, тем, что помимо объективного фактического материала, история предполагает включённость каждого в исторический процесс, наделение человека как временного и социального существа историей. То есть история здесь представляется как неотъемлемое свойство бытия человека, а подобные условия, как например, предрассудки, на которые указывает Х.-Г. Гадамер в своей работе «Истина и метод», не рефлексированы и предстают как нечто само собой разумеющееся, априорное. Тем не менее, и в философии, и в исторической науке проблема осмысления и определения истории является актуальной до сих пор.

Так может ли быть человек без истории? Этот вопрос приводит к кантовскому: А что такое человек?

Что делает человека? Человек входит в мир, который уже есть. Это значит, что уже существует некая система жизни, безусловно, накопленная постепенно. Однако, история – это не наука о прошлом, т.к. она не уходит и не приходит. Она – всегда рядом. В нас. А мы – в ней.

Человек, несомненно, историчен. Он получает системы знаков и символов, этические, аксиологические, правовые устои. Все системы формируются в истории. Т.е. *история – способ приспособления к реальности и приспособление к себе окружающего мира. История – человеческий способ вживания в окружающую среду.*

Несомненно, человек формируется благодаря историческому наследию (например, никто не будет отрицать влияние на становление человека ментальных особенностей, которые формируются исторически). Но если уже все человеческие качества заложены до человека, то будет ли что-то в человеке, что делает его личностью, что будет ставить его единичного перед всем потоком человечности?

Х. Ортега-и-Гассет говорит, что «человек толпы, уверенный в самодостаточности себя, не требует ничего, пребывая в восторге от себя», а избранный, выделившийся из многих, «требует от себя многого». Человек толпы доверяет себя ей. Он довольствуется предложенным ему, подвергается бурному течению истории, течению человеческой жизни, что неотъемлемо от исторического процесса. Но в самой истории такой человек не отметится. Под личностью же здесь понимается тот, кто совершает рефлексию не только над недавно происшедшим, но и тот, кто пытается в общем охватить окружающее, выработать своё мировоззрение, но не оставаться в закоснелости.

Так, что такое история? Если мы ответим: «Наука», то сможем ли указать на повторяющиеся процессы, выделить стабильные закономерности? Человек историчен. Несомненно – ведь он приходит в мир без каких-либо знаний, однако, он уже оказывается погружён в сформированную систему человеческого мира. Таким образом, история даёт человеку человеческое. История выступает как накопитель, оформитель и образователь системы человеческой жизни. В свою очередь, сама история формируется человеком. Однако человек же в своей исторической длительности не даёт истории стать наукой точной, с формулами, закономерностями. Не зря долгое время шли споры о том, кто творит историю: личность, наделённая особыми качествами, которые отличают её от остальных; или же исторический процесс создаёт такие условия, при которых тот или иной человек оказывается ключевой фигурой. В самом деле, глядя на прошлые отпечатки человеческой жизни можно найти подтверждение как первому, так и второму мнению, однако, это даёт лишь основания для размышлений над собственной жизнью – хочешь ли ты быть захваченным бурным потоком человеческого и нестись с ним по течению, или делать своё русло, которое направит течение твоей жизни?

Разнообразные трактовки истории указывают на нерешённость и многоплановость этой проблемы. Однако, несмотря на различия в понимании истории, сам человек не может быть осмыслен вне истории, т.к. такие категории человеческого бытия как язык, стереотипы поведения и мышления (предрассудки, ментальные основы), окружающий его социум, с которым он непрерывно взаимодействует и окружён им, несут на себе отпечаток истории, а также исторически развиваются. И человек, будучи обусловлен этими категориями, а кроме того – исторической ситуацией, определённой эпохой, в определённой степени не один и тот же в разные периоды времени.

Таким образом, человек является историчным существом, так как вовлечён в процесс истории, но и история не может существовать без человека, который является её творцом.

Ю. П. ШВЕЦ

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

О ДОГОНЯЮЩЕМ ТИПЕ РАЗВИТИЯ РОССИИ

В последнее время усилились споры об оценке политической деятельности И.В. Сталина и, в частности, о репрессиях 1930-х гг. При этом все участники дискуссий делятся на две группы - сторонников и противников политики И.В. Сталина, а в качестве критерия оценки выступают моральные рассуждения о том, оправдывают или нет достигнутые результаты принесенные жертвы. Однако известно, что задача историка состоит не в том, чтобы оправ-

дывать или обвинять кого-либо, а в том, чтобы понять причины, которые заставили историческую личность действовать таким образом. Иначе говоря, задача историка состоит в том, чтобы дать такое теоретическое объяснение политике И.В. Сталина, которое бы не противоречило всему процессу исторического развития России, а являлось бы его неотъемлемой составной частью. Таким образом, для того, чтобы дать ответ на частный вопрос о причине сталинских репрессий 1930-х гг., необходимо дать ответ на более общий вопрос об особенностях российского исторического процесса в целом. В отечественной историографии к числу таких общих вопросов относится вопрос о так называемом догоняющем типе развития России. Об этой исторической особенности развития страны сообщали разные авторы, однако первым из них, кто обратил внимание на своеобразный характер развития России, был П. Я. Чаадаев.

В 1836 г. П.Я. Чаадаев в своей работе «Апология сумасшедшего» отметил, что есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия и истинной причиной нашего умственного бессилия - это факт географический [1, с. 161].

В связи с данным заявлением П.Я. Чаадаева возникает представление о схожести земного шара и человеческой головы, не только по форме, что не вызывает удивления, так как люди - это дети Земли и должны быть на нее похожи и по устройству. Как известно, человеческий мозг разделен на два полушария, левое и правое, каждое из которых отвечает за свою половину человеческого тела – левое полушарие за правую половину тела, а правое полушарие за левую половину тела. При этом, между полушариями человеческого мозга находится мозолистое тело, в случае разрушения которого происходит раздвоение личности человека, выражающееся в борьбе между собой левой и правой руки. То есть, мозолистое тело выполняет функцию связующего звена между двумя полушариями мозга, объединяя их в единую человеческую личность. Такую же функцию, но только в масштабах Земли, выполняет евразийская российская цивилизация, которая является синтезом восточной и западной цивилизаций. При этом, передача Россией достижений западной цивилизации на Восток способствует сближению Запада и Востока и ведет к образованию единой мировой цивилизации [2, с. 25]. Таким образом, П. Я. Чаадаев стал первым российским геополитиком, то есть человеком, объяснившим особенности исторического развития России ее географическим расположением между Азией и Европой.

Следующий шаг в изучении данного вопроса был сделан К. Марксом и Ф. Энгельсом. В письме Ф. Энгельса от 6 июня 1853 г. К. Марксу говорится о том, что «отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всей истории Востока. В этом основа всей его политической и религиозной истории. Но почему восточные народы не пришли к частной собственности на землю, даже к феодальной собственности? Мне кажется, что это объясняется, главным образом, климатом и характером почвы, в особенности же великой полосой пустынь, которая тянется от Сахары, через Аравию, Персию, Индию и Татарию, вплоть до наиболее возвышенной части азиатского плоскогорья. Первое условие земледелия здесь – это искусственное орошение, а оно является делом центрального правительства [3, с. 221].

В статье «Британское владычество в Индии» К. Маркс приводит данную цитату и добавляет, что «эта элементарная необходимость экономного и совместного использования воды на Востоке, где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, повелительно требовала вмешательства централизирующей власти правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации общественных работ» [4, с. 130].

Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс установили причину различия между цивилизациями Европы и Азии, которая состоит в том, что в основе европейской цивилизации находится частная собственность на землю, а в основе восточной цивилизации находится государственная собственность на землю.

Новый шаг в изучении данного вопроса был сделан русским историком П.Н. Милюковым. В начале XX в. он высказал предположение о том, что различие между процессами истори-

ческого развития России и Западной Европы состоит в том, что в России государство возникло раньше, чем его мог создать процесс внутреннего экономического развития, а в Западной Европе, наоборот, возникновение государства стало результатом внутреннего процесса развития экономики [5, с. 28].

Таким образом, по мнению П.Н. Милюкова, цивилизация Западной Европы строилась естественно, то есть снизу вверх, а российская цивилизация строилась искусственно, то есть сверху вниз. Причиной такого развития России, по мнению П.Н. Милюкова, была необходимость защиты страны от угрозы внешнего нападения. В то же время, предположение П.Н. Милюкова осталось лишь догадкой, поскольку он не смог объяснить того, каким образом процесс исторического развития России пришел в столь разительное противоречие с процессом исторического развития Западной Европы. Для ответа на данный вопрос необходимо напомнить о том, что первоначально на территории континента Евразии двумя основными типами хозяйства были оседлое земледелие и кочевое скотоводство. При этом, в силу климатических и географических особенностей Европы на ее территории в основном преобладал первый тип хозяйства, хотя в причерноморских степях имелись условия для занятия кочевым скотоводством.

В то же время на территории Азии с ее засушливым климатом и наличием больших степных пространств более благоприятные условия сложились для развития кочевого скотоводства, хотя на орошаемых территориях развивалось и поливное земледелие. При этом каждому типу хозяйства соответствовал свой тип цивилизации. Так, европейскому оседлому земледелию, основанному на частной собственности на землю, соответствовал западный, или европейский, тип цивилизации, а кочевому скотоводству и поливному земледелию при наличии государственной собственности на землю соответствовал восточный или азиатский тип цивилизации. В связи с этим отличительной особенностью структуры цивилизаций западного типа было доминирование общества над государством, а отличительной особенностью структуры цивилизаций восточного типа было господство государства над обществом. Таким образом, в цивилизациях западного типа целью развития является общество, а средством для его развития служит государство, в то время как в цивилизациях восточного типа целью развития является государство, а средством для его развития служит общество. Каждому типу цивилизации соответствует свой определенный способ развития. Так, цивилизации западного типа изменяются по линейному типу развития. В этом случае преобразования проводятся обществом, как правило, в форме революций, начиная с демократических изменений в политике, после чего следуют перемены в экономической и социальной областях. При этом, в цивилизациях западного типа существует внутренний источник развития, в качестве которого выступают потребности развития западного общества.

Иначе изменяются цивилизации восточного типа, способ эволюции которых получил название догоняющего типа развития. Особенностью цивилизаций восточного типа является отсутствие у них внутреннего источника развития, как в цивилизациях западного типа, но наличие внешнего источника развития, в качестве которого выступает враждебное иностранное государство, представляющее угрозу для государства восточной цивилизации. С целью ликвидации этой угрозы государство восточной цивилизации проводит преобразования догоняющего типа, задачей которых является собственное усиление и устранение внешнеполитической опасности. При этом преобразования проводятся государством в виде реформ, начиная с экономических изменений, после чего следуют политические и социальные реформы.

Таким образом, различие между цивилизациями западного и восточного типов состоит в том, что в структуре цивилизаций западного типа вторично государство, и первично общество, которое проводит преобразования линейного типа в виде революций, начиная с демократических изменений в политике, после чего следуют перемены в экономической и социальной областях; а в структуре цивилизаций восточного типа вторично общество, а первично государство, которое проводит преобразования догоняющего типа в виде реформ, начиная с экономических изменений, после чего следуют реформы в политической и социальной областях. В связи с этим движущей силой развития цивилизаций западного типа является общество, а движущей силой развития цивилизаций восточного типа является государство. При этом, если в цивилизациях восточного типа проводить преобразования по-европейски, то есть начиная с демократических изменений в политике, то в них происходит ослабление государства и начинается хаос и дезорганизация, получившие название Русской смуты.

Таким образом, если исходить из особенностей обоих типов цивилизаций, находящихся на одинаковом уровне развития, то становится понятным, что в случае военного столкновения между ними, более централизованная цивилизация восточного типа должна была бы иметь преимущество над государством оседлого земледельческого народа цивилизации западного типа. Именно это и произошло в XIII в., когда в результате монголо-татарского нашествия русский народ был завоеван кочевой Ордой и попал под 240-летнее иго. Результатом этого стало изменение типа российской цивилизации. Дело в том, что домонгольская Киевская Русь была цивилизацией западного типа, для которой было характерно доминирование общества над государством, что на практике приобретало форму политической свободы. В результате 240-летнего монголо-татарского ига произошла трансформация типа российской цивилизации, то есть изменение ее структуры, когда вместо цивилизации западного, то есть европейского типа, какой была Киевская Русь, возникла цивилизация восточного или так называемого «евразийского» типа, то есть Московская Русь. Ее отличительной особенностью стало наличие в ней элементов как западного, так и восточного типов цивилизаций. К числу первых относится наличие в Московской Руси оседлой земледельческой экономики и общества европейского типа, а к числу вторых – восточная структура российской цивилизации, при которой государство господствует над обществом.

При этом особенностью российской цивилизации являлось то, что в отличие от классической восточной цивилизации, где господство государства над обществом объяснялось экономическими причинами, то есть необходимостью организации государством общественных работ, как правило, орошения земли, в Московской Руси доминирование государства над обществом объяснялось политическими причинами, а именно: необходимостью защиты страны от угрозы внешнего нападения.

Таким образом, можно сказать, что Россия – это военная страна, а русские – это военный народ.

Одновременно с изменением типа российской цивилизации произошло изменение способа ее развития, то есть вместо линейного типа развития Киевской Руси возник догоняющий тип развития Московской Руси. Это обстоятельство имело для Руси как положительные, так и отрицательные последствия. К числу отрицательных нужно отнести возникновение на Руси политической системы восточного типа, более напоминавшей азиатскую деспотию, чем европейскую монархию, а к числу положительных – достижение русским народом своей национальной независимости.

Таким образом, говоря о результатах монголо-татарского ига для Руси, необходимо подчеркнуть, что под его влиянием произошло изменение типа российской цивилизации, то есть ее структуры: вместо цивилизации западного типа, а именно Киевской Руси, где общество доминировало над государством, возникла цивилизация восточного типа, а именно Московская Русь, где государство господствовало над обществом. При этом изменился и способ развития Руси, когда вместо западного линейного типа развития Киевской Руси возник восточный догоняющий тип развития Московской Руси. Однако это обстоятельство не было осознано российскими реформаторами, которые продолжали и продолжают считать Россию цивилизацией западного типа и проводили в ней преобразования по европейскому образцу, то есть копируя Запад, что приводило к отрицательным результатам.

Первым и, к сожалению, не последним примером подобного неудачного опыта копирования западных преобразований стали реформы избранной Рады периода правления Ивана IV Грозного. В это время в России был созван Земский Собор, были отменены боярские кормления, а местное управление и суд переданы в руки избранных населением старост и судей. В стране появились первые органы исполнительной власти в форме приказов. Таким образом была сделана попытка проведения демократических реформ европейского образца, то есть разделения политической власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Однако добиться эффективного управления страной демократическими методами Иван IV Грозный не смог, так как население России восприняло ослабление централизации не как переход к самоуправлению, а как сигнал к дезорганизации, росту преступности и отказу от уплаты налогов, то есть к ослаблению страны. Ответом на это стала политика опричнины, то есть попытка Ивана IV Грозного укрепить государство с помощью репрессий, направленных против всех сословий российского общества. Таким образом, из этого следует, что причину неудачного реформирования России Иван IV Грозный видел не в объективных особенностях российской цивилизации, которая не может быть реформирована по ев-

ропейскому образцу, как он это пытался сделать, а в субъективных действиях населения страны, которое не оправдало доверия царя, злоупотребив предоставленными ему политическими свободами.

В то же время отрицательный результат реформирования России Иваном IV Грозным в XVI в. подготовил почву для успешной модернизации страны Петром I в XVIII в.. При этом главной заслугой Петра I стало то, что он, впервые в мировой истории, смог реформировать Россию, то есть не европейскую цивилизацию с помощью государства, методом догоняющего типа развития, открыв, тем самым, способ реформирования цивилизации восточного типа. Такой же точки зрения придерживался английский историк А. Дж. Тойнби, считавший, что Петр I являлся ключевой фигурой для понимания отношений Востока и Запада. Его заслугу А. Дж. Тойнби видел в осуществлении модернизации России с помощью государственных реформ, а не революции, как на Западе, что показало пример всем странам Востока избавило, таким образом, весь остальной мир от попадания в полную зависимость от Запада [6, с. 440].

В дальнейшем этому примеру России последовали такие страны Востока как Япония, Турция и Китай, а в настоящее время следуют Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур. При этом метод догоняющего типа развития получил в Азии название модели «просвещенного авторитаризма», которая предполагал формирование регулируемого государством рынка в условиях управляемой демократии. По мнению представителей «просвещенного авторитаризма», экономические реформы должны предшествовать политическим переменам. Лишь только после того, как сформированные при активной роли государства рыночные отношения улучшат жизнь людей, можно будет переходить к политическим преобразованиям.

Однако в самой России опыт модернизации цивилизаций восточного типа, открытый Петром I, усвоен не был. Поэтому уже в XIX в., во время реформ Александра II были допущены старые ошибки. Они заключались в том, что преобразования проводились по европейскому образцу, то есть основывались на либеральном принципе отказа от руководящей роли государства во время проведения реформ [7, с. 147]. Данная политика Александра II полностью копировала опыт передовых стран Европы, таких как Англия и Франция, считавших, что лучшим способом развития экономики является опора на частную собственность и свободную конкуренцию. Однако либеральная политика Александра II не оправдала возглавлявшихся на нее надежд. Причина этого состояла в том, что создание частных банков и железных дорог породило массовые спекуляции и злоупотребления, на которых наживались отдельные спекулянты, а страдали многочисленные мелкие вкладчики. Все это вызывало в обществе резкое недовольство по поводу экономического курса правительства Александра II и порождало требования о выработке новой экономической политики, которая бы выражала интересы большинства населения России. Результатом ошибочного либерального курса Александра II в политике стали хаос и дезорганизация, завершившиеся убийством царя-реформатора. А в экономике – разгул спекуляций и коррупция, закончившийся экономическим кризисом 1870-х гг.

В лучшую сторону положение дел в стране изменилось с приходом к власти императора Александра III. Его политика «контрреформ» заключалась в отказе от либеральной модели развития России, применявшейся Александром II, и переходу к новой модели развития страны, предполагавшей проведение реформ под контролем государства. В результате политики «контрреформ» Александра III к концу XIX века Россия по темпам экономического развития вышла на первое место в Европе и второе место в мире, уступая лишь США. Продолжение данного политического и экономического курса должно было способствовать превращению России в одну из развитых стран мира. Однако сбалансированная и миролюбивая политика императора Александра III сменилась агрессивной политикой Николая II, которая привела Россию к войне. В связи с этим, возникает вопрос о том, являлось ли свержение самодержавия в России объективно неизбежным событием или было результатом ошибочной внутренней и внешней политики императора Николая II.

Для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к высказыванию историка В. О. Ключевского о том, что обычно война - это тормоз реформ, проведение которых требует мира, однако в российской истории действует иное соотношение.

В России война с победоносным результатом укрепляет существующий политический порядок, а проигранная война вызывает общественное недовольство, которое заставляет пра-

вительство проводить реформы. Так, по словам В.О. Ключевского, успехи внутренней политической жизни в России приобретаются ценой внешних несчастий [8, с. 190]. В связи с этим возможны три варианта развития России: во-первых, в случае выигранной войны, во-вторых, в случае проигранной войны и, в-третьих, в условиях мирного времени.

В случае первого варианта развития событий, то есть победы в войне, Россия вступает в состояние застоя, о чем говорил еще В.О. Ключевский. Этот вариант развития России страдает тем недостатком, что кратковременная стабилизация внутривнутриполитической ситуации в стране, вызванная патриотическим подъемом народа, приводит к последующему застою и затягивает проведение реформ. В результате такого развития событий Россия останавливается в своем поступательном движении и начинает отставать от других стран, что, в конечном счете, заканчивается её поражением. В случае второго варианта развития событий, то есть поражения России в войне, она вступает в период преобразований, о чем также упоминал еще В.О. Ключевский. Данный вариант развития России также является нежелательным, поскольку не гарантирует страну от революционных потрясений, которые могут завершиться ее распадом. Кроме того, даже в случае успеха проведенных в стране реформ Россия все равно останется внутри замкнутого круга, когда победа в войне приводит к застою, который, в свою очередь, ведет страну к отставанию в развитии и поражению в новой войне, после чего все снова повторяется.

И, наконец, существует третий вариант развития России, о котором В.О. Ключевский ничего не сообщал и который предполагает реформирование страны под контролем государства в условиях мирного времени. Этот вариант развития России был реализован во время правления императора Александра III «Миротворца». Основным содержанием его курса «контрреформ» был отказ от агрессивной внешней политики и концентрация усилий на проведении в стране социально-экономических реформ под контролем государства. В результате этой политики к концу XIX в. Россия вышла на первое место в Европе по темпам экономического развития и на пятое место в мире по объему ВВП.

Сторонником именно такого варианта развития России был С.Ю. Витте, считавший, что единственной возможностью предотвратить в стране революцию было проведение всесторонних социально-экономических преобразований в духе реформ Александра III [9, с. 475]. Именно о таком варианте развития России писал Александр III в своем завещании Николаю II, подчеркивая необходимость поддерживать в стране внутренний и внешний мир, для того чтобы она могла спокойно развиваться [10, с. 59].

Таким образом, наиболее оптимальным для России вариантом развития является проведение в ней социально-экономических и политических реформ под контролем государства в условиях мирного времени.

Однако наиболее оптимальная для России миролюбивая внешняя и внутренняя политика оказалась нереализованной по причине проведения императором Николаем II агрессивной внешней политики. В связи с этим, отвечая на вопрос о причине свержения самодержавия в России, следует сказать, что ею стала ошибочная политика императора Николая II, заключавшаяся в отказе от проведения в стране необходимых социально-экономических и политических реформ и стремлении отвлечь внимание российского общества от решения внутренних проблем с помощью агрессивной внешней политики, но потерпевшего в этом неудачу.

Однако свержение самодержавия в России и установление Советской власти также не решило основных проблем страны, поскольку привело к созданию тоталитарного сталинского режима и репрессиям 1930-х гг. В связи с этим, для того чтобы ответить на вопрос о причине подобного развития событий, необходимо обратить внимание на определенную закономерность российского исторического процесса, а именно на его повторяемость. Эта повторяемость состоит в том, что многие российские реформы имеют двойственный характер, то есть они начинаются с демократических преобразований в политике, а заканчиваются контрреформами, то есть «закручиванием гаек». Примером этого могут быть события периода правления Ивана IV Грозного, а именно, реформы Избранной рады и опричнина; эпоха Великих реформ Александра II и контрреформы Александра III; свержение в России самодержавия и установление тоталитарного сталинского режима; и, наконец, демократические реформы М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина и последовавшее за этим наведение порядка при В.В. Путине.

Общей особенностью этих реформ является то, что все они начинались с демократических изменений в политике, после чего производились преобразования в экономической и социальной областях. Однако известно, что проведение сначала политических, а затем уже экономических и социальных преобразований является примером европейского развития линейного типа. В то же время известно, что российская цивилизация напоминает цивилизацию восточного, а не европейского типа, так как для ее структуры характерно господство государства над обществом, а не наоборот, как в Европе. Однако в том случае, если в неевропейской российской цивилизации проводить преобразования по европейскому образцу, то есть начиная с демократических изменений в политике, то в ней происходит ослабление государства и начинается хаос и дезорганизация, получившие название Русской смуты. После этого российским реформаторам предстояло выбирать из двух вариантов: или полный распад страны в случае продолжения демократических преобразований, или прекращение реформ и возвращение страны в первоначальное состояние — с помощью политики опричнины Ивана IV Грозного, или с помощью политики контрреформ Александра III, или с помощью репрессий И. В. Сталина, или с помощью политики наведения конституционного порядка при В.В. Путине.

При этом сами российские реформаторы часто не понимали того, почему, выражаясь словами В.С. Черномырдина, у них «получилось как всегда», в то время как они хотели, чтобы получилось «как лучше». Также они ошибочно считали, что причиной их неудач является отсталость русского народа, а не их непонимание особенностей российской цивилизации, которая, вопреки их желанию, не может быть преобразована по европейскому образцу. Таким образом, основной причиной сталинских репрессий 1930-х гг., как и основной причиной всех остальных российских контрреформ, являлось ошибочное, то есть механическое копирование Россией политической системы стран Запада, без учета различий, имеющих между ними, что в итоге давало для России отрицательный результат.

В то же время, кроме основной причины как сталинских репрессий 1930-х гг., так и остальных российских контрреформ, имелась и дополнительная причина, приводившая к необходимости насильственного укрепления государства в качестве гаранта существования России. Так, в воспоминаниях В.М. Молотова говорится о том, что в результате сталинских репрессий 1930-х гг. была уничтожена так называемая пятая колонна, то есть люди, которые могли бы стать предателями Родины в случае начала войны [11, с. 73]. Для того, чтобы понять данное заявление, необходимо снова вернуться к уже упоминавшейся нами цитате В.О. Ключевского о том, что обычно война — это тормоз реформ, проведение которых требует мира, однако в российской истории действует иное соотношение. В России война с победоносным результатом укрепляет существующий политический порядок, а проиграна война вызывает общественное недовольство, которое заставляет правительство проводить реформы. Так, по словам В.О. Ключевского, успехи внутренней политической жизни в России приобретаются ценой внешних несчастий [12, с. 190].

Указанная В.О. Ключевским особенность русского исторического процесса была хорошо известна все его современникам, которые стремились ею воспользоваться в своих интересах. Так, С.Ю. Витте в своих воспоминаниях приводит слова министра внутренних дел В.К. Плеве, сказанные им военному министру А.Н. Куропаткину о том, что тот не знает внутреннего положения России, для которого, чтобы предотвратить революцию, нужна маленькая победная война [13, с. 425]. Этой же точки зрения, по словам С.Ю. Витте, придерживался и сам царь Николай II, надеявшийся с помощью маленькой победоносной войны с Японией предотвратить в стране революцию. В то же время противники царизма надеялись на то, что в случае поражения страны в войне самодержавие будет вынуждено пойти на реформу. Подобное развитие событий уже было в истории России после проигранной ею Крымской войны в 1853–1856 гг., что привело к отмене крепостного права и другим реформам Александра II. Исходя из этого, во время русско-японской войны 1904–1905 гг., либеральная часть русского общества во главе с П.Н. Милюковым на страницах журнала «Освобождение» высказывалась за поражение России в этой войне [14, с. 342]. При этом неприязнь русской оппозиции к царскому самодержавию доходила до того, что после гибели русского флота в Цусимском сражении некоторые ее представители отправили поздравление японскому императору в связи с этим событием. Ситуация не изменилась и во время Первой мировой войны 1914–1918 гг., когда русская оппозиция также высказалась за поражение России в этой войне. Позднее П.Н. Милюков признавал, что вина за поражение

России в Первой мировой войне частично лежит на блоке кадетов и октябристов, которое приняли решение воспользоваться войной для свержения самодержавия и добились этой цели. Подобной же тактики придерживались и другие оппозиционные партии России, в том числе и большевики во главе с В.И. Лениным, выступавшие за поражение России в Первой мировой войне. Таким образом, указанную В.О. Ключевским особенность российского исторического процесса различные политические силы России пытались использовать в своих интересах. Консервативная часть российского общества во главе с Николаем II стремилась к победе в Первой мировой войне для стабилизации существовавшего политического режима, а российская оппозиция и в том числе партия большевиков выступала за поражение страны в войне, надеясь таким образом прийти к власти.

Все эти обстоятельства были хорошо известны И.В. Сталину, который, находясь в рядах оппозиционной партии большевиков, сам приложил немало усилий для поражения России в Первой мировой войне. Однако, став во главе страны, И.В. Сталин должен был учесть уроки Первой мировой войны, главным из которых был тот, что в ходе войны потерпел поражение не столько фронт, где русская армия делала свое дело, сколько тыл, который не выдержал тягот военного времени, в том числе и из-за предательской деятельности оппозиции. Поэтому, чтобы не повторять ошибок Первой мировой войны в будущем, необходимо было укреплять тыл, что естественным образом предполагало устранение всякой оппозиции в стране. Именно эту цель и преследовали сталинские репрессии 1930-х гг., и именно это имел в виду В.М. Молотов, когда говорил об уничтожении накануне войны так называемой пятой колонны, то есть людей, способных стать предателями Родины в случае начала войны.

Таким образом, основным недостатком российской оппозиции являлось то, что она всегда действовала по принципу «чем хуже, тем лучше», то есть ради прихода к власти готова была пожертвовать интересами всей страны, вынуждая власть прибегать к репрессиям.

Очередным доказательством крайней неустойчивости отечественной оппозиции стало ее поведение во время президентских выборов 2012 г., когда представители большинства оппозиционных партий России «отличились» своими посещениями американского посольства в Москве, лишняя раз подтвердив тот факт, что ненадежность российской оппозиции является не случайностью, а закономерным явлением.

Библиографические ссылки

1. Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение. М., 1988.
2. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М., 2002
3. История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1989.
5. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1956.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 9. М., 1956.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 28. М., 1956.
8. Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М., 1990.
9. Милюков П.Н. Очерки по истории культуры. М., 1990.
10. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2003.
11. Хереш Э. Николай II. Ростов-на-Дону, 1988.
12. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989.

ЧАСТЬ 3. СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Г. Н. ГЛИОС

Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул

ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Стремительные интеграционные процессы современной цивилизации в очередной раз поставили многочисленные вопросы, требующие оптимального разрешения. Развитие многих государств современного мира в условиях глобализации оказалось поставленным перед дилеммой – либо трансформирование в рамках сценариев западного глобализма, с последующей утратой национальной и социокультурной самоидентификации, либо следование традиционному пути развития, с сохранением ментальных основ развития общества. Наиболее уязвимой и подверженной изменениям оказалась сфера общественного и правового сознания современной России. В этой связи особую значимость приобретают концептуальные основания философии права как основа правосознания и политико-правовой доктрины современного российского социума.

Являясь концептуальным основанием права, правовая доктрина выступает атрибутивным элементом любой правовой системы. Следовательно, говоря о правовой культуре и концепции современного общества, необходимо учитывать всю совокупность условий, оказывающих влияние на ее становление в переходный период. С позиций социальной философии, широкая, стратегическая правовая доктрина – это концепция, на базе которой может осуществляться относительно неконфликтное, целенаправленное, комплексное существование в России в переходный период, разворачивание социально-экономического, социально-экологического, политико-правового, социально-культурного, международного политического строительства нового этапа развития общества в соответствии с избранными социальными идеалами, целями и задачами в основных сферах социальной жизни.

В процессе сближения правовых систем и унификации законодательства в русле глобализационных процессов общепризнанные принципы права как синтез общечеловеческих ценностей становятся важным источником правового регулирования. В основе общепризнанных принципов права лежит всеобщая заинтересованность государств в наличии универсального и общеприемлемого правового решения постоянно растущих проблем. Несмотря на то, что процессы, охватившие современные цивилизации Востока, Запада и России, носят поистине мировой масштаб (переход к многополярному миру), попытки унификации национально правовых систем служат интересам западного глобализма, где под эгидой общечеловеческих ценностей и происходит стирание национально-правовых различий, представляя по существу новую форму порабощения государств.

Поскольку существование в рамках самоизоляции уже неприемлемо для оптимального развития российского социума необходим разумный синтез концептов развития, позволяющий соблюдать баланс между возможными сценариями, и вступать в мировые интеграционные процессы, не рискуя при этом утратить самостоятельный вектор социальной динамики.

Только на основе диалектического взаимодействия исходных теоретических и практических основ и уровней правовой культуры и правосознания, на наш взгляд, возможно оптимальное развитие правовой системы и правосознания граждан современной России.

Таким образом, рассматривая правовую культуру и правовую концепцию современного российского общества, можно заключить следующее.

1. Правовая концепция современного российского общества находится в стадии становления. Факторы, оказывающие влияние на становление правовой концепции современного рос-

сийского государства, можно условно разделить на две группы: внутренние, отражающие логику и преемственность политико-правовых идей применительно к сложившимся социокультурным условиям современного российского общества, и внешние, представляющие уровень достижений и тенденций мировой политико-правовой системы, оказывающих влияние на формирование данной концепции извне, зачастую, не учитывающих преемственности в системе политико-правовых ценностей российского социума.

2. К числу важных проблем становления правовой доктрины современной России следует отнести разумное сочетание и преемственность традиционных и новационных подходов в формировании новой мировоззренческой парадигмы; преодоление архаизмов и пережитков в системе общественного сознания и переход к концепции сбалансированного (оптимального) развития общества.

3. Приоритетной задачей развития российского законодательства необходимо считать правильное определение ценностной и социально направленной ориентированности современного российского права. До сих пор в своем большинстве своем, принимаемые законодательные акты носят парциальный характер, с одной стороны, отражая интересы только элитарных слоев российского общества и иностранных государств (например в рамках ВТО, Болонского процесса и т.п.), а с другой – из-за внутренней несогласованности юридических законов, допускающих правовой хаос. В силу изложенного необходимо придать им оптимальное ценностное содержание, отражающее интересы широких слоев общества в целом и многовековые культурно-исторические и ментальные традиции российского народа в частности.

4. Многие положения действующей Конституции РФ носят декларативный характер в силу того, что в ее концептуальной основе заложены принципы теоретической инокультурной модели государства западного либерального типа. Несоответствие теоретических положений объективно существующим реалиям современного российского социума не позволяет считать их оптимальными для перспективного развития России.

5. Жизнеутверждающим основанием новой правовой концепции России могут служить только положения, адекватные всей совокупности социоприродных условий и находящихся поддержку на уровне традиционного российского менталитета. Модель либерального государства и возможность построения «правового государства» все более исчерпывают себя, поскольку представляют собой несоответствие российской ментальности, следовательно, направляют российское общество по бесперспективному пути развития. Но поскольку переходный период еще не завершен, можно исправлять ошибки политико-правовой теории и законодательства, закономерно изменять правосознание населения и направлять политико-правовое и социальное развитие по действительно правильному, сбалансированному пути, на котором современное российское общество и государство займут действительно достойное место в современной цивилизации.

Правосознание и правовая культура современной России рубежа XX–XXI вв., характеризующееся пока бессистемностью, хаотичностью, присутствием в нем архаизмов и новаций российского и западного образца, с необходимостью будет трансформироваться. Но изменения могут быть как оздоравливающе-оптимогенными, так и конфликтогенно-разрушительными, подчиняющими Россию иностранному господству. Задача здоровых слоев российского социума, в том числе носителей научно-философского и правового профессионального сознания, – способствовать обеспечению выхода России из переходного периода на путь самостоятельного демократического гражданского правоответственного государства с оптимальным сочетанием государственной, частной, индивидуальной собственности и достижение такого уровня, чтобы с нашей страной считались и сотрудничали на равных другие государства современного мира. И ведущую роль в формировании оптимального правосознания граждан и становлении политико-правовой доктрины современной России могут исполнить идеи философии права, как наиболее оптимальная концептуальная основа данного процесса.

В. С. САПЕЛКИН, Е. В. УШАКОВА, И. А. ЖЕРНОСЕНКО, В. П. ДИК

*Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул
Алтайский государственный университет, г. Барнаул*

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ И ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В современном мире нарастающее взаимодействие разных стран в процессах глобализации ставит ряд проблем интеграции их правовых систем как структурно-организационных основ жизни общества в эпоху социосферы. Вопрос о развитии правовой системы в той или иной стране в условиях нарастания процессов глобализации является не второстепенным, а ключевым, от него зависит будущее или даже само существование той или иной страны на карте «великой шахматной доски» современного мира.

Но в то же время, глубокое исследование социально-правовых и философско-правовых проблем невозможно без выстраивания соответствующего понятийного аппарата, который позволит охватить все многообразие правовых отношений субъектов – от индивидуально-личностного до глобально-социосферного уровней. И здесь необходимо обращение к философско-методологическому и философско-правовому подходу к правовым понятиям на базе категориального аппарата системно-философской картины социального мира [1]. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

В любом исследовании, особенно общего и всеобщего (философского) характера краеугольную роль играют понятия. *Понятия* объекта, предмета исследования – это узловые точки познания, тот «ментальный каркас», который в целом определяет цели, задачи, эффективность и эвристичность любого творческого познавательного процесса. Вспомним, что по В.И. Ленину, дать определение вещи, значит, подвести его под другое, более широкое определение. Понятие отражает главные общие признаки группы сходных предметов. Наиболее общие понятия постижения той или иной области реальности называются *категориями*. Категории могут быть: научные, культурологические, этические, эстетические, религиозные и пр. Предельно общие категории – философские. Они отражают всеобщие признаки предметов, или вещей мира – объективного и субъективного, материально-вещественного (атомно-молекулярного) и материально-энергетического (субатомного), реального и виртуального миров.

Сами вещи взаимосвязаны в разных планах бытия по принципу: «Все взаимодействует со всем». План рассмотрения одной вещи – многоуровневый. В то же время один план (одной вещи) закономерно переходит в другой. Осуществляется взаимодействие планов вещей, сопоставимых по качеству. Таким образом, когда мы осуществляем широкие исследования, по необходимости имеем дело не с одним понятием, с одной какой-либо категорией, а с группой взаимосвязанных категорий. Категориально-понятийная группа, в которой работает исследователь, разрабатывается та или иная область знания, образует в целом *категориально-понятийный аппарат* постижения вещи, предмета, или короче – *категориальный аппарат* для философских исследований и *понятийный аппарат* – для научных работ.

Если вещь изучается широко с фундаментально-научных, общенаучных, научно-философских и философских позиций, то ее определения, как ни странно это кажется на первый взгляд, оказываются разными даже в случае, если она изучается в рамках одного концептуального подхода, единой логической линии. Это объясняется тем, что *на разных уровнях общности рассмотрения одной и той же вещи она закономерно характеризуется разными качествами и свойствами*. Поэтому широкое рассмотрение предмета ведет к тому, что необходима следующая *методологическая установка: выявление и раскрытие нескольких последовательных уровней категориально-понятийного описания предмета, где последовательно раскрываются его качества и свойства, от всеобщих – к общим, особым, частным и отдельным характеристикам*.

Поэтому можно сказать, что *каждая вещь* в своем категориально-понятийном описании имеет *свой план*. План делится на несколько *уровней*, последовательно отражающих более и менее общие характеристики вещи, что в целом соответствует уровням отражения мира в системной научно-философской картине мира [2]. Уровни, в свою очередь, можно сгруппи-

ровать в *надуровни*, или «подпланы» – всеобщего, отдельного, системного и субсистемного рассмотрения вещи.

А планы сходных вещей, как будет показано ниже, закономерно могут согласовываться друг с другом. Ниже схематично представим методологические уровни, которые позволяют последовательно раскрывать содержание и сущность вещи индуктивным или дедуктивным путем (в зависимости от характера исследования).

Уровни разработки категориального аппарата *плана вещи*:

Надуровень всеобщего.

1. Уровень абсолютно всеобщего: вещь единая.
2. Уровень полярно-всеобщего: вещь диалектично-полярная (диалектические противоположности и переходы между ними как проявление самодвижения в вещи).

Надуровень отдельного.

3. Уровень отдельного, или экосистемный, или экосистемный: отдельная вещь (система – Си) в экокомплексе «Система – окружающая среда» (ЭК«Си–ОС»). Система в экосистеме.
4. Уровень системы как целостности, или холосистемный.
5. Уровень организационно-системный. Отражает структурные уровни организации системы как целого, иерархогенез целостной группы систем.

Системный надуровень.

6. Уровень внутрисистемный – структурно-динамической дифференциации системы.
7. Уровень субстратно-внутрисистемный, или «исходной структурно-динамической клетки» в системе.
8. Уровень элементарно-системный – главных образующих элементов системы, на которых проявляются ее качественные характеристики.

Субсистемный надуровень.

9. Уровни субэлементарного содержания системы, с потерей ее качественных характеристик. Условно – уровень разнообразных «элементарных вещественно-энергетических частей».

При рассмотрении плана вещи он оказывается многоуровневым. В то же время, от первого уровня плана данной вещи можно осуществить переход к плану более широкой вещи сопоставимого качества. А от девятого уровня можно перейти к плану более «тонкой» вещи сопоставимого качества. Таким образом, закономерно осуществляется взаимодействие разных планов вещей и их отражение в категориальном аппарате в знаниях субъекта.

Попытаемся более предметно раскрыть представленную гносеологическую схему на некоторых примерах.

Вначале предложенную методологическую схему для исследования **правовой реальности**, с которой постоянно имеет дело каждый гражданин социума. Для краткости описания номерами будем обозначать представленные выше уровни исследования понятий.

1. Право как базовая структурная организация общества в системе его жизни.
2. Право как форма активной, потенциально-кинетической, устойчиво-динамичной, структуры социума, обусловленной базовыми отношениями социума на разных этапах его самодвижения.
3. Правовая система в окружении других правовых систем (экосистемный подход и взаимовлияние правовых систем).
4. Право как система юридических законов.
5. Структурные уровни организации юридических законов (человек, группа, класс, государство, группа государств, социосфера, социоприродная система).
6. Структура законодательной системы (по форме собственности, по правовым сферам социума, по характеру правоотношений, по сферам нормотворчества и нормоприменения и т.п.).

7. «Исходная клеточка правоотношений». Это элементарные субъект-субъектные структурно-динамические правовые отношения, юридическая норма и ее исполнение, «правовая норма – действующий субъект». Эти отношения могут осуществляться или в оптимальных, или в неоптимальных вариантах. Это, например, 1) оптимальное относительно пассивное право-обязанное поведение; 2) оптимальное активно-осознанное право-ответственное поведение субъекта; 3) неоптимальное либеральное поведение (провоцирующее в итоге конфликт и хаос, поскольку динамика резко преобладает над структурой); 4) деспотическое скопление деятельности (приводящее в итоге к застою явлениям и стагнации социальной

системы, к приостановке социальных процессов, вплоть до перехода системы в пассивное состояние, поскольку структура резко преобладает над динамикой).

8. Элементарная правовая (юридическая) норма (оптимальная или неоптимальная). Например, морально-правовые элементарные нормы в образных вариантах: «человек человеку друг, товарищ и брат» или «человек человеку – волк».

9. Потребности людей, субъектные коллективные и индивидуализированные (либеральные) интересы (политико-правового плана). Это объясняется тем, что нарастание активности субъектов – личностей, групп, слоев и классов и т.п., в результате реализации их потребностей и интересов начинает активно влиять на политику, а также и на ментальные установки жизни (морально-правового плана), представляющие собой глубинные регуляторы человеческих отношений, а также на обстоятельства, конструирующие определенную юридическую норму.

Далее, такая вещь как право в системе категорий социальной философии соотносится с однопорядковой вещью «политика», с более широкой вещью «социум», и с вещью «более глубокого» порядка «социосообразная и природосообразная деятельность человека» (где последняя включает также потребности, интересы, действия людей).

Соотношение системно-философских законов мира и правового закона антропосоциальной жизни в эпоху глобализации. В настоящее время не только имеют место, но постоянно усиливаются вариативные механизмы формирования разных видов права на базе разновекторно действующей творческой активности сознания субъекта. Поэтому мы не просто констатируем необходимость применения целостного категориального аппарата описания правовой сферы общества на базе системной картины современного глобального общества, но также отмечаем вариативность правовых отношений и права в современном мире.

Полагаем, что такая вариативность права обусловлена деформацией межличностных и социальных отношений – нравственных, моральных, а также правовых. Считаем, что нравственность, мораль и право органично связаны между собой, формируют духовно-правовой генотип общества. Напротив, если идет деформация нравственных и моральных устоев общества, закономерно изменяются и его правовые устои. Это неминуемо влечет за собой инверсию права, потерю им гармоничной сущности и структурно-организационной деформации общества в целом.

Известно, что право в виде онтологической объективной реальности общества отражает относительно стабильную социальную структуру, определяет параметры динамики общественных отношений людей. А политика как онтологическая объективная реальность общества есть общая динамика, или функционирование общества. В целом структура и функции органически взаимосвязаны в общем структурно-функциональном содержании социосистемы. Право отражает взаимные статусы субъектов в обществе, а политика отражает взаимоотношения субъектов в общественной управляемой жизни государства.

С позиций рассмотренной нами вариативности морали, ее поляризации относительно нравственности и нравственного закона бытия, согласованного с общей гармонией мира как целого, в связи с виртуализацией сознания и огромными возможностями воображения субъекта, мораль выступает, с одной стороны, как духовно-нравственная, правдивая мораль, соответствующая гармонии мира, а с другой стороны, другие виды морали оказываются неадекватными этой мировой гармонии. К этим последним можно отнести двойную мораль, аморализм, «мораль»-кривду. Эти неадекватные виды морали формируются в сознании субъектов – благодаря нарастанию их эгоистичных неоптимальных желаний, интересов, целей, прежде всего, эгоцентрического и индивидуалистического толка. Среди таких желаний ведущими оказываются «магниты» власти, материального и финансового богатства, а в информационном обществе к этому добавляются также цели владения информацией.

Подобные совокупные желания социальных субъектов в обществе соотносятся с интересами и целями высших правящих кругов, по существу разорвавших обязательства и нравственные связи с другими частями общества (социальными слоями и классами). Именно поэтому нарастает аморализм по отношению к «чужим» слоям общества, а главные интересы замыкаются в собственной правящей части социума. В соответствии с расчленением социальной структуры общества на «своих высших» и «чужих низших», на правящую элиту и подконтрольную массу, появляется необходимость закрепления такой социоструктуры в соответствующей форме права.

В такой неоптимальной социально-расчленяющей форме права свобода высших выстраивается на несвободе низших, в целом отношение высших к низшим является безнравственным, а общество раскалывается на противоположности. Следовательно, абсолютизируется *право властвующей части* социума в противовес утрате прав подвластной низшей частью социума (это бесправие может носить открытый или скрытый, манипулятивный характер). В философии складывается и соответствующее понятие права, парциального по своей сути [3].

С рассмотренных выше системно-философских позиций анализа права в современном мире, как понятия и реальности, встает проблема рефлексии такого распространенного определения права, которое гласит: *право – это воля господствующего класса, возведенная в закон*. Подчеркнем еще раз: если господствующий класс выражает, прежде всего, собственные интересы вопреки интересам общества как целого (например, эксплуататорский класс, либеральная элита), то его право по необходимости становится не целостным (холистичным), а частичным (парциальным) [4], действующим в интересах лишь правящей имущей *части* данного государства.

Следовательно, в данном распространенном определении мы имеем *парциальное* онтологическое и логическое основание понятия и феномена права. Такое понятие выражает законы существования только господствующей *части* социума, притом, оторвавшейся от норм жизни остального большинства населения и тем более – от природы. Следовательно, подобное *классово-экономическое (классово-антагонистическое) основание права является вторичным, притом, как правило, неадекватным всеобщему закону онтологического единства мира*, или мировой гармонии, поскольку не выражает интересы всей социосистемы во взаимодействии с окружающей средой. Такое право вводит всю систему, а также систему и среду в состояние дисгармонии, по типу социальной онкологии. Поэтому классово-антагонистическое право есть неоптимальное господство части над целым, противоречащее мировой гармонии и нравственному закону гармонии межличностных отношений. Оно антионтологично, не соответствует фундаментальному нравственному и правдивому морально-нравственному законам бытия, а потому конфликтно в своей основе. Это антагонистически-классовое право. Его истоки в западной цивилизации – классическое римское право, а в современной жизни это либерально-элитарное классовое право (под видом либеральной демократии, т.е. свободы власти демонических сил). В целом это *парциальное элитаристское право*. Оно формирует рабовладельчески-конфликтные исторически сменяющиеся типы социума: мифотабуированное рабство первобытного строя, физическое рабство рабовладельческого, религиозное рабство феодального, экономическое рабство капиталистического, финансовое и информационное рабство посткапиталистического строя. На макроуровне и мегауровне общественной жизни данное элитаристское право провоцирует множественные государственные, межгосударственные и глобальные конфликты.

С другой стороны, глубинным базисом права как гармоничной онтологической социальной структуры является *нравственность* (как всеобщий онтологический закон бытия мировой гармонии, отраженный в отношениях людей – нравственной гармонии отношений). *Нравственное право* в целом адекватно мировым законам, способно стабилизировать, гармонизировать и прогрессивно развивать социальную структуру. О нравственных основаниях права неоднократно писали русские мыслители – В.С. Соловьев, Н.Н. Алексеев, И.А. Ильин и ряд др. [5].

Но, как правило, между нравственностью и правом стоит еще промежуточное звено – *мораль*. И как раз в этом звене в морали возможна *инверсия, приводящая к вариативности и поляризации права*. Это определяется реальным разнообразием видов морали – в спектре от нравственной до безнравственной. А именно, правдивая мораль, опирающаяся на онтологический нравственный закон, формирует моральное право, оптимальное по сути. Двойная мораль формирует внутренне противоречивое нравственно-безнравственное право. Аморализм в скрытых и открытых вариантах формирует аморальное право части социосистемы в противовес бесправью и безысходности жизни остальной части социосистемы.

Следовательно, с одной стороны, имеют место фундаментальные нравственно-морально-правовые отношения. С другой стороны, вариативность и поляризация морали приводит к соответствующей вариативности и поляризации права – от его правдивых духовно-нравственных оснований для социума как целого до манипулятивно-лживых безнравственных оснований в интересах одной части социума в противовес обществу как целому. В

первом случае формируется холистичное патерналистское право социосистемы как целого, во втором случае – парциальное элитаристское право с выражением интересов только пражвющей части социосистемы.

Право социосистемы как ее общая структура закономерно дифференцируется на правовые подструктуры и элементы – совокупность кодексов, сводов законов, состоящих из статей и норм, как элементарных единиц права. В парциальном элитаристском праве конституция как основной закон для всей страны или отсутствует, или имеет формальный, а не содержательный характер. Аналогично, нормы законов носят эгоцентричный парциальный характер. В патерналистском холистичном праве конституция носит содержательный характер, выражает интересы всех слоев общества в их естественной иерархии и баланс отношений с окружающей средой. Поэтому данное право можно обозначить также как народное холистичное право.

Таким образом, в условиях глобализации, в жизни современного общества все более остро встает вопрос о выборе той базовой структуры социосферы, или правовой организации социосферы, которая может быть длительно-жизнеспособной во временных масштабах планетарной эволюции как коэволюции природы и общества. Это проблема формирования адекватной социально-правовой структуры, которая может быть эволюционно устойчивой в течение десятков, сотен и даже тысяч лет. Вполне логично предположить, что такая социально-правовая структура должна быть адекватна гармонии мира и нравственному закону, т.е. содержать микрокосм человека, социокосм общества, которые должны войти в гармонию с макрокосмом Вселенной, где, несмотря на локальные катаклизмы, сохраняются мировое единство и мировая гармония.

В таком случае право социосистемы (от социальной группы, муниципального образования, региона государства, отдельного государства, сообщества государств и вплоть до социосферы) должно быть взаимосогласованным по вертикали и по горизонтали (в соответствии с нравственным законом), а также космосообразным, геосообразным, биосообразным (в соответствии с законом гармонии Мира-Системы, отраженным в системно-философской картине Мира).

Этим параметрам может отвечать лишь холистичное право социосистемы, где власть, подобно отцу семьи, заботится обо всем обществе и об окружающей среде. Это иерархично-организованное цельное право, или духовно-иерархо-народное право, или *холистичное патерналистское право*. Его истоками в обществе можно считать княжеское право восточных (в том числе российской) цивилизаций, а в мире последнего столетия это социализм и его социалистическое право.

Базовой реальностью большинства правовых систем является конституционное право. Конституционное право – это основной закон общественной жизни, ядро социокультурного генотипа любого общества. Поэтому вторжение в сферу права и манипуляции с правом представляют собой не что иное, как безответственные эксперименты над социогенотипом общества. Такие эксперименты могут давать множество социальных мутаций, большинство из которых – летальные (гибельные), подобно множественным экспериментам генетиков с генотипами и мутационной изменчивостью микробов или мушек-дрозофил, подавляющее большинство из которых было летальным.

Сегодня, в эпоху разворачивающейся глобализации, на наших глазах во множестве регионов планеты идут манипуляции с социогенотипами стран – в арабском мире, в западном мире, в российском социуме и т.д. Например, в современном арабском мире эта насильственная мутация активно началась с «арабской весны». Сначала насильственная мутация, а затем – гибель нормальной жизни или уродливое полуживое существование. В западном мире сегодня идут насильственные мутации с семейным кодексом. Наиболее яркое выражение сегодня это получает во Франции с принятием закона об однополых браках с правом усыновления такими семьями детей и с отрицанием фундаментальной роли материнства и отцовства в жизни людей, семьи, рода и народа. Это анти-гармония в мире, анти-нравственность в социуме, мораль-кривда, «право»-кривда, или парциальное анти-право господствующего класса, возведенное в псевдозакон.

В постсоветском российском социуме в результате манипуляции с правом и законами появляются химеры (т.е. неустойчивые гибриды, которые в дальнейшем распадаются). К сожалению, в российском законодательстве XX–XXI вв. идет нескончаемая гибридизация и химеризация права с формированием нарастающего количества самых разнообразных хи-

мер – мертвых законов, паразаконных и псевдозаконных. И только титаническими усилиями наш народ, постоянно болея под действием мутагенных «правовых» воздействий, восстанавливает, в той или иной мере, социокультурные основы собственной правдивой жизни. Но эксперименты с социогенотипом не бесконечны. Если часть реформаторов, подобно экспериментаторам над бедными мушками дрозофилами, будет продолжать свои бесконечные мутационные эксперименты над социогенотипом российского общества, то летальный исход окажется довольно близким. Поэтому социально-правовые реформы, если они действительно имеют цель прогрессивного развития общества, а не являются очередными манипуляциями, должны осуществляться сообразно с общими законами бытия мира, на базе общего и специального научно-философского категориального аппарата права, с учетом реалий жизни страны и условий мира в эпоху глобализации.

Библиографические ссылки

1. Ушакова Е.В. Общая теория материи: основы построения. Ч. 2 и 3.1, 3.2. Барнаул, 1992; Она же. Системная философия и системно-философская научная картина мира на рубеже третьего тысячелетия. Ч.1,2. Барнаул, 1998.
2. Ушакова Е.В. Системная философия и системно-философская научная картина мира на рубеже третьего тысячелетия. Ч.1,2.
3. Гурвич Г.Д. Два величайших русских философа права: Борис Чичерин и Владимир Соловьев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. №4. 2005; Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Сочинения в 2-х т. Т. 1. М., 1993; Алексеев Н.Н. Основы философии права / Сост. А.П. Альбов, А.М. Величко, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова. СПб, 1998.
4. Тимошкина И.В. Аксиология права в контексте социально-философских проблем: дисс. на соиск. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2004.
5. Гурвич Г.Д. Два величайших русских философа права: Борис Чичерин и Владимир Соловьев; Ильин И.А. О сопротивлении злу силою; Алексеев Н.Н. Основы философии права; Тимошкина И.В. Аксиология права в контексте социально-философских; Прибыткова Е.А. Владимир Сергеевич Соловьев о нравственном призвании права // Вопросы философии. 2011. № 8.

С. В. НОВОСЕЛОВ

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В МИРОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В начале XXI в. современный мир характеризуется все углубляющимся процессом глобализации, который определяется экономической, информационной, планетарной взаимозависимостью, взаимозависимостью глобальной безопасности. В соответствии со своим видением происходящего каждый трактует глобализацию по-своему. Одни – как торжество либерально-демократической модели, веря в перспективу глобального мирового порядка, другие – как историческую победу принципов либеральной демократии, третьи – как виртуализацию реальности, четвертые – как надвигающиеся планетарные экологические, социально-экономические катастрофы и потенциальную вероятность «схватки цивилизаций». Поэтому многие трактовки глобализации грешат односторонностью и недооценивают масштабы перемен [1, с. 35].

В связи с этим нет общепринятого определения глобализации и, вероятно, в ближайшее время не появится, поскольку в это понятие вкладывается самое разнообразное значение. Без претензии на однозначную дефиницию мы определили бы ее так. Глобализация – это процесс, в результате которого мир становится более взаимосвязанным и более зависимым от всех его субъектов.

Данный процесс происходит в условиях взаимодействия нередко противоположных и взаимодополняющих тенденций, например, тенденции к глобальной интеграции и тенденции к дифференциации существующих культурных и политических реальностей. Иными словами, возникает своеобразная система, структурные составляющие которой представляют собой разнородные по происхождению и сферам явления, механизмы и процессы, образующие весьма противоречивую системную целостность [2, с. 71].

В настоящее время важнейшая системообразующая характеристика мироустройства заключается в следующем: Запад, имея 15% населения Земли, контролирует более 70% мировых ресурсов, производства, торговли, потребления. Несмотря на всю риторику о равных возможностях, свободной конкуренции, преодолении диспропорций в развитии, упорядоченном росте, он хочет сохранить и закрепить существующее положение вещей.

На этой стадии наиболее емким определением глобализации может служить формула «асимметричной взаимозависимости». Главным субъектом, «распорядителем» процесса глобализации выступает постиндустриальный Запад, а остальные части мира, хотя происходящее в них и оказывает обратное воздействие на западные общества, все же скорее являются объектами этого процесса.

И на сегодняшний день можно выделить всего несколько направлений, по которым процесс глобализации развивается наиболее интенсивно. Это – мировые коммуникационные сети, информационное обеспечение, финансовые институты, средства массовой информации, международное сотрудничество в некоторых областях (например, защита прав человека или природоохранительная деятельность). Более того, даже в вышеназванных областях, наверное, точнее говорить не о глобализации как таковой, а о создании предпосылок глобальных инфраструктур, режимов, систем, институтов.

Тем не менее, к началу XXI в. капитализм завершил формирование мирового хозяйства, во всяком случае, в своем основании – в экономическом базисе, втянув в сферу своего действия всю планету и интересы его дальнейшей экспансии требуют необходимости политического оформления этих новых реалий. Колоссальных масштабов достигли концентрация и централизация капитала (глобальная финансовая супергруппа, включающая в себя 147 фирм, контролирует приблизительно 40% мирового производства и примерно 60% общемировых доходов – более 70% денежных ресурсов мира, драгоценных металлов, углеводородного сырья), повлекшие возникновение весьма сложных организационных структур, нужных для обеспечения жизнедеятельности капитала в современных условиях, для контроля государства и общества за ним – и с его стороны за обществом и государством в десятках стран мира.

Капиталистическое мировое хозяйство в течение более чем 400 лет показывало эффективность в разрешении своих краткосрочных и среднесрочных проблем. Более того, оно и сейчас демонстрирует способность сделать в настоящем и ближайшем будущем еще больше.

Но сами эти решения проблем создали такие изменения в глубинной структуре, которые со временем устраняют эту способность делать постоянные и необходимые приспособления. Система устраняет свои степени свободы. Именно поэтому среди примеров эффективности капиталистической цивилизации, повсюду видны признаки нездоровья и культурного пессимизма.

При этом важно также отметить, что, создавая контуры нового порядка, глобализация одновременно ломает старый, работающий в рамках государственных систем порядок, причем скорость слома старых отношений часто сильно опережает темпы возведения новых. Но любой прогресс всегда означает, что определенная часть изменений в чем-то ухудшает ситуацию по сравнению с тем, что было раньше. Отсюда такое неоднозначное восприятие и противоречивость социально-политических и экономических процессов, протекающих в современном мире. С одной стороны, налицо качественная трансформация современной цивилизации, усиление взаимозависимости стран и народов, которое является следствием глубоких интеграционных процессов, с другой – обострение противоречий на национальной, религиозной и культурной почве, эскалация сепаратистских настроений, расшатывающие целостность суверенных государств.

В современных условиях уже не существует относительного системного равновесия мира, поэтому мировой порядок, возникший после «холодной войны», в настоящее время пока не является ни «новым мировым порядком» в его западном варианте, ни «новым мировым

беспорядком». Происходящее взаимодействие различных частей мирового целого сменяет военный баланс на новый, в котором иерархия как структура мировой системы все более взаимодействует со множеством акторов и факторов, где переплетаются сферы интересов, различные уровни гегемонии, национальных и транснациональных компонентов.

Действительно, в отличие от прошлого сейчас нет каких-то общепринятых правил игры на международной арене. Одновременно действуют различные установки, в значительной степени противоречащие друг другу. Это создает опасную ситуацию неопределенности, двусмысленностей, конфликтующих подходов.

Для последствий глобализации характерно нарастание противоречивости всех процессов. Каждая реально действующая тенденция наталкивается на контртенденцию, и вся глобально-социальная целостность приобретает все больше вид хаоса, нагромождения самых разных тенденций, принципов, начал и т.д. Например, глобализация экономики пока идет в такой форме и такими темпами, при которых ускоряется подрыв экосистем, фиксируется тенденция климатических изменений, все более чувствуются проблемы, связанные с нехваткой питьевой воды, недостатком продовольствия, с распространением эпидемий, возникновение внутренних этнических конфликтов или внешнеполитической напряженностью.

Одной из важнейших причин большой конфликтности глобализационных процессов являются фундаментальные различия в уровне социально-экономического и политического развития человеческих сообществ, в образе жизни, в отношении к основным проблемам бытия. Сегодня эти различия настолько велики, что можно сказать, что человечество живет в разных измерениях.

Другой источник повышенной конфликтности – большие перепады потенциалов между отдельными участниками глобализационных процессов. Неравенство стартовых возможностей, предопределяющее распределение ролей, закладывает семена конфликтов будущего между выигравшими и проигравшими от глобализации, фаворитами и аутсайдерами. Слабость наднациональных регуляторов глобализационных процессов обостряет ситуацию [3, с. 168].

Наиболее сложный комплекс проблем, порожден культурным многообразием человечества. Нет оснований полагать, что конфликт цивилизаций является наиболее вероятным сценарием будущего. Однако несомненно, что поиски взаимопонимания и налаживание взаимодействия между различными культурно-цивилизационными комплексами требует огромных усилий и мобилизации всего духовного потенциала человечества.

Те средства координации, контроля, управления, которые веками создавались на национальном уровне, явно утрачивают эффективность в глобализующемся мире. Для того чтобы совладать со стихией общественных процессов, их надо дополнить, надстроить какими-то наднациональными системами регулирования. В то же время в соответствии с новыми условиями современные политики должны претерпеть глубокую трансформацию.

Таким образом, сама глобализация является глобальной проблемой первостепенного значения, таящей в себе уникальные возможности и смертельные угрозы. Она открывает захватывающие перспективы – и в то же время обостряет старые болезни, создает новые угрозы и опасности. Чтобы быть обращенной во благо, а не во вред, она требует концентрации политической воли, творческого воображения, неординарных подходов. Фактически речь идет о создании многоуровневых систем управления глобального охвата.

Тем не менее, пока преждевременно списывать со счетов национальные государства как основные субъекты международных отношений.

В 1990-е гг. появилось огромное количество исследований в области политической глобализации, где делаются самые различные прогнозы относительно будущего миропорядка. Причем мнения исследователей в этом вопросе расходятся кардинально: от картины полной гомогенизации мира под знаменем распространившейся повсеместно западной либерально-демократической модели до глобальной дифференциации и столкновения цивилизаций. В любом случае, исследователями не ставилась под сомнение происходящая на данном этапе радикальная трансформация политической структуры мира, но в свете этого особую значимость приобретает проблема основного института политической власти – государства.

Одним из наиболее актуальных в современной политологии стал вопрос, сохранится ли институт государства при глобальном миропорядке, или он обречен быть упраздненным глобализацией. Вопрос этот не праздный – ведь процессы глобализации сопряжены с пере-

дачей государством части полномочий региональным и надрегиональным объединениям и структурам, находящимся в сложном соподчинении.

При этом целесообразно отметить два наиболее важных концептуальных направления, касающихся осмысления влияния глобализации на судьбу государства.

Часть американских политологов вслед за неолиберальным философом Ф. Фукуямой разделяют мнение, что господство рынка в будущем может привести к отмиранию государства, что сформирует новый тип гражданина мира, лояльный уже не к отдельным правительствам, а наднациональным структурам [4, с. 34].

Основная идея сторонников глобализации, «всемирного государства», «мирового правительства», как и в период их возникновения, заключается в том, что произошел поворот исторической тенденции в сторону объединения мира в некое единое целое национальных интересов, возникновения новой мировой структуры, которая погребет под собой государства-нации [5, с. 9].

Более радикально высказывается П. Дракер, по мнению которого, национальное государство представляет собой отжившую форму, в формирующемся глобальном обществе знаний и глобальной экономики складывается система ценностей, в которой национальному государству не будет места [6, с. 87].

Таким образом, сторонники глобализации в той форме, в которой она развивается сейчас, провозглашают отмену и государства-нации, и его суверенитета насущной задачей, хотя хорошо известно, что альтернативой им может быть мир, в котором либо нет конечной, высшей власти в пределах данной территории, либо отсутствуют сколько-нибудь четко очерченные государственные границы [7, с. 60].

Представители противоположного направления рассматривают дальнейшее существование суверенных государств как объективную закономерность развития человечества. Тенденции глобального развития в XXI в. обостряют противоречия между ростом экономической и политической взаимозависимости стран и народов и необходимостью укрепления суверенитета национального государства в целях сохранения его активной роли в системе международных отношений. «Роль государства и как главного субъекта политической власти - носителя монополии на легитимное насилие, и как важнейшего субъекта международных отношений в обозримой перспективе не только сохранится, но и усилится в некоторых аспектах» [8, с. 134].

Я. Накасонэ также отмечает, что по мере углубления взаимозависимости между государствами, а также расширения трансконтинентальной экономической деятельности роль правительств в урегулировании различных конфликтов не снижается, а, скорее, возрастает [9, с. 174].

Некоторые эксперты возлагают надежды на формирование баланса интересов государств и складывающихся из них альянсов, который при сохранении государств-наций помешает сползанию мира к глобальной катастрофе [10, с. 15].

Высказывается также мысль, что национальному государству суждена не гибель, а расширение до универсального космополиса. По мнению Б. Хехира, «государства – игроки и посредники в процессах глобализации. Они стремятся к глобальному росту и ненарушению своего внутреннего равновесия» [11, с. 81].

А вот экс-премьер Франции Лионель Жоспен убежден, что «глобализация лишь на первый взгляд ограничивает роль государства, ибо кто, как не государство, может обеспечить стандарты торговли, окружающей среды, социальные права». Более того, «глобализация дает новую легитимацию современным государствам» [12, с. 124].

Необходимо отметить, что в последние годы именно мнения западных ученых и политиков в отношении негативной оценки роли современного государства претерпевают некоторую трансформацию. В связи с возникновением противоречий в триаде «человек – экономика – окружающая среда», современные западные экономисты все больше внимания уделяют совершенствованию форм и методов государственного регулирования на макроуровне, включая и мегапланирование мировой экономики. Так, в докладе Всемирного Банка «Государство в меняющемся мире» подчеркнуто, что «без эффективного государства устойчивое развитие и экономическое, и социальное - невозможно» [13].

Указанные тенденции в зарубежной науке связаны с тем, что противоречивые тенденции ускорения процессов глобализации заставили политиков Запада мыслить категориями расширения и усложнения функций государства в современном мире. Данный факт лишний раз

подтверждает, что существующие глобальные перемены не отменяют и не ставят под сомнение существование национального государства. Для того чтобы убедиться в этом, необходимо принять во внимание некоторые обстоятельства.

Во-первых. Надежда на то, что окончание глобальной конфронтации приведет к образованию нового «мирового правительства» рассеялись окончательно. Современное состояние международных отношений характеризуется хаотичностью, плохой управляемостью и общим недоверием друг к другу.

Гонка вооружений сохранилась, хотя и изменила свою территориальную конфигурацию. Как в эпоху разрядки международной напряженности, так и сегодня в мире наличествует еще множество проблем, говорящих о необходимости сохранения военной мощи, контролируемой национальными государствами.

Даже если гонка вооружений и потеряет свою значимость, на планете останется еще много ядерных зарядов; останутся и сами ядерные страны, более того, скорее всего, их число будет расти. Причем новые обладатели этого оружия, как показывает пример Израиля, Индии и Пакистана, менее щепетильны в вопросах его использования и расположены в заведомо более беспокойных регионах планеты.

Ко всему прочему следует иметь в виду, что в мире существуют и другие причины для беспокойства и новые угрозы безопасности. К ним можно отнести: перенаселенность беднейших стран мира, миграционные процессы, проблемы ограниченности ресурсов и деградации окружающей среды, международный терроризм и наркобизнес – эти и другие глобальные проблемы и факторы предопределяют острые коллизии на международной арене. Будучи совершенно различными по форме, эти многочисленные тенденции оказывают влияние на самые отдаленные общества и эти проблемы невозможно решить военной силой, являющейся обычным способом устранения угрозы безопасности национальному государству. Это порождает точку зрения, в соответствии с которой вместо «старых» угроз глобальной ядерной войны и крупномасштабной войны с применением обычных видов вооружений приходят «новые» угрозы национальной и международной безопасности. На этом основании делается вывод: правительства должны избавиться от одержимости военной угрозой и сконцентрировать все свое внимание на совершенно иных проблемах национальной безопасности.

С нашей точки зрения, такое предположение, преувеличивает степень происходящих перемен в мировых событиях. Более логично рассматривать эти новые угрозы как существующие параллельно с прежними, более традиционными угрозами безопасности, а не заменяющие их.

Поэтому очевидно, что национальные вооруженные силы государств останутся и, время от времени, они будут использоваться. Однако их традиционная военная ограниченность проблемами «безопасности» будет все в большей степени сосуществовать с описанными выше невоенными аспектами, вынуждая государственных деятелей к изменению политической терминологии и внешнеполитического курса. В некоторых случаях «новые» и «старые» проблемы безопасности будут, скорее всего, сливаться воедино.

Во-вторых. Как справедливо отмечают многие специалисты, право и общественный строй, демократия в том виде, в каком мы ее знаем, как и прежде нуждаются в функционировании национального государства. Нынешняя система организации человеческой цивилизации функционирует на основе «признания» государства как оптимальной формы организации геосоциального пространства. Суть ее в том, что сложившиеся территориальные социально-политические общности имеют свои особые (национальные) интересы, которые они защищают от внешних воздействий с помощью институтов государства. Одновременно, вступая во взаимодействие, государства на международных конгрессах обсуждают правила игры, создают международное право, образуют двух- и многосторонние союзы, межгосударственные организации, в том числе ООН.

Институт государства является тем важным элементом глобальной системы управления/саморегуляции, которая поддерживает необходимое для развития разнообразие: адаптирует универсальные регулятивные импульсы к местным условиям.

Одновременно государство представляет собой противовес возникающим новым негосударственным локальным и глобальным международным структурам неоимпериалистического и экстремистского толка. От того, как государство функционирует в управленческом

качестве в условиях все более возрастающей взаимозависимости пространств и процессов, зависит устойчивость глобальной системы и эффективность ее саморегуляции.

В-третьих. В современных условиях государства выполняют жизненно важные политические, социальные и экономические функции, которые пока не под силу взять никаким другим международным структурам. Главной целью государства является обеспечение общественного (публичного) блага. Опираясь на правовую систему, государство уполномочено гражданами применять внеэкономические методы для производства общественных благ в их интересах. Это дает государству выполнять такие функции, как обеспечение внутренней и внешней безопасности, охрана правопорядка и осуществление правосудия, изъятие и перераспределение валового внутреннего продукта, выработка и проведение экономической и социальной политики. Общество же, как совокупность разнообразных социальных групп и индивидуумов, в процессе роста осознания своей первичности и самодостаточности по отношению к институтам государства ставит вопрос о повышении ответственности национального государства перед ним, то есть ответственности за человеческую безопасность в узком и широком понимании [14, с. 54].

Сфера деятельности государства изначально была связана с обеспечением безопасности граждан, которые по своей сути оказываются за рамками рыночных отношений. Если частное благо потребляется и присваивается индивидуально, то общественные блага являются такого типа благами, которые невозможно исключить из потребления, а потребление его одним актором не истощает его полезность для других акторов. Поддержание закона и порядка, защита от внешней агрессии относятся к числу благ, потребляемых всем обществом.

Кроме того, современное государство находится не за пределами рынка или над рынком, а органично в него встроено. Как автономный рыночный игрок государство отвечает за реализацию интересов общества в целом. Хотя ограниченность ресурсов присуща государству так же, как любому другому агенту рынка, государство призвано максимизировать не индивидуальную, а социальную полезность.

Именно об этом говорит изучение опыта США, который позволяет говорить о наличии мощной государственной стратегии в области формирования человеческого капитала. Такая стратегия представляет собой целый комплекс мер (экономического, административного, законодательного и организационного характера), охватывающих такие сферы, как образование, создание рабочих мест, страхование безработицы и социальная помощь, охрана здоровья, жилищная политика, местное развитие и т.д. При этом следует иметь в виду, что именно государства являются теми организационными единицами, к которым обращаются люди, сталкиваясь с новой проблемой или при усилении хорошо известной.

В-четвертых. Нельзя согласиться с точкой зрения о том, что глобальные силы, идущие на смену национального государственного суверенитета, анонимны, безродны, неуправляемы, несут с собой наднациональные учреждения, правила, ценности для всех без исключения наций и государств мира. Сторонники такого подхода имеют в виду, прежде всего, процессы интернационализации и транснационализации капитала, экономики, финансов и образование крупнейших транснациональных корпораций, банков – ТНК и ТНБ. При этом игнорируется то очевидное обстоятельство, что эти институты не безродны и не ничейны: и по рождению, происхождению, и по представительству они имеют национальную принадлежность, представляют в мире вполне конкретные государства, выражая, прежде всего, их интересы. Как правило, ТНК в периоды стабильности субъективно стремятся уменьшить роль национального государства, а во времена политических кризисов и военных конфликтных ситуациях обращаются именно к нему за поддержкой. Транснациональный капитал не только не угрожает нормальному функционированию «своих» государств, но весьма чутко откликается на их поддержку тогда, когда возникает соблазн экономически аннексировать более слабые страны, отрицая по этому случаю необходимость национальных государств. Когда происходит сращивание мощи таких компаний с мощью государств, с их военно-политическими союзами, государственный суверенитет остальных стран может выглядеть жалким. Таким образом, ТНК и ТНБ выступают орудием упрочения позиций «своих» национальных государств в различных регионах мира.

Поэтому мы можем утверждать, что у государства достаточно рычагов для воздействия на ТНК и оно более чем в состоянии противостоять издержкам глобализации.

В-пятых. События современного финансово-экономического кризиса показали, а во многом и доказали, что наиболее эффективным стабилизатором экономического развития

были и остаются национальные государства. «Легитимного эквивалента национальным государствам на глобальном уровне все равно нет, поскольку именно они только и вносят некоторую упорядоченность в априори довольно хаотичную глобальную экономику» [15, с.124].

В-шестых. Глобализация, хотя и предрасполагает к определенной унификации общественной жизни, тем не менее, нисколько не устраняет культурное многообразие, потому что каждый отдельно взятый человек и каждый народ уникальны и абсолютно неповторимы. И ныне не потеряло своей актуальности известное изречение китайского мыслителя Конфуция: «По природе люди близки друг к другу, а по привычкам далеки друг от друга».

Безусловно, в ходе глобализации происходит сближение наций, наблюдается стирание ряда национальных различий во всем мире. Однако при этом мы нигде не обнаружим безразличия людей к проблемам своей национальной жизни. Более того, сегодня особенно возрастает значимость национальной идентичности для коллектива, для каждого индивида, что вызывает к жизни рост национального самосознания народов.

Это подтверждает мысль о том, что культурное развитие любого народа с необходимостью предполагает культурную автономию, отстаивание интересов национального государства, стремление к независимости и самоопределению. Поэтому вовсе не праздным является вопрос: почему идея национального государства популярна сегодня в мире? Почему даже малочисленные народы во вполне демократических странах – шотландцы, валлийцы, валлоны, фламандцы, баски, каталонцы, курды и т.д. – добиваются государственности? Обращение в начале 1990-х гг. более полутора десятка национальных государств в Европе, некоторые из которых совсем небольшие – Хорватия, Словения, Македония, Латвия, Литва и Эстония, – говорит о вере народов в способность государства эффективно защищать национальные интересы.

В начале XXI в. государство как институт, по-прежнему остается общепринятой формой существования человеческого общества. Более того, XX в. в этом смысле стал триумфом национального государства: в него мир вступил с 50 государствами, а вышел из него с 210-ю образованиями, из которых 192 являются членами Организации Объединённых Наций.

Кстати говоря, ни один сторонник точки зрения о неизбежности ухода национального государства с исторической арены не относит к исчезающим такие страны, как США, Германия, Япония, Франция, Китай, Англия, но обычно оперируют «исчезающим суверенитетом», имея в виду мелкие и средние государства.

Анализ феномена глобализации открывает ее любопытную особенность: не только глобализация невозможна без наращивания сил и потенциалов национальной жизни, а это прямая функция национального государства, но и сама глобализация придала национальному государству принципиально новую, ранее неизвестную функцию.

В современном глобальном мире социальная мобильность, принявшая гигантские масштабы, интенсивность коммуникаций и пропасти неравенства между странами и народами создают новые факты, условия и основы отношений между группами, общностями людей. Идет активное распределение и перераспределение ролей, жизненных возможностей. Речь теперь идет не только о том, насколько неловко и неадекватно чувствует себя человек вне своих культурных национальных границ, но особенно о том, что в конкурентной борьбе за жизненные перспективы он, как и целые коллективы, не получит выигрышных ролей, если не будет опираться на силу государства. Именно в этом заключен ответ на загадку популярности современного национального государства. Именно в этом причина того, почему народы готовы идти на жертвы ради него.

Таким образом, анализ современной мировой ситуации свидетельствует о том, что глобализация и национальное государство вполне совместимы. Глобализация не «отменяет» и не «закрывает» институт государства, не ведет к его отмиранию, но выставляет к государству гораздо более высокие требования, диктуемые интересами поддержания международного мира, стабильности, безопасности и развития. Она вписывает государство в гораздо более сложные структуры международных отношений и их регулирования, ставит перед ним требования социоэкономической состоятельности и практической международной ответственности за свои внутренние действия. С другой стороны, без активной роли национального государства глобализационные процессы могут утратить и динамику, и исторический смысл. При этом государства сами меняются или должны изменяться, чтобы не потерять конкурентоспособность в глобализирующемся мире.

Национальное государство призвано сыграть еще огромную роль именно в условиях глобализации, потому что развитие различных стран и регионов идет неравномерно. Повернуть глобализацию вспять невозможно. Однако национальное государство должно отстаивать интересы своей страны и регулировать ситуацию не против глобализации, а попытаться сделать глобализацию более пригодной и удобной для жизни. Можно и должно попытаться найти себя в новом мире, приспособивая и переформулируя его в интересах широких социальных слоев и народов, включая Россию.

Можно сказать, что слухи о смерти национального государства оказались сильно преувеличенными. Государства были и останутся главными игроками в международных делах, хотя природа их функционирования может в какой-то степени измениться.

Библиографические ссылки

1. Кувалдин В. Глобальность: новое измерение человеческого бытия // Горбачёв М.С. и др. Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М.: Альпина Паблишер, 2003. С. 35.
2. Косолапов Н.А. Глобализация: сущностные и международные политические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 3. С. 69–73.
3. Кувалдин В.Б. Глобализация – светлое будущее человечества? // Независимая газета–сценарии. 2000. № 9. 11 октября. С.163–171
4. Земляной С.Н. Глобализация и национальная идентичность // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2002. № 3. С. 34.
5. Соколов В.В. Контуры будущего мира: нации, регионы, транснациональные общества // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 3. С. 9.
6. Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. М., 1999. С. 67–101.
7. Чешков М.Л. Феномен неозатизма (мировые и локальные измерения) // Полис. 1996. № 2. С. 59–60.
8. Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1997.
9. Накасонэ Я. После холодной войны. М., 1994.
10. Анилионис Г.П. Глобализация: исторические корни и методологические подходы // Вестник научной информации. ИМЭПИ РАН. 1999. № 10. С. 15.
11. Калоева Е.Б. К проблеме национализма в эпоху глобализации // Вестник научной информации. 1999. № 8. С. 81.
12. Ващекин Н.П., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Постиндустриальное общество и устойчивое развитие. М., 2000. 385 с.
13. Отчет о мировом развитии. 1997. Государство в меняющемся мире. М: Прайс-Тасс. 1997. С. 48
14. Задохин А.Г. Мировая политика и дилеммы развития человеческой цивилизации // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ-OBSERVER. 2010. №7. С.50-60
15. Бокачев И.А. Глобальное и национальное в условиях современного миропорядка // Власть. 2010. №3. С. 123–126

С. А. БАБАСКИН, Т. Л. БАБАСКИНА

*Алтайская государственная академия культуры и искусств, г. Барнаул
Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул*

«МИРОВАЯ ПРЕМЬЕРА» КАК ФЕНОМЕН МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В плотном информационном потоке окружающем нас со всех сторон нередко можно услышать сообщения о «мировых премьерах». Частота упоминания этого словосочетания создает ощущение его общепонятности. Тем не менее, если мы наберем это словосочетание в строке поиска в сети Интернет, мы увидим в качестве результата поиска упоминания о той или иной конкретной мировой премьере, но не сможем найти однозначного определения того, что, собственно имеется в виду, когда говорится о «мировой премьере». Она может

пониматься и просто как первый показ (демонстрация) чего-либо в мире и как одновременное представление впервые сразу в нескольких местах. Однако более существенной представляется даже не эта неопределенность, связанная с внешними характеристиками осуществления, сколько внутренняя непроясненность этого феномена, который уже в своем названии обнаруживает претензию на глобальное измерение. Думается, что давно пришло время сделать попытку рефлексии над этим явлением как немаловажной составной частью медиапространства современного мира, поскольку в нем отражаются и отрицательные и положительные тенденции процесса глобализации.

Из Интернета можно почерпнуть информацию о том, что первой мировой премьерой стала премьера фильма-мюзикла «Бродвейская мелодия», которая состоялась в 1929 г. Необходимо выделить, по крайней мере, два фактора, сделавших возможным такое явление как мировая премьера. Как известно, начало XX в. охарактеризовалось достижением уровня, позволяющего оперативно распространять информацию во всемирном масштабе. Сегодня, в XXI в. эти технические возможности еще более упрочились благодаря сети Интернет и спутниковым коммуникациям. Однако, это условие необходимое, но, как представляется, все же недостаточное для того, чтобы состоялась первая и последующие мировые премьеры. Должно было появиться понимание, что «сам интерес к тому или иному событию и последующему его копированию и тиражированию, включению в информационный обмен и товарооборот может быть сознательно спровоцирован» [1]. В свою очередь объединение этих двух факторов приводит к возникновению такой специализированной отрасли медиаиндустрии и рекламных технологий, как «маркетинг событий». Примечательно, что, хотя, по мнению многих кинокритиков, фильм «Бродвейская история» высокими художественными достоинствами отмечен не был это, тем не менее, не помешало состояться его успешной мировой премьеры. Данный факт косвенно указывает на то, что «мировая премьера» – это нечто большее, чем просто первый показ, например, киноленты и распространенная по всему миру информация о том, что она выходит в прокат. Чтобы не быть голословными проанализируем одну еще недавно бывшую «на слуху» мировую премьеру фильма. Речь идет о фильме Питера Джексона «Хоббит: Нежданное путешествие», премьера которого состоялась в конце ноября 2012 г. в столице Новой Зеландии Веллингтоне. В России эта мировая премьера освещалась в новостных программах центральных каналов, а также, например, на сайте filmpro можно было посмотреть прямую видеотрансляцию с премьеры, но, не в смысле возможности посмотреть сам фильм, а в смысле возможности наблюдать то, что сопровождало кинопоказу. Из многочисленных репортажей можно было узнать, что на время премьеры власти переименовали Веллингтон в Середину Средиземья, в обращение вошли настоящие монеты, на которых были изображены герои фильма, а в аэропорту была размещена огромная фигура одного из персонажей картины Голлума. Превращение Веллингтона «в настоящую среду обитания хоббитов, гномов и волшебников», как отмечается в репортаже на сайте filmpro «невероятно подогрело интерес местных жителей и мирового зрителя к картине» [2]. В день, когда состоялся показ фильма, дело не обошлось, конечно, без красной дорожки длиной в 500 метров, интервью актеров и пресс-конференции создателей фильма. Звучала в живом исполнении музыка из фильма. У собравшихся по бокам красной дорожки поклонников, была драматургически выстроенная возможность взять автографы у своих любимых актеров («А вот и Питер Джексон! Поклонники его сразу же поймали. Толпа ликует» [3]). Эмоциональный подъем тех, кто смотрел репортаж, сопровождающий видеотрансляцию, поддерживался репликами «Это одна из масштабных премьер, если не самая!», «Невероятное зрелище», «даже с экрана компьютера выглядит впечатляюще» [4].

Пример данной мировой премьеры хорошо демонстрирует то, что хотя само именование «премьера» вроде бы отсылает к факту презентации, то есть предъявления фильма посредством его показа, в действительности мы имеем дело с репрезентацией. Причем репрезентацией существенно отличающейся от такой формы репрезентации как, например, афиша фильма. Это отличие связано с тем, что в данном случае «процесс репрезентации события выстраивается как игровая стратегия» [5], незаметно вовлекающая человека в особую атмосферу и настраивающая его на определенную волну. Данное обстоятельство существенно повышает возможности суггестивного воздействия, в случае анализируемой мировой премьеры это, например, еще большее втягивание в «хоббитоманию» (термин взят нами из Интернета). Заинтригованный поданной в игровом ключе мировой премьерой потенциальный зритель уже просто не задается вопросом о том идти на фильм или нет. Ведь ответ и

так очевиден, увлекательность и «грандиозность» мировой премьеры недвусмысленно указывает на увлекательность и «грандиозность» фильма. Таким образом, можно с достаточной очевидностью констатировать, что такому феномену как мировая премьера присущ момент перформативности, то есть «перенос свойств событийности на процесс репрезентации» [6]. Из этого факта вытекают, на наш взгляд, два немаловажных следствия. Во-первых, возникает опасность появления симулякра, когда за шумной акционностью мировой премьеры может скрываться малохудожественная поделка массовой культуры. Во-вторых, человек, как потенциальный зритель, слушатель и читатель начинает постепенно утрачивать внутреннюю свободу в плане возможности и потребности самостоятельной актуализации тех или иных художественных ценностей, как бы подсаживаясь на иглу акционности. У него начинает вызывать интерес только то, информация о чем была «разыграна» массмедиа.

Важно отдавать отчет в том, что нельзя ставить знак равенства между самим фактом репрезентации и «информационно-манипулятивной технологией» [7], поскольку определяющее значение имеет здесь конечная цель процесса репрезентации. Именно эта цель подвигает к выбору той или иной стратегии репрезентации. Если преследуется цель просто заставить человека купить билет, тогда используются одни формы и средства, а когда ставится задача помочь человеку достичь более глубокой и творческой рецепции произведения тогда необходим иной «инструментарий» репрезентации.

Таким образом, безудержная коммерциализация, например, «мировых кинематографических премьер», ставшая характерной чертой западной культуры, и оказывающая также по мере нарастания процессов глобализации влияние на культурное пространство других стран не должна перечеркивать тот факт, что явления культуры действительно нуждаются в информационной поддержке. Можно найти немало примеров, когда мировая премьера становится подлинным событием духовной жизни. Так, в сентябре 2012 г. состоялась мировая премьера симфонической сюиты «Алтайский сказ. Полет над временем». Сюита была создана композитором Эдуардом Артемьевым специально к 75-летию Алтайского края. Первое исполнение этого произведения, объединившее музыку, поэзию, видеоряд и осуществленное силами лучших творческих коллективов в лице симфонического оркестра Государственной филармонии Алтайского края и Барнаульским городским академическим хором под управлением испанского дирижера Сесара Альвареса действительно не осталось незамеченным благодаря активному использованию информационных ресурсов.

Нарабатываемый в ходе проведения подобных мировых премьер опыт имеет огромное значение для отечественной культуры, поскольку вхождение России в мировое информационное пространство ставит ее перед необходимостью разработки взвешенной, разумно выстроенной стратегии репрезентации величайшего художественного наследия и современных достижений в области культуры. Степенью успешности реализации этой стратегии во многом будет определяться роль России в мировой культуре в условиях процесса глобализации.

Библиографические ссылки

1. Сарна А. Производство повседневности. Политика репрезентации событий в массмедиа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/11340/1/Сарна>
2. Мировая премьера «Хоббита» Питера Джексона в Новой Зеландии Прямая видеотрансляция // ФильмПро. Журнал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://filmpro.ru/journal/17639254>
3. Там же.
4. Там же.
5. Сарна А. Производство повседневности. Политика репрезентации событий в массмедиа.
6. Там же.
7. Фортунатов А.Н. Взаимодействие субъектов социальной коммуникации в медиареальности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://edu.of.ru/attach/17/58181.doc>

**«СУЖЕНИЕ МИРА» И ПОЯВЛЕНИЕ НОВОГО ТИПА ЧЕЛОВЕКА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

С каждым днём мы всё чаще слышим слово «Глобализация» (от лат. globus – шар, фр. global – всеобщий). С одной стороны, наш земной шар получил в последнее пятидесятилетие развитие, которое, как нам может показаться, даёт нам возможности, которых никогда не было прежде. Теперь мы можем общаться друг с другом посредством Интернета на многокилометровом расстоянии, можем пересекать океаны и континенты за несколько часов, покупать товары, которые мы даже не видим и т.д. Наш земной шар такой большой! Он опутан всевозможными проводами, линиями электропередач, железными дорогами. Воздушное пространство бороздят тысячи самолётов, выполняя рейсы в любую точку мира. Мы пользуемся результатом труда путешественников, которые в своё время рисковали своей жизнью, стремясь расширить известную человеку ойкумену. Однако сейчас мы вынуждены признать, что с каждым днём наш мир становится меньше. Как говорит Томас Фридман в своей книге «The World is Flat» – «игровое поле выравнивается, мир сплющивается» [1, с. 7]. Данная статья посвящена обзору основных изменений в социальной сфере жизни человечества в условиях глобализации.

Мы не можем отрицать, что мир вокруг нас изменился. Дело здесь даже не в том, что он насыщен техникой и буквально «нашпигован» различными зданиями, которые были возведены у нас на глазах. Помимо материального изменения мира, он изменился и морально. Под влиянием прогресса изменяются и социальные отношения. Урбанизация мира, превращение городов в центры жизнедеятельности, является серьёзной пропагандой городского стиля жизни. В первую очередь надо говорить о сосредоточении большого количества людей на маленьком участке земли. Мы становимся соседями всем вокруг, отгороженные друг от друга стенами наших квартир; в транспорте мы стоим спинами друг к другу; в супермаркетах мы стоим друг за другом в колоннах потребителей, идущих к кассе. Эта физическая «теснота» порождает и «тесноту» психологическую, изменяет отношения между людьми. В любом обществе есть социальное разделение, но только в городах появляется понятие «карьера», которое привносит в социальные отношения элемент соревновательности. Глобализация напрямую связана с бизнесом и карьерным ростом, так как предполагает возможность перемещения кого- и чего-либо на любое расстояние по всей территории планеты. Теперь каждый индивид, в любой стране вступает в заочное соперничество со всеми остальными жителями планеты в стремлении занять рабочее место.

Сосредоточение людей на своей карьере порождает изменения в отношениях внутри семьи. Традиционная крестьянская семья получила серьёзный удар вместе с ростом городов и переездом в них, как правило, младших членов семьи. В настоящий момент усиливается тенденция разобщения внутри семьи, когда дети сначала редко видят своих родителей, занятых работой, а потом отселяются и начинают вести самостоятельную жизнь. «Социализация» индивида, начинающаяся с детского сада и школы, помимо положительных моментов, несёт и ядро разрушения. Привыкнув проводить большое количество времени вне семьи, слушать наставления преподавателей, а не родителей, общаться со сверстниками, а не с братьями и сёстрами, индивид постепенно отдаляется от семьи, перенимая для своего поведения образцы из окружающего мира. Семья постепенно перестаёт быть той ячейкой общества, которой она призвана быть.

Помимо традиционных СМИ, серьёзное влияние на модель поведения человека оказывает Интернет. Социальные сети, как продукт глобализации создают новые механизмы и стандарты общения. С одной стороны, каждый человек может скрыться за выдуманной «личной», вести в интернет-пространстве жизнь, которую он не может вести в реальном мире. Происходит воплощение желаемых, зачастую не лучших качеств, в выдуманном, бестелесном образе. С другой стороны, посредством социальных сетей происходит невозможное ранее сближение людей. Благодаря процессам глобализации, человечество получило возможность общаться друг с другом в онлайн-режиме, заводить знакомых, которых, возможно, никогда не увидит. Помимо этого, благодаря социальным сетям индивид «открывается» для

окружающего его социума, делая достоянием общественности свои вкусы, определенные предпочтения, хобби и т.д. Таким образом, происходит добровольное «публичное обнажение» человека. Происходит постепенная ликвидация личной жизни. «Открываясь» для мира, человечество делает себя слабее, уязвимей для социального давления. Вместе с появлением новых возможностей для профессионального роста, человечество всё более отдаляется друг от друга, становится «публично одиноким». Интернет превращает людей в «новую группу жестоких, разочарованных и униженных мужчин и женщин [2, с. 8].

Как было сказано выше, глобализация создаёт новые возможности для ведения бизнеса, выходящие не только за рамки государства. Интернет связывает континенты, предоставляя возможность распространять свои идеи и перевозить свои товары в любую точку планеты. В одночасье, миллиарды людей оказались в одинаковом положении, и теперь только от них зависит, как они распорядятся своими возможностями. На наших глазах происходит настоящее «восстание масс», которое коренным образом меняет современный мир, перестраивая его экономику, социальную и политическую сферы жизни общества. Однако, было бы неверно говорить о тотальном стремлении людей вступить в новый глобальный мир и пользоваться его благами.

Вместе с ростом активности отдельных людей и целых государств в новых условиях, наблюдается и процесс «регионализации». В широком смысле слова, речь идёт о замкнутости народа на своих внутренних задачах и неохотное движение к глобальному сближению. В узком смысле, в «регионализацию» вкладывается понятие замкнутости человека, его нежелание вступать в глобальные связи. Представляется, что можно говорить о феномене «дистанцированной глобализации». Автор вкладывает в это понятие, складывающееся в последнее время необычное сочетание использования всех достижений науки и техники, возможностей глобального мира с сохранением устоев традиционного общества. Примерами могут служить построенные на принципах семейственности общины мусульман, стремящиеся селиться вместе и не принимающие норм жизни местного населения, христианские церкви всех ветвей, священнослужители которых пользуются компьютерами, мобильной связью и пр.

Глобализация диктует и свой стиль жизни, основанный на стремлении к успеху, постоянному высокому доходу. Замечательный по своей сути, мотивирующий на постоянную работу над собой, он также несёт и негативные свойства. Постепенно создаётся психология «временного состояния», когда каждый момент жизни проходит, как очередной миг, не несущий в себе чего-то значительного. С экранов телевизоров и мониторов компьютеров диктуется новый стиль жизни, при котором всё удобно и всё временно. Человек превращается в маленький винтик большой и неизвестно по какому принципу работающей системы. Он становится ограниченным рамками работы, на которой он если не реализовывается, то просто зарабатывает деньги. Исходя из такого подхода, формируется индустрия развлечений, которая призвана быть простым, удобным фоном для рядового потребителя, который хочет просто посмотреть телевизор после трудового дня и который не желает получать дополнительную, ненужную ему информацию.

Подобное «облегчение» жизни привело к изменению стиля мышления, который становится в последнее время «клиповым». Индивид теперь оперирует не только понятиями и моральными критериями, взятыми из семьи и окружающей среды, но и образами, воспринятыми с экранов и мониторов. Дополнением к такому образному мышлению являются и приобретаемые людьми продукты. Те очереди уставших потребителей в супермаркетах, о которых шла речь в начале статьи выбирают не только исходя из финансовых возможностей, но и из личных предпочтений. В условиях быстрой жизни, индивид выбирает временных «путчиков», которые удобно входят в его жизнь. Проводящий большое количество времени на рабочем месте, человек стремится обустроить его, приблизив к домашней обстановке. Здесь он выбирает из доступных ему средств то, что окажется ближе, созданным им самим образу его рабочего места. Кто-то заваливает свой стол бумагами, документами, кто-то набивает свою карандашницу ручками и карандашами, покупает большую кружку, надевает тапочки и т.д. В этой ситуации, рынок незамедлительно среагировал, предоставив выбор из готовых шаблонов – товаров. Известный журналист Наоми Кляйн рассказывает, что «рекламные агентства стали обращать всё меньше внимания на конкретные продукты и их атрибуты и занялись изучением психологических и антропологических аспектов влияния брендов на культуру и жизнь людей» [3, с. 30]. При этом стоит обратить внимание на то, что «удоб-

ные» образы стандартизируют жизнь. Приводят весь выбор потребителя в чёткое соответствие с первоначально задуманной установкой. В сильно упрощённой версии мы можем наблюдать подобную «корректировку» среди неблагополучных слоёв населения, где она выражается в определённых музыкальных предпочтениях, видах занятий, выборе одежды и т.д. Бренды играют в неблагополучных городских районах роль всеобщего суррогата, подчиняя себе всё – от чувства самоуважения до национального культурного наследия и политической власти [4, с. 458].

Подвод итогов, следует сказать, что глобализация – довольно сложный и многогранный процесс, изменяющий современное общество. В настоящий момент индивид подвергается самому жёсткому, всеохватывающему влиянию за последнюю тысячу лет. Меняется стиль мышления и модель восприятия окружающего мира и живущих в нём людей. Человек постепенно переходит от традиционного видения мира через призму семейных привычек и устоев к установке на быстрое заимствование моделей поведения из окружающей обстановки. Человечество постепенно «выворачивает себя наизнанку», делая достоянием общественности то, что раньше находилось глубоко внутри каждого. Оставшиеся внутри людей привычки и устои видоизменяются, смешиваясь со стандартами, навязанными извне. С учётом того, что процесс глобализации только начался, нельзя говорить о каком-либо подведении итогов исследования. С уверенностью можно сказать лишь то, что глобализация и прогресс необратимы, пронизывают все сферы жизни общества, изменяют его согласно ходу своего развития. В ходе изменений, на наших глазах, появляется новый тип человека, с одной стороны оставивший внутри себя часть члена традиционной общины, а с другой порвавший с ней и включенный в мировой процесс постепенного перехода к информационному обществу «публичного одиночества».

Библиографические ссылки

1. Thomas L. Friedman. The world is flat. Penguin books, 2006. 600 p.
2. Там же.
3. Наоми Кляйн. NO LOGO. Люди против брендов. М.: Добрая книга, 2005. 624 с.
4. Там же.

И. А. ЖЕРНОСЕНКО, Д. И. МАМЫЕВ, Р. В. ОПАРИН, Е. В. УШАКОВА

*Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул
Алтайский государственный университет, г. Барнаул*

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С древнейших времен Россия объединила на своих огромных северо-евразийских территориях жизнь славянских, тюркских, северных и др. народов. Периодически мы слышим высказывания и упреки в том, что русские не являются нацией с точки зрения классического определения нации (построенного в соответствии с логикой становления западных наций). И это действительно так, поскольку для огромных евразийских территорий, объединенных в единое супергосударство (Россию), определение нации должно вырабатываться, исходя из евразийской, а не европейской (мелко раздробленной) реальности. Л.Н. Гумилев вполне справедливо и точно определил народ России как *суперэтнос* [1., с. 83]. Он обладает особым *общинным менталитетом*, он *полиэтничен*, *многонационален*, его *цементирующим ядром* является русский народ.

Именно древние переселения народов сухопутным путем осуществлялись преимущественно целыми родовыми семьями – родами, племенами. Поэтому основу жизни здесь составлял *общинный менталитет*. Общинность помогала людям сплотиться, выживать в жестких условиях внешней среды, сурового климата Сибири и средней полосы Европы, где постепенно отходило оледенение. Формировались жесткие непререкаемые родо-племенные законы (табу), основу которых составляли: необходимость выживания общины, поддержка членов общины; общинная нравственность (честность, отвага, уважение к старшим, совместный труд и выживание, неприхотливость, забота и взаимопомощь, бережное отношение к

детям и древнейшая этнопедагогика); строгое соблюдение социальной иерархии, где вожди (самые сильные и смелые), старейшины (самые мудрые) и шаманы (особо просветленные, умеющие налаживать контакт с духами людей и природы) в целом обеспечивали социальное управление в интересах всех членов общества. Эволюция российского управления также имела не-западный путь развития. Если западный социогенез изначально проходил через рабовладение, которое в разных формах сохранилось вплоть до эпохи глобализации третьего тысячелетия, то восточный (в том числе российский) социогенез, или, по К. Марксу, азиатский способ производства (и, добавим, социокультурной эволюции) был иным.

Российский, шире – восточный социогенез опирается на самосознание и развитие системы как целого, социоприродного комплекса как целого, где и природа – часть жизни людей должна быть сохранена, окультурена и развита. Это закономерная эволюция социума в цепи преобразований: родовая и родоплеменная (поселенческая) община, княжество (территориальное объединение племен), царство, империя (территориальное объединение княжеств). А общинный способ бытия людей в социосистемах сформировал и собственный способ управления – *патернализм* (патриархальность), где высшая верховная власть, независимо от уровня организации, подобна отеческой, роли отца в семье, который заботится обо всей семье и о земле как Матери и кормилице, какой бы большой эта общность и территория ни оказалась – от общины до государства. В целом восточный тип управления – субъект-субъектный, патриархально-иерархичный, где даже самые низшие слои общества должны быть обеспечены достаточным и необходимым минимумом основных жизненных благ – материальных, духовно-культурных, природных, а земля – неотъемлемое достояние народа.

Коренное отличие западного социокультурного типа управления (сложившееся на базе переднеазиатского и западно-евразийского социогенезов) состоит в том, что оно по сути рабовладельческое, т.е. расчленяет определенный социум (по типу «несмешивающихся жидкостей») на несопоставимые части – рабовладельческую элиту управляющих субъектов и подконтрольную бесправную массу управляемых объектов (раб как «говорящее орудие» в древних цивилизациях, нищеванская «толпа», «масса» лишних ртов на планете и постмодернистский деконструирующийся человек как «машина потребления», жертва манипуляции). Поэтому для западного социального управления в целом характерен *элитаризм* (либерализм для элиты). В основе здесь лежит социокультурный принцип «Свой – Чужой». Данный тип управления дисгармоничен как для управляемого социума в целом, так и для геобиотерриторий планеты, где он воцаряется, поскольку он имеет хищническо-паразитарную сущность, разрушительную по своей природе. В целом это западный *субъект-объектный тип* социального и социоприродного управления, где управляемые звенья – лишь объекты подчинения и выкачивания ресурсного потенциала в любых его формах – энергийных и телесных, социальных и природных.

А теперь рассмотрим более подробно те черты российского менталитета, которые легли в основу специфики российского управления и определяют его специфику в эпоху глобализации. Данные черты менталитета ложатся основой сознания в сфере управления российского социума, определяют специфику как государственного управления (на макроуровне), так и микросоциальный уровень управления социальных групп (от семьи до производственной или административной организации).

Во-первых, как указывалось, в целом российский менталитет носит *общинный* характер. Именно он позволял выживать в жестких условиях севера, Сибири и средних широт, формируя такие человеческие качества, как выносливость, терпеливость, трудолюбие, терпимость, взаимопомощь, честность, доверчивость.

Во-вторых, это высокая степень *внешней свободы* на необъятных природных просторах России-Евразии.

В-третьих, *отсутствие рабовладения и двойной* (нетерпимой, конфликтной и нечестной) *морали*, подобных западноевропейским государствам. Отсюда – значительно меньшая государственная деспотия, нежели на Востоке и Западе (поэтому целенаправленно раздуваемая сегодня проблема тоталитаризма в России, при более пристальном осмыслении, оказывается во многом фикцией). Более развитое (но не деспотическое) чувство внешней свободы, возможность найти места более свободного существования: даже в сложившемся эксплуататорском классовом обществе сохранялась высокая степень миграций части свободолюбивого (пассионарного) населения на юго-запад страны (казачество), или на восток (поздние переселения из европейской части на Урал, за

Урал в Сибирь, в Среднюю Азию и пр.), а также осуществлялись миграции на религиозной почве (переселения староверов, образование монастырей и пр.).

В-четвертых, эти природные и социальные условия сформировали *экстравертность* менталитета, а также значительные возможности для пассионарного (по Гумилеву) поведения народа.

В-пятых, огромные просторы проживания, возможность перемещений, многообразные сложные природные условия, а также изменчивые социальные условия привели к такой характерной особенности менталитета, как способности *комплексно оценивать ситуацию и самостоятельно действовать по ситуации* и в целом – к *творческому синтетическому складу ума (динамическое многоплановое цельное созерцание, творческая интуиция, интегративное синтетическое рациональное мышление и общее практическое действие на этой основе)*.

Иными словами, закономерно вырабатываются следующие черты: трудолюбие, творчество, цельность интеллектуально-нравственной оценки, самостоятельность решений.

Таким образом, *Россия–Евразия (как северо-евразийская цивилизация)* оказалась не только центром, серединой Евразийского материка. Здесь сформировался и *особый менталитет, срединный* по своим характеристикам по сравнению с восточным и западным [2]. Эта срединность обусловлена, во-первых, древнейшими корнями, которые роднят, казалось бы, разные этносы, народы человечества; во-вторых, «срединностью» расположения России и ее постоянным культурным взаимодействием между Востоком и Западом. Но, в-третьих, специфика русского менталитета, а затем и русской философии обусловлена особыми условиями существования русского суперэтноса – как русского и других народов, проживающих на огромных северных территориях с особыми природными и социокультурными условиями, что и сформировало специфический менталитет и склад ума.

Важные выводы, касающиеся характера и менталитета русского народа как цементирующего ядра евразийской ментальности, осуществил Н.О. Лосский в своем труде «Характер русского народа», опубликованном в книге «Условия абсолютного добра» [3]. Философ исследовал типы хозяйственной, экономической деятельности отдельных слоев, специфику уклада жизни, менталитета.

Но при этом Н.О. Лосский подчеркивает, что, как ни в одной другой стране, верховная авторитарная власть сочетается с невиданной по своим размахам «бытовой демократией», то есть реальной свободой и самоуправлением на местах [4, с. 250]. Существуют традиционные установки русских людей, характеризующие их ценности по отношению к экономическим реалиям, в виде, например, известного пренебрежения прибылью и собственностью, богатством. Автор отмечает: «Среди европейцев бедный никогда не смотрит на богатого без зависти, среди русских людей богатый часто смотрит на бедного со стыдом. В русском живо чувство... что владение означает принадлежность чему-то, что в богатстве выдыхается духовная свобода» [5, с. 251].

Поэтому, чтобы народ искренне и всецело поддержал своих правителей, нужно совсем немного. Это *оптимальный, достаточный минимум духовно-культурных, социальных и материальных благ и народная земля (не отданная грабителям и чужеземцам), на которой можно строить мир и сотрудничать с другими народами и странами*. С современными экономическими возможностями, при их сбалансированном использовании, это вполне достижимо.

В целом *специфика русского управления* обусловлена особенностями русского менталитета, русской философии, российских условий жизни. Это, прежде всего, постоянная *динамика сложных, жестких* природных и социальных условий, сформировавшая такой тип системного взаимодействия людей, при котором они вынуждены объединяться, помогая друг другу. С одной стороны, такое сообщество людей действует согласованно как системное целое, адаптируясь к внешним условиям. Поэтому во взаимодействии людей проявляется коллективность. Действует в целом культурологический принцип, характерный для северо-евразийских (Россия) и восточно-евразийских (Китай, Индия) культур – «Все свои, но в иерархии».

Но при этом несомненно и отличие, например, от восточного коллективизма, где основная масса людей подчиняется руководителю беспрекословно, наподобие: социализированных, но не потерявших своего значения, табу; безусловного доверия традициям (конфуцианство); подчинения директивам (например, в Китае эпоха Мао

Цзэдуна). Такой тип управления и поведения людей в системе вполне возможен и оптимален при относительно стабильных внешних условиях, например, в оптимальных условиях теплого климата юга Азии и в довольно стабильных социально-государственных системах (наподобие огромных государственных систем Древней Индии и Древнего Китая, просуществовавших многие века). Данный тип коллективизма на Востоке мы можем обозначить как *пассивный коллективизм*, складывающийся в относительно стабильных условиях социоприродного существования.

В отличие от этого, на территории северной Евразии народы находились в постоянно изменяющихся условиях (климата, рельефа, переселений и т.п.). При этом они просто не могли слепо подчиняться высшему стабильному управлению, становясь пассивным послушным коллективом, поскольку, с одной стороны, постоянно должны были изменяться управленческие решения, а люди вынуждены были гибко, творчески реагировать на директивы. С другой стороны, часть директив на больших евразийских территориях просто невозможно было давать из «центра управления», поскольку множество ситуаций на местах правителю (даже самому мудрому) были неизвестны и не ясны. Поэтому совершенно необходима была творческая активность сознания, поведения и принятия решения простыми людьми.

По отмеченным причинам русская общинность и управление, по нашему мнению, представляет собой *активно-творческий коллективизм* социальной системы в целом, как ее центра, так и периферии, «низов» и «верхов». В этих условиях часть управленческих функций обычно передавалась народу. А какие-то главные, судьбоносные решения принимались сообща – на народном собрании, вече. И совершенно неслучайно даже в царской России, несмотря на бедность значительной части населения и жесткость жизненных условий, велик был потенциал свободы значительной части населения (первопроходцев, переселенцев, казаков и пр.). Также неслучайно основной формой государственного управления в России и в СССР стали Дума, Советы. Именно Советы прижились на огромных просторах советского государства, поскольку это соответствовало менталитету русского народа и других народов, имеющих исходно северно-евразийский характер и менталитет.

Если обозначить полученные выводы с философско-культурологических позиций, можно отметить следующее.

Природно-фундаментальный смысл управления исходит из природной авторегуляции, аналогичной принципу «Все Свои, в сбалансированном иерархическом взаимодействии».

А социально-фундаментальный смысл управления может иметь разные основания:

1. В западном ментальном типе управления действует принцип «Свой–Чужой» внутри управляемой системы, в моральном плане преобладает активный индивидуализм, а по отношению к чужому – агрессивизм и деконструктивизм.

2. В восточном ментальном типе управления действует принцип «Все Свои, в иерархии, при строгом подчинении низов верхам», в моральном плане преобладает пассивный коллективизм.

3. В российском ментальном типе управления действует принцип «Все Свои, в иерархии, при относительной активности низов», в моральном плане преобладает активно-творческий коллективизм, или общинность как творческий принцип Общего Дела (разработанный в русской философской мысли XIX – начала XX в.).

И сегодня, в период перестройки социально-экономического и правового базиса России, практически не приживаются западные законы, основанные на противоположном социально-расчленяющем и омертвляющем принципе «Свой – Чужой». Не работает по западному типу ментальности рынок, а сквозь «многослойные прессы» политического, экономического и правового давления на народ либеральных демократов разного толка, все же, пробивает себе дорогу активно-творческий коллективизм (то есть общинность), неразрывно связанный с нравственностью и творчеством живого ума. Западнистские (по А.А. Зиновьеву) принципы социального управления [6], сегодня продавливаемые западным лобби в российской госдуме, уродуют социальную реальность жизни россиян, превращая их в объектов социальной манипуляции и уничтожая территории страны, некогда пригодные для существования. Это вполне соответствует западному типу управления, которое сегодня принимает глобалистский характер. Ведь именно западный тип управления – экспансивно-агрессивный по сути, хищнически уничтожив социально-природные ресурсы на одной

территории, с необходимостью должен продвигаться на новые территории планеты, подвергая их такому же воздействию. Сегодня объектом наиболее активного захвата Запада стала Россия, поскольку другие территории планеты им уже во многом разорены. В частности, об этом сегодня широко говорит и депутат Госдумы, соратник президента Е.А. Федоров [7].

Здесь возникают серьезные проблемы соотношения и взаимодействия разных культур при их архетипическом и историческом несовпадении. При этом актуализируются вопросы восприятия Своей (родной) культурой – чего-то внешнего, нового, но Чужого, Чуждого (инородного, инокультурного) и последующей трансформации Своего в оптимальных (жизнеспособных) и неоптимальных (патогенных, умерщвляющих Свою культуру) вариантах. Здесь уже имеет место *не внутрисистемная, а экосистемная оппозиция*, раздвоенность и противоположность всей (отдельной) культурной системы как Своего и находящейся в окружающей среде другой – Чужой (чуждой, инородной) – культурной системы, которая может вторгаться в Свою культурную систему.

Последний из отмеченных аспектов имеет весьма важное значение в настоящее время, когда резко усиливаются тенденции *глобализма в его западном (точнее, североамериканском) варианте*, и множеству стран навязываются (под лозунгами самых совершенных, наилучших, постмодернистских, либералистско-демократических и т.п.) западные культурные традиции полярности Своего и Чужого, где не-западный мир оказывается в положении Чужого со всеми вытекающими последствиями. И здесь, как подчеркивает В.И.Марков, актуализируется проблема Своего и Чужого в современной культурной жизни: «Понятие отчуждения логически включает в себя превращение чего-то «Своего» во что-то «Чужое». Отсюда и возникает впечатление о возникновении в деятельности некоей чуждой силы, которая господствует над человеком. Именно силы, поскольку итоги активности, сливаясь, образуют систему отношений и взаимодействий, и эта система уже сама навязывает свою волю творцу – самому субъекту действия» [8, с. 71]. С этих позиций: «Современные африканские социологи обвиняют евро-американский культурный империализм как раз за сознательное создание в СМИ искусственного образа Американского Рая, разрушающего фундаментальные основы традиционных культур» [9, с. 77]. Аналогичная проблема сегодня остро стоит и в России.

Если теперь вновь от проблемы взаимодействия культур в системе «Свой – Чужой» перейти к российской действительности начала третьего тысячелетия, в том числе, к вопросам государственного, правового и экономического управления, мы можем сказать, что в настоящее время над Своим в России довлеет западный активизм в оппозиции Чужой. Безусловно, к анализу взаимодействия указанных полярностей надо относиться диалектически. Наиболее опасная цепь событий возникает в том случае, если Чужое действует на Свое агрессивными способами. При этом неизбежно происходит столкновение Своего (родного) и Чужого (инокультурного); Чужое проявляет себя как Чуждое и агрессивное; идет экспансия Чужого и Чуждого; заполнение Своего Чуждым и Чужим; ослабление Своего; отчуждение Своего при экспансии Чужого; разрушение Своей культурной традиции – угасание и смерть Своего как родной культурной системы.

Хуже того, может произойти мимикрия Чужого под Своего, а при этом Свое оказывается отторгнутым и находящимся в положении Чужого. Возникает все больше интуиций по поводу того, что в современной российской элитарной политике (в целом слепо следующей Западу) именно российскому народу (как преобладающему населению всей России) уготовано положение Чужого, предназначенного к элиминации.

Но все же, если подходить к проблеме взаимодействия исследуемых полярностей «Свой» – «Чужой» диалектически, в ней можно выделить не только губительные, но и оптимистичные варианты взаимодействия. При этом проблема восприятия и/или неприятия Инородного приобретает вариативность, в виде следующих возможных результатов:

1. Полная ассимиляция и вытеснение родного архетипа бытия (уничтожение Своего Чужим).
2. Частичная неоптимальная, чрезмерная ассимиляция и трансформация своего архетипа бытия (порабощение Своего Чужим).
3. Частичная, оптимальная, жизнеутверждающая ассимиляция и трансформация Своего (развитие Своего за счет впитывания инноваций Чужого с созидющим характером для Своего).

4. Полное неприятие инородного и нововведений, ведущее к «закостенению» своего и омертвлению культуры (стагнация своего за счет отторжения позитивных инноваций Чужого).

5. Мирное сосуществование Своего и Чужого в том случае, если совпадают ментальные ядра взаимодействующих культур, если происходит не агрессивное, а взаимодополняющее, взаимно обогащающее взаимодействие культур. Это может привести к образованию более широкой интегральной культурной системы на основе принципа «Все Свои, но с учетом и уважением индивидуальности».

По-видимому, для социокультурной, политико-правовой и духовной жизни России оптимальным в современных условиях может оказаться лишь третий вариант. Он заключается в обязательности сохранения собственного культурного социогенотипа, основ российской ментальности, но в то же время и в творческом подходе к новациям западного и др. типа. Ментальное ядро российской культуры должно остаться, а изменениям могут подвергаться лишь периферийные части живой культурной системы. Если Россия воспрянет, то только вопреки чуждому менталитету, чуждому праву и чуждому государственному управлению элитаристского типа.

Но положительным достижением в этой бескомпромиссной глобальной борьбе менталитетов разных культур станет ассимиляция на российской почве позитивных достижений западного научно-технического прогресса в сфере информационных, социальных и экологических технологий. Мы вполне можем и должны освоить и использовать эти достижения, поскольку Запад, в связи с присущим ему ускоренным неоптимальным развитием, проходит ряд исторических стадий раньше других государств, и поэтому надо использовать его позитивный опыт («зерна»), но отбрасывать огромное количество плевел, продуцируемое безнравственной хищнической цивилизацией.

Пятый вариант пока можно рассматривать как идеал глобального межкультурного взаимодействия народов в «многополюсном» поликультурном мире духовно-экологической цивилизации, гармоничной экологически сбалансированной социосферы. Но по большому счету, именно этот идеал должен прорабатываться в качестве глобальной стратегии выживания человечества – как альтернатива духовно-экологической катастрофе в зараженном бизнесом, конфликтующем социальном мире.

Таким образом, мы можем утверждать, что российское управление только тогда организуется и функционирует слаженно, гармонично, когда оно является Своим, ложится на природный фундамент автоуправления и на русскую ментальность, органично соответствуя ей «изнутри». С другой стороны, «извне» на российское управление оказывает постоянное воздействие наиболее активный в мировом масштабе западный менталитет, создавший свои стандарты, принципы управления и власти «макевиаллистского» толка. Поэтому извне Россия подвергается постоянному воздействию чуждой и часто агрессивной ментальности. Она постоянно вынуждена существовать в ареале этих воздействий. Одни из них – наиболее прогрессивного плана – могут оказывать несомненное положительное влияние (например, принятие Россией в XVIII в. западного образования, науки; политика народного образования и воспитания при социализме, включавшая достижения западного образования, но адаптированная на российскую почву русской педагогикой; позитивные заимствования достижений научно-технического прогресса).

Другие же воздействия имеют выраженный негативный характер, прежде всего, агрессивистского толка, особенно в периоды ослабления российской государственности и России как единой социальной системы. Это разные формы проявления западной экспансии в России. Менее выражены, но также имеют место проблемы несанкционированной экспансии других культур – пантюркизма, Китая, Японии (особенно в зоне Курильских островов) и т.п.

Экспансия западной культуры обеспечивается, прежде всего, богатейшим западным капиталом, проникающим в страну по разным каналам и активно воздействующим на все сферы федерального, регионального управления макросоциального уровня, на различные виды микросоциальных систем, а также на индивидуально-личностный уровень, изменяя массовое сознание и образ существования населения России. Используются разнообразные рычаги информационного, государственно-экономического, политического, правового, морального, религиозного, рыночного, криминального и т.п. воздействия на всех структурно-организационных уровнях российского социума.

Но не будем забывать, что Россия, которую постоянно втягивали в самые разрушительные мировые войны, в итоге всегда побеждала и освобождалась. А сегодня стратегией жизни народов должно стать мирное сосуществование не на базе принципа «Свой – Чужой», а на основе принципа «Все Свои», в справедливой иерархии. Военный конфликт начала третьего тысячелетия опирается на техногенный потенциал современных войн, не важно каких – «горячих», «теплых информационно-манипулятивных» или «холодных, конкурентно-идеологических». Он слишком разрушителен и для людей, и для природы. И слишком мало осталось «шагреневой кожи» природы, чтобы продолжать ее безвозвратно уничтожать с помощью безумного глобального капитала.

Мирное развитие и поиск гармонии с природой необходимы сегодня всем людям планеты, как русскому народу, так и другим народам и странам. Противоположный путь – *безысходен*, это духовная и экологическая катастрофа. Но тогда напрашивается закономерный вопрос: есть ли смысл тратить, в *мировых масштабах*, такое огромное количество сил и капиталовложений на бессмысленные мировые конфликты, захваты, мировую ложь, жуткие мировые болезни (эгоизм, наркоманию, проституцию, искусственные инфекции и пр.), разъедающие общество изнутри? В состоянии непрекращающихся конфликтов сложных проблем не решить. На это просто не остается времени. Поэтому безудержное провоцирование конфликтогенеза в самых разнообразных формах с надеждой на мифическую победу – это плод больного эгоцентричного сознания с неминуемыми патогенными последствиями.

Можно обмануть человека, но живую планету – невозможно. Она жестко и неотвратимо отомстит катастрофами, перед которыми весь научно-технический потенциал человечества в итоге окажется бессильным. Это, например, усиление тектоники планеты, вплоть до движения тектонических плит, глобальное потепление и затопление части суши; параллельный противоположный процесс изменения океанического Гольфстрима и похолодание на Западе; разрушение озонового слоя Земли; исчерпание запасов пресной воды; снижение доли кислорода в атмосфере за счет техногенных процессов сжигания углеводородов и пр.; загрязнение геосфер планеты и непредсказуемые биогеоландшафтные катастрофы и т.д.

Нельзя забывать, что все мы – *дети* Матери-Природы, живой планеты Геи. А когда обезумевшие дети поднимают руку на материнское начало, нарушаются мировые законы, Божественные законы, происходит *катастрофа*. Вряд ли достойно для Человека жить лишь одним днем, потребляя все, что только возможно, сходя с ума от жажды богатства и власти, не думая о судьбах будущих поколений. Ведь сегодня мы, по меткому выражению Г.С.Лихачева, занимаем ресурсы природы у своих детей и внуков и не думаем их отдавать. А современные формы глобального управления, с их некрофильными стратегиями, только усугубляют сложившуюся предкатастрофическую планетарную ситуацию. В итоге подчеркнем, что именно в России в эволюционно-исторических масштабах сложился архетип управления, способный спасти человечество и природу планеты от катастроф. В научной форме современного знания это выражено, например, в концепции великого русского ученого Владимира Ивановича Вернадского, 150-летие со дня рождения которого знаменует 2013 год, разработавшего *концепцию ноосферы* – созидающего планетарного разума человека и человечества. Поэтому именно российская специфика управления может открыть путь к эпохе глобального возрождения микрокосма Человека в гармонии жизни с людьми и Космосом.

Библиографические ссылки

1. Гумилев Л.Н. От Руси до России. М., 1995.
2. Российская ментальность: (Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. № 1. 1994; Российская цивилизация / под ред. М.П. Мchedлова. М., 2003.
3. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991.
4. Там же.
5. Там же.
6. Зиновьев А.А. Глобальный человек. М., 2006.
7. Федоров Е.А. О нем. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Фёдоров,_Евгений_Алексеевич; <http://nstarikov.ru/blog/18117>
8. Марков В.И. «Свое», «чужое» и отчуждение в культуре. Кемерово, 2002.
9. Там же.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОЛОДЁЖНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Молодёжь – это поколение, которое должно стать сменой для родителей и опорой для общества и государства. Очевидно, что молодёжь в значительной части обладает тем уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, который выгодно отличает ее от других групп населения. Одно из первых определений понятия «молодежь» было дано в 1968 г. В.Т. Лисовским: «Молодежь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции» [1]. Позднее более полное определение было дано И.С. Коном: «Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и других социально-психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла, биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с нею социальный статус и социально – психологические особенности имеют социально – историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и соответствующих данному обществу закономерностей социализации» [2].

Молодежь в значительной мере обладает тем уровнем мобильности, интеллектуальной активности, который выгодно отличает её от других групп населения [3]. Так как молодёжь является потенциалом любого общества, то целью её социализации сегодня становится не слепая вера и подстройка под необходимые для него параметры, а формирование активного и ответственного гражданина, способного творчески перерабатывать социальный опыт, то есть не только адаптироваться к действительности, но и изменять ее. Молодежь становится главным активом страны, её будущим. В любую историческую эпоху были свои идеалы, ценности. Например, в православной Руси была вера, в Российской Империи идеалом человека являлся царь, в советское время существовали такие ценности как труд, товарищество, уважение к старшим, взаимопомощь. Следить за «моральным обликом» было естественным делом, задачей партийных комитетов. За аморальное поведение шло наказание. Так, за интимные отношения без брака могло последовать увольнение с работы. Считалось, что коллектив должен решать все семейные проблемы. Пропагандировалась социальная активность всех членов общества, и тем более, молодежи, как надежде «светлого будущего». «Нет проблем у нашей советской молодежи, так как она вся охвачена энтузиазмом в деле построения светлого будущего всего человечества!» – звучало в ответ на предложения отдельных смельчаков – ученых исследовать и разрешать проблемы, с которыми сталкивалось «поколение до 30» [4].

Особенно остро проблема молодежи и ее роли в общественной жизни стоит в постперестроечной России конца XX в. Прежняя система морали была сломлена, идеология кардинально сменилась, и, следовательно, сменилась ценностная ориентация молодежи. Изменение ценностных ориентаций – это, бесспорно, достаточно болезненный процесс, и изучение его закономерностей может способствовать выявлению путей влияния на молодую личность, соответствующих общественных институтов, с целью ослабить интенсивность ее эмоциональных стрессов и предотвратить возможное социальное напряжение. Ценность труда оставалась также на первом месте, однако объяснялось это уже не идейностью. Безработица, тяжелое экономическое положение, долгие задержки заработной платы поднимали ценность труда на первое место. Однако, о коллективизации говорить уже не приходится. Это была, скорее, потребность в выживании. Очевидно, что столь высокая значимость сугубо материальных устремлений, снижало гражданскую активность не только в трудовой, но и в других сферах общественной жизни. При выборе профессии, молодёжь выбирает более прибыльные профессии, и отнюдь даже не ради выживания, а ради благосостояния, «красивой жизни», «американской мечты».

В 1990-х гг. был объявлен курс на построение гражданского общества. Было отмечено, что стабильное функционирование гражданского общества возможно в том случае, когда каждый индивид имеет возможность выступать в качестве активного субъекта социальных

отношений. Таким образом, появления слоя активной молодежи является одним из требований для создания гражданского общества. Однако для молодежи активность – это не столько наличие общественно-политической позиции, сколько стремление к определенному стилю жизни. Это позиция молодых, направленная на улучшение себя и окружающего мира, здоровый образ жизни. Нельзя не отметить, что когда активность становится рутиной – интерес к ней падает.

В Стратегии государственной молодежной политики в РФ до 2016 г. указаны приоритетные направления работы с молодежью, и это, прежде всего, выражается в вовлечении молодежи в социальную практику и ее информирование о потенциальных возможностях развития и развитии созидательной активности молодежи. Именно на эти цели работают современные молодежные проекты.

Молодежные образовательные проекты можно разделить на несколько видов (таблица 1).

Таблица 1 – Классификация молодежных проектов

Вид проектов	Основное содержание, характеристика	Примеры
Игровые проекты	Проекты, участники которых примеряют на себя определенные роли и действуют по определенным, заранее оговоренным правилам. Игра сама по себе не комична ни для игроков, ни для зрителей. И животные, и дети за игрой выглядят довольно комично. Однако играют они, подходя к правилам со всей серьезностью [5]. Следовательно, за внешней не-серьезностью игры скрывается активное познавательное начало.	К игровым проектам относят тренинги, игры-симуляторы, ночные экстремальные игры, викторины и так далее.
Информационные проекты	Основаны на нахождении информации о чем-либо, обобщении и обсуждении. Также под информационно-образовательными проектами следует понимать учебные проекты, которые выполняются с применением новых информационно-коммуникационных технологий и служат образовательным целям. Информационно-образовательные проекты, являясь эвристическим методом, являются средством для познавательной деятельности молодежи [6].	К информационным проектам относятся образовательные клубы, дебат-клубы, образовательные Интернет-порталы.
Исследовательские проекты	Требуют достаточной теоретической подготовки. Участники сразу определяют рамки, методы, цели и задачи исследования. Отличие исследовательских проектов от информационных состоит в научной новизне полученного результата исследования	К исследовательским проектам можно отнести все научные проекты, связанные с поиском новых знаний, технологий, систематическим узнаванием фактов об объекте исследования.
Творческие проекты	Роль творческих проектов для умственного воспитания обуславливается еще и тем, что в процессе творческой деятельности у молодежи расширяется круг восприятия и представлений, складываются и совершенствуются познавательные способности, формируются основные процессы умственной деятельности, вырабатывается умение самостоятельно приобретать знания и применять их на практике.	Достаточно обширная категория образовательных проектов, включающая в себя различные студии, дома культуры, школы искусств, творческие акции, мастер-классы и другие проекты, так или иначе связанные с культуротворчеством.

Одной из самых популярных форм молодежных проектов являются молодежные форумы, которые можно отнести к информационным проектам. Многие молодые люди ждут, пока из проблемы решит государство, другие люди, родители. На молодежных форумах, которые стали достаточно популярными и распространились по всей стране в большом количестве, основной идеей является фраза – «Кто, если не мы». Молодежь учиться создавать своё будущее своими руками, предлагая инновационные идеи и воплощая их в жизнь. Первым форумом, который задал высокую планку всем существующим сейчас молодежным форумам, был и остается «Селигер», организованный в 2005 г. Василием Якименко. Именно на «Селигере» были выработаны подходы и принципы, превращающие сбор молодежи ради самой молодежи в площадку по выработке идей и механизмов претворения этих идей в реальность.

Этапы, которые проходит участник форума можно представить в виде таблицы (Таблица 2).

Таблица 2 – Этапы разработки проекта

Этап молодежного форума	Основное содержание	Действия организаторов форума	Пример
1) Появление Идеи для проекта	Идея должна быть инновационной, актуальной и востребованной. Идеи распределяются по тематическим направлениям. Список направлений может быть разным, однако, есть так называемые «постоянные» направления – научные инновации, искусство и творчество, политика и гражданское общество, волонтерство, предпринимательство, информационное творчество.	Проведение отбора участников, распределение проектов по направлениям.	Идея для проекта – открытие сеттльмент-центров в городе. Проект отправлен на направление «Волонтерство».
2) Разработка идеи	Участник получает дополнительные знания, с помощью которых оформляет свой проект соответственно требованиям. Посещение тренингов, мастер-классов, лекций и т.д.	Приглашение гостей на форум, организация образовательных занятий различных направлений.	Приглашение на направление «Волонтерство» руководителей волонтерских организаций.
3) Тестирование участника	Автор проекта проходит несколько так называемых станций, где тестирует себя в навыках личной эффективности, управлении проектной сферой, понимании того, кто является партнером, какие основные риски и задачи содержит его проект. Участник тестируется на понимание и владение технологиями его направления, знания этой сферы, выясняется, умеет ли человек работать с ресурсами.	Организация тестирования участников. Наблюдение за участниками с целью выявить наиболее подходящие проекты для реализации. Те проекты, которые по итогам испытаний набирают больше баллов, и получают финансовую поддержку	Защита проектов перед жюри. Получение гранта на реализацию проекта.

Концепт молодежных форумов заключается в полном заполнении времени различными мероприятиями (образовательными, культурными). При этом самостоятельная деятельность занимает большую часть программы. Таким образом, создается атмосфера динамики, активности, которая в дальнейшем переходит в обыденную жизнь участников. Столкновение с трудностями приводит к поиску новых способов их преодоления. Другой принцип молодежных форумов – это обучение через опыт. Участник получает информацию, проводит рефлексию, обобщает информацию, полученную в ходе различных тренингов, и, затем, применение их на практике – защите проектов. Следующий принцип – это понимание участниками необходимости узконаправленного вложения ресурсов. Из этих принципов можно легко вычленить основные идеи форумов – идею самосовершенствования, целенаправленных действий по изменению мира, а проект становится инструментом для этого.

Практически по тем же принципам работают молодежные лагеря. Отличие их от форумов заключается лишь в отсутствии проектов от участников для защиты. Однако также ведется образовательная деятельность по направлениям. Существуют многопрофильные и узконаправленные молодежные лагеря. Среди многопрофильных – студенческие молодежные лагеря, узконаправленные – лагеря политических партий, спортивно-оздоровительные, молодых правозащитников, языковые лагеря. Общее во всех проектах остается одно – самосовершенствование личности, продвижение идеи единства всей молодежи, её силы в общности, взаимопомощи в реализации своих идей, активизация своих скрытых способностей и реализация их в полной мере.

Подводя итог всему вышесказанному, хочется отметить, что молодежные образовательные проекты могут стать одним из инструментов развития не только гражданского общества, но и всей страны. Молодежь – это одна из самых активных возрастных групп. Переход от детства к социальной ответственности является достаточно тяжелой ступенью развития личности, помощником, в чем и являются молодежные образовательные проекты, являющиеся «социальным толчком», необходимым молодым людям.

Библиографические ссылки

1. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодёжи России. СПб., 2000.
2. Кон И. С. Социология молодёжи. Краткий словарь по социологии. М., 1988.
3. Сидоров. Д.В. Социальные технологии развития молодежных инициатив в условиях современного гражданского общества // Молодежь России и гражданское общество XXI века: сб. ст. Всероссийской заочной научно-практической конференции, 2009.
4. Социология молодежи: учебное пособие / научн. ред. В.Т. Лисовский. Кн. 1–3. М., 1995.
5. Хейзинга Й. Homo Ludens: статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Прогресс – Традиция, 1997.
6. Полат Е., Петров А., Бухаркина М., Моисеева М. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учебное пособие. М.: АCADEMA Академия, 2005.

М. В. СТАРЧИКОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦ ПОЖИЛОГО И СТАРЧЕСКОГО ВОЗРАСТА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ (на примере социологических исследований)

Проблема старения населения очень актуальна на сегодняшний день. В последние годы государственная политика Алтайского края концентрируется на острых социальных проблемах связанных с пожилыми людьми [1, с. 89]. В Алтайском крае по состоянию на 1 января 2013 г. проживает 2417 тыс. человек, из них 611 тыс. человек, или 25,3% населения края, – неработающие пенсионеры, являющиеся получателями трудовых пенсий по старости и по инвалидности. На учете в органах социальной защиты населения состоит 189,9 тыс. пенсионеров, из них 89 тыс. человек – инвалиды [2, с. 34].

Специфика жизни лиц пожилого и старческого возраста в Алтайском крае, определяется социальными условиями, которые в нашем регионе за предыдущие 10–15 лет претерпели существенные изменения, что очевидно, не могло не сказаться на особенностях старения данной категории граждан [3, с. 9].

Коренные преобразования в системе Российской государственной власти, политической и экономической сферах неизбежно ведут к существенным переменам в общественном сознании, изменению ценностных ориентаций населения, значительную часть которого составляют пожилые люди. Принятие российским обществом западных форм экономики, основанной на жесткой конкуренции, ведет к обострению межличностных отношений на всех уровнях: на производстве, в политической сфере, семье; дегуманизации традиционных взаимоотношений между детьми и родителями, молодежью и лицами пожилого и старческого возраста [4, с. 67].

В связи с этим нами было проведено эмпирическое исследование, которое включало в себя четыре этапа:

1. Определение принципов исследования
2. Проведение I исследования
3. Проведение II исследования
4. Анализ данных полученных в ходе эмпирического исследования

По результатам нашего I исследования (проведенного в 2008–2011 гг.) мы проанализировали, каково на сегодняшний день социальное положение лиц пожилого и старческого возраста в нашей стране в целом и на региональном уровне в частности, каковы адаптивные стратегии данной категории граждан и как они формируются в межпоколенном взаимодействии. После обработки данных мы получили определенные результаты, которые можно использовать для дальнейшего исследования данной проблематики и разработки некоторых программ на государственном и региональном уровне.

Итак, анализ роли здоровья как фактора формирования адаптивных стратегий лиц пожилого и старческого возраста, является наиболее актуальным, т.к. жизнь пожилых людей напрямую зависит от состояния здоровья. Действительно, наиболее важную проблему, которую выделяли лица пожилого и старческого возраста в ходе опроса, это проблема слабого здоровья. У респондентов начиная с 50-летнего возраста, резко возрастает доля негативных оценок своего самочувствия, а после 60 лет о плохом самочувствии и наличии хронических заболеваний говорит уже большинство опрошенных; причем женщины начинают указывать на болезни, начиная с 60 лет, а мужчины – начиная с 70 лет. В целом же именно возраст от 60 лет можно соотнести с физиологическими проявлениями старения.

Хотя старость и не является болезнью, по мнению многих врачей, имеющих дело с пожилыми пациентами, необходимость в медицинской заботе и в лекарственных препаратах с возрастом возрастает. Так, если обычно на медицинские нужды расходуется довольно-таки большая сумма (по современным оценкам на медикаменты), то для лиц пожилого и старческого возраста эта цифра удваивается.

Лица пожилого и старческого возраста от 50 лет реже обращаются к врачам, чем те, которым уже за 70 лет, относя свои болезни к возрастным особенностям. В результате проведенного исследования выявлено, что 68% респондентов пожилого возраста не всегда обращаются к врачу, 16% надеются на то, что болезнь пройдет сама, 14% сами знают, чем болеют, 5% не удовлетворяют назначения врача, а то и его квалификация, 11% лечатся своими средствами. Лица пожилого и старческого возраста всегда обеспокоены возникающими недомоганиями, расценивая их как признаки приближающейся смерти, или гипертрофируют свою немощность и болезненность из эгоистических соображений. Можно предположить, что физическое состояние лиц пожилого и старческого возраста в значительной степени зависит от их психологического самочувствия: оптимистически настроенные, погруженные в свои дела пожилые люди чувствуют себя намного лучше, чем отчаявшиеся, мнительные, сосредоточенные на своих несчастьях люди. Этот факт нами не исследован, но возможно в дальнейшем будет описан.

Существенным критерием здоровья лиц пожилого и старческого возраста принято считать показатели степени подвижности и способности к самообслуживанию. В ходе исследования было выявлено, что двигательная активность в полном объеме сохранена у 36%, резко сокращена (передвижением лишь в пределах комнаты или своего этажа) у 56%, не покидают пределов комнаты 8% пожилых. При изучении показателя способности к самообслужи-

ванию обнаружено, что обслуживают себя полностью 59%, частично – 36%, нуждаются в полном постороннем уходе – 5% пожилых. Таким образом, более 41% лиц пожилого и старческого возраста, проживающих в Алтайском крае, нуждаются в полном или частичном уходе.

Анализ полученных данных показал, что среди обследованных не было лиц, которых можно было бы отнести к группе практически здоровых, даже среди молодежи (встречаются хронические и врожденные заболевания). Так, в возрастной группе 60–69 в среднем на одного человека приходилось 6,8% заболеваний; в возрастной группе 70–75 лет – 7,7%, а 90 лет и старше – 8,5% заболеваний. Следовательно, практически все лица пожилого и старческого возраста нуждаются в постоянном медицинском наблюдении и лечении.

Изучение структуры заболеваемости показало, что в обследованном контингенте на первом месте по частоте находятся болезни системы кровообращения (67%), на втором – нарушения костно-мышечной системы (32%), на третьем – нервная система и органы чувств (27%), затем – органов дыхания (19%), органов пищеварения (14%). Данный показатель помогает охарактеризовать объективные факторы лиц пожилого и старческого возраста в Алтайском крае, которые оказывают непосредственное влияние на субъективные стороны жизни данных категорий граждан.

Не менее важным объективным фактором формирования адаптивных стратегий лиц пожилого старческого возраста является их материальное положение. Сегодня российские пенсионеры заметно чаще, чем работающие граждане склонны считать себя бедными людьми (и реже – людьми со средним достатком). Пенсионеры в большинстве своем не могут делать накопления и тратят деньги на текущие расходы (хотя в этом они не слишком отличаются от работающих россиян). Многие лица пожилого и старческого возраста не удовлетворены качеством своего питания – уповая на дороговизну продуктов, а так же их низкое качество (молока, например, или масла и т.д.)

Как видно из результатов, представленных в Таблице 1, лица пожилого и старческого возраста причисляют себя к категории: «бедные», и «живу очень бедно, практически голодаю, денег не хватает даже на питание», причем женщины оценивают свое экономическое положение немного выше, чем мужчины.

Таблица 1

Определите уровень Вашего материального достатка, отнеся к себе одну из следующих категорий		Живу очень бедно, фактически голодаю, денег не хватает даже	Живу бедно, денег хватает только на скромное питание, никаких других товаров купить не могу	Живу средне, денег хватает на питание и покупку самой необходимой одежды	Живу достаточно обеспеченно, имею некоторые накопления	Итого:
Ваш пол?	Мужской	0.8%	21.9%	3.4%	5.0%	31.1%
	Женский	0.8%	7.5%	53.8%	6.8%	68.9%
Итого:		1.6%	29.4 %	57.2 %	11.8%	100.0%

Большие финансовые затруднения ускоряют отход от активной жизни лиц пожилого и старческого возраста. Своеобразие современного положения данной категории граждан заключается в том, что объективный социальный риск, связанный с ограничениями в жизни и деятельности в пожилом и престарелом возрасте обостряется под воздействием социально-экономических перемен. Резкое падение доходов лиц пожилого и старческого возраста можно объяснить переходом в группу одиноких, с низким уровнем пенсий, небольшим процентом работающих пенсионеров, особенно мужчин. С более поздним возрастом уровень удовлетворенности своим материальным положением снижается, подавляющее большинство людей в возрасте старше 75 лет оценивают свое материальное положение как неудовлетворительное, а также как неустойчивое и ненадежное.

Данным показателем можно констатировать, что в течение последних лет больше половины людей пожилого возраста живет на грани или за чертой бедности и это положение усугубляется с годами все больше. Известно, что материальное положение респондентов является определяющим почти для всех остальных аспектов жизнедеятельности людей.

Также не менее важными для нашего исследования, являются объективные условия проживания лиц пожилого и старческого возраста в Алтайском крае. Лица пожилого и старческого возраста, проживающие совместно с детьми, находятся в более сложной конфликтной ситуации, чем те, что проживают отдельно.

По нашему мнению, какое место в семье отводится пожилым и престарелым родителям, а также бабушкам и дедушкам, можно многое понять о статусе лиц пожилого и старческого возраста в обществе, о дистанции и плотности взаимодействия между поколениями, об их потребности друг в друге и в целом о том, как люди представляют себе преклонный возраст.

По нашему мнению, в Алтайском крае принято считать, что человек должен стареть в семье, в кругу родных. Но присутствует расхожий образ благополучной старости: когда бабушки и дедушки нянчат своих внуков. Однако здесь же возникает и ключевая коллизия внутрисемейного взаимодействия лиц пожилого и старческого возраста и их потомков. В современном обществе существует стереотип, что старики нуждаются в обществе своих детей и внуков гораздо больше, чем дети и внуки – в обществе своих пожилых родителей и прародителей. Но также существует и противоположное мнение: дети и внуки – это обуза на шее лиц пожилого и старческого возраста, без помощи и участия которых молодым приходится туго. В дальнейшем своем исследовании мы попытались узнать субъективные оценки, которые население Алтайского края давали межпоколенным взаимоотношениям в семье.

Согласно полученным данным, на сегодняшний день в Алтайском крае нет однозначной нормы, предписывающей совместное либо раздельное проживание молодых и пожилых членов семьи. Ответы респондентов на вопрос, каких сторон – положительных или отрицательных – больше в ситуации, когда лица пожилого и старческого возраста живут вместе со своими детьми и внуками, разделились почти поровну (хотя второй вариант респонденты все же выбирали немного чаще). Когда речь идет об интересах лиц пожилого и старческого возраста, больше плохого для них в совместной жизни с детьми и внуками видят 40%, а больше хорошего 36% респондентов. Когда речь идет о детях и внуках, больше хорошего – 34%. Как видим, из мнения опрошенных, и пожилые и молодые примерно в равной степени зависят от проживания под одной крышей. В целом лица пожилого и старческого возраста и молодые люди демонстрируют довольно схожие представления относительно благоприятности и не благоприятности совместного проживания.

А вот в тех случаях, когда бабушки, дедушки и внуки рассуждают о совместном проживании не гипотетически, а исходя из личного опыта, их оценки меняются, и взгляды поколений на ситуацию расходятся. Приведенные выше таблицы свидетельствуют о том, что внуки, живущие совместно с бабушками и дедушками, оценивают выгоды для лиц пожилого и старческого возраста вдвое выше, чем респонденты в целом по выборке, и заметно выше, чем сами бабушки и дедушки. А бабушки и дедушки в свою очередь выше, чем внуки, оценивают выгоды, получаемые теми от совместного проживания.

Иными словами, в ситуации совместного проживания каждая из сторон начинает считать, что основные выгоды или помощь, получает другой и, что он лично отдает больше семье, чем получает – а такие мысли приводят к конфликтным отношениям в семье.

В результате анализа, можно сделать вывод, что совместное проживание действительно создает почву для конфликтов: каждая из сторон начинает считать, что много отдает семье, но мало получает взамен. В этом контексте стремление к автономии – это стремление за счет ограничения контактов и точек соприкосновения минимизировать внутрисемейные конфликты. Эта установка на максимально бесконфликтное общение лиц пожилого и старческого возраста и молодежи при нежелании подстраиваться друг к другу и поступаться своим комфортом ради совместной жизни заслуживает особого внимания в Алтайском крае.

Библиографические ссылки

1. О положении граждан старшего поколения в Российской Федерации: государственный доклад Департамента по делам ветеранов, пожилых людей и приема населения / под общ. ред. Г.Н. Кареловой. М., 2011. 226 с.

2. Духина Т.Н. Социальная адаптация и социологический дискурс // Социально-гуманитарные знания. 2005. №1. С. 297–306
3. Казанцев Д. Российская пенсионная система: основные проблемы и возможности их преодоления // Общество и экономика. 2008. №5. С.182–191.
4. Калайков И.Д. Цивилизация и адаптация. М.: Прогресс, 1994. 240 с.

О. Л. СЫТЫХ

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В каждой новой эпохе можно найти черты, свойственные предшествующей эпохе и отличные от неё. Неизменным остаётся то, что когда-то гениально вывел в романе «Отцы и дети» И.С. Тургенев – противостояние поколений. «Отцам» не всё понятно в их «детях», а дети считают взгляды родителей устаревшими. Отсюда у старшего поколения ощущение потери ценностей и ориентиров в современном обществе. Это характерно и для нашего времени. Но мучителен вопрос – это обычное восприятие жизни взрослых «думающих» людей или сегодня, действительно, появилось в обществе нечто, опасное для его существования – потеря духовности. А может быть, успокаивают себя многие, духовность преобразуется, становится новой, соответствующей времени. Понимаю спорность этого тезиса и слышу возражения о том, что «не надо оправдывать современную молодёжь», которой сегодня всё равно «что будет с их семьями, со страной, и даже с миром», для которой тезис «Моя хата с краю стал девизом жизни».

Начнём с самого простого и элементарного. Какие претензии наиболее часто предъявляются молодёжи? Рассмотрим несколько тезисов и противопоставим им антитезисы.

1-ый тезис: «Молодёжь не ценит Родину, не дорожит Родиной (как малой, так и большой); легко её покидает и не стремится возвратиться. Особенно это касается высокообразованной и активной молодёжи».

1 а. Отметим, что глобализация раздвигает границы мира для каждого человека. Принятие Россией Болонского соглашения, направленного в первую очередь на предоставление всем гражданам Европы потенциальной возможности (благодаря получению знаний одного уровня) работать в любой европейской стране, показывает, что миграционные тенденции молодых российских граждан одобряются и приветствуются её властями.

1 б. И любовь к Родине и гордость за неё не исчезли из сознания современной молодёжи. По данным социологического исследования 2011 г., 23% молодёжи испытывают «большую гордость» и 42 % «испытывают некоторую гордость» «от того, что являются россиянами» [1, с. 83]. Более того, их гордость связана в основном с жизнью их родителей. Это свидетельствует ещё об одном важном моменте, что, не смотря на оголтелую критику «всего советского», развёрнутую в ельцинскую эпоху, молодёжь не отрицает ни успехов России в прошлом, ни заслуг своих родителей и гордится своей Родиной.

1 в. Рассуждения о возвращении на «малую Родину» в XXI в. выглядят очень архаично не только для молодёжи, но для людей старшего поколения. Эти упрёки можно услышать от сельских жителей, часто напрасно ждущих молодых специалистов, отправившихся в город на обучение. И здесь многое определяется не падением нравственных устоев молодёжи, а общегосударственной политикой, которая с начала перестройки не была обращена к проблемам села. И российские деревни пришли в упадок: заколоченные окна домов, закрытые клубы и распроданные в частные руки помещения жизненно важных социальных объектов (детских яслей, садов, автобусных вокзалов и т.п.). Добавить сюда закономерные трудности, с которыми сталкиваются молодые специалисты и будет полная картина «абсолютной непривлекательности» жизни на селе. В последнее десятилетие политика изменилась (это выражается и в больших «подъёмных» деньгах, выделяемых врачам и учителям и в ряде др. моментах), но до восстановления разрушенного ещё очень далеко. Да и существует тенденция, хорошо просматривающаяся в российской политике, направленная укрупнение регионов, городов и сельских поселений.

2-ой тезис: «Молодёжь не дорожит работой, легко её меняет, переходя с одного места на другое, выбирая порой работу, часто совсем не связанную с предыдущей. Поиски “лучшего заработка” отодвигают на второй и третий план ценность полученной специальности, имеющегося места работы, выработки постоянного трудового стажа так необходимого для “хорошей пенсии” и т.д.»

2 а. Смена работы – это вполне отвечает сущности рыночной экономики. Падение доходов на том или ином предприятии, приводящее, в конечном счете, к снижению заработной платы, с необходимостью заставляет наиболее активных сотрудников, искать более высокооплачиваемую работу на других предприятиях, в других компаниях. Поэтому гибкость мышления и инициативность, заставляющая искать «лучшее», должна ставиться молодёжи в плюс, а не в минус.

2 б. Тезис о необходимости трудового стажа для пенсии – сегодня абсолютно не верен. Пенсионное законодательство, по которому живёт вся страна (кроме гос. служащих), совершенно не увязывает стаж работы с назначением пенсии. И многие люди (родители ныне критикуемых молодых людей), ушли на мизерные пенсии, проработав по 40–50 лет на одном предприятии, в одной организации.

Таким образом, молодёжь стремится жить хорошо сегодня, не надеясь на «счастливое и благополучное завтра». И это её стремление отвечает и рыночной экономике и российской политике.

3-ий тезис: «У молодёжи отсутствует интерес к учёбе, нет желания познать мир».

И что можно сказать по этому поводу?

3 а. Социальный мир россиян сильно изменился за два последних десятилетия. Ещё в начале 90-х гг. прошлого века исследователи отмечали, что образование для молодежи стало значимо в инструментальном плане как перспектива улучшения качества жизни, завоевания определенного социально-экономического статуса [2, с. 40]. В начале XXI в. ситуация, к сожалению, не стала лучше. Отличные оценки, как и красные дипломы, да и не только красные, оказались «не востребованными». Волны рыночной экономики, к которой перешла (или всё ещё переходит?) Россия вынесли на поверхность людей не столько образованных, сколько предприимчивых, коммуникабельных, энергичных, хотя и не имеющих серьёзного образования, некоторые из которых приобрели дипломы частных вузов с сомнительной репутацией. И это позволило им, не затратив фактически усилий на учёбу приобрести новый социальный статус, подняться по служебной лестнице, изменить своё материальное положение и даже войти в новую российскую элиту. Это хорошо заметно, если обратиться к спискам представителей российской экономической и политической элиты, поинтересовавшись образованием людей из этого списка.

Таким образом, сама жизнь и современная российская политика «уронила» ценность образования и знаний. А молодёжь, как чуткий барометр, это хорошо уловила. По данным проведённого в 2007 г. социологического исследования на вопрос об условиях успеха, российская молодёжь поставила хорошее образование на 3-е место, после таких оснований успеха как наличие знакомства и связей (1-ое место) и упорная работа (2-ое место) [3, с. 50–51]. И стремится сегодня российская молодёжь (конечно, не вся) часто не к знаниям, а, к получению дипломов.

3 б. Познание мира. Интерес к познанию должен прививаться со школьной скамьи. Это как минимум, и поддерживаться в дальнейшем. Предполагается, что в школе – это и знакомство с новым материалом о предметах, процессах и явлениях мира, требующих объяснения и получающих его из уст школьного учителя, со страниц учебников, научных журналов и книг, а сегодня ещё и с сайтов Всемирной сети. Но в реальности сегодня все учителя заняты подготовкой школьников к ЕГЭ, что в значительной степени требует «элементарного натаскивания», а не погружение в специфику открытий необычного и неизведанного. Подобное обучение, направленное на подготовку к выполнению тестов, отодвигает на «дальний» план такие важные цели обучения – как формирование познавательного интереса.

3 в. Формирование интереса к познанию, науке, должно поддерживаться и в прежние (советские) времена поддерживалось культом науки в обществе, утверждением высокой миссии и высокого статуса учёных. Сегодня и престиж науки, и авторитет учёных равно упали. И это связано с изменением ценностных установок общества, которое строится «общества потребления». На смену ценности открытий фундаментальной науки пришли ценности мел-

ких изобретений, которые решают небольшие, но конкретные задачи, открытий, которые можно внедрить в производство, торговлю и т.п. Это всё рекламируется, отмечается наградами, поддерживается грантами. Многие молодые люди рассматривают развитие фундаментальной науки (те, которые о ней имеют представление) как что-то, не приносящее ни пользы, ни материального достатка. В последнем случае (на счёт достатка) они, скорее правы, чем не правы. В средствах массовой информации фактически не освещается развитие науки. Последние популярные передачи о ней «ушли в прошлое» со смертью выдающегося учёного и популяризатора науки С. Капицы. Образовалась брешь, заполняемая разного рода околonaучными передачами.

Нельзя не отметить и падение авторитета учёных в обществе. С одной стороны, это явление связано с их низкой оплатой труда, с другой стороны, с развернувшейся кампанией борьбы «за чистку научных рядов». Подобное очищение от нерадивых учёных, якобы купивших дипломы, чем-то напоминает «борьбу с «середняками» в период коллективизации. Чем закончилась эта борьба хорошо известно.

Таким образом, падение интереса у молодежи к учёбе и познанию мира обусловлено реалиями современной российской жизни, в которой ценность знания и образования упала до рекордно низкого уровня (такого отношения к этим сферам не было ни при советской власти, ни в дореволюционной России).

4-ый тезис: «Молодые люди рано вступают в половые отношения, часто меняют сексуальных партнёров и не стремятся к созданию семьи».

4 а. Определённо, российская молодёжь развивается в рамках общемировых тенденций. И «сексуальная революция», характеризующаяся, в том числе и ранними сексуальными отношениями, охватила и Россию. В этом нет ничего необычного.

4 б. Что касается отсутствия стремления к созданию семьи, то статистика и социологические исследования говорят о высокой ценности семьи и семейных отношений у молодёжи. Так, доктор психологических наук, профессор, директор НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета В.Е. Семёнов, на основе проведённого исследования в своём регионе, показывает, что «главными жизненными ценностями молодёжи являются **семья, друзья и здоровье**, затем следуют: **интересная работа, деньги и справедливость** (значение последней ценности в настоящее время возрастает). Замыкает семерку главных жизненных ценностей **религиозная вера**. В целом, первые пять ценностей молодёжи совпадают с данными исследователей, полученными в других регионах страны» [4]. Другое дело, что появились и распространились формы брака, которых раньше либо не было (гостевой брак), либо они были редким явлением (гражданский брак). Но стремление к созданию семьи осталось, и семья остаётся одной из главных жизненных ценностей.

5-ый тезис: «Молодые люди много проводят времени за компьютером, вместо того, чтобы заниматься полезным делом». И что на это можно возразить, если подходить к этому вопросу объективно?

5 а. Подобным образом молодёжь компенсирует дефицит общения (с родителями, всегда занятыми работой и со сверстниками, которых сегодня не принято приглашать в дом). Через подобное общение происходит и социализация личности.

5 б. Благодаря общению в сети молодые люди узнают много интересного и полезного. Круг их интересов весьма обширен, посещаемые страницы многообразны.

5 в. Ребёнок, молодой человек фактически пробует играть различные роли, представляясь кем-то, кем он не является, но кем ему иногда хочется быть. И тем самым снимает с себя накопившуюся негативную энергию и тяжкий психологический груз.

Таким образом, можно сделать вывод, что не бесполезное это дело – сидеть за компьютером.

Подводя итог, следует отметить, что ценностные ориентации российской молодёжи меняются. Эти изменения детерминированы как процессами, происходящими в стране, так и глобальными изменениями мира. Можно спорить о том, грозят ли они потерей духовности? Любые изменения ценностей происходят в сфере духовности, а значит, ведут к её изменению. Но, представляется, что говорить о её потере преждевременно. Основные ценности остаются для молодёжи по-прежнему значимыми. Но их иерархия частично меняется. Правильнее будет сказать, о динамике ценностных ориентаций российской молодёжи. Но каждое время диктует свои ценности, и их иерархию. Эти изменения всегда волновали

старшее поколение, особенно в переломные эпохи. А волнения «старшего поколения россиян», живущих в период перехода от социализма к постсоциалистической эпохе, также болезненны, как когда-то для древних римлян накануне и во время распада римской империи, для европейцев при переходе к индустриальному обществу, для американцев периода Гражданской войны и отказа от рабовладения и для любых народов, испытывающих тревогу за будущее своей страны и за всегда «неопределённое» будущее цивилизации.

Библиографические ссылки

1. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодёжь России. М., 2011.
2. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи. Н. Тагил, 1995.
3. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодёжь России.
4. Семёнов В.Е. Ценностные ориентации современной молодёжи // Социологические исследования. 2007. № 4. с. 37–43

Н. В. ЦЫГАНЕНКО, Ю. Н. ТАТАРКИНА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ГЛОБАЛЬНОЙ УГРОЗЕ ТЕРРОРИЗМА

Современный терроризм носит транснациональный характер: террористический акт – это локальный точечный удар, имеющий, однако, глобальный резонанс. Терроризм оказывается таким образом «встроенным» в систему глобального общества. В эпоху глобализации цели терроризма также глобальны – многие террористические движения имеют либо антиглобалистическую направленность, либо в целом антизападную.

Главным объектом террористических актов является общественная безопасность, разрушение которой ведет к запугиванию и ограничению мирных принципов существования общества. В связи с этим, исследование международного терроризма в условиях глобализации становится необходимым как в общенаучном плане, так и с позиций потребности современной политико-социальной практики, определяющей эффективность государственного регулирования безопасности.

Противодействие глобальной угрозе терроризма предполагает использование специфических сил и средств государства для обеспечения эффективного государственного регулирования безопасности российского общества. Сегодня необходимость формирования высококвалифицированных мобильных информационно-аналитических структур вполне осознаётся в различных регионах России. Такие структуры должны своевременно предлагать текущие, перспективные прогнозы, создавать информационную основу для планирования, реализации и обеспечения безопасности, своевременно вносить в нее коррективы, изменения и поправки.

С целью повышения безопасности в регионе управлением Алтайского края по печати и информации совместно с органами государственной безопасности разрабатывается и осуществляется комплексная информационная кампания антитеррористической направленности «112 - Антитеррор», которая имела социологическое сопровождение со стороны научной лаборатории «Сила» Алтайского государственного технического университета. На первом этапе разработки информационной кампании методом фокус-групп были определены особенности восприятия визуальных средств кампании (плакатов и эмбиентов), на втором – выявлены характеристики антитеррористической активности и информированности населения г. Барнаула; на третьем этапе определялась эффективность кампании «112 – Антитеррор».

В ходе социологического исследования предстояло определить степень антитеррористической информированности и активности населения г. Барнаула до и после проведения информационной кампании «112 – Антитеррор», то есть оценить действенность этой кампании.

Исследование проводилось в ноябре 2011 г. методом фокус – групп (1 этап), в мае (2 этап) и октябре (3 этап) 2012 г. методом опроса в форме анкетирования и формализованного интервью. Выборочная совокупность определена целью, задачами и возможностями исследования, стандартными для социологии правилами и процедурами расчета. На втором и третьем этапах социологического исследования была использована квотная выборка по социально-демографическому составу населения (пол, возраст), объем которой составил 450 человек; доверительный интервал распределения составил 0,0008; надежность результатов выборочного обследования характеризуется как обыкновенная, ошибка выборки составляет 3–5%.

В ходе исследования были получены количественные и качественные данные, которые позволяют охарактеризовать, во-первых, потенциал населения Алтайского края как субъекта антитеррористической деятельности, во вторых, эффективность информационных кампаний в повышении антитеррористической активности граждан.

В целом определилась тенденция восприятия угрозы терроризма как скорее не актуальной – такая оценка свойственна 44 % (до проведения информационной кампании) и 47 % опрошенных (после), 18 % опрошенных затрудняются ответить на вопрос «Считаете ли Вы угрозу терроризма актуальной для Алтайского края?». Доля респондентов, ответивших положительно, составила 38 %.

Доминирующим аргументом, объясняющим неактуальность угрозы, является особое геополитическое положение региона: 20 % ответивших считают, что терроризм не угрожает Алтайскому краю в связи с его удаленностью от центра страны и от очагов межэтнической напряженности, провинциальным характером региона; 11% респондентов полагают, что регион не представляет интереса для террористов в силу невысокого социально-экономического потенциала; 7% объясняют неактуальность угрозы терроризма тем, что в крае не было терактов; 3% связывают безопасность региона с хорошей работой правоохранительных органов; 10% – с преобладанием русского населения.

Обстоятельствами, объясняющими актуальность угрозы терроризма для Алтайского края, по мнению респондентов, являются: глобальный характер этого явления, его распространенность в мире и в России: 30% опрошенных разделяют подобную точку зрения, полагая, что Алтайский край не является исключением; 9% респондентов связывают опасность террористической угрозы в регионе с несовершенством человеческой психики; 7% ассоциируют угрозу с «национальным» фактором; 3% – с неэффективной деятельностью правоохранительных органов.

В восприятии угрозы терроризма до и после проведения информационной кампании не произошло значимых изменений. Важно, что достаточно активная и разноплановая кампания антитеррористической направленности не спровоцировала роста тревожности и достигла цели в плане не шокирующего воздействия на население.

Важным показателем, характеризующим возможность антитеррористической активности, является информированность населения о том, куда и как можно (нужно) сообщить в случае подозрения или возникновения террористической угрозы; как обеспечить адекватную связь с органами безопасности (полицией, МЧС, экстренными службами) с помощью разных средств: стационарного и мобильного телефонов, интернета и т.д.

В ходе исследования определено, что в 99% случаях респонденты будут сообщать о признаках возможной террористической угрозы в полицию. В некоторых случаях так же были названы МЧС (11%) и ФСБ (5%). Наиболее часто упоминается номер вызова полиции со стационарного телефона по номеру 02 (в 81% случаев); 15 % респондентов так же указали номера соединения с полицией с помощью мобильного телефона: 6% из них (как и на первом этапе) указали номер «112» и 9% – номер «020». До проведения информационной кампании при ответе на данный вопрос номер «020» респонденты вообще не указывали. Число тех, кто называет неправильный номер, составило 0,7%; 4% респондентов ответили, что не знают, куда и как можно сообщить о возможной террористической угрозе.

В связи с тем, что наиболее распространенным средством связи является мобильный телефон, важно, чтобы граждане знали, как можно с его помощью связаться со службами безопасности. В этой связи рекламные блоки информационной кампании «112 – Антитеррор» были посвящены распространению, популяризации номеров связи с экстренными службами – пожарной, полицией, «скорой помощью». В ходе исследования установлено, что более трети (35%) респондентов знают эти номера.

Анализируя данные полученные до и после проведения информационной кампании «112 – Антитеррор», мы обнаруживаем наметившуюся тенденцию повышения информированности граждан:

- доля респондентов знающих правильный номер вызова экстренных служб, стремится к 40% (против 30% до кампании);
- доля респондентов, которые будут в экстренных ситуациях задействовать номер «112», составила почти четвертую часть опрошенных (23%);
- заметно (на 25%) снизилась доля респондентов, которые указывают неправильные номера вызова экстренных служб.

Доля респондентов, которые адекватно будут действовать в экстренной ситуации при наличии только мобильного телефона, составила 62%; зафиксирована тенденция роста на 10% после проведения информационной кампании.

В связи с тем, что информационная кампания была ориентирована на популяризацию номера «112», следовало определить изменение информированности о нем до и после кампании «112 – Антитеррор» (Таблица 1).

Таблица 1 – Информированность респондентов о предназначении единого номера вызова экстренных оперативных служб «112»

Вариант ответа	2 этап	3 этап
Телефон доверия	3%	4%
Номер вызова экстренных оперативных служб	71%	83%
Номер связи с оператором мобильной связи	4%	1%
Другой вариант	1%	2%
Затрудняюсь ответить	21%	10%
Всего	100 %	100%

Рост информированности населения о предназначении номера «112» составил 12%.

На обоих этапах исследования прослеживается разрыв между знанием предназначения этого номера и потенциальной готовностью применять его в экстренной ситуации. Это можно объяснить тем, что номер «112» не стал столь же распространенным и значимым, как номер полиции 02, который прочнее закрепился в памяти респондентов.

После проведения информационной кампании сократилась доля респондентов старшего возраста, которые затрудняются определить предназначение номера (она составила 22% и 35% соответственно). Мужчины лучше ориентированы о предназначении номера 112, чем женщины. Выявлена тенденция снижения информированности о предназначении номера 112 по мере повышения возраста респондентов: например, среди молодежи 75% правильно определяют предназначение номера «112», а в старшей возрастной группе – 66%. Это обстоятельство следует учесть при планировании и реализации информационных кампаний.

В целом 32,2% респондентов отметили для себя увеличение информации по антитеррористической направленности в последнее время. Этот показатель отражает долю тех респондентов, которые не просто увидели рекламу, но и восприняли ее, то есть усвоили и запомнили смысл, содержание.

Полагаем, что на подобное распределение ответов повлияли следующие факторы:

Во-первых, основная тема кампании была связана с выделением и знакомством населения с единым номером экстренного вызова «112». Такое направление деятельности кампании, безусловно, шире, чем антитеррористическое. Оно воспринималось респондентами скорее как возможность запомнить для себя новый, удобный номер, который может понадобиться при пожаре, при необходимости вызвать скорую помощь или милицию, в том числе и с мобильного телефона. Необходимость в таких звонках возникает в жизни людей чаще, а также воспринимается как полезная информация на ближайшую перспективу, тогда как угроза терроризма не считается актуальным вопросом для жителей города Барнаула. Плакаты видели и запомнили, безусловно, большее количество людей, но не связали их с антитеррористической кампанией. Каждый респондент понимает под антитеррористической тематикой свое содержание; номер «112», являющийся ведущим слоганом и символом кампании, остался в восприятии как номер вызова экстренных служб (что может быть полезным для респондента в быту) и не ассоциируется только с террористической угрозой.

Это обстоятельство подчеркивает еще раз неагрессивный и ненавязчивый характер кампании.

Во-вторых, отсутствие временного интервала между завершением кампании и проведенным исследованием. Наиболее распространенным методом оценки эффективности воздействия социальной рекламы является проведение замеров до начала рекламной кампании и спустя несколько недель после ее завершения. Следует учесть, что социологическое исследование по просьбе заказчика проведено непосредственно по завершении наиболее активной стадии кампании, но при этом еще продолжалось действие наружной реклама, плакатов, аудиорекламы. Поскольку эффект от социальной рекламы является длительным, поэтому возможно повышение данного показателя со временем без внесения изменений в рекламную кампанию.

В-третьих, оценивая эффективность социальной рекламы, следует учесть общие закономерности восприятия информации, обусловленные индивидуальными психологическими особенностями аудитории. Если принять идею (замысел) социальной рекламы за 100%, то воспринимают информацию 60–70% аудитории (реципиент механически воспринимает информацию, не удерживая ее в сознании, думает о своем, его отвлекают другие люди, события и т.д.). Реципиент понимает смысл информации на 40–50% от исходных 100% задуманного (уровень понимания обусловлен культурой личности, степенью усталости, настроением, интересом и т.д.; принимает, запоминает еще меньший объем информации (30%). Обычно в сознании реципиента сохраняется 14–20% информации. В целом потери информации неизбежны. Бороться с ними можно методом уточнения, разъяснения, повторения, что реализуемо в перспективе в продолжение информационной кампании. С учетом последнего фактора, конечная эффективность социальной рекламы, составившая 32%, может быть оценена как адекватная особенностям восприятия аудитории.

Респонденты в возрасте от 16 до 25 лет в большей степени заметили социальную рекламу, чем респонденты старшего возраста – 37,7%. Это ожидаемый результат, связанный с особенностями восприятия информации в зависимости от возраста. Можно отметить тот факт, что респонденты старше 55 лет обратили на социальную рекламу больше внимания, чем респонденты среднего возраста – 30,9% и 28,9% соответственно

Гендерных различий в общем восприятии социальной рекламы не выявлено - заметили рекламу антитеррористической направленности 31,3% мужчин и 32% женщины. Это можно считать косвенным свидетельством того, что средства социальной рекламы одинаково воздействуют интересы как мужчинам, так и женщинам. Слоганы социальной рекламы понятны и воспринимаются в смысловом плане одинаково как мужчинами, так и женщинами, что, безусловно, является удачным для данного вида проектов.

В кампании «112 – Антитеррор» были задействованы разные формы рекламного воздействия на аудиторию. Все они, за исключением Интернет-сайта, оказались в той или иной степени в поле зрения населения г. Барнаула.

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос «Какую социальную рекламу антитеррористической направленности Вы заметили в г. Барнауле в последнее время?»

	Процент по отношению к общей совокупности опрошенных	Валидный процент (по отношению к группе респондентов, заметивших социальную рекламу) ¹
Публикации в прессе	4,2	14,6
Наружная реклама	9,7	37,8
Сайт в Интернете	0,3	1
Видеоролики	10,8	50
Аудиоролики	5,6	34,1
Плакаты	11,5	62,2
Другое	0,3	1,2

¹ Сумма более 100%, так как респонденты указывали несколько вариантов ответов

Наиболее запоминающимися оказались визуальные средства социальной рекламы: плакаты, видеоролики, наружную рекламу, что следует учесть при дальнейшем планировании аналогичных информационных кампаний и продолжении кампании «112 – Антитеррор».

Восприятие публикаций в прессе, сайта в интернете, аудиороликов не зависело от возраста респондентов. Видеоролики лучше восприняты молодежью (35%) и респондентами старше 55 лет (25%), так как у них больше свободного времени для просмотра телепередач. Респонденты в возрасте от 25 до 55 лет в силу высокой трудовой и соответственно территориальной мобильности лучше восприняли наружную рекламу (35%) и плакаты (34%). Следует отметить, что не возраст сам по себе, а скорее особенности стиля жизни разных возрастных групп определили различия в восприятии различных типов социальной рекламы. Восприятие социальной рекламы не дифференцировано по гендерному признаку: нет значимых различий в ответах мужчин и женщин; это подтверждает универсальность и доступность средств кампании «112 – Антитеррор» для широкой аудитории.

39 % респондентов предложили аргументированный ответ на открытый вопрос «Чего, на Ваш взгляд, не хватает сейчас в проводимой в Алтайском крае антитеррористической пропаганде?»; остальные либо пропустили вопрос, поставили прочерк (22%), ответили «не знаю», «затрудняюсь ответить» (29%), ответили «достаточно всего» (10%). Небольшую долю респондентов, пожелавших объяснить свою позицию, можно объяснить невысоким интересом респондентов к проблеме, затронутой в анкете, нежеланием тратить время и прилагать усилия для объяснения своей позиции.

Все ответы условно можно разделить на подгруппы:

1) недостаточно рекламы на телевидении (это наиболее распространенный ответ): «наружной рекламы, роликов на телевидении», «нет пропаганды на телевидении»;

2) недостаточно массового охвата населения такой пропагандой («активности», «массовости», «частоты агитации»);

3) недостаточно наличия рекламы («факта существования, ее совершенно не видно», «антитеррористической пропаганды», «социальной рекламы»);

4) недостаточно конкретных форм пропаганды, например «агитационного материала», «яркой вывески в центре города», «лекций и бесед с населением о том, как вести себя в экстренных ситуациях», «информации о том, куда обращаться»;

5) другие варианты: «не хватает сознательности населения», «привлечения населения к антитеррористической пропаганде», «правильного воспитания молодежи, тогда и терроризма не будет», «финансирования».

Активное участие населения в обеспечении безопасности и противодействии терроризму является одним из залогов успешности проведения антитеррористических кампаний. При ответе на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что население должно принимать активное участие в обеспечении своей безопасности и противодействии терроризму, или полагаете, что этим должны заниматься сотрудники силовых структур?» мнения респондентов разделились: 45 из них считают, что обеспечение безопасности граждан и противодействие терроризму – это дело власти, соответствующих служб, а не населения, что свидетельствует о высоком уровне доверия к силовым структурам. 41% опрошенных полагает, что население должно принимать активное участие в обеспечении безопасности и противодействии терроризму. Таким образом, можно говорить об уровне самосознания горожан как достаточно высоким, их формирующейся позиции личной ответственности за безопасность. Следует отметить, что 12 % респондентов, предложивших свой вариант ответа, высказались (во всех 12% случаев) за сотрудничество, взаимодействие и взаимную ответственность населения и власти при главенствующей роли силовых структур.

Поскольку молодым респондентам в целом присуща более активная жизненная позиция, это отражается и на их желании принимать активное участие в обеспечении безопасности и противодействии терроризму – 45,5% респондентов в возрасте от 16 до 25 лет считают это своим делом; 41,5% делом государственных служб. Напротив, среди респондентов в группе от 25 до 55 лет большая часть – 48% считают, что обеспечение безопасности граждан и противодействие терроризму это дело власти и 38% считают, что население должно принимать активное участие в обеспечении безопасности.

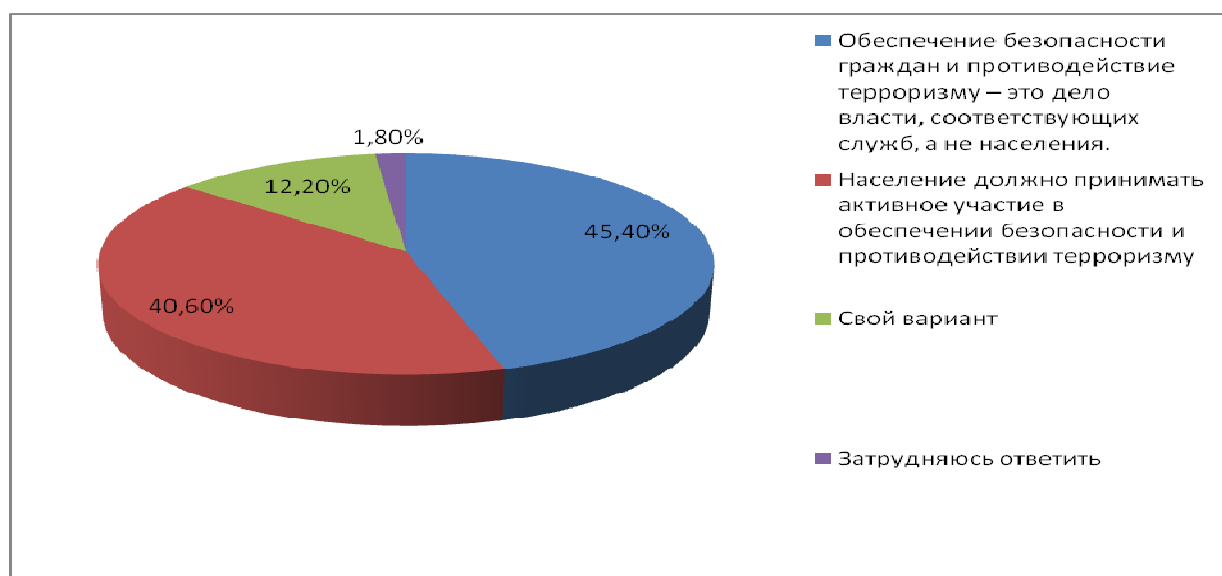

Диаграмма 1 – Отношение населения к участию в противодействии терроризму

Полагаем, что более взвешенная позиция респондентов «среднего возраста» связана с реалистичной оценкой своих сил и возможностей.

Существуют определенные отличия в оценках мужчинами и женщинами возможностей своего участия в противодействии терроризму. Мужчинам в большей степени, чем женщинам присуща активная позиция. Вариант «Население должно принимать активное участие в обеспечении безопасности и противодействии терроризму» выбрали 39% женщин и 44% мужчин. Вариант «Обеспечение безопасности граждан и противодействие терроризму – это дело власти, соответствующих служб, а не населения» выбрали 47% женщин и 43% мужчин.

При ответе на вопрос: «В какой форме лично Вы могли бы способствовать повышению безопасности в нашем обществе?» наибольшее количество респондентов выбрали варианты «Проявлять бдительность в транспорте, местах массового пребывания людей» – 72% и «Сообщать о подозрительных людях и бесхозных предметах правоохранительным органам» – 60%. Можно сделать вывод о том, что большинство населения термин «повышение безопасности» расшифровывает для себя как постоянную бдительность, опору на силовые структуры и как умение взаимодействовать с ними (для чего и нужно знать единый номер «112»). На третьем месте по частоте выбора находится вариант «Овладеть навыками самозащиты, поведения в экстремальных ситуациях, оказания первой медицинской помощи» – 34%. 14% опрошенных хотели бы иметь оружие и специальные средства для самозащиты. Менее популярны те формы личного участия граждан, которые потребуют затрат их личного времени или средств – такие как патрулирование улиц и работа в народных дружинах (приемлемы для 8% опрошенных), участие в общественных мероприятиях по противодействию терроризму (приемлемы для 4%). Опрошенные не готовы перечислять средства в общественные фонды противодействия терроризму (0%), не готовы менять образ жизни – ограничить посещение массовых мероприятий, меньше пользоваться общественным транспортом (0,7%).

Важным индикатором антитеррористической активности является адекватность поведенческих реакций в условиях угрозы; ее выявлению служил вопрос о том, что будет делать респондент в случае обнаружения на улице подозрительной сумки. Этот вопрос был задан респондентам до и после кампании «112 – Антитеррор», значимых сдвигов в распределении ответов не произошло. Второе исследование подтверждает выводы о потенциальной готовности населения правильно действовать в условиях угрозы:

– 66% опрошенных сообщают в соответствующие инстанции по телефону. При этом самым номер «02» будут набирать 43% респондентов, номер «020» – 25% респондентов, номер «112» – 9%, неверный номер был указан 1% опрошенных, 22% не указали номер (в % к ответившим на этот вопрос). В некоторых анкетах респонденты указывали, что будут действовать по ситуации, сообщая о подозрительных предметах уполномоченным лицам того уч-

реждения, организации, в которой они в этот момент оказались: кондуктору, водителю, охраннику и т.д.

– Относительно стабильными оказались доли респондентов (25% до и 22% после кампании), которые указали, что не придадут значения постороннему предмету, спокойно пройдут мимо.

– Соответственно 10% и 13% опрошенных будут наблюдать за дальнейшим развитием событий, полагаясь на собственное умение определить степень «подозрительности» предмета.

– Совершенно не востребованным оказался интернет-ресурс: лишь 1% из респондентов будет обращаться через него в соответствующие службы (при этом адрес сайта не был указан).

Как и до проведения кампании обнаружена связь моделей поведения в случае обнаружения подозрительного предмета и возрастом: чем старше респондент, тем меньше он полагается на собственные силы, тем чаще будет обращаться в полицию. Значимых различий в поведении мужчин и женщин не выявлено.

В целом опрошенные проявили склонность к «ситуативным» формам участия в повышении безопасности, готовы действовать в случаях неблагополучия, а не в длительных или затратных проектах. Скорее, это правильная, «не тревожная» позиция, адекватная нынешнему состоянию общественной безопасности в регионе.

Оценивая итоги информационной кампании «112 – Антитеррор» и ее влияние на антитеррористическую информированность и активность населения г. Барнаула можно сделать вывод о том, что в основном задачи данной кампании решены, а ее цели достижимы в долгосрочной перспективе. Социологическое исследование зафиксировало положительную динамику в восприятии идей и слоганов социальной рекламы этой кампании.

При планировании и реализации информационных кампаний в регионе следует учесть сформировавшуюся потенциальную готовность населения быть субъектом антитеррористической деятельности. Необходимо продолжить разъяснительную работу с населением о доступных ему формах противодействия терроризму, совершенствовать ее формы.

Повысить эффективность мер антитеррористического характера в целом позволит комплексное и системное применение информационно-пропагандистских, социально-экономических и иных мер. В информационно-пропагандистской работе целесообразно следовать принципу приоритета мер предупреждения терроризму. В центре внимания антитеррористической пропаганды должно быть воспитание гуманизма, интернационализма, толерантности, интереса и уважения к национальным культурам, диалога между разными силами общества.

М. М. БАТУРИНА, И. А. ЖЕРНОСЕНКО, П. В. ПИВЕНЬ, Е. В. УШАКОВА

*Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул
Алтайский государственный университет, г. Барнаул*

ОБЩИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

С середины XX в. общество непосредственно столкнулось с глобальными проблемами взаимодействия общества и природы продовольственного, сырьевого, демографического, климатического характера, проблемой охраны живых организмов, природных ландшафтов, утилизации отходов и пр. В целом это сформировало глобальную экологическую проблему отношений общества и природы. В последней трети XX в. в связи с данными глобальными проблемами довольно широкое распространение получил термин «устойчивое развитие».

Несмотря на то, что термин «устойчивое развитие» (человечества или его части) до сих пор широко используется в естественно-научной и общесоциологической литературе, так и не существует общепринятого, всеми признанного определения этого понятия. В.И. Данилов-Данильян по этому поводу отмечает, что уже к 1989 г. было около тридцати попыток его сформулировать (сам термин был впервые озвучен в 1987 г.). Сейчас их стало несравнимо больше. Поэтому В.И. Данилов-Данильян предлагает сгруппировать их в систему групп терминов. Это, например, следующие трактовки термина: «Устойчивое развитие, которое осно-

ывається на моральному принципі рівності між генераціями, видами, групами»; «Путь максимизации долговременных выгод для человечества»; «Экономический рост и развитие, которые дополняют друг друга и не антагонистичны окружающей среде и обществу (точка зрения многих международных организаций)» [1, с. 104]; «Устойчивое развитие – такое экономическое развитие, которое не подрывает природную базу для будущих поколений и возрастает в расчете на душу населения»; «Устойчивое развитие – процесс гармонизации человечества и окружающей среды (то есть приводящий к их гармоничному взаимодействию)» и т.д. [2, с. 104].

Широкое распространение в науке получила также концепция коэволюции человека и природы. Академик Н.Н. Моисеев в своей статье «Коэволюция природы и общества» (1997) «устойчивое развитие» представляет аналогичным термину «коэволюция человека и биосферы». В свою очередь это понятие он понимает как «эпоха ноосферы». По его мнению, люди достигнут такого уровня развития, когда их объединенные разум и воля смогут осуществить коэволюцию (совместное развитие) общества и природы [3]. Подобные взгляды разделяют: Г.В. Платонов, Э.В. Гирусов, С.Н. Родин, А.Д. Урсул, Ю.А. Кувшинов, В.А. Лось и др. ученые.

Родоначальниками подхода гармонизации отношений человека, общества и природы выступили В.И. Вернадский и Т. де Шарден. Так, В.И. Вернадский полагал, что уже в его время наблюдается коренное изменение исторического процесса. Он считал, что впервые за всю историю человечества интересы людей, как в их совокупности, так и в отдельности, равно как и их свободная мысль и воля становятся определяющими в их жизни, являясь критерием равенства и справедливости. Согласно В.И. Вернадскому благодаря действиям людей постепенно приближается, для него и являлся «ноосферой» [4]. Тейяр де Шарден в труде «Феномен человека» говорит о том, что «психогенез привел нас к человеку. Теперь психогенез поглощается более высокой функцией – вначале зарождением, а затем последующим развитием духа – ноогенезом» [5, с. 148]. Схожая позиция по данному вопросу и у П.А. Флоренского: «Биосфера, изменяемая коллективным трудом человечества, трудом, который направляется разумом, трудом, который возможен только в условиях плановых коллективных усилий всего человечества, и есть ноосфера, сфера разума» [6, с. 52].

Но это пока так и остается недостижимой мечтой. А что же нам сейчас дала ноосфера – продукт антропогенеза? Ответим словами Л.Н. Гумилева: «От палеолита остались многочисленные кремневые отщепы и случайно оброненные скребки и рубила; от неолита – мусорные кучи на местах поселений. Античность подарила нам развалины городов, а средневековые – руины замков. Даже тогда, когда древние сооружения доживали до нашего времени, как например, пирамиды или Акрополь, это всегда инертные структуры, разрушающиеся относительно медленно. И вряд ли в наше время найдется человек, который предпочел бы видеть на месте лесов и степей груды отходов и бетонированные площадки. А ведь техника и ее продукты – овеществление разума» [7, с. 316].

Вышесказанное, позволяет сделать вывод то том, что концепции ноосферы и устойчивого развития не тождественны. Идеи ноосферы так и остались мечтой о светлом будущем на Земле. Наука, вопреки В.И. Вернадскому, за время, прошедшее с написания его работ, совершила больше шагов на пути к распаду, чем к созиданию мира. Создание ядерного, химического, бактериологического и других видов вооружений, материалов и организмов, ранее не существовавших в природе, наконец, глобальное изменение природных сред – все это было сделано благодаря науке.

Наиболее дальновидно мыслящая часть ученых осознала пагубность такого пути. Примером этого стали «Доклады Римскому клубу, ставшие важной вехой на пути формирования концепции устойчивого развития. Это целый ряд докладов: Д. Форрестера, Э. Янча, Д.Х. Медоуза, М. Мессаровича, Э. Пестеля, Я. Тинбергена и А. Долмана, Э. Ласло, Т. Боткина, А. Кинга, С. Шнайдера, и др. Благодаря этим работам был оценен «потолок» техногенного пути развития цивилизации и его тупиковость, но доклады, в основном носили дискретный характер, это понимали и президенты клуба, А. Кинг и Б. Шнайдер. От анализа нужно переходить к синтезу, от постановки и теоретического обоснования проблем, переходить к их комплексному решению, формируя новую концепцию развития цивилизации. Данный подход существует в традиционной картине мира коренного населения, которое до сих пор живет в рамках «экологического» мировоззрения не завоевывая природу а живя с ней «в унисон», слыша её

и воспринимая как живое изменяющееся существо. Сегодня современному человеку стоило бы оглянуться назад и, базируясь на своих знаниях и опыте, взять лучшие принципы взаимоотношений человек- окружающий мир у коренного населения.

Попытки перехода к синтезу были сделаны также и в рамках других организаций.

В 1992 г., в городе Рио-де-Жанейро состоялся «Саммит Земли». Были приняты: «Декларация по окружающей среде и развитию» и «Повестка дня на XXI век» – программа перехода к устойчивому развитию. Но это были скорее пожелания, лишь общие принципы концепции, без реальных механизмов реализации. Было окончательно осознано, что продолжать движение по прежнему пути – значит прийти к катастрофе. В частности Моррис Стронг, бывший в то время секретарем ООН отмечал, что достигший беспрецедентных значений уровень материального благосостояния мировых элит, порожденный бурным экономическим ростом, несет в себе зародыши конфликта, как социального, так и социоприродного, который может погубить человечество. Подобный путь общественного развития и соответствующий ему характер потребления не может длиться вечно, не является устойчивым для богачей и не может быть повторен бедняками. По его мнению, одна из «священных коров» западной цивилизации – частная собственность, может встать на пути к устойчивому развитию человечества [8].

Однако мир продолжил движение к пропасти, что, к сожалению, показало больше декларативный характер и этой конференции, которая, к сожалению, не имела итогом четко выработанной программы конкретных действий.

Спустя десять лет состоялся новый международный саммит, который проходил с 26 августа по 4 сентября 2002 г. в городе Йоханнесбурге. Он подвел итоги развития человечества за эти годы, также на нем были рассмотрены перспективы достижения устойчивого развития на различных уровнях – от глобального до локального. Кофи Аннан, бывший тогда Генеральным секретарем ООН заявил: «Устойчивое развитие – совсем не бремя, а исключительная возможность в экономическом отношении. Оно позволяет создавать рынки и рабочие места, в социальном плане – привлекать людей из всех слоев общества, а в политической – снизить напряженность, возникающую из-за распределения ресурсов и чреватую насилием, и дать каждому мужчине и каждой женщине право голоса и право выбора в решении своего собственного будущего» [9, с. 76].

Опять, как и ранее, конкретные мероприятия и документы носили рекомендательный характер, а каждая страна по-своему их понимает и, исходя из этого, государственные и региональные интересы не всегда отвечают программным установкам [10].

Переход жизненных устоев человечества к стратегии устойчивого развития во многом потребует от людей кардинальной смены их приоритетов. Должен быть снижен антропогенный прессинг на экосистемы планеты, что грозит падением уровня жизни населения в ряде стран. Должны измениться сложившиеся стереотипы мышления, что также может быть болезненно. А потому, в сложившихся условиях существующие варианты концепции устойчивого развития не могут быть полностью реализованы [11].

Было принято определение «устойчивого», данного в 1987 г. международной комиссией ООН по окружающей среде и развитию (МКОСР) в докладе «Наше общее будущее»: «Это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности» [12, с. 18]. Д. Медоуз отмечает: «Устойчивое развитие – это общество, способное существовать в течении многих поколений, общество, достаточно дальновидное, гибкое и мудрое, чтобы не разрушить поддерживающие его физические или социальные системы» [13, с. 15]. По А.Д. Урсулу это: «Прогрессивное развитие, не ведущее к необратимым изменениям биосферы (осуществляемому в пределах ее экологической емкости), к истощению невозобновимых ресурсов, обеспечивающему равные возможности для будущих поколений человека, так как не допускает деградацию ни цивилизации, ни биосферы. Это стратегия выживания и непрерывающегося развития цивилизации (и страны) в условиях сохранения окружающей природной среды» [14, с. 86]. Как видно, все эти определения предусматривают достижение некоего баланса, равновесия между обществом и природой.

Рассматривая возможные варианты развития общества, необходимо обратить особое внимание на учение о конструктивной географии, которое возникло в нашей стране. Академиком И.П. Герасимовым рядом других ученых. Конструктивная география рассматривает две главные задачи: оптимизацию взаимодействия человеческого общества

с природой; рациональную территориальную организацию жизни общества. С 1975 г. академическим институтом географии была издана серия из 20 книг под общим названием «Проблемы конструктивной географии». Среди их авторов можно назвать таких выдающихся ученых, как И.П. Герасимов, И.В. Комар, В.С. Преображенский, Г.М. Лаппо [15].

Именно нашей стране принадлежит первенство разработки и теоретического обоснования пути развития общества, получившего в 1987 г. в отчете о работе Всемирной комиссии ООН по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» наименование «устойчивого». При этом следует отметить, что озвученная ранее конструктивной географией задача оптимизации взаимодействия человеческого общества с природой четче, конкретнее, а потому понятнее и реалистичнее абстрактной и аморфной, а потому во многом утопичной задачи «устойчивого развития» человечества.

В научно-техническом и экономическом развитии имеются два пути: один из них – экстенсивный, где развитие идет, прежде всего, за счет вовлечения в оборот все новых и новых ресурсов. Есть также другой, интенсивный, основанный на как можно более полном и экономном их использовании. На первое место выходят качество и количество на основе интенсификации.

Географический детерминизм, первоначально исходивший из элементарного влияния факторов окружающей природной среды на общественное развитие, в настоящее время уделяет внимание не только прямым, но и обратным связям в их взаимодействии. Он стал в большей степени экологическим детерминизмом.

Если, как показывают расчеты ученых, весь мир спасти уже не удастся от надвигающейся экологической катастрофы, нужно попытаться спасти хотя бы его отдельные части – регионы с относительно хорошо сохранившимся природно-ресурсным потенциалом.

Экологический комплекс (или экомплекс) «система – окружающая среда» – это целостный предмет Мира, включающий и входящую в него систему (системы), и окружающую среду «*Экологическая система*», или «*экосистема*» – более сложное материальное образование, *совокупность предметов Мира*, или экомплексов, взаимодействующих между собой. Таким образом, *система – часть экомплекса, а экомплекс – часть экосистемы*. Выделим несколько основных закономерностей, которые обозначим как *весобщие экологические закономерности существования экомплексов «система – окружающая среда»*. Суть их заключается в нижеследующих положениях [16].

– *Экологическое самоуничтожение среды и систем в относительно изолированном экомплексе*: в относительно изолированном (по отношению к внешним воздействиям) экомплексе активная, т.е. растущая, развивающаяся и размножающаяся, система (системы) поглощает из окружающей среды необходимые для жизни компоненты (вещества и энергии), а выделяет в нее продукты обмена (отходы). В результате в окружающей среде закономерно уменьшается количество *необходимых компонентов* и увеличивается количество *отходов*. Таким образом, система, с одной стороны, достигает своего (порой наивысшего) развития, а с другой – качественно изменяет окружающую среду, наполняет ее отходами и в итоге погибает от непригодной для существования среды, которую она сама и создала (деградирует, болеет и погибает в собственных отходах, в разрушенной самой же системой среде). Примерно по такому пути сегодня движется человечество как глобальная социальная система (социосфера) на планете, представляющая собой относительно изолированный экомплекс со средой планеты.

– *Эколого-эволюционная смена относительно изолированных экомплексов*: в процессе эволюции одни системы, качественно изменяя свою среду, погибают от недостатка необходимых компонентов и избытка отходов. Но измененная среда первых систем становится пригодной (материнской средой) для появления и существования других, качественно отличных от первых, групп систем. Эти вторые виды систем также растут, развиваются, размножаются, вновь самоуничтожая собственную среду и себя. Но в этой измененной среде опять появляются системы третьего вида и т.д. А в итоге может происходить эколого-эволюционная смена взаимосвязанных экомплексов. К примеру, это эколого-эволюционная цепь экомплексов: река (с флорой и фауной открытых водоемов) – речка – ее заболачивание – болото – торфяник – почва (с наземными растительностью и животными).

– *Экологические цели экомплексов*. Как правило, экомплексы существуют не изолированно, а определенным образом связаны между собой. Тогда образуются

экологические цепи взаимосвязанных экокомплексов, от простых цепочек из нескольких звеньев до значительно более сложных разветвленных. Как правило, в средних частях таких цепей выделяется экокомплекс, который собирает на себя основные вещества и энергии, превращаясь в экологического монстра и в то же время истощая близлежащие комплексы и окружающую среду. Но в целом и экологические цепи лишь отчасти, на относительно небольшое время, продляют жизнь систем активного центра (центрального звена) экокомплекса, а затем происходит саморазрушение из-за дефицита необходимых компонентов. Это, например, экосоциальные взаимодействия государств на планете с экологически монстрами среди них.

– *Экологические круговороты экокомплексов и самовосстановление систем и среды:* это наиболее оптимальное самовосстановление систем и среды экокомплекса в экологических циклах самодвижения материи в группах взаимосвязанных звеньев, или в экологических круговоротах. При этом в группах экокомплексов, их цепи «сворачиваются» в относительно замкнутые круги (круговороты взаимодействий). В таких замкнутых круговоротах отходы звеньев перерабатываются следующими звеньями, а из предыдущих звеньев поступают необходимые компоненты. В итоге в экологическом круговороте идет постоянное самовосстановление всех звеньев, всей группы взаимосвязанных экокомплексов, а время их существования неизмеримо возрастает.

В эволюции органической жизни на планете выработались многообразные аналогичные круговороты, например: почва – растение – травоядное животное – хищник – микробы – почва и т.д. Человечество на заре своего существования, как особый вид, также входило в соответствующие экологические круговороты. Но затем оно выбилось из них, прежде всего, за счет технологического материального обмена со средой, вступающего в прямое несоответствие с природой как по качеству, так и по количеству преобразований, сформировало мощные, разрушительные экологические цепи первого и третьего порядков. Поэтому человечество нарушило свою экологическую устойчивость и в результате вышло на путь экологического самоуничтожения.

Из последней закономерности вытекают следующие теоретико-методологические выводы. Сегодня главная целевая установка (реализующая, стратегию выживания человечества и сохранения единой геобиосоциосферы) заключается в выработке новых, сбалансированных социально-природно-экологических взаимодействий. Необходимо формирование качественно новых взаимодействий социальных и природных комплексов (с учетом новой социоприродной ситуации), но не в виде экологических цепей (ведущих к самоуничтожению), а в виде экологических круговоротов сбалансированной коэволюции общества и природы (по качественным, по количественным и временным параметрам).

Глобальный характер экологического кризиса, затрагивающего интересы всех стран мира, диктует необходимость осуществления международной экологической деятельности. Однако обеспечение экологически безопасного развития не ограничивается принятием решений на глобальном уровне. При общей заинтересованности стран в предотвращении экологической катастрофы им подчас чрезвычайно трудно согласовать позиции по ряду узловых вопросов. Причина этого – в столкновении интересов их национального развития. При существующих разногласиях, наиболее перспективным направлением международной экологической деятельности является региональное сотрудничество. На региональном уровне взаимодействие между странами в экологической сфере получает развитие прежде всего в силу относительной схожести интересов национальной безопасности [17, с. 3].

Полагаем, что комплексное познание общих экологических закономерностей дает возможность рассмотреть последовательные генетические преобразования экокомплексов и экосистем в рамках общих закономерностей социогеографического детерминизма, которые в общем можно обозначить как общие экологические закономерности сбалансированного оптимального существования планетарного природно-социального комплекса. Общие выводы в этом направлении, по нашему мнению, представляют собой *экогенез*.

При этом следует особо подчеркнуть, что обеспечение экологически безопасного развития, коэволюции общества и природы не ограничивается принятием решений на глобальном уровне. На практике именно на уровне национальных государств оказывается чрезвычайно трудно согласовать позиции по ряду узловых вопросов. При существующих разногласиях, наиболее перспективным направлением международной экологической деятельности является региональное сотрудничество, групп государств и сообществ

отдельных регионов планеты. Это обусловлено тем, что именно на региональном уровне взаимодействие между странами в экологической сфере получает развитие, прежде всего, в связи с относительной схожестью интересов национальной экологической безопасности существования людей и природы. Так же стоит обратить внимание на взаимодействие человек - окружающая среда у коренного населения, сохранившего и пронесшего через столетия тонкое чувство природы и «экологическое» самосознание в общении с ней. Только обратившись к знаниям предков, на базе накопленного опыта, современный человек может прийти к логичному экогенезу и избежать гибели Планеты.

Библиографические ссылки

1. Данилов-Данильян В.И. Экологический вызов и устойчивое развитие. М.: Прогресс-традиция, 2000. 415 с.
2. Там же.
3. Моисеев Н.Н. Козволюция природы и общества // Экология и жизнь. 1997. № 1–6.
4. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Русский космизм: антология философской мысли. М. Педагогика-Пресс, 1993. С. 303–311.
5. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Преджизнь, жизнь, мысль. М.: Наука, 1987. 240 с.
6. Форрестер Д. Мировая динамика. М.: Наука. 1978. 176 с.
7. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 496 с.
8. Программа действий. Повестка дня на XXI век. Женева, 1993.
9. Аннан Кофи. От Дохи до Йоханнесбурга дорогой Монтеррея: как достичь развития и сделать его устойчивым в XXI веке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // [http : // www / ist.ru / ~ biospher / terminal / Kofi-annan. htm](http://www.ist.ru/~biospher/terminal/Kofi-annan.htm).
10. Данилов-Данильян В.И. Экологический вызов и устойчивое развитие.
11. Данилов-Данильян В.И. Экологический вызов и устойчивое развитие; Управление риском: Риск. Устойчивое развитие. Синергетика. М.: Наука, 2000. 431 с.
12. Наше общее будущее: доклад МКОСР. М.: Прогресс, 1989. 376 с.
13. Медоуз Д.Х. За пределами роста : остановить глобальную катастрофу. М.: Прогресс, Пангея, 1994. 304 с.
14. Урсул А.Д. Социально – экологические аспекты УР цивилизации в России // Проблема устойчивого развития России в свете научного наследия В.И. Вернадского. М., 1997. С. 86–104.
15. Глазовская Н.Ф. Десять лет после Рио – итоги и перспективы перехода к устойчивому развитию // Известия АН. Серия географическая. 2003. № 1. С. 5–19; Порядин А.Ф. Глазами очевидца // Экология и жизнь. 2002. № 5. С. 66–67; Управление риском: Риск. Устойчивое развитие. Синергетика; Урсул, А.Д. Социально – экологические аспекты УР цивилизации в России.
16. Урсул А.Д. Социально – экологические аспекты УР цивилизации в России.
17. Рогожина Н.Г. Региональная экополитология: учебное пособие. М.: Изд-во МНЭПУ, 1999. 164 с.

ЧАСТЬ 4. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, МИРОВОЙ РЫНОК И ЭКОНОМИКА РОССИИ

Т. С. АЛЕКСЕЕВА

Алтайская академия экономики и права, г. Барнаул

ПРОБЛЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО ДЕКЛАРИРОВАНИЯ ТОВАРОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Современное состояние развития экономики характеризуется тенденцией интеграции национальных экономик в межгосударственные, региональные и единый межхозяйственный комплекс. Такое положение предопределяет создание обширных зон свободной торговли, повышение роли международных соглашений в области обмена товарами и услугами, информацией; движение финансовых ресурсов.

Это, в свою очередь, не может не отразиться на темпах роста внешнеэкономических сделок при перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу, где таможенным органам принадлежит особая роль – партнеров участников внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД), заинтересованных в быстром, своевременном и качественном продвижении товаропотока, повышающем общую эффективность ВЭД за счет снижения затрат на реализацию таможенных формальностей. По данным статистики, в международной торговле в одной сделке участвует в среднем около 30 человек, где кроме продавца и покупателя включены перевозчики, отправители, банки, страховые учреждения, инспекционные и сертификационные органы и др. Число документов, которыми они оперируют при сделке доходит до нескольких десятков, а для обеспечения документами всех пунктов прохода товара до адресата количество их увеличивается в разы. Расходы по оформлению документов, их пересылке и обработке достигают от 7 до 15% общей цены торговой сделки.

Для решения данного вопроса особую актуальность приобрело внедрение электронного декларирования товаров, которое создает необходимые условия и ориентирована на реализацию единого сквозного алгоритма автоматической обработки заявляемых в декларации сведений в центральной базе данных с осуществлением автоматического анализа рисков и выдачей соответствующих решений уполномоченному должностному лицу таможенного органа.

К основным целям электронного декларирования можно отнести: сокращение бумажного документооборота; ускорение таможенных операций и таможенного контроля грузов; сведение к минимуму контакта участника ВЭД и инспектора; ускорение процесса уплаты таможенных платежей; снижение затрат, связанных с совершением таможенных операций и таможенным контролем; использование преимуществ режима удаленного доступа при проведении таможенных процедур и др.

При всех положительных достижениях использования электронного декларирования существует ряд проблем, требующий незамедлительного разрешения.

Во-первых, до сих пор не налажена система межведомственного обмена информацией между контролирующими органами РФ в области таможенной и околотаможенной деятельности. Несмотря на то, что декларант подает электронную декларацию, он должен представить в таможенный орган бумажный экземпляр разрешительных документов, фактически дублируя все документы и сведения, представленные в электронном виде.

Во-вторых, кроме таможенных органов разрешительные документы с оттисками печатей могут потребовать другие организации, например, перевозчик, требующий при приемке товаров накладные; налоговые органы (для возвращения НДС налоговая инспекция требует бумажную декларацию с отметкой таможни о фактическом вывозе товаров).

В-третьих, проблемным является предоставление сканированных образов документов, негативно отражающихся при обработке информации в автоматизированной подсистеме «Электронного представления сведений» ЦИТТУ ФТС России. В связи с этим, в соответствии с п.6 Приказа ГТК РФ от 30 марта 2004 г. № 395 «Об утверждении Инструкции о совершении таможенных операций при декларировании товаров в электронной форме» бумажные экземпляры документов, подтверждающие заявленные в электронной декларации сведения, предоставляются в таможенные органы только в случае выявления рисков, по которым в качестве прямых мер по минимизации предусмотрена проверка бумажных носителей информации, а также, если в результате таможенного контроля выявлено несоответствие сведений, заявленных в ДТ [1]. В этой связи, если в процессе декларирования возникает необходимость проверки бумажных носителей информации, сканированный вид документа не является достаточной формой для проведения таможенного контроля.

В-четвертых, до сих пор недостаточно налажена система обмена информацией государств-участников таможенного союза с иностранными государствами, в том числе, не завершена процедура интеграции Российской автоматизированной системы транзита с Новой компьютеризированной транзитной системой Европейского союза (NCTS). Вследствие того, что таможенные органы Европейского союза работают исключительно на основе электронного декларирования, достаточно сложно подготовить по запросу российских таможенных органов экспортную декларацию на бумажном носителе.

Значительной проблемой является неизбежное присутствие на разных этапах таможенного оформления бумажного носителя:

- в случае проставления штампов о выпуске, которые инспектор проставляет на бумажных копиях, а также распечатывает декларацию на товары, которая дальше через перевозчика передается пограничному таможенному органу;
- при условном выпуске товаров, который открывается оформлением таможенной расписки, существующей только на бумажном носителе.

Проблемной является задержка в получении электронной цифровой подписи. Электронные сведения, представляемые таможенным органам, должны иметь электронную цифровую подпись [2]. Реализация размещения электронной цифровой подписи на сведениях, заполняемых на интернет-портале без какой-либо криптографической защиты, создает угрозу кражи электронной цифровой подписи или представляемых сведений, внесения в последние несанкционированных изменений.

Решение вышеуказанных проблем видится в отработке системы межведомственного обмена информацией между контролирующими органами РФ в области таможенной и околотаможенной деятельности; активизации деятельности в решении вопроса о статусе бумажных копий электронных документов, в целях обеспечения достоверности при предъявлении данных документов другим инстанциям.

В рамках данного направления ведется работа по созданию системы межведомственного электронного взаимодействия (далее – СМЭВ) во исполнение Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [3]. Принята в эксплуатацию и разворачивается на объектах пилотной зоны система контроля фактического вывоза товаров, позволяющая обеспечить проверку и сбор информации о фактическом вывозе товаров на центральном уровне (в ЦИТТУ ФТС России) и создающая условия для передачи в режиме on-line в налоговую службу информации о том, какие товары и в каком количестве покинули территорию России.

Необходимо нормативно закрепить порядок и условия выдачи заинтересованным лицам электронных цифровых подписей с установлением минимально возможного срока рассмотрения соответствующей заявки на получение электронной цифровой подписи.

Для достижения максимальной доступности электронного декларирования необходимо использование опыта платежных систем в сети Интернет и опыта коммерческих банков по созданию программных средств удаленного управления счетом в части обеспечения баланса между информационной безопасностью и вместе с тем простотой и доступностью программных продуктов, а также отсутствия особых аппаратно-программных требований к оснащению рабочих мест конечных пользователей.

С широким развитием электронных технологий возникает необходимость нормативно-правового определения деятельности должностного лица, ответственного за внедрение и использование электронного документооборота.

Также, учитывая постоянный рост международной торговли и вступление России во Всемирную торговую организацию решение вышеуказанных проблем видится в унификации таможенного законодательства, в том числе, порядка электронного документооборота на основе международных принципов и стандартов, в соответствии со стандартом 7.4 Киотской конвенции «Применение информационных технологий» законодательство должно предусматривать электронные способы обмена информацией в качестве альтернативы требованиям предоставления документов на бумажном носителе [4].

Библиографические ссылки

1. Об утверждении Инструкции о совершении таможенных операций при декларировании товаров в электронной форме: приказ ГТК РФ от 30.03.2004 № 395 (ред. от 14.07.2010, с изм. от 22.12.2011) // Российская газета. 2004. 27 апреля; 2012. 2 марта.
2. Об электронной цифровой подписи: федеральный закон от 10.01. 2002 № 1-ФЗ (ред. от 08.11.2007 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 127; 2007. № 46. Ст. 5554. (утрата силы должна была осуществиться с 1 июля 2012 г., Федеральным законом от 10.06. 2012 № 108-ФЗ дата утраты силы перенесена на 1 июля 2013 г.); Об электронной подписи: федеральный закон от 06.04. 2011 № 63-ФЗ (в ред. от 10.07.2012 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036; 2012. № 29. Ст. 3988.
3. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федеральный закон от 27.06. 2010 № 210-ФЗ (ред. от 05.04.2013) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179; 2013. № 14. Ст. 1651.
4. Об упрощении и гармонизации таможенных процедур: международная конвенция (совершено в Киото 18.05.1973) (в ред. Протокола от 26.06.1999) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 32. Ст. 4810 (опубликовано без Специальных приложений).

М. А. ГУРЕЕВА, У. А. САДИКОВ

Российский Новый Университет, г. Москва

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОЕКТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

Реализация эффективных инвестиционных проектов, создающих дополнительную стоимость и обеспечивающих рост ВВП, является важнейшим условием модернизации российской экономики, перехода ее на высокотехнологичный путь развития.

Отсутствие или недостаточный объем инвестиционной деятельности компании (отрасли, региона, страны в целом) приводит к потере ее конкурентоспособности, позиции на рынке и соответствующим социальным последствиям. Общемировая тенденция развития бизнеса свидетельствует об ускорении процесса обновления продукции, производственных фондов и соответствующем росте потребности в инвестиционных проектах, в проектной деятельности.

Метод проектного финансирования возник в связи с неэффективностью, а иногда и невозможностью использования других методов финансирования инвестиционных проектов. Разница между методами финансирования заключается в том, в какой степени кредиторы, исходя из особенностей реализуемого проекта, рассчитывают на будущую выручку как источник покрытия издержек, обслуживания долга и обеспечения участникам достаточного возмещения по их инвестициям.

В основе целого ряда современных управленческих теорий, областей знаний (включая проектное финансирование, управление проектами, оценку проектов) лежит понятие проекта. Проект – это временное предприятие, предназначенное для создания уникальных продуктов, услуг или результатов. Проектом называется группа взаимосвязанных задач, выпол-

няемых в рамках выделенного бюджета с целью получения запланированного результата специально созданной для этого командой. Причем время начала и окончания проектных работ четко определено.

Каждый проект характеризуется такими конкурирующими между собой параметрами, как: содержание, качество, бюджет, расписание, риски и ресурсы.

Важной особенностью проекта является новизна и неповторимость цели и результата проекта. Именно эта особенность позволяет считать проектную деятельность основой инновационной деятельности предприятий, отраслей, регионов, экономики в целом. В отличие от проектной деятельности текущая деятельность представляет собой повторяющийся процесс, поскольку выполняется в соответствии с действующими в организации процедурами и регламентами.

Основным типом проектов, обеспечивающих устойчивое экономическое развитие, являются инвестиционные проекты создания реальных активов (материальных и нематериальных).

Управление рисками в проектном финансировании особенно важно, поскольку это наиболее рискованная форма финансирования реализации инвестиционных проектов. Система управления рисками включает их идентификацию, разработку методов количественной оценки, выбор инструментов предупреждения, исключения и защиты, а также мониторинг уровня риска и эффективности защитных мер.

Риски инвестиционного проекта можно разделить на три группы: макроэкономические (инфляция, процентные ставки, курсы валют); политические (страновые); коммерческие (проектные).

Риски в проектном финансировании, их хеджирование и минимизация имеют свою специфику. При учете рисков проектного финансирования необходимо руководствоваться общим правилом: чем выше степень риска, тем больше финансовые затраты, необходимые для минимизации данных рисков.

В Таблице 1 представлена примерная классификация рисков проектного финансирования с систематизацией различных риск-факторов.

Финансовые риски имеют особое значение в проектном финансировании и напрямую связаны с невозможностью выполнения субъектами проектного финансирования своих финансовых обязательств. Основными причинами финансовых рисков являются: недостаточность денежных средств для выполнения финансовых обязательств, обесценивание инвестиционно-финансового портфеля, неосуществление платежей и т.д.

Риски финансовых кризисов как на глобальном (мировом) уровне, так и внутри страны – это риски негативного влияния финансовых кризисов на состояние российской экономики, и прежде всего, ее реального сектора.

Валютные риски в своем ядре имеют вероятность финансовых потерь в результате изменения курса валют, которое может иметь место в период между заключением контракта и фактическим проведением расчетов по нему. Следует учитывать, что валютный курс весьма подвижен, так как он устанавливается на базе покупательной способности валют.

Риски потерь ликвидности состоят в том, что предприятие не сможет в конкретный момент погасить свои обязательства имеющимися у него средствами.

Риски больших внешних займов заключаются в неоправданном привлечении финансовых ресурсов со стороны для реализации инвестиционных проектов. Нередки случаи, когда у заемщика отсутствует ликвидность для оплаты внешних заимствований. В этом случае он вынужден приостанавливать инвестиционный процесс или его полностью сворачивать.

Являясь наиболее распространенным видом финансового риска, кредитный риск представляет собой элемент неопределенности при выполнении контрагентом своих договорных обязательств, связанных с возвратом заемных средств. Иными словами, кредитный риск – это возможность потерь вследствие неспособности контрагента выполнить свои контрактные обязательства. Для кредитора последствия невыполнения этих обязательств измеряются потерей основной суммы задолженности и невыплаченных процентов за вычетом суммы восстановленных денежных средств.

Центральный банк РФ определяет кредитный риск как - риск возникновения у кредитной организации убытков вследствие неисполнения, несвоевременного либо неполного исполнения должником финансовых обязательств перед кредитной организацией в соответствии с условиями договора.

Концентрация кредитного риска проявляется в предоставлении крупных кредитов отдельному заемщику или группе связанных заемщиков, а также в результате принадлежности должников кредитной организации, либо к отдельным отраслям экономики, либо к географическим регионам или при наличии ряда иных обязательств, которые делают их уязвимыми к одним и тем же экономическим факторам.

Таблица 1 – Риск-факторы, учет которых необходим при разработке и реализации инвестиционных проектов

Группы рисков	Риск-факторы
Финансовые риски	Риски финансовых кризисов
	Валютные риски
	Риски потери ликвидности
	Риски потери платежеспособности
	Риски кассового неисполнения бюджета
	Риски больших внешних займов
	Риски изменения процентных ставок
	Риски коллективных инвестиций
Экономические риски	Операционные риски
	Риски закупки внеоборотных активов и другого имущества по завышенным ценам
	Отраслевые риски
Рыночные риски	Рейтинговые риски
	Коррупционные риски, риски рейдерских захватов
	Риски повышения цен
	Риски отсутствия конкуренции
Инвестиционно-коммерческие риски	Кредитные риски
	Инвестиционные риски
	Риски кризиса доверия кредитным и инвестиционным структурам
	Риски сокращения реализации инвестиционных проектов
Производственно-технические риски	Инновационно-интеллектуальные риски
	Риски учета существенных факторов
	Риски профессиональной деятельности
	Риски наличия исходных параметров
Правовые риски	Риски некорректно составленной документации
Страховые риски	Риски задержки реализации проектов против установленных сроков
Политические риски	Риски суверенности
	Риски изоляции проекта на уровне политической риторики
	Риски политического сопротивления реализации инвестиционных проектов
Экологические риски	Риски экологических просчетов
Социальные риски	Риски уменьшения рынка труда
	Риски увеличения социальных потерь
	Риски социальных конфликтов
	Риски зависимости инвестиционных стратегий от религиозных воззрений и догм
	Риски особых условий
	Риски массовых увольнений финансовых менеджеров

В отечественной литературе также существует большое число подходов к определению кредитного риска. Довольно часто под ним понимается риск не возврата кредита (основной суммы долга по кредитному договору), начисленных процентов или сопутствующих им ко-

миссий, а также невыполнение или неполное выполнение других условий кредитного договора. В качестве примеров можно привести:

- риск, связанных с возможным не возвратом суммы кредита и процентов по нему;
- риск невыполнения заемщиком банка своих обязательств по кредитному договору;
- риск неуплаты заемщиком основного долга и процентов по нему в соответствии со сроками и условиями кредитного договора;
- риск неисполнения дебитором или контрагентом по сделке своих обязательств перед организацией, то есть риск возникновения дефолта дебитора или контрагента;
- риск не возврата денег должником в соответствии со сроками и условиями кредитного договора;
- опасность неуплаты заемщиком основного долга и процентов, причитающихся кредитору;
- возможное падение прибыли банка и даже потеря части акционерного капитала в результате неспособности заемщика погасить и обслуживать долг;
- риск неуплаты заемщиком (эмитентом) основного долга и процентов, причитающихся кредитору (инвестору) в установленный условиями выпуска ценной бумаги срок (облигации, депозитные и сберегательные сертификаты, векселя, государственные обязательства и др.), а также по привилегированным акциям (в части фиксированных обязательств по выплате дивидендов).

Подобные варианты восприятия кредитного риска можно расценить как достаточно узкоспециализированные: как правило, они являются как бы первичными, предназначенными для описания именно классических кредитных операций. В рамках приведенных определений носителями кредитного риска являются в первую очередь сделки прямого кредитования (которые создаются заемщиком), а также следки купли-продажи активов без предоплаты со стороны контрагента и гарантий расчетов со стороны третьих лиц (так называемый расчетный риск).

В последние годы под действием развития общего уровня бизнес-практики и миграции с западных рынки усложненных финансовых инструментов и технологий кредитования в Россия развивается более широкий взгляд на понятие кредитного риска. В общих чертах его можно изложить следующим образом:

- источником кредитного риска теперь считают не только сделки прямого кредитования, но и любые используемые на открытом рынке долговые инструменты и технологии финансирования связанные как с прямым перераспределением средств (различные ценные бумаги, разновидности секьюритизации), так и с «обещаниями *перераспределить* средства» при наступлении определенных условий (акцепты, аккредитивы, гарантии и т.д.);
- в состав кредитного риска фактически включаются все значимые факторы, способные привести к ухудшению финансового состояния заемщика/эмитента или снизить его платежеспособность (вплоть до уровня «дефолт»); сюда можно отнести ухудшение репутации, потерю рыночной доли или ниши, корпоративные, акционерные конфликты, разногласия с различными регулирующими органами (что особенно актуально для банков);
- оценка уровня кредитного риска проводится не только на уровне каждого конкретного заемщика, но и портфеля займов в целом; более того, практикуется проведение сегментации общего портфеля по группам ссуд или других долговых инструментов.

В разрезе деятельности банка управление кредитным риском не ограничивается только контролем чисто кредитных операций: необходимо рассматривать все факторы, влияющие на кредитоспособность заемщика в целом. Кредитный риск присущ деятельности любой кредитной организации и решение вопросов минимизации уровня риска при принятии управленческих решений носит первостепенное значение.

В условиях финансового кризиса особенно актуальными становятся задачи оперативной оценки состояния компаний, находящихся в кредитном портфеле банка, а также объективный подход к выработке оптимальных условий сделки, обоснованность принятия решения о выдаче кредита. Решение этой задачи не возможно без использования системы оценки и управления рисками.

Кредитный риск является одним из наиболее значимых банковских рисков, кроме того, именно он является причиной возникновения проблемной задолженности и потерь, связанных с дефолтом заемщика. Однако, чтобы риск-менеджмент стал действительно инструмен-

том, дающим результаты, в банке должна существовать эффективная система управления рисками.

При создании системы управления кредитным риском банки опираются на собственный опыт и наработки. Но полезно учитывать и мировой опыт в этом направлении. Подходы к оценке кредитного риска развиваются в странах Европы и США уже не одно десятилетие, и неразумно было бы пренебрегать теми идеями и моделями, на которые был потрачен не один миллион долларов.

В июне 2011 г. Базельским комитетом был выпущен документ: Revised Framework on International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards. Пересмотренная схема международного объединения подходов и стандартов расчета капитала, далее, Базель 3).

Предлагаемая схема является базовым элементом для национальных регуляторных процессов в Европейских странах. Документ учитывает новые достижения в области измерения и управления кредитными рисками для тех банков, которые двигаются в направлении построения системы внутренних рейтингов (IRB – Internal Rating Based Approach). Рекомендации Базельского комитета не содержат законченной универсальной модели, которую нужно использовать в системе кредитного риск менеджмента. Такой модели просто не существует. Базель 3 – это методология, которая предлагает подход, гарантирующий в итоге построение эффективной системы управления кредитными рисками.

В рамках базового IRB подхода (Foundation Approach) банкам предоставляется возможность использовать собственные модели только для оценки вероятности дефолта (PD – Probability of Default) заемщиков. Также предусмотрено дальнейшее развитие, и переход к продвинутому (advanced) IRB подходу, в соответствии с которым финансовым организациям (банкам) позволено применять собственные модели для оценки основных рисков параметров, необходимых для оценки требования на экономический капитал. При этом регулятору должна быть представлена верификация модели. Таким образом, стимулируется использование банками собственных методик, их развитие и постоянное совершенствование. Среди базовых рисков параметров, каждый из которых является случайной величиной, Базельский комитет выделяет следующие:

Среднегодовая вероятность дефолта (PD – Probability of default) и Рейтинг заемщика. PD является вероятностью того, что кредит не будет выплачен, то есть, произойдет дефолт. Вероятность дефолта рассчитывается для каждого заемщика в отдельности (корпоративные клиенты) либо в целом по портфелю однородных ссуд;

Экспозиция под риском (EAD – Exposure at Default). EAD представляет собой оценку суммы, подверженной риску, то есть, части кредита, которая теряется в случае дефолта. При расчете необходимо учитывать следующие факторы: во-первых, задолженность по ссуде (особенно по сложным продуктам с системой лимитов) может колебаться с течением времени, поэтому необходимо уметь оценивать ее значение в момент возникновения дефолта. Во-вторых, наличие высоколиквидного обеспечения позволяет снизить EAD, так как его реализация позволяет быстро вернуть часть потерянного кредита. *Средне ожидаемая доля потерь средств в случае дефолта (LGD – Loss Given Default)* обычно рассчитывается в процентах от EAD. LGD как раз и является оценкой той части EAD, которая будет безвозмездно потеряна, если произойдет дефолт. Необходимо учитывать наличие дополнительного обеспечения по ссуде, значимость залога для клиента, а также текущее финансовое состояние заемщика, то есть, его рейтинг. При расчете LGD и EAD очень важным является вопрос правильного определения стоимости обеспечения, его ликвидности и вероятности возврата.

Основной причиной кредитного риска является дефолт заемщика. В соответствии с Базель 3 под дефолтом понимается невозврат или просрочка основной суммы долга или процентов. Дефолт конкретного должника является произошедшим, когда имело место хотя бы одно из следующих событий: Банк считает, что должник не в состоянии полностью погасить свои кредитные обязательства перед банком без принятия банком таких мер, как реализация обеспечения (если такое имеется); Должник более чем на 90 дней (для юридических лиц) просрочил погашение любых существенных кредитных обязательств перед банком. Таким образом, рейтингование заемщиков и определение вероятности дефолта является одним из наиболее важных компонентов системы управления кредитными рисками. Для построения системы рейтингования необходимо произвести следующий порядок действий:

1. Необходимо выделить основные отраслево-целевые сектора;

2. Для каждого отраслево-целевого сектора требуется выделить основные риск-доминирующие факторы;
3. Осуществить накопление данных по оценке показателей;
4. Сформировать границы принятия решений;
5. Определить веса показателей;
6. Произвести верификацию рейтингового балла;
7. Осуществить калибровку рейтингового балла, установить соответствия между рейтинговым баллом и вероятностью дефолта.

В расщеплении рисков проектного финансирования важная роль отводится контрактной сети. Контрактная организация проектного финансирования представляет собой сеть соглашений, выстраиваемых вокруг проектной компании (*SPV – special purpose vehicle*) и имеющих отношение к определенным фазам жизненного цикла проекта. Успех проектной инициативы зависит от своевременного выполнения обязательств в соответствии с заключенными соглашениями и удовлетворения интересов всех вовлеченных в реализацию проекта сторон.

С точки зрения теории агентских отношений контрактные схемы проектного финансирования выступают эффективным инструментом снижения асимметрии информации, ограничивая возможности оппортунистических действий каждой из сторон.

Реализация отдельного проекта осуществляется на основании проектного соглашения (*project agreement*), определяющего порядок и условия выплат для проектной компании [1]. Различают две модели проектного соглашения:

- 1) концессионное соглашение, результатом которого является производство продукции или оказание услуг государству или населению (строительство объектов транспортной инфраструктуры, здравоохранения, образования и др.);
- 2) контракт покупателя, согласно которому проектная компания выпускает продукцию и продает ее известному кругу покупателей (энергогенерация, топливо и др.).

Концессионное соглашение является одной из форм ГЧП (*public-private-partnership*) и его реализация в России регулируется Федеральным законом от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях», который закрепляет только одну форму концессии, в мировой практике известную как *BOT – build-operate-transfer* (Строительство–эксплуатация–передача) [2]. Кроме нее существует множество других концессионных форм, различающихся разделением прав и обязанностей относительно объекта концессии между концедентом (собственником объекта концессии) и концессионером (проектной компанией), например: *BOO – build-own-operate* (Строительство–владение–эксплуатация), *BOOT – build-own-operate-transfer* (Строительство–владение–эксплуатация–передача), *LROT – Lease-renewal of concession operate-transfer* (Лизинг–возобновление концессии–эксплуатация–передача), *BOLT – Build-own-lease-transfer* (Строительство–владение–лизинг–передача) и другие.

Контракты проектного финансирования, основываясь на многосторонних связях, позволяют эффективно аллоцировать риски в соответствии с возможностями участников, при этом, не снижая сумму конечного выигрыша для всех сторон инициативы проектного финансирования.

Библиографические ссылки

1. Никонова И.А. Проектный анализ и проектное финансирование. М.: Альпина Паблишер, 201. 154 с.
2. О концессионных соглашениях: федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ.

РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА: НЕТИПИЧНЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ

Трансформация российской экономики неизбежно ведет к изменению сложившейся структуры занятости населения, масштабной реаллокации рабочих мест и рабочей силы, увеличению удельного веса нетипичных форм трудовых отношений. В этом смысле российский рынок труда начинает все больше напоминать рынки труда развитых постиндустриальных стран, сохраняя вместе с тем свою специфику. В российских условиях рассмотрение нетипичных форм занятости актуально по нескольким причинам. Во-первых, в отечественной экономике законодательное регулирование нетипичных трудовых договоров сложилось еще не в полной мере. И в среде бизнеса и среди политической элиты и законодателей по данному вопросу ведутся активные дискуссии. Во-вторых, интерес к нетипичной занятости связан с экономическими и социальными последствиями их применения (уровнем жизни работников, производительностью труда, продолжительностью рабочего времени и т.п.).

В-третьих, «пластичность» российской модели рынка труда обеспечивается не содержанием норм трудового права, характеризующихся чрезмерной жесткостью и обременительностью, а, в большей степени, слабостью контроля за их соблюдением. Разнообразные «нетипичные» механизмы адаптации, получившие распространение на российском рынке труда, объединяет важная общая черта – деформализация отношений между работником и работодателем, в которой заинтересованы как те, так и другие.

Под влиянием движения в сторону более гибкой экономики в нашей стране продолжает «размываться» комплекс условий, при которых стандартная занятость могла доминировать.

Стандартной обычно считается занятость по найму в режиме полного рабочего дня на основе бессрочного трудового договора на предприятии или в организации под непосредственным руководством работодателя или назначенных им менеджеров. В большинстве развитых стран такой стандарт закреплён законодательно. Наоборот, все формы занятости, отклоняющиеся от него, могут рассматриваться как нетипичные.

Причем, нетипичные формы занятости становятся, как правило, и инструментом адаптации работников к меняющимся экономическим условиям, и способом «подстройки» предпринимателей к колебаниям спроса на продукцию (услуги). Более того, насколько многообразны факторы и обстоятельства, приводящие к уменьшению масштабов стандартной занятости, настолько различны формы нетипичной занятости. Некоторые доминанты лежат на стороне спроса на труд, другие – на стороне предложения. Так, за последние полтора десятилетия в результате структурных изменений в экономике снизилась доля традиционной крупной промышленности, предъявлявшей основной спрос на стандартную занятость. Быстро растущий сектор услуг нуждается в работниках, которые могли бы функционировать в условиях гибкого временного режима с большей или меньшей продолжительностью, чем предусмотрено законодательством. Возрос спрос на более мобильную рабочую силу, способную в случае необходимости легко перемещаться на другие рабочие места (поэтому здесь важен временный трудовой контракт), сочетать исполнительские и предпринимательские функции и т.д. Необходимо отметить, что сходный характер имеет и спрос на труд со стороны малых предприятий, роль которых в современной экономике постоянно растёт.

Технические предпосылки для развития небольших гибких производств, предъявляющих спрос на мобильных работников, способных и готовых работать в часто меняющихся и нестандартных условиях, обеспечивает прогресс в компьютерных и информационных технологиях. Наличие компьютера, современные средства связи и высокоскоростной доступ в Интернет позволяют выполнять многие виды работ на территориальном удалении от организации-работодателя или заказчика и в гибком временном режиме. Наоборот, технологическая потребность и экономическая заинтересованность в работниках, занятых полный рабочий день на условиях пожизненного найма даже на крупных производствах снижается.

К расширению предложения «нетипичного» труда, а значит созданию существенного спроса на рабочие места с сокращённым рабочим временем и гибким графиком работы, привел также массовый выход на рынок труда замужних женщин, пенсионеров и студентов. При этом «нестандартная» рабочая сила, заинтересованная в дополнительном доходе, не

требовала ни законодательных гарантий занятости, ни дополнительных благ, изначально рассматривая свое участие в экономике как нечто второстепенное.

Обострение глобальной конкуренции, усиление неопределенности и риска на факторных рынках и рынках готовой продукции также потребовали и от работодателей, и от работников большей «гибкости» в трудовых отношениях. Для работодателей такая гибкость означает расширение возможностей снижения издержек на труд и повышение конкурентоспособности в кратко- и среднесрочной перспективе (прежде всего, за счет минимизации издержек увольнения при нетипичных формах занятости). Это позволяет, с одной стороны, сохранить имеющиеся рабочие места и создавать новые, но, с другой стороны, приводит к росту доли работников с небольшим специальным стажем, и, значит, подрывает стимулы к инвестициям в специфический человеческий капитал и разрушает трудовую мотивацию работников, что чревато, в свою очередь, снижением качества выпускаемой продукции и ослаблением конкурентоспособности. Для работника гибкость рынка труда, проявляющаяся в создании нетипичных (временных, неполных или неформальных) рабочих мест, ассоциируется, прежде всего, с отсутствием социальной защиты и перспектив карьерного роста, а также с низкой оплатой труда. При этом благодаря такой гибкости поддерживается более высокий уровень занятости, тем самым снижается риск безработицы и повышаются шансы трудоустройства и для занятых, и для незанятых. Подобные рабочие места зачастую обеспечивают наиболее эффективную возможность для безработных вернуться в сферу занятости, включая регулярную и стандартную. Поэтому «социально оптимальная» мера гибкости рынка труда должна представлять собой точно выверенный и меняющийся во времени баланс между защитными мерами для работника и либеральными нормами использования труда для работодателя при наличии эффективной системы инфорсменты.

Различные формы трудовой занятости, отличающиеся от стандартной, могут быть рассмотрены с двух точек зрения. Во-первых, речь должна идти о нетипичности трудового договора, то есть об отклонении формальных условий контракта от принятого стандарта; во-вторых, о нетипичности фактических условий занятости. В этом смысле к нетипичной занятости можно отнести занятость, основанную на срочных трудовых договорах, договорах с особым режимом рабочего времени, договорах с условием о занятости на дому, а также договорах о предоставлении услуг работниками третьим лицам [1, с.16].

Стремление работодателей уйти от заключения трудовых договоров на неопределенный срок характерно не только для экономики России, но и для стран с развитой рыночной системой. Это связано, прежде всего, с желанием работодателя сократить издержки на рабочую силу. Поскольку заключение стандартного трудового договора с работником ведет к возникновению обязательств перед ним (по выплате пособий по временной нетрудоспособности, предоставлению ежегодных и учебных отпусков и пр.), а увольнение работника представляет собой сложную процедуру, работодатели все чаще предпочитают заключать договоры с работниками на определенный срок. Конечно, на выбор формы заключения контракта влияет множество других факторов, среди которых можно назвать специфичность инвестиций в человеческий капитал, трансакционные издержки взаимодействия субъектов рынка труда, институциональная среда «отношений контрактации». Таким образом, установление в трудовом договоре условия о сроке, не изменяя содержания трудового правоотношения, влияет на характер экономико-правовой связи между работником и работодателем. Причем, индивидуализация условий труда посредством определения временных рамок прав и обязанностей сторон снижает стабильность трудового правоотношения, делая его более гибким.

Особый интерес в современных условиях вызывают формы занятости в режиме неполного рабочего времени. К ним относятся, например, разделение одного рабочего места между несколькими сотрудниками, сокращение рабочего времени для работников предпенсионного возраста, для лиц с особыми семейными обязанностями и др. Распространение данной формы нетипичной занятости обусловлено, по нашему мнению, возросшей ролью работника в формировании структуры собственного рабочего времени, необходимостью дифференцированного подхода к регулированию труда лиц, занятых неполное рабочее время. При этом следует разграничивать занятость в режиме неполного рабочего времени, возникающую по обоюдному согласию сторон трудового договора при его заключении, а также занятость в режиме неполного рабочего времени, которая связана с односторонним изменением работодателем условий труда, что само по себе представляет серьезное отступление от прин-

ципов трудового права. Между тем в качестве перспективных институтов могут быть рассмотрены те формы неполной занятости, которые определяются по обоюдному соглашению сторон и могут получить дальнейшее развитие не только в периоды экономических спадов.

Традиционно трудовая деятельность работников протекает в месте нахождения работодателя и организуется как совместная деятельность коллектива трудящихся. В современных условиях коммуникативные возможности существенно модифицировали способы вовлечения людей в трудовой процесс, закрепив новые тенденции, связанные с развитием дистанционного труда. На наш взгляд, к работникам, занятым дистанционно, следует относить тех лиц, которые заключили трудовой договор о выполнении личным трудом заданий работодателя на дому или в других помещениях по их выбору, но не в месте нахождения работодателя. Ранее такая форма нетипичной занятости (работа на дому), была ориентирована преимущественно на пенсионеров, домохозяек, инвалидов и лиц, занимающихся народными промыслами. В настоящее время большую часть дистанционного труда составляет интеллектуальный труд: на дому работают журналисты, фотографы, дизайнеры, бухгалтеры, программисты, т.е. те лица, которым для выполнения работы достаточно иметь под рукой компьютер, оснащенный доступом в Интернет, и необходимый набор программ, обеспечивающих работу с персональным компьютером.

Особую актуальность в настоящее время приобретают вопросы регулирования нетипичной трудовой занятости, которая возникает при посредничестве вне государственных служб занятости.

Как правило, трудовое правоотношение представляет собой двусторонний контракт, его субъектами являются работник и работодатель. Тем не менее, в последнее время довольно часто встречаются новые формы организации наемного труда, нетипичные для нашей страны, получившие неофициальное название - заемный труд [2, с. 37]. Субъектный состав трудового правоотношения при этом предполагает, что на стороне работодателя выступают одновременно два участника – работодатель и кадровое агентство (в терминологии МОТ – частное агентство занятости). Трудовые отношения, при которых функция работодателя расщепляется между агентством (работодателем де-юре) и компанией-пользователем (работодателем де-факто), принято называть треугольными, поскольку в отличие от «стандартных» трудовых отношений здесь у работника оказывается одновременно два контрагента, разделение функций и ответственности между которыми не всегда очевидно. Действительно, деятельность агентств по временному трудоустройству порождает серьезные проблемы в социально-трудовой сфере. Профсоюзы считают, что использование на предприятии временных работников ущемляет интересы постоянных работников тех же профессий и квалификации, так как делает их положение менее прочным. Кроме того, при использовании таких «заемных работников» возникают и другие, не менее серьезные, проблемы, связанные с низкой оплатой, нестабильностью и недостаточной защищенностью, интегрированностью в трудовой процесс. В связи с этим, представляется целесообразным установление специальной правовой регламентации статуса частных агентств занятости и их деятельности в отдельном нормативном правовом акте. Последний должен не только определять принципы и гарантии трудоустройства лиц, ищущих работу, но и регулировать вопросы привлечения трудовых ресурсов в различных правовых формах, определять варианты государственно-частного партнерства в сфере трудоустройства различных категорий граждан.

Итак, гибкость российского рынка труда, обусловленная появлением нетипичных форм занятости, стала важным ресурсом оперативного реагирования на неожиданные изменения экономической и институциональной среды, помогая гасить шоки без ущерба для устойчивости всей системы. Эти приспособительные механизмы, спонтанно нащупанные самими рыночными агентами, способствовали смягчению негативных социальных последствий, которыми сопровождался процесс трансформации постсоциалистических стран, однако не создали достаточных предпосылок для эффективной реструктуризации занятости, повышения производительности и качества труда.

Регулирование условий применения нетипичных форм трудовой занятости в настоящее время отвечает потребностям и работников, и работодателей, и государства, как участников социально-трудовых отношений. Наряду с обобщением опыта применения нетипичных трудовых договоров за рубежом, необходимо более детально проанализировать эти тенденции, обозначившиеся на российском рынке.

Библиографические ссылки

1. Нестандартная занятость в российской экономике / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.
2. Головина С. Содержание трудового договора при заемном труде // Хозяйство и право. 2004. №10.

И. В. КОВРИЖНЫХ

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ПРОБЛЕМА ВОСПРОИЗВОДСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СТОИМОСТНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Актуальность рассматриваемой проблемы объясняется проблемами функционирования рынка рабочей силы и малоизученностью в условиях структурных изменений.

В условиях глобализации отношений эффективное функционирование предприятий предполагает создание гибкой системы управления, что делает необходимым своевременно дать качественную оценку использования рабочей силы во времени, в динамике ее движения. Поэтому, важнейшей является проблема сбалансированности посредством рынка рабочей силы наличных трудовых ресурсов и рабочих мест, как в их количественном, так и в качественном выражении.

Рассматриваемая проблема тесно увязана со структурными изменениями, с трудовыми отношениями, с социальной защитой работников, с проблемой качества жизни. Особо важный аспект в рассматриваемой проблеме рынка рабочей силы – это вопрос нормального воспроизводства рабочей силы, посредством возмещения полных затрат, обеспечивающих данный процесс, а также вопрос большей свободы в области приложения рабочей силы.

Анализ воспроизводства рабочей силы предприятия ведется в рамках опыта, накопленного экономической теорией. Чаще всего, сама постановка проблемы исследования сводится к вопросу занятости. В то время как особенно важно ее рассматривать в аспекте конкретного хозяйственного субъекта.

Рассмотрение проблемы воспроизводства рабочей силы предприятия необходимо, прежде всего, с практической точки зрения, чтобы обоснованно воздействовать на процесс воспроизводства рабочей силы через управление.

В современной экономической литературе имеется множество концептуальных подходов к анализу содержания, принципам организации и механизма функционирования рынка рабочей силы. Это достаточно разработанный комплекс теоретических идей.

Однако, процесс воспроизводства рабочей силы в рамках конкретного предприятия исследован мало. Хотя именно на предприятии происходит процесс формирования, использования и обновления рабочей силы, что представляет интерес для исследования. Потребовалось коренное изменение социально-политической ситуации в стране, чтобы товарный характер воспроизводства рабочей силы стал явным.

Расширение аналитических возможностей вычислительной техники выделяет проблему обоснованного прогнозирования тенденции развития экономических процессов в обществе на первый план. Это соответственно влечет за собой переосмысление теории и практики воспроизводства рабочей силы предприятия.

Объектом исследования предлагаемой работы является процесс индивидуального воспроизводства, предметом исследования – рабочая сила, как способность работника к труду и как ресурс на уровне первичного хозяйственного звена. Теоретической и методологической основой исследования послужили теория и практика общественного и индивидуального воспроизводства. Исследование проблем базируется на основе методологии современного образа мышления, присущего рыночным подходам к изучению действительности.

В отличие от большинства имеющихся разработок по проблеме воспроизводства рабочей силы в данной работе ее характеристика основывается на принципе единства потребительной стоимости и стоимости, которые формируют специфический рынок рабочей силы, что

позволило выявить новые важные моменты в определении содержания рабочей силы как экономической категории и в управлении ее движения.

Анализ экономической категории «рабочая сила» как товара позволил сделать вывод о двойственности категории товара рабочая сила с точки зрения характера движения: формирование, использование и обновление рабочей силы как закономерный процесс прохождения фаз воспроизводства производства, распределения, обмена и потребления (причем, в том и другом случае осуществляется товарное движение) – как единство потребительной стоимости и стоимости, которые формируют рынок рабочей силы, и специфики производительного потребления – как части авансированного общественного труда.

Теоретические выводы и практические рекомендации, полученные в результате исследования, могут быть использованы для создания модели движения рабочей силы и ее структурной сбалансированности в условиях рыночных отношений. Решение задачи организации рынка рабочей силы в соответствии с действительным ходом экономических процессов позволит наиболее результативно использовать трудовые ресурсы в зависимости от их функционального назначения. Ряд теоретических положений и конкретных выводов в работе могут быть использованы для формирования стратегии трудовых отношений на уровне предприятия, региона и общества в целом.

Необходимо разграничивать понятие «рабочая сила» и «личный фактор производства». Личный фактор производства выступает одновременно и как совокупная производительная сила и как кооперация, интегрирующая индивидуальные рабочие силы в единое целое. При этом много влияет на социальный характер соединения факторов производства.

Особая роль принадлежит форме собственности. В условиях рынка общество объективно стоит перед фактом рынка рабочей силы, что заставляет по-иному взглянуть на товарность рабочей силы. Превращение рабочей силы в товар – одно из определяющих свойств «экономического человека». Это результат естественно-исторического процесса развития товарного производства. Чтобы продать свою способность к труду, человек должен быть лично свободным и должен быть лишен средств производства. Постепенно в обществе внеэкономическое принуждение к труду уступает место договору формально равноправных товаровладельцев: предпринимателя и наемного рабочего. Версия товарности рабочей силы отражает неодинаковые, а порой и противоположные позиции ее сторонников. Множественность оттенков товарной окраски трудовых отношений еще более усиливается в связи с расширением многообразия форм собственности, что усложняет понимание природы этих экономических форм.

Превращение рабочей силы в товар – есть результат развития товарного производства на основе действия закона стоимости. В простом товарном производстве происходит дифференциация товаропроизводителей. В массовом масштабе превращение рабочей силы в товар произошло в эпоху первоначального накопления капитала. Однако, только в условиях перехода к машинному производству окончательно сформировались предпосылки для всеобщего превращения рабочей силы в товар.

При этом человек становится элементом купли-продажи, так как он является собственником способности к труду. Одновременно человек является элементом труда, элементом общественного воспроизводства. Своеобразие товара рабочая сила в том, что он не отделен от ее владельца. Трудящийся выступает в качестве продавца не обычного, а особого товара – «социального», с ограниченными условиями воспроизводства, в известной степени, монопольного товара. Неограниченная свобода товарно-денежных отношений может подорвать воспроизводство рабочей силы.

Для сохранения отношений купли-продажи требуется сохранение условия: собственник рабочей силы должен продавать ее на определенное время. Покупатель рабочей силы имеет право распоряжаться и пользоваться ею. Право владения остается у работника. Важно, чтобы собственник рабочей силы как личность постоянно сохранял свое отношение к своей рабочей силе как к своей собственности.

Свойства товара, такие как потребительная стоимость и стоимость, показывают своеобразие вещи. Как и всякий товар, рабочая сила имеет стоимость и потребительную стоимость. Речь идет о двойственности свойств товара рабочая сила: полезности и стоимости, а единстве их движения и различии.

Интересы работодателя заключаются в том, что он стремится обеспечить рентабельность производства, его прибыльность, достаточную для конкурентоспособности на рынке.

Интересы продавца рабочей силы определяются оплатой труда, она должна быть эквивалентна цене, незначительно отличающейся от стоимости рабочей силы. Эта цена должна покрывать индивидуальное воспроизводство рабочей силы. При этом необходимо учитывать закон возрастающих потребностей в обществе.

Определяющим свойством «человек экономического», как главного субъекта экономических отношений, является превращение рабочей силы в товар. Рабочая сила является товаром и по форме, и по содержанию. Товарный характер рабочей силы определяется ее свойствами, а также характером инвестирования.

Рабочая сила является товаром, как единство товарной формы и содержания. Она является товаром и потому, что осуществляет движение в рамках капитала, производственных фондов в товарной форме, подчиняясь законам обращения товаров, законам движения капитала, материальной базой которого являются технико-технологические факторы производства, объединенные кооперативным трудом.

Рабочая сила является товаром и потому, что осуществляет воспроизводство через единство индивидуального и общественного воспроизводства: как элемент общественного воспроизводства он создается как товар; как элемент индивидуального воспроизводства рабочая сила используется обновленной в рамках обособленной экономической системы предприятия, опираясь на воспроизводственные возможности индивидуального капитала.

Для понимания особенностей товара рабочая сила важно отметить тесную связь с ее домашним хозяйством, где воспроизводится основа рабочей силы – рождение, воспитание, формирование творческого и духовного потенциала и т.д. То есть речь идет о том, что рабочая сила как товар несет в себе элементы персонификации.

В основе рассматриваемых явлений лежат стоимостные процессы. Человек вступает в данные экономические отношения с определенными потребностями, которые имеют свои границы: минимальные, роскошь. Предпринимателя интересуют доход и издержки – что производить и что оплатить рабочей силе. Встает вопрос: сколько социальные затраты (в том числе образование) интересуют и нужны предпринимателю?

Необходимо, чтобы издержки на рабочую силу соответствовали воспроизводственным целям капитала, к ее потреблению и формированию издержек изделия. При этом возникает противоречие, так как время будущее, а издержки сегодняшние. Издержки на рабочую силу необходимы сегодня для воспроизводства фактора индивидуального производства со стороны предприятия.

Однако, при рассмотрении рабочей силы как элемента производительных сил общества возникает вопрос об издержках, которые смогут принести определенный доход в будущем. В данном случае особую роль играет категория общественно-необходимых издержек на социальные затраты. Так как подготовка рабочей силы происходит во времени, общество должно заранее использовать общественные ресурсы для этого. До сих пор вопрос социальных затрат мало интересует как самого работника, так и предпринимателя.

Для снижения издержек необходимо приспособление системы предприятия к ежедневным колебаниям спроса путем непрерывного регулирования номенклатуры и объема произведенной продукции, обеспечение высококачественными комплектующими деталями и т.д. Но особенно важно то, что нужен рост заинтересованности, активности работников. Главным принципом в работе должно стать гибкое использование персонала, то есть учет потребности рабочей силы со стороны предпринимателя.

Стоимость рабочей силы зависит от потребностей людей, которые постоянно изменяются. Объем и структура первейших потребностей во многом зависят от природных условий, которые существенно различаются по регионам. Однако, жизненные средства, необходимые для воспроизводства рабочей силы, не сводятся только к товарам и услугам. Они включают потребности в самосохранении, в общении, в признании как личности и т.д. Потребности человека определяют экономическое поведение людей. Зная их, можно предсказывать действия их, их интересы. Это очень тесно связано с проблемой мотивации работников.

Особенность стоимости рабочей силы в том, что необходимые потребности рабочей силы являются продуктом исторического развития. Они зависят от исторически сложившихся условий жизни рабочих. Сам человек и его потребности являются продуктом общественного развития. Вот почему экономический и культурный уровень страны оказывает существенное влияние на структуру и объем необходимых жизненных средств, и способы потребления.

При учете конкретных исторических обстоятельств можно сделать точный вывод о характере движущих сил роста цены рабочей силы. Заработная плата является ценой товара рабочая сила, она растет, как и цена любого другого товара в том случае, если увеличивается его стоимость, а это следствие роста сложности рабочей силы, ее квалификации, при этом возрастает интенсивность труда.

Одновременно имеет место разрыв между стоимостью рабочей силы и ее ценой. Происходит это потому, что масса товаров и услуг, требующихся для нормального воспроизводства рабочей силы в современных условиях, быстро увеличивается. При этом существует тенденция, когда рост сложности рабочей силы элиминируется выросшей производительностью труда, что понижает стоимость рабочей силы.

В том и другом случае важно учитывать особенности товара рабочая сила. Существуют очень жесткие границы движения заработной платы: она не может удерживаться долго ниже прожиточного минимума, так как это грозит физическому существованию человека – носителя рабочей силы.

Особенно необходимо учитывать особенности конкретных исторических обстоятельств. Только в этом случае можно сделать точный вывод о характере движущих сил роста рабочей силы. Поэтому рассмотрение изменения материального уровня работников, изменения заработной платы на основе только стоимостных показателей не совсем верно.

Нельзя не считаться с тем, что происходит рост общественной производительности труда, который, в конечном счете, ведет к снижению стоимости товаров и услуг, составляющих стоимость рабочей силы. Поэтому ее реальная динамика – рост или уменьшение – складывается как результат двух противоположных тенденций: с одной стороны – рост общественно-нормальных потребностей рабочих в товарах, услугах, в уровне образования и квалификации.

С другой – увеличение общественной производительности труда. Если темп увеличения в течение какого-то периода опережает темп роста потребностей, определяющих стоимость товара рабочая сила, то в данный период эта стоимость уменьшается. Преобладание противоположной тенденции может привести к росту рабочей силы.

Чтобы выявить динамику стоимости рабочей силы в определенный исторический период развития, необходимо провести социальное исследование взаимодействия указанных тенденций.

В современных условиях, под воздействием многих факторов, сложности труда и по степени использования их умственной и духовной энергии. Все это не может не сказываться на стоимости рабочей силы, нее вести к тому, что за средней ее величиной все увеличивающиеся различия по отраслям и сферам экономики.

Наряду со стоимостью другим важным свойством товара рабочая сила является его потребительная стоимость. Она выражается в том, что рабочий своим трудом способен создавать новую стоимость, причем большую, чем стоимость его рабочей силы. Потребительная стоимость товара рабочая сила находится в прямой зависимости от способностей рабочей силы. Потребительная стоимость подвержена историческим и социальным условиям. Один и тот же рабочий в разное время приобретает разную способность удовлетворять потребности в нем.

Покупателя товара «рабочая сила» интересует как стоимость, так и потребительная стоимость. В процессе обмена происходит взаимное удовлетворение потребностей продавцов и покупателей рабочей силы, одновременно происходит возрастание стоимости и возникновение капитала.

Эта концепция оправдывает себя с позиции исследования оптимального равновесия и повышения эффективности использования факторов производства, в том числе труд, и позволяет применять ее выводы на практике.

С позиции рынка рабочей силы при рассмотрении свойства товара рабочая сила необходимо использовать теорию предельного продукта. Предусмотрительный предприниматель должен продолжать наем рабочей силы лишь до тех пор, пока предельный продукт, производимый трудом, не окажется в точности равным заработной плате. Если уровень реальной заработной платы оказывается высоким, то он будет нанимать небольшое число рабочих, а если уровень заработной платы в стране, регионе упадет, то он получит возможность нанять большее количество рабочей силы.

При неизменности научно-технического прогресса труд будет доставлять все меньшее количество продукта. По мере нарастания затрат труда весь продукт возрастает, но его рост замедляется, так как действует закон уменьшающегося дохода. Концепция предельного продукта позволяет решить проблему максимизации прибыли и минимизации издержек.

Таким образом, из всего сказанного выше, можно сделать вывод о том, что у рабочей силы тесные и строгие рамки или границы потребительной стоимости и стоимости, которые определяют ее место в рыночных условиях воспроизводства.

У человека есть два главных свойства: способности и потребности. Труд – это проявление способностей. Необходимо создавать в стране условия для проявления и реализации способностей. Только в условиях уверенности в завтрашнем дне человек сможет развить свой творческий потенциал.

Процесс воспроизводства человеческого капитала как части национального богатства невозможен без соответствующих инвестиций. Инвестиции в человеческий капитал всегда предполагают стоимостной эффект для лица их осуществляющего.

Развитие экономики России и региона требует понимания того, что рабочая сила – это инвестиционный товар, вложение в который осуществляется надежде на отдачу в будущем. При этом действует закон снижающейся предельной отдачи: по мере роста знаний и навыков каждое следующее приращение делает все меньше вклад в увеличение производительности.

В условиях глобализации на развитие человеческого капитала играет образование, что требует определения экономической эффективности, вложений в себя со стороны рабочей силы при этом надо учитывать субъективные факторы: мотивацию, психологические особенности.

Сегодня интерес к проблеме рынка рабочей силы заставляет по-новому взглянуть на рассматриваемую проблему. Важно определить какой элемент структуры рынка рабочей силы является наиболее важным, чтобы экономически обоснованно воздействовать на этот процесс через механизм управления.

Причем движение рабочей силы необходимо рассматривать в контексте фаз воспроизводственного процесса. От этого значительно зависит действенность всех стимулирующих систем хозяйствования.

В условиях многообразия форм собственности вопрос о рынке рабочей силы и взаимосвязи его с предприятием может быть поставлен со всей очевидностью, так как именно в периоды реформирования экономики он влияет на социально-экономическое развитие страны.

Предприятие, являясь сложной социально-экономической системой, находится в состоянии поступательного развития. Процесс этот происходит во времени и пространстве, в него вовлекаются новые факторы и ресурсы воспроизводства, среди которых особое место занимает рабочая сила.

Важно подчеркнуть, что являясь местом постоянного возобновления процесса труда, предприятие требует в современных условиях скоординированности себя как системы и внешних условий воспроизводства.

Именно поэтому разработка общетеоретических и методологических аспектов, связанных с анализом индивидуального воспроизводства рабочей силы в системе конкретного предприятия, в рамках рыночных отношений сегодня имеет принципиальное значение с учетом всех проблем глобализации.

Так как рынок рабочей силы как система явление сложное и многогранное, в исследовании не ставилась задача рассматривать все процессы в целом. Сделана попытка показать место рынка рабочей силы в системе воспроизводства, в рамках конкретного предприятия, обозначив тем самым сущностные закономерные формы движения занятости и случайные, возникающие в результате специфики социально-политического подхода к регулированию данных процессов, не учитывая законов движения данного важного воспроизводственного ресурса общества.

В целом, исследование рассматриваемой проблемы позволяет сделать вывод, что в условиях информационного общества рабочая сила является важнейшим фактором воспроизводства национального богатства и его необходимым элементом.

МИР-СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В современной науке существует нестандартный подход к трактовке понятия, этапов и последствий современного мироустройства, но при этом дающий ответы на вопросы о неравенстве стран, называемый мир-системным, автором которого является американский философ, экономист и социолог И. Валлерстайн.

То, что сейчас принято называть глобализацией, говорит в одной из своих научных статей И. Валлерстайн, происходит уже около 500 лет.

Мир-системный подход был сформулирован И. Валлерстайном в научной работе «Современная мир-система» и в большом количестве научных статей. Как справедливо отмечает А.И. Фурсов «мир-системный анализ – это не просто сфера исследований, а научная парадигма» [1, с. 20].

Направление в науке, которое условно можно обозначить как мироведение, начало развиваться в 70-х гг. XX в. С 1945 по 1970 гг. мировое развитие сопровождалось подъемом в экономике (в рамках теории Н. Кондратьева), при этом с политической точки зрения США имели наибольший вес и значение в формировании мирового устройства (т.е. являлись страной-гегемоном). Французские исследователи называют этот период *les trende glorieuses* – славное тридцатилетие.

В конце 70-х годов XX в. наступило время, так называемого, спада в трендах мирового развития. Явно проявились актуальные негативные его аспекты: значительный разрыв в уровне жизни между населением благополучно развитых стран и остальных жителей планеты, и глобализация мировых процессов.

И. Валлерстайн отмечает, что толчком к созданию его авторской концепции мироустройства стали следующие дискуссии, имевшие место в научных кругах в период, названный выше «славным тридцатилетием»:

- появление концепции «ядро-периферия» и теории зависимости, разработанных для стран Латинской Америки специальной экономической комиссией ООН (ЭКЛА) под руководством Р. Пребиша;
- дискуссии ученых, сторонников коммунистического развития, по вопросу эффективности «азиатского способа производства» К. Маркса;
- дискуссии историков Западной Европы о путях перехода от феодализма к капитализму;
- французская школа «Анналов» добивалась победы своей концепции «тотальной истории» как во Франции, так и за рубежом [2].

Все эти дискуссии велись независимо друг от друга, но в целом их участники стали критиками существовавшей в то время структуры знаний.

Главным отличием мир-системного анализа от других способов анализа процессов, происходящих в мире, является собственно его объект – не отдельное государство или группа стран, находящихся на том или ином уровне экономического, политического или социального развития, но весь мир, взятый как единая система. До И. Валлерстайна вопросами анализа мирового устройства с точки зрения укрупненных структур занимались такие исследователи, как А. Тойнби, К. Куингли, У. Макнил.

При этом мировая система анализируется как капиталистическая мир-система или мир-система модернити. Она зародилась в XVI веке после эпохи Великих географических открытий. И в то время охватывала часть Европейских стран, а также частично страны Северной и Южной Америки.

Мир-система рассматривается как существующая длительный промежуток времени «интегрированная, то есть состоящая из взаимосотносящихся частей, ... и таким образом, системная, обладающая постигаемым способом функционирования целостность» [3, с. 376]. Она представляет собой, по мнению И. Валлерстайна, территориально-временное пространство, которое охватывает многие политические и культурные единицы. При этом вся ее деятельность подчиняется единым правилам системы [4, с. 75]. Наличие в ней экономических, политических и культурных сетей, позволяет удерживать ее в единстве.

Существует два типа мир-систем: мини-системы (представлены примитивными первобытными сообществами, экономические процессы в них построены на принципах взаимности) и мир-системы, разделенные на мир-империи (существовали с 8-го тыс. до н.э. до XV в. н.э.) и мир-экономики (существуют с XVI в. по сегодняшний день).

Сам термин «мир-экономика» является своего рода синонимом термина Ф. Броделя *l'économie-monde*, что в переводе с французского означает экономика-мир.

Предметом мир-системного анализа у И. Валлерстайна является капиталистическая мир-экономика. Ее суть заключается в безостановочном накоплении капитала, сопровождаемое последовательной и всеобъемлющей товаризацией. Согласно К. Марксу «движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса производства является возможно большее самовозрастание капитала...» [5, с. 372]. Современная мир-экономика является не первой за все время существования человечества, но при этом единственной, которой удалось просуществовать столь продолжительное время. Основоположники мир-системного анализа временные рамки существования определенной исторической системы считают одним из основополагающих моментов своей концепции и называют их *longue durée* [6, с. 77] – длительная протяженность. Кроме того, мир-экономика не обязательно является еще и единой политической системой. Суть структуры мир-экономики заключается в способе разделения труда.

В рамках мир-системного подхода автор делит все страны мира на страны центра (среди которых исторически выделяется одна страна гегемон), полупериферии и периферии. При этом И. Валлерстайн отмечает, что при делении стран подобным образом имеются в виду, прежде всего, производственные процессы, в них происходящие [7, с. 76]. Кроме того, концепция «ядра-периферии», по мнению авторов мир-системного подхода, является концепцией отношений, ранжированных по степени прибыльности производственных процессов.

В странах центра сконцентрировано высокотехнологическое и научное производство. Эти страны имеют возможность самостоятельно организовать и поддерживать капиталистическое производство. Это производство является монополизированным, а вследствие этого приносит сверхприбыль. Такие страны имеют возможность снижать производственные издержки за счет использования результатов капиталоемкого производства, расположенного в других странах. Исторически доказано, что существовали английская, французская, голландская, испанская и другие колониальные империи.

Как уже отмечено, среди стран центра особенно ярко выделяется страна-гегемон, которая благодаря своей экономической, политической и военной мощи диктует всем участникам капиталистической мир-системы правила проведения внешней, и зачастую и внутренней политики во всех сферах, в том числе и культурной, научной, образовательной. За время существования современной мир-экономики три страны примерили на себя роль гегемонов:

- в XVII в. – Голландия;
- в XIX в. – Британия;
- с середины XX в. по сегодняшний день – США.

Гегемония характеризуется следующими особенностями [8, с. 40]:

- 1) последовательность достижения и утраты гегемонии: агропромышленная сфера-торговля-финансы. Утрата финансовой гегемонии, как правило, ведет к утрате гегемонии вообще или близкому к этому состоянию;
- 2) политико-идеологическая защита странами-гегемонами «глобального либерализма», т.е. принципов равенства и свободного рынка;
- 3) военно-морское преобладание страны-гегемона;
- 4) гегемония складывалась в ходе войн.

Возвышение страны-гегемона определяется созданием более эффективного механизма производства и победой над другими странами-претендентами. И. Валлерстайн определяет состояние страны-гегемона как «квазимонополия на геополитическую власть» [9].

Деление стран на полупериферию и периферию не является абсолютно четким. Однако в странах этих групп располагается тяжелое и грязное производство, производится добыча полезных ископаемых, т.е. они обслуживают страны центра.

В странах полупериферии объединены функции как стран центра, так и стран периферии. Т.е. они являются эксплуатируемыми страной-гегемоном и другими странами центра, при этом сами участвуют в процессе эксплуатации стран периферии. Полупериферийная зона необходима для обеспечения плавного динамичного развития всей мир-экономики. И. Вал-

лерстайн доказал, что если бы такие зоны отсутствовали, то мир-экономика работала бы не хуже, но была бы менее политически стабильна [10, с. 44]. Главная задача правительств стран полупериферии – обеспечение таких условий и темпов развития своей страны, чтобы не стать периферией (негативный вариант) или переместиться в группу стран ядра (позитивный вариант). Именно для стран полупериферии наиболее характерна активная политика защиты интересов собственных производителей, т.е. политика протекционизма. И главными их производительными конкурентами являются не страны центра, а остальные полупериферийные государства.

Экономика и производство стран периферии почти полностью подчинена странам центра, и этим фактом обусловлены замедленные темпы их развития. Как отмечают А. Комлоши и Х. Хофбауэр «центр для своего функционирования нуждался в периферии и поэтому создавал ее в ходе своей эволюции» [11, с. 58]. Во время становления капиталистической мир-системы к этой группе стран справедливо относились страны Американского, Африканского и Австралийского континентов, частично страны Азии.

Существуют также страны из маргинальной зоны мир-системы (бедные страны Африки, Азии), которые на сегодняшний день имеют максимальную степень отставания в развитии и не имеют возможности для полноценного развития. В них сформирована трофейная экономика, способная произвести только необходимые для поддержания норм существования товары [12, с. 146].

Состав стран той или иной группы не является постоянным все время *longue durée*.

Впервые теории ядра-периферии была разработана экспертами ЭКЛА. Следует отметить, что подобная теория уже появлялась в 20–30-х гг. XX в. в Германии и Румынии. Однако только в середине века идея была досконально проработана. Суть ее заключается в «неравном обмене», то есть страны ядра, имея более серьезную экономическую и политическую власть, получают от мирового движения товаров и капитала гораздо большую выгоду, чем страны периферии [13, с. 66].

Как уже сказано выше, современная мир-система сложилась в XVI в. Вначале в нее была вовлечена только часть мирового пространства. В период, когда основными товарами выступали аграрные продукты и товары ремесленного производства, международная торговля осуществлялась в основном между странами Северо-западной Европы и близлежащими государствами. Восточная зона и страны Западного полушария стали странами периферии, специализирующимися на экспорте зерна, драгоценных металлов, хлопка, сахара и т.д. Европейское средиземноморье стало странами полупериферии (основой экономики стало производство шелка, кредитная деятельность, специи). Такая система, по И. Валлерстайну, называется *European World-System* или Европейская мир-система [14, с. 149].

Однако необходимость постоянного накопления капитала (что составляет суть капиталистической мир-экономики) стимулировало государства из группы «ядра» на постоянный поиск новых горизонтов «географических, психологических, интеллектуальных, научных» [15, с. 59]. При этом структура научного знания в то время предполагала разделение на три социальные сферы: рынок, государство и гражданское общество. Эти сферы научного знания было решено изучать в соответствии с их индивидуальными законами развития и не смешивать. Рынок должны были исследовать экономисты, государство – политологи, общественные процессы – социологи. Отдельное направление знаний составила история.

С развитием мануфактурного и появлением машинного производства масштабы торговли резко выросли, вследствие чего торговые связи со странами, ранее не игравшими особой роли в мировой торговле, вышли на первый план. По мере торгового охвата все больших территорий и насыщения их товарами и капиталами спрос на рынках естественным образом снижался. Стремясь снизить свои издержки, производители стран центра переносили свои производства туда, где затраты на них имели минимальную величину. Захваты новых торговых и производственных территорий, по И. Валлерстайну, происходили определенными этапами: 1450–1520, 1620–1660, 1750–1815, 1880–1900 [16, с. 125]. Таким образом, появлялись страны, являвшиеся периферийными. Исследовать процесс развития таких стран было невозможно в рамках существовавших наук, что привело к созданию антропологии и этнографии. Как правило, в странах периферии сохранялся аграрный тип экономики, они практически не участвовали в процессе международного разделения труда и, как уже было отмечено, использовались странами центра только как объект извлечения колониальной дани. Такая система, по И. Валлерстайну, получила название *Capitalist World-System* – капитали-

стическая миросистема. Существовало допущение, что у «примитивных» народов история развития появилась только с началом контактов со странами центра.

Кроме того, существовали еще и крупные восточные цивилизации, такие как Индия, Китай, различные арабские страны. Однако в XIX в. при наличии высоко развитой письменности, единого языка и религии, огромных территорий, в целом являясь высокоразвитыми цивилизациями» эти цивилизации стали уступать европейским странам в техническом и военном смыслах. Вследствие этого они были признаны учеными несовременными. Было определено, что их сложная традиционная культура делает невозможным дальнейшее движение к современности [17, с. 60–62]. Таким образом, в странах центра сложилась идея об уникальности их народов.

Периферизация мира была завершена в начале XX в. Были четко сформированы «мировое ядро» и «мировая периферия» [18, с. 32].

Мир-системный анализ идет по пути отказа от деления научного знания на отдельные дисциплины. Исторические процессы и их участники рассматриваются как составные части одной глобальной системы.

В середине XX в. появилась концепция «развития», объектом исследования которой являлись отдельные национальные государства, а суть заключалась в объяснении причин их неравномерного развития. То есть в теории утверждалось, что все страны идут по одинаковому пути развития, только в настоящий момент находятся в разных его фазах. Страна с наибольшим уровнем развития становится примером для всех остальных в стремлении к «политическому развитию», которое является последней фазой [19, с. 64]. Однако как показали исторические факты, так и не нашлось стран, которые смогли пройти полный путь по пути развития, перейдя из группы периферийных и группу ядра.

В качестве альтернативы описанной концепции А.Г. Франк ввел в научный оборот термин «развитие недоразвития». Этим термином отвергается идея об общем пути развития для всех стран и в качестве причин их недоразвитости рассматриваются процессы исторического капитализма.

Мир-системный подход И. Валлерстайна признает наличие эксплуатации (то есть не поддерживает концепцию позитивистской трактовки глобализационных процессов). «Капитализм использует не только присвоение собственником прибавочной стоимости, но и присвоение зоной сердцевины прибавочной стоимости, производимой в миро-экономике» [20, с. 37]. Современная неразвитость отдельных стран есть результат предшествующих исторических процессов и отношений, сложившихся между ними и странами центра. При этом неразвитость и эксплуатация являются важными характеристиками стран периферии, определяющими развитие капиталистической мир-экономики вообще.

Б. Кагарлицкий подтверждает своими исследованиями, что процессы эксплуатации периферии в разное время имели разный характер, и все это привело к тому, что разрыв между странами разных групп динамично увеличивается [21, с. 25].

В процессе развития капиталистических отношений мир-система активно внедряла разделение труда согласно логике центр-периферийных отношений.

Например, Н.В. Осокина справедливо отмечает, что мирокапиталистическое разделение труда между странами центра и странами периферии происходит в рамках «неэквивалентного обмена», что является следствием интернациональной эксплуатации [22, с. 4]. К началу XX в. для государств центра настал момент, когда стала необходима интеграция трудящихся в периферийных и полупериферийных зонах.

Для безостановочного накопления капитала его владельцам необходимо постоянно решать вопрос о снижении издержек производства: затрат на оплату труда, материальных затрат и налоги.

При этом практически единственным способом снижения издержек на оплату труда является перенос производства из стран центра в страны периферии, где исторически уровень цены труда значительно ниже. Процесс переноса производства является дорогостоящим, но максимально эффективным. Однако, как справедливо отмечает сам И. Валлерстайн, за время существования современной капиталистической мир-системы уже почти не осталось мест, куда можно переносить производство, поскольку делалось это за 500 лет неоднократно [23, с. 77].

Материальные издержки (на развитие инфраструктуры, утилизацию отходов, рекреационные процессы) в течение этого же времени активно экстернализовались, то есть пере-

кладывались на страны, где производство непосредственно организовано. В XXI в. с ростом движений за экологию в развитых странах крупному бизнесу приходится так же, как в случаях с рабочей силой, искать места на земле, где стремление к развитию производства выше стремления к сохранению природы. И где соответственно более низкий уровень налогового бремени. Таким образом, страны центра объективно эксплуатируют природные и трудовые ресурсы стран периферии.

Наиболее рациональным способ организации эксплуатационных процессов является создание монополизированных транснациональных цепочек, способствующих снижению издержек.

Ученые-марксисты определяют как синонимы понятие капитализм и конкуренция. Однако историческое развитие привело последователей мир-системного анализа к пониманию того, что именно в рамках капиталистических отношений монополии развиваются особенно активно. Ф. Бродель считал, что «капитализм – есть враг рынка» [24, с. 32]. Большинство сделок на современном мировом рынке представляет собой обмен между двумя промежуточными участниками, находящимися в длинной товарной цепи. Капитализм создает особые условия для монопольной борьбы, обеспечения ее устойчивого положения на внутренних и внешних рынках. Чем более монополизировано производство, тем дешевле оно обходится конкретной корпорации, тем выше ее сверхприбыль. Причем монополизация может поддерживаться как государственными методами (политикой протекционизма, например) – горизонтальная интеграция, так и в виде вертикальной интеграции товарных цепей.

Вертикальная интеграция товарной цепочки – это когда продавец и покупатель представляют собой одну и ту же компанию. Продавец может устанавливать конкурентно низкую цену на свою продукцию для себя-покупателя и тем самым выигрывать в борьбе с национальными производителями аналогичного товара. Именно такая вертикальная монопольная интеграция является, по мнению И. Валлерстайна, «статистической нормой исторического капитализма». Примерами могут служить привелигированные компании XVI–XVIII вв., торговые дома XIX в., транснациональные корпорации в современной экономике [25, с. 88].

Таким образом, в рамках эксплуатации одни страны получают выгоду, другие – упущенные возможности, функционируют своеобразные перераспределительные отношения.

Н.В. Осокиной в экономический оборот был введен термин миросистемной ренты, означающей преимущества стран из группы центра, возникающие в ходе создания ими препятствий для функционирования свободного рынка. Миросистемная рента является формой перехода прибавочной стоимости от производства в рамках цепочки периферия-полупериферия-ядро. Причем взимание такого вида ренты происходило на протяжении всего времени существования современной мир-экономики. Сначала в форме непосредственного вывоза ресурсов из колоний, сегодня в виде политики «снятия сливок» через мировой финансовый рынок.

Как следствие в ходе присвоения миросистемной ренты происходит накопление капитала и инноваций. При этом в странах периферии воспроизводится способность генерировать ее. Стимулирование периферии к такого рода воспроизводству осуществляется странами центра на основе принуждения за счет военного давления, пропаганды свободного рынка, политики принятия в мировую элиту периферийных деятелей, использование власти международных организаций.

А страны периферии получают миросистемную анти-ренту – это теоретическое выражение упущенной выгоды и прямых убытков, получаемых странами периферии в результате неэквивалентного перераспределения ресурсов [26, с. 9].

Причем негативный эффект от эксплуатации центром периферии может выражаться не только в прямом использовании ресурсов, но и в финансовой политике центра относительно развития национальной экономики других стран, что обуславливает для стран периферии технологическую и долговую зависимость.

Библиографические ссылки

1. Фурсов А.И. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. 312 с.
2. Валлерстайн И. Динамика глобального кризиса: тридцать лет спустя // Эксперт. 2009. № 35 (672)

3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ., под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 430 с.
4. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006. 276 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. Т.23.
6. Валлерстайн И. Миросистемный анализ.
7. Там же
8. Фурсов А.И. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа.
9. Валлерстайн И. Динамика глобального кризиса: тридцать лет спустя.
10. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире.
11. Периферизация Восточной Европы в исторической перспективе // Мировая экономика и международные отношения. 2008. №4.
12. Мегатренды мирового развития / под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. М.: Экономика, 2001. 201 с.
13. Валлерстайн И. Миросистемный анализ.
14. Зеленов Л.А. Современная глобализация: состояние и перспективы. М.: ЛЕНАНД, 2010. 304 с.
15. Валлерстайн И. Миросистемный анализ.
16. Patterns of Development of modern World-System: Research Proposal // Review. – Binghampton (N.Y.), 1977. Vol. 1, №2.
17. Валлерстайн И. Миросистемный анализ.
18. Фурсов А.И. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа.
19. Валлерстайн И. Миросистемный анализ.
20. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире.
21. Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М: Ультра, Культура, 2004. 125 с.
22. Осокина Н.В. Современный этап развития мировой экономики и Россия: миросистемный подход // Россия в контексте реалий глобальной экономики: сб. научн. трудов. Кузб. гос. техн. ун-т. Кемерово, 2007. 86 с.
23. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал, 2003. 145 с.
24. Фурсов А.И. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа.
25. Валлерстайн И. После либерализма.
26. Осокина Н.В. Современный этап развития мировой экономики и Россия: миросистемный подход.

Н. В. ОСОКИНА, Е. А. КАЛАШНИКОВА

*Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева,
г. Кемерово*

ИЗМЕНЕНИЕ ПРИРОДЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Среди современных проблем экономики одно из ведущих мест занимает обсуждение роли государства в условиях глобализации. Исходным пунктом любых размышлений на данную тему, с нашей точки зрения, должен стать ответ на вопрос: меняется ли природа национального государства? Мнения исследователей по данной тематике условно образуют несколько групп:

1. Одни ученые утверждают, что глобализация не привнесла в институт государственности существенных изменений. Внутри данной группы наблюдается раскол во мнениях.

1.1. Некоторые доказывают, что государство и в прошлом зачастую было стеснено определенными рамками. Так, Р. Гилпин отмечает, что глобалисты преувеличивают изменения, происходящие в отношениях между государством и экономикой. С его точки зрения, будет некорректным утверждать, что государства когда-либо обладали полной экономической свободой [1].

На первый взгляд, утверждения Р. Гилпина кажутся справедливыми. Однако условия, создаваемые глобализацией, привели к ряду качественных изменений мирового хозяйства, не наблюдавшихся на более ранних этапах исторического развития. Мы полагаем, что ставить их в один ряд с обстоятельствами предыдущих эпох нецелесообразно.

1.2. Вторая группа исследователей придерживается мнения, что государство в эпоху глобализации остается сильным и могущественным актором мировой экономики. Например, Д. Хелд и Э. Макгрю утверждают, что экономическая глобализация не обязательно означает уменьшение силы государства: она лишь меняет условия его функционирования, что не всегда связано с потерей автономности и суверенитета. Кроме того, они полагают, что политические и военные аспекты глобализации способствуют сохранению за государством ведущей роли на мировой арене [2, с. 220–243]. «Современная глобализация преобразует государственную власть и природу политического сообщества, но любое описание этого как простой потери или уменьшения национальных сил искажает происшедшее», – высказывается Д. Хелд [3, с. 397].

П. Хирст и Г. Томпсон придерживаются похожей точки зрения. По их мнению, глобализация не является абсолютной силой, ведь даже в периоды рецессии экономики G7 непосредственно не сталкиваются с острыми проявлениями социальных и экономических кризисов. Исследователи утверждают, что в ближайшем будущем международные отношения и международная торговля будут опираться на действия и политику национальных государств, подразумевая при этом, в первую очередь, США [4, с. 250, 253].

Подобная позиция представляется нам основанной на неверных предпосылках. Во-первых, в высказываниях ряда ученых, которые ее придерживаются, явно прослеживается сфокусированность на небольшой группе наиболее развитых стран, что, безусловно, искажает достоверность выводимых ими умозаключений. Во-вторых, представляется, что в данных работах смешиваются выводы по двум различным вопросам. Первый из них касается изменения (или сохранения на прежнем уровне) властных полномочий национального государства; второй относится к изменению (или сохранению) его значимости в качестве субъекта мирового хозяйства. Возможно именно поэтому, авторы, придерживающиеся озвученной точки зрения, зачастую противоречат сами себе. Тот же Д. Хелд в другой своей работе отмечает, что государственная автономия и суверенитет в условиях усложняющегося международного окружения урезается, причем в некоторых сферах – радикально: «Суверенитет сегодня следует понимать и изучать как ... власть, расчлененную между целым рядом национальных, региональных и интернациональных акторов» [5, с. 73].

К этой же группе мнений, с нашей точки зрения, можно отнести позицию российского ученого В.С. Загашвили, хотя он пользуется иной доказательной базой. «Трудно отрицать, что и сегодня государство обладает всей полнотой власти», – пишет исследователь, отмечая что «значение государства не нивелируется» в ходе развития глобализационных процессов. И если со второй частью его высказывания можно согласиться, то первую он неоднократно опровергает сам в рамках этой же статьи: «Создание меж- и наднациональных органов, делегирование им полномочий... стало условием эффективного осуществления права национального суверенитета... Конечно, при этом сужается автономность государств... Усиление роли транснациональных агентов в мировой экономике и тот факт, что отдельной стране... все труднее достичь намеченных целей, дают основание для утверждения об отмирании государства или, во всяком случае, об ослаблении его роли в современных условиях» [6, с. 46–47].

2. Принципиально иную позицию высказывает С. Стрэйндж, отмечая уменьшение государственной власти как минимум по трем направлениям, связанным с экономическим, политическим и военным аспектами глобализации. Деятельность государства ограничивается международными организациями, негосударственными субъектами мировой экономики, ТНК, военными блоками, глобальными рынками и пр. Каждый из них нарушает государственный суверенитет, в результате чего правительства теряют контроль над своей собственной экономической политикой и над своим экономическим будущим [7]. Похожая нить рассуждений прослеживается в работах японского ученого К. Омэ [8]. Созвучную точку зрения высказывает российский исследователь Ю. Шишков, отмечая, что одной из фундаментальных характеристик глобализации является «размывание и ослабление регулирующих функций национального государства» [9, с. 3].

Такое мнение наиболее близко и авторскому пониманию проблемы. Однако следует подчеркнуть, что с нашей точки зрения, тенденция к уменьшению власти национального государства вовсе не означает уменьшения его значимости как субъекта мировой экономики. Действительно, качественные изменения условий функционирования мирового хозяйства привели к специфическому изменению природы национального государства, заключающемуся в трансформации структурного соотношения между его полномочиями и обязанностями. Однако его роль по-прежнему значима, поскольку именно государство, с нашей точки зрения, должно являться субъектом обеспечения экономической безопасности.

Отметим, что отвлеченно рассуждая о будущем глобального управления, исследователи нередко выдвигают на первый план международные организации, интеграционные объединения, гражданское общество. Говорят и об угрозе перехода власти к ТНК. На долю же государства при этом выпадают задачи финансового обеспечения стратегических приоритетов развития, сглаживания «провалов» рынка и системных кризисов, поддержания экономической и социальной стабильности внутри собственных территориальных границ.

Но давайте обратимся к последнему мировому финансово-экономическому кризису, во время которого именно на плечи государства легла основная часть бремени по стабилизации ситуации. В зависимости от отдельных особенностей в разных странах огромную финансовую поддержку получали промышленность, сельское хозяйство, финансовая сфера и т.п. Поднялась волна протекционистских настроений. Активное вмешательство государства в экономику позволило минимизировать негативные последствия кризиса.

Какими же были действия других факторов мировой экономики?

Приходится констатировать, что международные организации не внесли существенного вклада в разрешение проблемы. Они лишь указывали на тот факт, что излишний протекционизм может принести вред, игнорируя то обстоятельство, что сам кризис приобрел всемирные масштабы благодаря всеобщей либерализации. По какой-то причине низкие темпы экономического роста мирового хозяйства (которые являются одним из самых часто называемых последствий активного вмешательства государства в экономику) рассматриваются как более негативная тенденция по сравнению с системными кризисами, которым современная мир-система становится подверженной в результате проведения либеральной политики.

Другие субъекты мирового хозяйства – ТНК – во время кризиса, не обремененные никакими социальными обязательствами, продолжали блюсти интересы своего собственного капитала. Данные по сотне крупнейших ТНК, представленные ЮНКТАД в 2012 г., свидетельствуют о том, что они сокращали свои капитальные затраты, делая выбор в пользу наращивания денежных средств. В результате в 2010 г. их объем достиг рекордного значения в 1,03 трлн. долларов США [10, с. 17]. Приведенные данные становятся особенно показательными, если сравнить их с кризисной политикой стран всего мира, когда правительства различных государств пытались стабилизировать национальные экономики путем увеличения государственных расходов и реализации программ, предусматривающих финансовые вливания в стратегически важные сферы хозяйствования и социальную поддержку населения.

Можно было бы предположить, что ТНК просто не имели возможности принять активное участие в разрешении проблемной ситуации, однако факты свидетельствуют об обратном. Глобализация привела к тому, что ТНК уже не являются единичными проявлениями либерализованной экономики. Их число за период 1970–2005 гг. возросло в 11 раз, причем наиболее активный рост был зафиксирован именно в период развития глобализации. Так, если в 1970 г. в мире насчитывалось порядка 7 тысяч ТНК, в 1990 г. – 24 тысячи, то в 2005 г. их было уже порядка 77 тысяч [11, с. 61]. По данным Доклада ЮНКТАД о мировых инвестициях, опубликованного в 2011 г., на долю ТНК в 2010 г. приходилась добавочная стоимость, эквивалентная четверти мирового ВВП, что составляет порядка 16 трлн. долларов США [12, с.14]. И подобная экономическая мощь, превосходящая силу некоторых отдельных национальных экономик, осталась «в стороне», переложив весь груз ответственности за нестабильность мирового рынка на государство!

М. Клинова пишет: «... государство в кризис аллегорически можно сравнить с пожарной командой, которая зачастую платит большую цену, чем те, кто пользуется ее помощью» [13, с. 20]. С нашей точки зрения, данное высказывание может быть расширено и распространено на государство, функционирующее в условиях глобализации в принципе. Создается впечатление, что государство, по многим параметрам лишаящееся действенных ры-

чагов власти и механизмов управления, по-прежнему остается ответственным за получаемый в итоге результат.

Современная научная мысль, допуская в некоторых ее проявлениях гипотетическую возможность разрушения государственного устройства мира, тем не менее, в целом останавливается на той точке зрения, что перспектива эта далека, туманна и носит вероятностный характер. В настоящее время не существует реальной альтернативы государственному вмешательству в экономику, поэтому на современном этапе развития мирового хозяйства представляется целесообразным уделять внимание проблемам государства, функционирующего в условиях глобализации. Мы полагаем, что исследование это должно проводиться по нескольким направлениям:

1. Выявление факторов, затрудняющих проведение эффективной государственной политики, направленной на обеспечение экономической безопасности национальных государственно-экономических систем.

2. Выявление сфер экономической деятельности, не поддающихся эффективному регулированию со стороны государства.

3. Подстройка существующих методов государственного регулирования экономики к реалиям современного мирового хозяйства с учетом выводов по результатам п.1 и п. 2.

4. Поиск и развитие новых методов государственного вмешательства в экономику, необходимость которых обусловлена качественным изменением внешних условий и невозможностью полного приспособления к ним существующих механизмов.

Библиографические ссылки

1. Gilpin R. The Challenge of Global Capitalism: The World Economy in the 21st Century. Princeton: Princeton University Press, 2000. 373 p.
2. Held D., McGrew A. The End of the Old Order? // Review of International Studies. 1998. vol. 24. No 5. P. 219–245.
3. Held D. Regulating Globalization? The Reinvention of Politics // International Sociology. 2000. vol. 15 (2). P. 394–408.
4. Hirst P., Thompson G. The Future of Globalization // Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association. 2002. vol. 37(3). P. 247–265.
5. Бек У. Что такое глобализация? / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; общая редакция и послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-традиция, 2001. 304 с.
6. Загашвили В.С. Государство на новом этапе экономической глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 5. С. 43–51.
7. Göksel N.K. Globalisation and the State. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/02/1.-NiluferKaracasuluGoksel.pdf> (дата обращения 07.03.2013).
8. Ohmae K. The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. New York: Simon and Schuster Inc., 1995. 214 p.
9. Шишков Ю. Государство в эпоху глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 1. С. 3–13.
10. World Investment report 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unctad-docs.org/files/UNCTAD-WIR2012-Full-en.pdf> (дата обращения 13.03.2013).
11. Либман А., Хейфец Б. Мировые процессы транснационализации и российский бизнес // Вопросы экономики. 2006. №12. С. 61–79.
12. World Investment report 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://unctad.org/en/docs/wir2011_embargoed_en.pdf (дата обращения 13.03.2013).
13. Клинова М. «Возвращение» государства: «скорая помощь» в кризис или устойчивая тенденция? // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 5. С. 18–31.

РОССИЯ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Современная форма глобализации не внушает никакого оптимизма в отношении будущего России. Отставание России от Запада по всем важнейшим параметрам научного и экономического развития и прежде всего по производству и продаже наукоёмких и информационных технологий, достигло огромных размеров [1, с. 168].

Такой учёный как А.Г. Мовсеян считает, что размер отставания по таким показателям, как программное обеспечение, количество персональных компьютеров, действующих информационных систем достигает двух-трёх порядков. Россия отстаёт не только от США и Западной Европы, но и от Южной Кореи, Тайваня, Гонконга [2, с. 25].

В.Г. Федотова отмечает, что Россия не принадлежит к числу незападных стран, входящих в мир глобальной экономики. В списке таких не западных стран, как Бразилия, ЮАР, Индия, Китай, Южная Корея, Мексика, включившихся теми или иными секторами экономики в глобальную экономику, Россия не числится. Пропуском в этот мир выступает не наличие богатых природных ресурсов и не масштабы производства вооружения, а широкомасштабное производство наукоёмких и информационных технологий, способных конкурировать на мировом рынке [3, с. 7–8].

Представляется, что Россия в настоящее время должна выйти на новый уровень взаимодействия между странами, включающий в себя два основополагающих принципа: бесконфликтность и равенство.

России уже сейчас необходимо принимать активное участие в глобализационных процессах [4, с. 164–165].

Первое и основное условие продолжения движения по своему пути состоит в сохранении своего экономического пространства. Только таким способом можно сохранить и политическое единство российского государства. Реальная угроза для целостности страны и её экономики заключается в том, что различные части России начинают всё более притягиваться к себе региональными экономическими объединениями – АТЭС, ЕС, объединением стран черноморского региона. Поэтому усиление региональных связей в ущерб единству хозяйственного организма ведёт к дальнейшему обособлению регионов друг от друга, к превращению страны в конгломерат отдельных полу самостоятельных регионов [5, с. 173].

Эту тенденцию пытаются использовать отдельные политические деятели США, которые прямо говорят о необходимости оказывать помощь только отдельным регионам России и перестать рассматривать её в качестве единого целого [6, с. 6].

Ближайшей важнейшей целью страны, по мнению многих учёных, должно стать формирование единого евразийского геоэкономического пространства, к примеру, на базе реконструкции нынешней транссибирской железной дороги в современную трансевразийскую магистраль, которая свяжет в единое целое Европу и Азию – от Рима, Парижа и Мадрида до Токио, Пекина и Сеула [7, с. 173].

Россию сегодня можно назвать противоречивой страной.

Противоречия между падением экономической роли государства и усилением влияния криминально-мафиозных структур, между ростом экспортно-ориентированных отраслей экономики и низким уровнем современной наукоёмкой продукции, между богатыми собственниками и бедными слоями, составляющими 4/5 населения страны, между засильем западной массовой культуры и упадком отечественной культуры, между навязанной западной моделью политического устройства власти и отечественными державными и коллективными традициями. Эти конкретные противоречия отражают столкновение между культурно-исторической, цивилизационной основой российской жизни и агрессивной глобализацией мира, ведущейся США и Европейским союзом [8, с. 180].

Можно согласиться с мнением А.А. Малиновского о том, что Россия стала средоточием негативных процессов глобализации мировой экономики [9, с. 27].

В первую очередь – это столкновение Севера и Юга. На мировой арене Север – это высокоразвитые, богатые и сильные. Юг – это та часть незападных обществ, значительная часть

бывшего третьего мира, которая отброшена назад в результате глобализационных процессов последних десятилетий [10, с. 180].

А.И. Неклесса отмечает, что Россия – это удивительный континент, парадоксальным образом соединяющий в себе структурные черты как сырьевого Юга, так и высокотехнологичного Севера [11, с. 208].

В российской действительности – это расслоение общества на слой крупных предпринимателей, менеджеров, владельцев банков, акционерных обществ, средств массовой информации, а также их интеллектуальную и иную службу, живущих в мире больших денег, информационных и финансовых технологий. Бедные – это основная масса населения.

Разрыв между сильными и богатыми, с одной стороны, слабыми и бедными – с другой, достиг в России невероятных размеров, что ставит страну в один ряд с самыми коррумпированными государствами Африки. Неожданное появление в стране слоя богатых порождено прямым влиянием западных идей.

Социальная политика государства отличается прагматизмом, призванным не допустить социальных взрывов. Но о духовных этой политики пока говорить не приходится. То, что раньше выступало как стратегические цели государства (здравоохранение, охрана материнства и детства, жилищный вопрос, образование) всё больше превращается в разновидность платных услуг, предоставляемых населению частным бизнесом [12, с. 180].

Комплекс социальных противоречий выступает лишь одним из противоречий между Западом и остальным не западным миром. Всё более зримыми становятся социокультурные противоречия между западной цивилизацией и другими не западными цивилизациями. С одной стороны, идут реальные процессы становления единой общечеловеческой, общепланетарной культуры и одним из её элементов становится признание значимости рыночных отношений в экономике. Но перспективы превращения всего общества в рыночное общество всё больше отвергается не западным миром.

Несмотря на все попытки западных стран сбросить свои противоречия вовне, они оказываются всё менее успешными. Социальное расслоение в западных странах становится всё более заметным. Продолжается наступление на социальное государство, которым так гордился Запад до начала 1990-х гг. Возросшее неравенство между бедными и богатыми странами привело к огромному росту миграции в западные страны, с которой они вряд ли смогут справиться. Всё это вызывает рост межэтнических противоречий и как ответное явление – рост национализма в странах Запада [13, с. 182].

Современные реалии внутренней и международной жизни требуют новой самоидентификации России, которая должна задать основу её стратегии включения в глобализацию.

Россия оказалась перед непростым выбором: либо оказаться в последних рядах глобалистов, либо войти в первую тройку (наряду с Китаем и Индией) лидеров антиглобализма, которых поддерживают не менее 90% населения планеты. Ситуация усугубляется тем, что если экономические интересы страны связаны с глобалистами, то её политические партнёры в основном находятся в лагере противников [14, с. 165].

Реакция общества на вхождение России в процесс глобализации неоднозначна. Оппоненты этого решения полагают, что глобализация грозит потерей государственного суверенитета и иностранным вмешательством во внутренние дела страны, усилит американское влияние в мире, что глобализация грозит потерей государственного суверенитета и иностранным вмешательством во внутренние дела страны, усилит американское влияние в мире, что вынудит и другие страны пойти на уступки США. Немалое число и полагающих, что сам по себе процесс глобализации оторван от российских реалий, а потому он и не принесёт России пользы.

Наиболее непримиримые противники глобализации утверждают, что глобализационный проект является изощрённой формой геноцида россиян. За глобализацией им видится угроза не только национальной безопасности России, но и деградация общественного сознания, падение морали и нравственности, постепенная утрата национальной идентичности.

Участие Российской Федерации в построении единого мирового сверх государства, считают сторонники такой радикальной точки зрения, не соответствует исторической миссии России, условием которой является её возврат к собственным традиционным принципам национального бытия. Будущее России как суверенного государства, считают они, – в опоре на интеллектуальный и культурный потенциал, исторически устойчивые формы государственности, на собственные ресурсы.

Неоднозначное к проблеме глобализации и в среде представителей науки [15, с. 166].

Так, А.Д. Шутов полагает, что с учётом снизившегося экономического и военного потенциала России, уровня её политического влияния, целесообразно ограничить её участие в решении глобальных проблем, а сосредоточиться на решении внутренних задач по возрождению социально-экономического и оборонного потенциала. Россия – самодостаточное государство, и надо всемерно использовать её богатые внутренние резервы для подъёма экономики и возрождения страны. Международный опыт опоры на собственные силы, с учётом материальных и интеллектуальных возможностей страны, наиболее применим к нашему Отечеству [16, с. 192].

Я разделяю точку зрения учёного, поскольку считаю, что необходимо использовать все имеющиеся возможности для развития России, причём их использование должно дополнять друг друга, наряду с природным необходимо использовать человеческий потенциал.

Что же касается стратегии участия в процессе глобализации, то в России она ещё в полной мере не определена.

Задача состоит в том, чтобы сформулировать и на государственном уровне принять нормативно-правовые документы, определяющие доктрину российской глобализации. При этом стоит учесть, что на сегодня одной из главных опасностей для национальной безопасности России является стремление определённых кругов общества отказаться от национальных интересов ради надежды на равноправное сотрудничество с США.

Сегодня глобализация стала той силой, которая повлияет на весь дальнейший ход развития планеты, затронет практически все стороны жизни мирового сообщества, которое под воздействием глобализации рынка, растущей взаимозависимости регионов и государств, межнациональных социальных движений, новых видов транспорта, телекоммуникационных технологий и интернационального образования, уже меняется [17, с. 167].

В настоящее время одной из главных задач России является сохранение своего национального и культурного пространства, причём это пространство должно развиваться не изолированно, а согласовываться с процессами, происходящими в мире.

Библиографические ссылки

1. Шевченко В.Н. О духовных ориентирах российской власти в эпоху глобализации. Духовное измерение современной политики. М.: Эксмо, 2003. 460 с.
2. Мовсеян А.Г. Современные тенденции становления информационного общества // Россия и современный мир. 2001. № 2.
3. Федотова В.Г. Россия в глобальном и внутреннем мире модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. М.: 2002. 590 с.
4. Дзлиев М.И. Национальная безопасность в глобализирующемся мире. Глобальные процессы и устойчивое развитие: сб. статей / отв. ред. А.Д. Урсул. М.: Изд-во РГТЭУ, 2011. 680 с.
5. Шевченко В.Н. О духовных ориентирах российской власти в эпоху глобализации. Духовное измерение современной политики.
6. Кузнецов Е. Война и мир // Независимая газета. 2001. № 5.
7. Шевченко В.Н. О духовных ориентирах российской власти в эпоху глобализации. Духовное измерение современной политики.
8. Там же.
9. Малиновский А.А. Глобализация как цивилизационный процесс // Россия и современный мир. 2001. № 2.
10. Шевченко В.Н. О духовных ориентирах российской власти в эпоху глобализации. Духовное измерение современной политики.
11. Неклесса А.И. Постсовременный мир в новой системе координат. Глобальное сообщество: новая система координат. СПб., 2000. 620 с.
12. Шевченко В.Н. О духовных ориентирах российской власти в эпоху глобализации. Духовное измерение современной политики.
13. Там же.
14. Дзлиев М.И. Национальная безопасность в глобализирующемся мире.
15. Там же.
16. Шутов А.Д., Романенко В.И. Проблемы безопасности России // Дипломатический ежегодник. 2000.
17. Дзлиев М.И. Национальная безопасность в глобализирующемся мире.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ

Глобализация – это слово сейчас звучит во всех СМИ; ей посвящают конференции, дискуссии, круглые столы, книги, статьи и даже целые сайты. Тональность выступлений изменчива от «спасайся, кто может» до *«Я абсолютно убежден в том, что то движение по направлению к глобализации, которое мы наблюдаем на протяжении последних лет, является примером замечательного триумфа человечества. Сотни миллионов людей вышли на свет и освободились от пут нищеты. Сегодня для них открываются возможности жить более цивилизованно, более комфортно. Открываются те возможности, которые раньше для них были абсолютно закрыты. Их жизнь становится более полной. И это, по моему мнению, величайшее достижение»* [1].

Для того, что бы говорить о Глобализации, надо определиться, что же это такое.

Бринк Линдси приводит такие рассуждения по этому поводу: *«Я полагаю, что лучше всего можно понять, что такое глобализация (если быть более точным, экономическая глобализация), рассматривая три её аспекта. Во-первых, нужно назвать увеличение степени экономической интеграции, которая не знает государственных границ. Второй фактор — это падение и уничтожение барьеров, которые стояли на пути международной торговли и международных инвестиций. И в-третьих, наблюдается всеобщая, глобальная тенденция к сближению рынков и государственных институтов»* [2].

А вот мнение Вячеслава Игрунова: *«глобализация – это отнюдь не только экономика...*

...Глобализация – это, прежде всего, изменение образа жизни. Это – изменение информационных потоков. Это – открытие или столкновение разных групп людей, которые до сих пор не сталкивались друг с другом, а подчас даже не знали о существовании друг друга. Сейчас это происходит в очень интенсивном режиме.

Грубо говоря, глобализация – это состояние, в котором у каждого субъекта общественной, политической, экономической жизни вдруг появилось несметное количество партнеров. Тех, с кем вы вступаете в контакт» [3].

А вот точка зрения Михаила Делягина: *«Глобализация представляет собой процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных, технологий»* [4].

Из приведённых выше мнений, ясно, что нет не то, что одного определения термина «глобализация», но нет даже однообразного понимания того, какие процессы включает в себя глобализация: для кого-то это чисто экономическое понятие, для кого-то информационное.

«Глобализация» – термин политологии, ставший достоянием сознания интересующихся политикой и экономикой в последние годы XX столетия. «Глобализацией» стали называть совокупность экономических и общекультурных явлений, которые воздействуют на исторически сложившиеся культуры проживающих в разных регионах народов (включая и их экономические уклады), отчасти разрушая их, а отчасти интегрируя их в некую – ныне пока ещё только формирующуюся – глобальную культуру, которой предстоит в исторической перспективе объединить всё человечество.

Этот процесс объективен, то есть не зависит от нашего желания. Он есть.

Из вышесказанного однозначно следует, что:

Глобализация – это процесс концентрации (сосредоточения) управления производительными силами человечества [5].

Некоторые исследователи, и среди них наш земляк Виталий Сорокин, считают, что процесс глобализации начался около 50 лет назад, Бринк Линдси приводит цифру 150 лет, так или иначе, они сходятся во мнении, что этот процесс в самом начале. Но на самом деле, это не так. Глобализация – это древний процесс, и начался он как только страны и народы в ходе истории стали вступать между собой во взаимодействие.

Не смотря на объективность процесса глобализации, им как и любым другим можно управлять. А управление всегда носит субъективный характер, выражая волю того субъекта, который осуществляет управление чем-либо (автомобилем, заводом, областью, страной,

человечеством), преследуя при этом свои цели управления. Кто первым в истории понял это, тот и разработал концепцию управления глобализацией. «Концепция» – система взглядов на что-либо. Применительно к жизни людей это «замысел жизнеустройства». И есть только два замысла, две концепции управления обществом:

1. Справедливая нравственная концепция. Концепция (замысел) жизни людей в ладу с Законами Вселенной, с Законами Природы, а также с тем, что всегда люди называли Богом, Божьим ПроМыслом. Это концепция добро-нравия, концепция Богодержавия на Земле.

«...да будет воля Твоя и на Земле, как на Небе» (Евангелие, Мф.6:10);

«...и пусть будет среди вас община, которая призывает к добру, приказывает одобренное и удерживает от неодобряемого. Эти — счастливы» (Коран, 3.100).

2. Несправедливая безнравственная концепция, когда одни господствуют над другими. Её принцип управления «разделяй и властвуй!» А основная цель: установление на планете своего «мирового порядка». Фактически это устройство рабовладельческого общества, которое в ходе истории постоянно совершенствовало, не меняя сути, а меняя лишь названия. А суть такая: наверху – горстка рабовладельцев, чуть пониже – куча надсмотрщиков, внизу – масса рабов.

Удержание в повиновении миллионов людей в этой пирамиде достигалось путём дозированной выдачи знаний в разные слои общества. «Каждый сверчок – знай свой шесток!»

Во исполнение этой концепции, надгосударственное управление подчиняло себе различные страны. Межгосударственные войны и культурное сотрудничество через торговлю, «институт невест», религии, идеологии – вот краткий перечень методов подчинения. Этот процесс глобализации шёл тысячелетия.

На данный момент, глобализация вступает в завершающую стадию и последствия управления этим процессом по безнравственной концепции, становятся всё более и более заметны. И это отражено в выступлениях многих исследователей данной проблемы. Так Николай Паклин в статье «Что несёт людям глобализация?», отвечает на поставленный вопрос так: «...усиление социального неравенства. Испанский философ Фернандо Саватер охарактеризовал этот процесс как "скандальную диспропорцию, больше всего подрывающую безопасность в мире"» [6].

В какой-то степени, с этим нельзя не согласиться: Земля и человечество – это как подводная лодка с экипажем. Каждая страна – отсек. Каждый отсек служит для обеспечения определённых функций и задач. Отсеки пронизаны трубопроводами газа, нефти, линиями связи, электричества, Интернета, торговли, туризма. И попытки устроить «счастливую жизнь» в одной своей отдельно взятой стране (отсеке) к успеху не приведут потому, что в отношении каждой страны коллектив «сборочного цеха» – мировая финансовая мафия глобализаторов – имеет свои, вполне конкретные глобальные цели. На кон поставлен вопрос выживания. Природные (минеральные) ресурсы планеты Земля ограничены и исчерпаемы. В этом смысле глобализация в нынешнем виде – это борьба за контроль и распределение ресурсов в пользу небольшой группы населения планеты за счёт и в ущерб большинства стран и народов планеты.

Что же ожидает Россию в случае реализации этой безнравственной концепции? Ответ на это дал экс-Премьер-министр Великобритании Джон Мейджор: «...задача России после проигрыша холодной войны – обеспечить ресурсами благополучные страны. Но для этого им нужно всего пятьдесят – шестьдесят миллионов человек» [7]. И это не смотря на то, что — как справедливо отметил Дмитрий Медведев, – в России наблюдается «очевидная диспропорция между размерами нашей страны и численностью её населения» [8].

Как мы видим, для России, места в таком мире нет. Для России предусмотрена роль ресурсной базы Запада. А ресурсы – это не только полезные ископаемые, но ресурсами являются и сами люди, так называемые трудовые ресурсы. Именно в силу этого наиболее подготовленных высококлассных специалистов из России в массовом порядке вывозят на Запад («утечка мозгов»), а для оставшегося населения предусмотрена роль горняков, нефтяников и т.п. Но при этом, наша «элита» и управленческая и финансовая и научная, которая готова работать на интересы Глобализаторов до последнего русского, этим Глобализаторам совсем не нужна: у них своих надсмотрщиков, воспитывавшихся не одно поколение, хоть отбавляй! И эту перспективу увидел Вячеслав Игрунов, в связи с чем предложил единственный адекватный, по его мнению, вариант: возглавить процесс глобализации.

Но! Кто сказал, что для человеческой цивилизации, этот вариант более приемлем? Что так будет лучше? Ведь на протяжении последних десятилетий, наша «элита», раз от разу подтверждает, что она даже с собственным народом с трудом справляется. Не может удержать свою власть в руках, даже в собственной стране! Что же будет с человечеством, если процесс по его объединению возглавит ни к чему не приспособленная «элита»? К тому же не способная предъявить никакой альтернативы другим народам Земли, кроме той, что уже реализуется? Не думаю, что будет лучше. И конечный результат для человеческой цивилизации будет один и тот же: гибель. Для того, чтобы этого не произошло, прежде чем возглавить процесс глобализации, надо выработать новый Справедливый Замысел Жизнеустройства и адекватные механизмы его реализации, после чего – огласить его. Только в этом случае население Земли сможет выбирать, что ему подходит больше, и какова роль России в этом процессе будет в будущем.

Библиографические ссылки

1. Линдси Б. Глобализация: развитие, катастрофа, и снова развитие. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-civil/globaliz/1147892963.html> свободный (дата обращения: 04.05.2013).
2. Там же.
3. Игрунов В. У нас есть лишь один путь – стать лидерами. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-civil/globaliz/1144838447.html> (дата обращения: 04.05.2013).
4. Делягин М. Россия в условиях глобализации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://scenario.ng.ru/interview/2001-04-11/1_russia.html свободный (дата обращения: 04.05.2013).
5. Пчеловод В.В. Последний гамбит. СПб., 2002. С. 194.
6. Паклин Н. Что сулит России глобализация. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rg.ru/anons/arc_2000/0208/33.htm (дата обращения: 04.05.2013).
7. Малишевский Н. Экономическая война за новый мировой порядок. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.km.ru/spetsproekty/2013/01/29/istoria-khkh-veka/702642-ekonomicheskaya-voyna-za-novyi-mirovoi-poryadok> (дата обращения: 04.05.2013).
8. Медведев Д.А. Человеческий капитал в стратегии национального развития // Стратегия России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sr.fondedin.ru/new/admin/print.php?id=1177590668&archive=1177590905> (дата обращения: 04.05.2013).

Я. В. ТРОФИМОВА

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ СТАНДАРТЫ

Пострецессионный период требует от промышленных предприятий нового осмысления подходов к конкурентоспособности. Глобализация, будучи характеристикой мировой экономики и отдельных отраслей (нефте- и газодобыча, авиастроение и т.д.), становится одной из основных стратегий развития компаний. Стратегия глобализации заключается в определении общих, не зависящих от особенностей отдельных стран характеристик рынков и целевых групп потребителей. Она предполагает централизованное принятие решений и стандартизированный подход к продукции, технологиям, производственным процессам, установление единых общемировых требований к системам управления качеством, в том числе системе экологического менеджмента. Теодор Левитт писал: «Мир – это рынок, люди, независимо от места их проживания, хотят иметь одинаковые продукты и стиль жизни. Глобализированные предприятия должны забыть о разнице между странами и культурами и сконцентрироваться на удовлетворении универсальных потребностей» [1]. Однако данная стратегия не учитывает национальные особенности стран. Формируется большая идентичность

вкусов и предпочтений потребителей разных стран. Этому способствуют глобальные средства связи и возросшая мобильность людей.

Наряду со стратегией глобализации в условиях «новой нормальности», сформировавшейся в ходе великой рецессии, должны сохраняться децентрализованное принятие решений, организация производства по модульному принципу и локальные стратегии, где освоение зарубежных рынков не отрицает их национальных особенностей. Цель – через увеличение операционной гибкости управления добиться роста эффективности производства.

По мнению экспертов Ernst&Young разумное сочетание обеих стратегий становится необходимым [2]. Данный подход иначе «глокальная стратегия» («думайте глобально, но и локально», согласно Ф. Котлеру) особенно актуален для компаний в многонациональных регионах, таких как Республика Башкортостан. Башкирские предприятия пытаются активно сотрудничать с зарубежными партнерами. Уфимский моторостроительное производственное объединение изготавливает двигатели не только для российских самолетов семейства Су и комплектующие для вертолетных двигателей, но и поставляет детали двигателей для «Pratt&Whitney Canada». Причины перехода к сочетанию стратегий обусловлены современным экономическим ландшафтом: рост конкуренции на глобальном и локальных рынках; динамичность и неустойчивость рынков; сокращение жизненного цикла товаров; падение доходности бизнеса; ограниченный доступ к капиталу, квалифицированным кадрам; ужесточение законодательства, в том числе в области экологических стандартов. Международная производственная кооперация вынуждает непрерывно учитывать изменения в технологии, национальных и международных стандартах.

В условиях рецессии перед компаниями вновь возникают вопросы поиска путей роста конкурентоспособности прежде всего за счет внутренних источников, таких как снижение уровня затрат и повышение качества выпускаемой продукции. В этой связи особую актуальность приобретают новые подходы к экономичному использованию сырья, материалов, переходу на менее затратные технологии производства. Предприятия пытаются решить данные проблемы через внедрение экологических стандартов. Общей единой классификации данной группы стандартов нет. Разнообразие систем национальных экологических стандартов, действующих в большинстве стран, выступает следствием их социально-экономического, политического, исторического развития.

По нашему мнению, экологические стандарты допустимо классифицировать по следующим критериям: объект стандартизации и уровень распространения стандартов. Так, по первому критерию можно назвать стандарты качества окружающей среды (например, стандарты качества воздуха, воды, шума, вибрации, неприятных запахов, или иначе нормативы предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ в окружающей среде); товарные стандарты (стандарты на продукцию, которыми могут определяться предельные уровни содержания загрязняющих веществ, свойства и характеристики конструкции изделия, способы использования; стандарты на работы и услуги); технологические стандарты (конструкционные и эксплуатационные спецификации на средства производства) и стандарты «межрегиональной диффузии» (определяют объем загрязняющих веществ, выносимых за пределы региона на определенный промежуток времени).

Стандарты качества окружающей среды устанавливают юридически обязательные предельные уровни загрязнения или неблагоприятных воздействий, которые не должны превышать в данной среде или ее компонентах. Эти стандарты были впервые использованы в США в начале 1970-х гг. в Федеральных законах о качестве воздуха и о качестве вод. В соответствии с Законом 1970 г. о чистом воздухе стандарты вводятся на уровне штатов в планах мероприятий по соблюдению национальных стандартов качества воздуха (НСКВ) и распространяются на действующие и новые источники загрязнения воздуха. В поправках 1977 г. к этому закону НСКВ подразделяются на первичные и вторичные. Первичные устанавливают предельно допустимые количества (ПДК) химических веществ в атмосфере в интересах охраны здоровья населения, вторичные вводят предельно допустимые уровни загрязнения (ПДУ), достаточные для охраны природной среды и «общественного благосостояния» от реальных и потенциальных последствий загрязнения. Стандарты качества окружающей среды существовали и в странах Восточной Европы, но не соблюдались в силу отсутствия соответствующих законодательных механизмов. Традиционными стандартами качества окружающей среды являются стандарты качества воздуха и вод, шума и вибрации, неприятных запахов.

Товарные стандарты – стандарты на продукцию, обычно общенациональные, которыми могут определяться: предельные уровни содержания загрязнителей или неблагоприятных воздействий в составе продукта; свойства и характеристики конструкции товара; способы использования продукции. Товарные стандарты используются для запрета или ограничения производства экологически вредной продукции. В случае необходимости в них также включаются правила тестирования, упаковки и маркировки продукции.

Технологические стандарты представляют собой спецификации экологического характера для средств техники, оборудования технологических процессов и т.п. Они могут быть конструкционными и эксплуатационными.

Стандарты межрегиональной диффузии определяют объем загрязняющих веществ, выносимых за пределы региона за определенный промежуток времени.

В основе системы контроля и надзора за уровнем выбросов в РФ лежит принцип установления предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ: для предприятий устанавливаются нормативы допустимого воздействия на окружающую среду (выбросы, сбросы, отходы) либо лимиты выбросов и сбросов, утверждаемые вместе с планами по реализации природоохранных мероприятий. За превышение допустимых нормативов предприятие уплачивает штраф в пятикратном размере, за превышение лимитов – в двадцатипятикратном. Действующая система контроля не создает реальных стимулов у производителей для перехода к новым, обычно крайне дорогостоящим технологиям производства и утилизации отходов, выбросов и т.д., поскольку предприятиям – нарушителям дешевле заплатить штрафы.

В странах ЕС крупные промышленные предприятия должны иметь комплексное разрешение, где указываются уровень сбросов, выбросов, отходов и содержится план мероприятий по снижению уровня воздействия на окружающую среду, при этом учитываются показатели наилучших доступных технологий по отрасли, во внимание принимаются экономические, технические, территориальные возможности конкретной компании. Справочники показателей и открытое обсуждение параметров комплексного разрешения создают основу для индивидуального подхода к конкретному производству и выбору оптимальной для него природоохранной нагрузки, мотивируют производителей к внедрению новых экологических, энергоэффективных производств, содействуют системе комплексного контроля и предотвращения загрязнения окружающей среды. Налажена система непрерывного инструментального контроля источников выбросов и сбросов [3, с.92].

Попытки российского законодательства в данной сфере сводятся пока к копированию западных законодательных актов и предусматривают переход от действующей системы нормативов к системе нормирования на основе показателей наилучших доступных технологий, не учитывая отсутствие в стране инструментального мониторинга выбросов и подготовленных специалистов. Обсуждаемые законопроекты включают два способа экономического стимулирования предприятий: ускоренная амортизация при реализации проектов природоохранной направленности и зачет расходов природоохранного характера в счет платы за негативное воздействие на окружающую среду.

В соответствии с Законом РФ «О стандартизации» по критерию – уровень распространения стандартов можно выделить международные, национальные (региональные), отраслевые стандарты и стандарты предприятий [4].

Государственные (национальные) стандарты разрабатываются на продукцию, работы и услуги, имеющие межотраслевое значение. Стандарты отраслей могут разрабатываться и приниматься государственными органами управления в целях обеспечения требований безопасности продукции, работ и услуг для окружающей среды, жизни, здоровья в имущества, применительно к продукции, работам и услугам отраслевого значения. Стандарты предприятий разрабатываются и утверждаются предприятиями самостоятельно, исходя из необходимости их применения в целях обеспечения требований безопасности продукции, работ и услуг для окружающей среды, жизни, здоровья, а также в целях совершенствования организации и управления производством.

Международные экологические стандарты включают в себя следующие группы стандартов: общепромышленные (универсальные) экологические стандарты ISO 14000 и ISO 50001; специализированные стандарты в области экологии (например, EMAS – схема экологического менеджмента и аудита применима только для предприятий отдельных отраслей, в частности, обрабатывающей промышленности, электроснабжения, газо- и водоснабжения, по удалению отходов; в сфере строительства действуют три группы экостандартов – LEED

(США), BREEAM (Великобритания), DGNB (Германия)); экологические директивы Европарламента.

Стандарты ISO серии 14000 носят добровольный характер. Они вводят понятие и принципы системы экологического менеджмента (Environmental Management System EMS); инструменты контроля и оценки; стандарты, ориентированные на продукцию. Система EMS предлагает системный и попроцессный подходы к управлению предприятием. В России стандарт ISO 14001:2004 принят за основу национального стандарта ГОСТ Р ИСО 14001-2007 и полностью ему соответствует [5]. Международный стандарт ISO 50001 устанавливает требования, предъявляемые к энергетическому менеджменту предприятия, и определяет стратегию управления компанией, направленную на повышение энергоэффективности производства. Система экологического менеджмента – часть всей системы менеджмента организации, призванная помочь организации сформулировать экологическую политику. Главная цель построения Системы Экологического Менеджмента в соответствии с требованиями международных стандартов серии ISO 14000 – защита окружающей среды от воздействия внешних хозяйственных факторов и улучшение экологической обстановки при одновременном увеличении объемов производства, снижении расходов сырья и материалов, экономии энергоресурсов, улучшении качества продукции. Общие положения этих стандартов состоят в том, что в компании должны быть подготовлены специальные документы, проведены конкретные процедуры и назначены ответственные за определенную область, напрямую связанную с природоохранной деятельностью.

Дополнительно к требованиям стандарта ISO 14001:2004 действует EMAS «Схема экологического менеджмента и аудита», которая предписывает организациям проведение официального предварительного экологического анализа и публикацию экологического отчета, чтобы информировать общественность, акционеров и все заинтересованные стороны о задачах управления охраной окружающей среды и их выполнении на предприятии. Схема экологического менеджмента и аудита EMAS применима только для отдельных предприятий; в частности, для предприятий обрабатывающей промышленности, электро-, газо- и водоснабжения, по удалению отходов.

Документы, входящие в систему стандартов ISO 14000 можно условно разделить на три основные группы: принципы создания и использования систем экологического менеджмента (EMS); инструменты экологического контроля и оценки; стандарты, ориентированные на продукцию. В трех названных областях разработаны и разрабатываются следующие документы, представленные в Таблице 1.

Определяющим документом стандарта считается документ ISO 14001 «Спецификации и руководство по использованию систем экологического менеджмента». В отличие от остальных документов, все его требования на соответствие либо несоответствие для конкретной организации могут быть установлены с высокой степенью определенности. Все остальные документы рассматриваются как вспомогательные.

Основное назначение экологических стандартов – уменьшение неблагоприятного воздействия на окружающую среду на уровне предприятий (путем развития экологического поведения компаний) и стран (через создание дополнительной компоненты сравнимой государственной экологической политики и улучшение условий международной торговли).

Система экологического менеджмента на предприятии предполагает соответствие системы управления общим требованиям, установленным ISO 14001: наличие экологической политики, экологических целей и задач, программы экологического менеджмента, разработка и реализация процедуры определения значимых воздействий на окружающую среду, создание структуры ответственности, обучение персонала, мониторинг параметров воздействия деятельности на окружающую среду, аудит системы EMS, оценка EMS руководством с точки зрения ее эффективности и адекватности. Данные требованиям во многом совпадают с требованиями ISO 9000, что облегчает их введение в компаниях, уже сертифицированных на ISO 9000.

Таблица 1

	Принципы создания и использования систем экологического менеджмента
ISO 14001	Системы экологического менеджмента (EMS) – Спецификации и руководство по использованию
ISO 14004	EMS – Общее руководство по принципам, системам и методам
ISO 14014	Руководство по определению «начального уровня» экологической эффективности предприятия. Должно использоваться перед созданием формальной системы экологического менеджмента
	Инструменты экологического контроля и оценки
ISO 14010	Руководство по экологическому аудиту – Общие принципы экологического аудита
ISO 14011/1	Руководство по экологическому аудиту – Процедуры аудита – Аудит систем экологического менеджмента
ISO 14012	Руководство по экологическому аудиту – Критерии квалификации экологических аудиторов
ISO 14031	Руководство по оценке экологических показателей деятельности организации
	Стандарты, ориентированные на продукцию
ISO 14020 (Серия документов)	Принципы экологической маркировки продукции
ISO 14040 (Серия документов)	Методология «оценки жизненного цикла» – оценки экологического воздействия, связанного с продукцией, на всех стадиях ее жизненного цикла
ISO 14050	Глоссарий
ISO 14060	Руководство по учету экологических аспектов в стандартах на продукцию

На наш взгляд, можно выделить ряд трудностей, возникающих у товаропроизводителей при переходе к экологическим стандартам. Поиск и внедрение современных технологий предполагает существенные инвестиции в производство, в подготовку квалифицированных рабочих. Наряду с ростом капиталовложений увеличиваются текущие затраты из-за дополнительных расходов на разработку, внедрение экологических стандартов на предприятии и оплату услуг по сертификации. Это приводит к росту себестоимости и цен на новый «экологический» товар. Растут требования к профессионально-квалификационной подготовке руководства и персонала компаний, в частности наличие компетенции в области экологического менеджмента. В России ощущается недостаток подготовленных специалистов в области экологического менеджмента.

Переход на международные экологические стандарты дает ряд преимуществ компаниям. Так, применение экологических стандартов способствует внедрению и укреплению системы менеджмента качества на предприятии и, соответственно, повышению его конкурентоспособности, позволяет упрочить рыночные позиции компании за счет повышения адаптивности управления к внешним воздействиям. Экологический сертификат становится условием роста стоимости основных фондов предприятия, например, в случае привлечения зарубежных партнеров.

Ориентируясь на экологические стандарты предприятия получают долгосрочные конкурентные преимущества, поскольку вынуждены совершенствовать технологическую и производственную базу для выпуска более конкурентоспособной продукции и это условие выхода на европейский рынок (например, ЕС намерен допускать на свой рынок только компании, сертифицированные по стандартам ISO). Для российских товаропроизводителей соответствие международным экологическим стандартам особенно актуально в связи с вступлением России в ВТО. Например, наличие экологического сертификата у производителя рассматривается в качестве обязательного условия международного сотрудничества в сфере автомобилестроения, химической промышленности и фармацевтики.

Экологический менеджмент предусматривает сокращение затрат за счет более рационального использования материальных и энергетических ресурсов путем внедрения новых более прогрессивных методов управления, организации производства и современных технологий. Снижение негативного воздействия на окружающую среду происходит экономически эффективным способом.

Таким образом, система экологических стандартов постоянно совершенствуется, часть стандартов серии ISO 14000 находится в стадии разработки. Можно сказать о возникновении стабильного интереса к внедрению экологических стандартов как на уровне предприятий, так и на уровне государств. Став частью экологической политики страны в условиях глобализации, экологический менеджмент формирует новую более требовательную внешнюю среду для товаропроизводителей, соответствие которой становится условием роста конкурентоспособности товаров, услуг, предприятий.

Библиографические ссылки

1. Levitt T. The Globalization of Markets // Harvard Business Review. 1983. Mai-Juni. С.92.
2. Competing for growth, Ernst & Young, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.ey.com/ Publication/...2010093](http://www.ey.com/Publication/...2010093)
3. Перечнева И. Не тот паровоз // Эксперт. 2011. №47. С. 92–93.
4. О стандартизации: федеральный закон ФЗ № 5154. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.uzp.akcentplus.ru / zakon o standartizacii.htm](http://www.uzp.akcentplus.ru/zakon_o_standartizacii.htm)
5. Стандарты в области экологии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iso-cert.ru/>

ЧАСТЬ 5. РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С. Ф. ВАСИЛЬЕВ

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПОХОД ПРОТИВ ЗНАНИЙ

Вокруг проводимой в России реформы образования сломано уже немало копий. Общество периодически возбуждается при новостях об очередном проекте реформаторов. Дело доходит даже до протестных уличных акций. Затем впадает в некоторое оцепенение – до следующего витка реформ.

Нам представляется, что основной пафос реформы образования в России заключается в борьбе реформаторов против знаний, в стремлении понизить общий уровень знаний у российских учащихся. Недаром среди них стало популярным выражение «избыточные знания». В ходе реформы в средней школе были значительно сокращены часы на фундаментальные естественнонаучные и гуманитарные дисциплины. Введена система концентров, из-за чего материал проходится галопом по Европам, что приводит к невозможности его полноценно освоить, способствует снижению мотивации учащегося.

Система ЕГЭ, в его нынешнем виде, стимулирует учителей к превращению процесса обучения в натаскивание на тесты, что приводит к провалам знаний в тех областях, которые не подлежат однозначной проверке. Отсутствие устной компоненты, особенно, в экзаменах по гуманитарным предметам, ведет к тому, что у учащихся не формируются навыки устного общения, умение правильно выражать свои мысли.

Подушевое финансирование приводит к оппортунистическому поведению педагогов, к стремлению завышать оценки, тем более что в этом же направлении происходит и давление со стороны руководства учебных учреждений.

В высшей школе мы видим подобную же картину. Подушевое финансирование приводит к необходимости «сохранения поголовья» студентов любой ценой, что подрывает мотивацию к обучению. Принудительно внедряется сомнительная Болонская система. На практике это означает уменьшение часов на изучение многих дисциплин. Причем далеко не все бакалавры станут магистрами. Уровень специальных знаний у них будет понижен.

Поляк Михал Сутовский изумлялся введению Болонской системы в России: «Далеко идущие планы реформ российских властей сложно назвать иначе, чем запланированным апокалипсисом. Или, если кто-то предпочитает психиатрические метафоры, – лоботомией собственного народа...»

По мнению нынешней власти, в России расплодилось слишком много магистров. Отсюда и планы по ликвидации магистерских программ в провинциальных вузах: ведь давным-давно известно, что лучшее лекарство от низкого уровня чего бы то ни было – это ликвидация этого самого явления. О том, что источником многих патологий образования является его хроническое публичное недофинансирование, власти предпочитают не вспоминать» [1].

Эти процессы в российском образовании не случайны. Они связаны с тем, что Россия с начала рыночных реформ была вовлечена в процессы глобализации. Под глобализацией мы понимаем процесс становления глобального свободного рынка товаров, капиталов и рабочей силы. В перспективе глобализаторы полагают, что возникнет необходимость в мировом правительстве, а национальные государства отойдут в историю.

Идеологией глобализации является неолиберализм. Он означает инволюцию либерализма, регресс от социального либерализма к антисоциальному. Поэтому в качестве практических мер неолибералов выступают дерегулирование, уход государства из экономики и демонтаж социального государства. Проводниками глобализации в мировом масштабе являются наднациональные институты типа МВФ, Всемирного банка, ВТО.

Джордж Сорос, на наш взгляд, удачно назвал взгляды глобализаторов «рыночным фундаментализмом», подчеркнув, тем самым, их иррациональность. Фундаментализм, с точки зрения Д. Сороса предполагает своего рода веру, которую легко довести до крайностей. Это – вера в совершенство, вера в абсолют, вера в то, что любая проблема должна иметь решение. Для рыночных фундаменталистов существенным является утверждение, согласно которому приниматься в расчет должны только рыночные ценности; т.е. только те размышления, которые приходят в голову участникам рынка, когда те принимают решение, сколько они готовы заплатить другому участнику рынка в процессе свободного товарообмена. Это утверждение справедливо, когда цель состоит в определении рыночной цены, но оно игнорирует широкий спектр личных и общественных ценностей, которые не находят выражения в поведении на рынке. Рыночными фундаменталистами не признается невозможность или неуместность торговли о цене некоторых товаров или услуг, иными словами, – ценностей, не признается, или, чтобы быть более точными. Ими не допускается даже мысли о том, что ряд ценностей вообще исключается из области экономики. В целом считается, что в область экономики включаются только индивидуальные предпочтения, в то время как коллективными интересами пренебрегают. Это означает, что из экономики исключена вся область общественных и политических интересов.

Таким образом, можно охарактеризовать рыночный фундаментализм как неправомерную экспансию рыночной экономики и рыночного мышления на неэкономические сферы деятельности.

В нашей стране с начала 1990-х гг. власть находится под воздействием неолиберальной идеологии. Эксперты, обслуживающие высшие эшелоны власти находятся под властью именно неолиберальных идей. Кроме всего прочего это объясняется еще и общей ориентацией на Запад в российском общественном сознании. Раз на Западе господствует неолиберализм, то и мы должны его придерживаться – так многие рассуждают. А некоторые думают, что если мы станем еще более продвинутыми, чем Запад в этом отношении, то быстрее приобщимся к его цивилизационным благам. Итак, неолиберализм есть господствующая идеология в эпоху глобализации, и наша власть находится под его воздействием, в силу общей ориентации на западные образцы.

Есть еще один важный аспект. Россия в эпоху реформ попыталась вписаться в глобальный рынок, открыв свою экономику для иностранной конкуренции, по рекомендациям, в частности, заокеанских советников. В результате она потеряла сложное, наукоемкое производство и существует, в основном, за счет продажи сырья за границу. Официальная – либеральная – экономическая политика не в состоянии снять Россию с «нефтяной иглы». Другие же варианты экономической политики, предусматривающие более активное участие государства, в экономике отвергаются по идеологическим соображениям.

В таком контексте становится более понятным, почему в России проводится именно такая реформа образования. Знаменитое высказывание министра образования А. Фурсенко, о том, что нам нужны квалифицированные потребители, а не люди-творцы есть выражение понимания властвующей российской элитой места и предназначения России в глобализующемся мире. На деле оно означает отказ от конкуренции с развитыми странами в сфере высоких технологий и согласие на место России в мировой экономике в качестве сырьевого придатка, или, в лучшем случае, сборочного цеха для западных компаний. Для такого типа экономики высокий уровень образования не нужен. А с точки зрения рыночного фундаментализма, главные ценности общества – экономические. Раз образование в России не представляет большой экономической ценности, то надо бы просто его уменьшить, уменьшить расходы на него – такова логика реформы.

Наши наиболее удачливые бизнесмены тесно связаны с Западом, деньги они делают на экспорте природных ресурсов из России. Для них сама страна Россия и российский народ, как таковые, не представляют большой ценности. Они рассматривают нашу страну с точки зрения ее утилизации. И они были бы не против понизить свои издержки, за счет уменьшения бюджетного образования и здравоохранения. Так что за реформой образования стоит и определенный классовый интерес наших компрадорских капиталистов.

Рыночная идеология и стремление уменьшить бюджетные расходы на российский народ приводят к политике «оптимизации» сети учебных учреждений и коммерциализации образовательной сферы, дорогу для которой открывает продавленный реформаторами закон № 83 о бюджетной реформе.

Наконец, одним из акторов этого процесса являются и западные структуры, в частности, Всемирный банк, продвигающий образовательные реформы посредством своих денег и экспертов. Президент Всероссийского фонда образования, доктор педагогических наук Сергей Комков указывает, что наши реформы в образовании делаются под влиянием сил Запада и во вред нашей стране: «По мнению многих ведущих экспертов, государство, утрачивающее свои важнейшие социальные функции и пытающееся переложить их на плечи самих граждан, обречено на неминуемый крах. Еще в начале 1990-х гг. прошлого века нашими домогощенными «демократами-реформаторами» был взят на вооружение тезис о том, что «рынок самотрегулирует все отношения внутри государства». Именно тогда начался практически неуправляемый процесс перевода всей социальной сферы на рельсы рыночных отношений».

Огромную роль в этом сыграло создание в нашей стране за счет средств Мирового банка уникальной площадки по разработке и проведению всех так называемых «либеральных реформ». Речь идет, конечно же, о Высшей школе экономики, инициатором создания которой стал «отец русской либеральной экономики» Евгений Ясин, являвшийся одновременно профессором Гарвардского университета. Высшая школа экономики на долгие годы стала в России своеобразным научным плацдармом, на базе которого не только отрабатывались разнообразные модели «либерализации экономики», но и создавались различные социальные модели развития нашего государства.

С легкой руки «реформаторов» из ВШЭ уже в 1990-е гг. был запущен в обращение термин «образовательные услуги». То есть была сделана попытка перевести всю систему образования из важнейшей социальной функции государства в сферу коммерческих услуг. Началась разработка так называемой «Программы модернизации системы российского образования». В рамках этой «программы» фактически было заложено положение о необходимости постепенного перевода на платную основу всей системы образования в России, завуалированное рассуждениями об «оптимизации» ее деятельности. Главным принципом «оптимизации» стало утверждение наших «реформаторов» о необходимости постепенного перевода всех образовательных учреждений на нормативно-подушевое финансирование [2].

Бывший министр образования Э.Д. Днепров в своей книге «Образовательный стандарт – инструмент обновления содержания общего образования» писал: «Другая крайность – либерал-радикалы и младореформаторы от педагогики, стремящиеся переписать все школьное образование от противного, создать объективистскую историю и бездуховную, позитивистскую литературу. По их мнению, литература не имеет нравственно-духовного смысла, смысл ее – только эстетический. Отсюда попытки сделать школьную литературу абстрактным литературоведением, т.е. превратить ее по сути в литературоведческий морг. Отсюда же и попытки второго запрета Чаадаева, Герцена, народников, секвестр Чернышевского, Горького, Шолохова (в частности замена «Тихого Дона» произведениями Хармса) и т.д.

Поразительно, но подавляющая часть подобных предложений исходила от специалистов, находящихся на финансовом пайке Мирового банка. Мы далеки от того, чтобы заподозрить этих специалистов в злом умысле, в том, что в довершение экономического развала страны по советам МВФ они пытаются духовно оскотить русскую национальную историю, литературу, культуру. Но факт есть факт. И говорит он, в частности, об ориентации российских представителей Мирового банка на подобного рода специалистов.

В этой связи крайне важно подчеркнуть еще одно обстоятельство, имеющее очевидный политический характер. В отличие от многих других зарубежных организаций, работающих в России достаточно корректно, представители педагогического сектора Мирового банка откровенно и не без напора пытаются навязать свои более чем спорные взгляды на развитие образования в нашей стране, в частности на содержание общего образования, без какого-либо учета российских традиций, потребностей и реалий. Чаще всего это делается путем закрытых рецензий, обзоров, различных записок, весьма напоминающих подметные письма, и т.д.

Нередко распускаются и слухи, что само это содержание общего образования для отечественной школы разрабатывается на средства Мирового банка. Усилия в этом направлении, действительно, в ряде случаев предпринимались» [3, с. 33–34].

Игорь Ильинский, президент Национального союза негосударственных вузов и Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области. в своей статье: «Эти странные рос-

сийские реформы» отмечает: «Вот первый объемистый доклад Всемирного банка от 22 ноября 1994 года № 13638-RUS с грифом “Конфиденциально. Документ Всемирного банка. Только для служебного пользования” с Предупреждением: “Настоящий документ имеет ограниченное распространение и может быть использован получателем только при исполнении официальных обязанностей. Во всех других случаях его содержание не может быть раскрыто без разрешения Всемирного банка”. Доклад написан 29 неизвестными мне и миру сотрудниками и консультантами Всемирного банка (из которых только 5 человек – с русскими фамилиями) под руководством некоего Стивена П. Хайнемана. Главная проблема реформы российского образования, на взгляд разработчиков доклада, состояла в том, чтобы так “реструктуризировать эту добившуюся больших достижений в прошлом систему с тем, чтобы она могла удовлетворить новые потребности непланового рынка и открытого общества”» [4, с. 11].

Вот некоторые из рекомендаций сотрудников Всемирного банка: закрыть педагогические институты и привлекать учителей из числа выпускников университетов; закрыть профессиональные училища, которые не могут провести структурную перестройку; установить «минимальные стандарты гражданственности», которые сводились авторами доклада (буквально!) к «способности правильного чтения карт, объяснению на иностранном языке, правильному заполнению налоговых деклараций»; кроме того, по мнению авторов, к этим стандартам «можно было отнести любовь к российскому искусству и литературе, а также терпимость к другим социальным группам»; ввести «подушное финансирование школ, исходя из уровня расходов на одного ученика»; «не повышать долю расходов на высшее или среднее профессионально-техническое образование в общем объеме ВВП, если они до этого не будут серьезно реструктуризированы»; передать ответственность за выбор учебных материалов из Министерства самим школам». Авторы доклада высказали также мнение о «несправедливости и неэффективности экзаменационной системы» [5, с. 12].

«В сущности, руководству России предлагалась стратегия «реформирования» советской, на тот момент все еще одной из лучших в мире, системы образования, которая не могла быть осуществлена никак иначе, как только через ее разрушение» [6, с. 12].

А что значило введение «минимальных стандартов гражданственности»? Только вдумайтесь в эту «рекомендацию»! Как же низко хотели советчики из Всемирного банка опустить российскую молодежь, а значит – российский народ: умей найти на географической карте США, научись лопотать по-английски, правильно заполнять налоговую декларацию – и ты уже «гражданин». Позволительно («кроме того») «любить российскую литературу и искусство» [7, с. 13–14].

Таким образом, для уменьшения расходов на бюджетное образование, понижение уровня знаний учащихся и придуманы российские образовательные реформы, проводимые по западным образцам, на западные деньги, под воздействием западных структур и прозападных экспертов. Сторонникам реформ во что бы то ни стало нужно доказать, что много знаний не нужно. Отсюда и сам странный термин «избыточные знания», навязывание «компетентного подхода», и желание дать побольше «воспитания», чем образования в старших классах школы. Понятен и сам скандальный стандарт для старшей школы. Зачем изучать физику, химию, биологию, если это можно в сокращенном виде пройти по «естествознанию»? Неважно, что значительная часть россиян считает Солнце спутником Земли – астрономия вообще удаляется из программы. Русский язык и литература объединяются в «русскую словесность», часы уменьшаются, а поскольку ЕГЭ будет именно по русскому языку, то нетрудно себе представить, что останется от литературы. Зато физкультуры теперь много, и новый предмет – «финансовая грамотность» на подходе. Такое впечатление, что реформаторы представляют себе выпускника средней школы как гориллу с банковским счетом.

Доктор психологических наук, профессор Б.А. Сосновский отмечает влияние скрытой идеологии на процесс принятия решений в области реформирования образования в России, в частности, при введении ЕГЭ и вступлении России в Болонскую систему [8].

Юрий Крупнов правильно, как нам представляется, предостерегает от непродуманного увлечения личностно-ориентированной педагогикой, словесного согласия с ней: «никто не скажет публично, что к ребенку надо относиться как к объекту, а педагогу не следует ориентироваться на личность. Подобное согласие, однако, является крайне поверхностным, чтобы не сказать иллюзорным, и может одновременно служить как для демодернизации сферы образования, для разрушения традиционной практики российского образования (в том числе

и наследия советской эпохи) и потворствования деградации отечественной школы, так и для начала работ по созданию вокруг принципа личности абсолютно новой для России и всего мира практики персонального образования» [9].

Нам представляется, что многие наши реформаторы образования используют привлекательные, на первый взгляд, идеи личностного образования как раз для подрыва традиций отечественного образования. Взамен предлагается что-то неясное и невнятное.

Одной из главных мишеней реформаторов являются знания или «знаниевый подход». Слово «знание» нередко употребляется ими в негативном контексте: знания обязательно «мертвые», «стандартные», бесполезные» и пр.

Третирование знаний как мертвых имеет давнюю традицию. Еще Гераклит говорил, что «Многознание уму не научает». Но, вместе с тем, он добавлял: «Но много знать должны любители мудрости». Жан Лакруа замечает, что «Со времен Монтеня любят противопоставлять хорошо устроенную голову и голову заполненную. Однако нет ничего опаснее такой формулировки. На деле, думается, это противопоставление есть ложное умозаключение: противоположностью заполненной головы является не хорошо устроенная, а пустая голова» [10, с. 444].

Для оправдания сокращения расходов на образование, понижения его уровня, сегрегации учеников, внедрения рыночных элементов в чуждую для них среду используются различные теоретические разработки. Эти разработки находят воплощение в нормативных документах, в соответствии с которыми реформируется российское образование. Либеральная идеология проявляется как в акценте на свободе индивидуума, в рыночном фундаментализме, и в ориентации на западные образцы.

Одним из видных теоретиков наших образовательных реформ является психолог А.Г. Асмолов, открыто причисляющий себя к либеральному лагерю. В его произведениях можно найти много хороших и правильных слов о воспитании личности, о необходимости внимания к ценностным основаниям жизни и пр. Но, как нам представляется, он – типичный представитель метафизического мышления и мыслит неопосредованными противоположностями. Или-или – излюбленный ход рассуждений нашего мыслителя, который приводит, на наш взгляд, к слишком резким и необоснованным выводам. Чрезмерный акцент на свободе личности (что характерно для либералов), также приводит, на наш взгляд, к негативным последствиям. И даже – по законам диалектики – к превращению в свою противоположность.

В адрес традиционной системы образования А.Г. Асмолов не стесняется применять уничтожающие эпитеты: «обезличенная система образования», «школа массового производства «среднего ученика», «унитарная, обезличенная дрессурная модель», для которой характерны «манипулятивная психология выживания в тоталитарном обществе, обществе «сделанных» голов».

Оценка Асмоловым советской системой образования входит в противоречие с известной ее характеристикой, данной бывшим министром образования А. Фурсенко.

А.Г. Асмолов не жалеет черных красок при критике одного из классиков педагогической мысли – Яноса Коменского. По его мнению, Янос Коменский создал «фабрику для производства среднего ученика», готовил социального адаптанта, а не развитую, свободную личность.

Вызывает удивление, почему Я. Коменский вызывает такое отрицательное отношение у реформаторов. Я. Коменский стремился облегчить усвоение материала для всех учеников. Для того чтобы заинтересовать последних активно использовал наглядность в обучении, метод драматизации материала, написал несколько школьных пьес. Выступал за тесную связь обучения с жизнью. Разве это не правильно? Разве это не современно? В творчестве Я. Коменского как раз господствует пафос всестороннего развития личности.

Тут нужно прояснить ситуацию. Любая школа должна осуществлять процесс социализации, то есть «готовить социального адаптанта», готовить его к жизни в обществе. Конечно, она должна готовить не только адаптанта, но и новатора, преобразователя, инноватора того же общества. Но и общественное преобразование будет неудачным, если оно игнорирует общественные реалии. Разве готовить социального дезадаптанта лучше? Да и как человек может стать успешным, если он не умеет ориентироваться в налицо существующем обществе? Так что резкое, метафизическое противопоставление творчества и социальной адаптации представляется нам неверным.

Традиционной системе образования А.Г. Асмолов противопоставляет «школу развития личности и свободы» на основе вариативного образования и компетентностного подхода.

Нам представляется странным само асмоловское противопоставление: «школоцентризм» – «детоцентризм». Школа – это есть институт социализации, образования и воспитания детей, причем их большого количества. Отсюда необходимость дисциплины, классно-урочной системы, «авторитарной» педагогики. Как же организовать этот самый детоцентризм? Как должно функционировать такое учреждение? Чем заменить классно-урочную систему? Кроме прекрасных долженствований ничего конкретного мы не найдем.

Для А.Г. Асмолова типичны филиппики в адрес «авторитарной» школы, где «Учитель всегда стоит перед вами и имеет право на манипуляцию сознанием. В своей классической форме урок всегда – манипуляция сознанием» [11].

А как же нужно? Как обучать без уроков? В центре, по мысли А.Г. Асмолова должно быть со-развитие, взаимодействие с целью развития свободного человека, который выше адаптации и живет «поверх барьеров». Вот как раз этим и занимается, с точки зрения А.Г. Асмолова педагогика сотрудничества.

«Приобщение к знаниям идет не через дрессуру, а через совместные действия. Совместные действия, по Выготскому и Соловейчику, выступают как культурные орудия развития личности. Если я как педагог хочу получить какой-то результат, то я должен заниматься проектированием, организацией совместных действий педагога и ребенка» [12].

Позволительно спросить: если я занимаюсь *проектированием* совместных действий, то разве это не авторитаризм, не манипуляция сознанием, только более изощренная?

А.Г. Асмолов пишет: «А ведь сотрудничество – это организация школьной жизни на основе совместных действий. Именно через них, а не через обращение к сознанию, идет процесс изменения сознания личности» [13].

Казалось бы, именно обращение к сознанию ребенка и есть уважение к его личности. Ан нет – надо изменять сознание ребенка, вовлекая его в какие-то совместные действия, то есть изменять его личность как бы помимо его сознания. Разве это – не изощренная манипуляция?

Да и разве обычная методика не предполагает совместных действий учителя и ученика? Что принципиально нового вносится педагогикой сотрудничества – непонятно. Ясно, что обучение – субъект–субъектное взаимодействие. Но ведь субъекты разные по рангу. Учитель все-таки на голову выше ученика – и по знанию предмета, и по жизненному опыту. Учитель остается ведущей фигурой в обучении, а учащийся – ведомой.

А.Г. Асмолов пишет: «Свободный человек – это такой человек, которым трудно управлять. Свободный человек – тот, кто имеет свою нравственно-ценностную позицию. Свободный человек выше адаптации. Он всегда живет поверх барьеров (если использовать поэтический троп Пастернака)» [14]. Но ведь «без барьеров» может жить и безнравственный человек. Свобода личности создает возможности, но она же несет и новые опасности, которые либералы предпочитают не замечать.

Апелляция к индивидуальной свободе используется А. Г. Асмоловым для обоснования рациональности скандального стандарта для старшей школы, подготовленного группой под руководством А. Кондакова. В нем война реформаторов против знаний получила практическое воплощение в виде нормативного документа, обязывающего школы действовать во вполне определенном русле.

В январе 2011 г. А.Г. Асмолов в статье «Ведущая деятельность и социальная ситуация развития» утверждал, что «Критерием зрелости является осуществление личностью свободного личностного выбора. Я хочу, чтобы мы четко выделили ядро психологического личностного созревания подростка на этапе старшей школы – это формирование ответственности за свои поступки и осознание ценности свободы выбора. Вот ключевое новообразование старшего школьного возраста» [15].

Поэтому ученик должен выбрать, что он должен профильно (на хорошем уровне) изучать – естественные науки или гуманитарные. Ссылка на свободу выбора приводится для того, чтобы оправдать *ограничение* на получение полноценных знаний. Само изучение ограничивается 10-ю предметами. Напомним, что главным новшеством стандарта является вариативность обучения, при которой школьник может весьма поверхностно изучать естественно-научные или гуманитарные предметы в старших классах школы. С точки зрения знаний это явный регресс. Но для Асмолова, наоборот, прогресс. Он сравнивает советских школьников

с широким диапазоном знаний с хомьяками, набившими рот зерном. Между тем, данный стандарт – это практический шаг в разрушении ориентации школы на развитие разносторонней, гармонически развитой личности, которая зародилась в русле гуманистической мысли эпохи Возрождения.

Примечательно, что у А.Г.Асмолова, можно встретить и более правильные мысли на сей счет. В своей книге «Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека» А.Г. Асмолов восклицает: «как объяснить управленцам смертельную *опасность профилизации школы, ограничивающую профессиональную и социальную мобильность личности?*» [16, с. 511]

В той же книге утверждается многомерность как существенная характеристика личности [17, с. 13]. Если многомерность так важна, то нужно развивать разные стороны человеческой натуры, что и предполагал Я. Коменский.

В интервью в сентябре 2010 г. А.Г. Асмолов утверждал: «Ведь знание той же физики нужно, прежде всего, для того, чтобы дать опору для создания целостной картины мира. И когда мне говорят: «Это гуманитарный класс, тут физика не нужна!», считаю это nonsensом. Вообще деление на физиков и лириков, с моей точки зрения, убийственно.

– По-вашему, мы можем быть и физиками, и лириками одновременно?

– Да. И талантливыми в разных областях. Ярчайший пример в этом смысле – ушедший из жизни год назад мой друг и коллега Евгений Федорович Сабуров, подлинный энциклопедист нашего времени. Он был известен как ученый, экономист, деятель образования. Но это не мешало ему быть поэтом, писателем – человеком, к которому в полной мере относятся слова «Он не имел границ...». К этому идеалу надо стремиться. А что сегодня происходит в нашей школе? Мы посадили ее на иглу профильного обучения, и ребенок должен в 14 лет решить, пойдет ли он в класс физики, филологии или технического обучения. В 13–14 лет человеку еще неизвестно, кто он, будущий Галуа или Гете. Мы же загоняем его в жесткие рамки специализации, в узкоколейку профильного развития! Мне кажется, существует риск поголовной профилизации всей страны. И в таком случае линия «от интеллектуального потенциала школы – к инновационному потенциалу страны» не просматривается...» [18].

И это пишет человек методолог программы стандарта, в котором как раз профилизация является одним из «ноу-хау»! В 2011 г. почему-то 13–14-летнему человеку уже стало известно, будет ли он будущим Галуа или будущим Гёте

В интервью «Новой газете» он так оправдывает ограничение обучения в старших классах школы 10-ю предметами: «Нельзя давать школьнику кусочки общих знаний по огромному количеству предметов. Образование должно быть избыточно, но именно в той области знаний, к которой ученик предрасположен, к которой у него есть способности, которую он сам охотно выбирает. Только так закладываются основы системного мышления и мировоззрения» [19].

Напрашивается вопрос: каким образом может получиться «системное мышление и мировоззрение», «целостная картина мира», если образование становится односторонним?

А.Г. Асмолов утверждает: «Это увеличение возможностей выбора, если подросток в 10-м классе увлечен литературой, а технические науки ему неинтересны, он выберет математику на интегральном уровне, а литературу на профильном – это его выбор. Но на интегральном уровне он обязательно должен пройти и математику, и литературу, он мимо этих предметов не пройдет, это был бы полный nonsens. Он не будет знать математику на уровне математической школы, но будет знать на уровне общеобразовательной школы» [20].

Тут несколько лукавит, на наш взгляд, методолог стандарта. Что предполагает «интегрированный» уровень? В стандарте про этот интегрированный курс сказано следующее: «Предметные результаты на интегрированном (общеобразовательном) уровне должны быть ориентированы на формирование общей культуры и реализацию преимущественно мировоззренческих, воспитательных и развивающих задач общего образования, а также задач социализации обучающихся». Если перевести эту формулировку на русский язык, то понятно, что интегрированный уровень в смысле знаний практически никакой.

Пренебрежение знаниями является альфой и омегой нового стандарта. Согласно А.Г. Асмолову: «по новому стандарту есть три вида оценки — это прежде всего личностный результат. Не по одному предмету, а через все образование — портрет ценностных установок учащегося. Там много было критериев: критическое мышление, установка на социальную успешность, толерантность. Второй результат — умение связывать разные предметы, ус-

воение универсальных действий, которые позволяют синтезировать, проектировать, предвосхищать... Так мышление формируется – это стандарт школы мышления. Ученик должен видеть связь между химией, математикой и так далее. И только третий результат – предметный» [21].

Каким образом ученик может видеть связь между предметами, если он не изучит их на достаточно приличном уровне, сказать трудно. Как видим, результат обучения в виде знаний по предмету находится в самом конце списка. Да и сами критерии освоения материала в стандарте прописаны так обще, что получился, как говорится, «стандарт без стандарта». Но уровень знаний, для разработчиков стандарта – не главное. У них концепция школы, как видим, совсем другая.

А.Г. Асмолов пишет: «В отличие от унифицированного образования, построенного в соответствии с принципом школоцентризма и педагогикой знаний, умений и навыков (так называемых ЗУНов), стратегия вариативного образования основывается на детоцентризме и разработке пакета развивающих, коррекционных, компенсаторных психолого-педагогических программ, где центральное место отводится общеучебным умениям» [22, с. 25]. Но разве метапредметные действия и их формирование не являются тоже своего рода унификацией и стандартизацией? Без стандартизации в массовой школе вообще не обойтись.

Универсальные действия нужно, конечно, формировать. Но они являются, используя терминологию Э.В. Ильенкова, абстрактно-общим, а не конкретно-общим. Овладение ими еще не обеспечивает должного понимания связи различных предметов, необходимого для формирования целостной картины мира. Надо учитывать и то, что универсальные действия модифицируются в зависимости от содержания предмета. По мнению выдающегося биолога Г. Селье ученый-экспериментатор руководствуется в своей работе полуинтуитивной логикой, специфической смесью жесткой формальной логики и психологии. Хотя отчасти она формальна, но в то же время «эта логика честно и откровенно признает, что ее понятийные элементы, ее абстракции в отличие от математики или теоретической физики являются в силу необходимости переменными и относительными» [23, с. 251].

Следует задать вопрос: а что, в традиционной системе образования разве у учеников не формировались универсальные действия? Разве для освоения содержания предметов не требовалось их применения и развития? Вопросы риторические. Представляется, что А.Г. Асмолов и другие реформаторы образования исходят из ложной посылки, что традиционная школа в основном тренировала память ученика, а не его мышление. Однако настоящее освоение содержания учебного предмета означает не просто бездумное запоминание («зубрежку»), но *понимание* материала. Фактор понимания почему-то упускается из виду. А для того, чтобы понять сложный материал, нужно напрячь свои умственные способности, применить умственные действия. Таким образом, в традиционной системе образования, где приходилось осваивать сложное содержание самых разных учебных предметов, формирование универсальных действий происходило в органической связи с освоением специфического содержания предметов.

Да и тренирование памяти, и запоминания в процессе обучения – неправомерно. Жак Лакруа резонно замечает, что не следует жестко разделять память и способность суждения, ибо одно без другого не существует: «Воспоминание не связано с какой-то отдельной способностью: оно является функцией духа. Поэтому оно отражает уровень упорядоченности и организованности интеллекта» [24, с. 445]. Некоторые сторонники компетентного подхода доходят до того, что рассматривают изучение содержания какого-либо предмета исключительно как способ тренировки универсальных умственных действий.

Хотя А.Г. Асмолов воюет со стандартами, со стандартным подходом к личности, тем не менее, он же сам их и применяет к ученику, причем в еще более жестком для свободы личности виде. Личность, ее школьный результат оценивается по сформированности ее ценностных установок. Но ведь именно разработчики стандарта определили где «правильные» ценностные установки, где «неправильные». И они меряют выпускников школы исходя не из ценностных установок самих учеников, а исходя из навязанной ученикам системы ценностей, «правильной» с точки зрения разработчиков стандарта. Где же тут свобода личности? Где ее собственной проектирование жизненной стратегии? Для А.Г. Асмолова, например, безусловной ценностью является «толерантность». И ученик обязан быть толерантным, иначе он окажется не успешным. Разве это не стандартизация? Разве это не покушение на свободу личности, не вторжение в ее внутренний мир?

И как измерять эту сформированность? Ученик как разумное существо быстро поймет, что от него требуется. Он будет говорить и писать правильные слова, даже может изобразить правильное действие. Но это может быть сплошным лицемерием. Помнится, еще в перестройку один студент-нацист хвалился тем, что он получал отличные оценки по марксистско-ленинской философии, изображая верность «единственно правильному учению».

Настораживают попытки некоторых сторонников стандарта сделать патриотическое воспитание обязательным, фактически добровольно-принудительным. Они предлагают определять патриотичность, замеряя «градус патриотизма» у воспитанника. Некий Зиганов М.А. заявлял, что он может измерить патриотичность, любовь к Родине в метрах, килограммах и т.д.

Такое заявление игнорирует принципиальную неформализуемость результата воспитания. в том числе, патриотического. Русский философ Иван Ильин писал: «Патриотизм, как состояние радостной любви и вдохновенного творчества, есть состояние духовное; и потому он может возникнуть только в порядке автономии (свободы), – в личном, но подлинно предметном духовном опыте. Всякое извне идущее предписание может помешать этому опыту или привести к злосчастной симуляции... Так называемый «казенный», внешнепринудительный, официальный патриотизм далеко не всегда пробуждает и воспитывает в душе чувство родины, нередко даже повреждает его» [25, с. 228].

Да и руководство учебных учреждений в том случае, если ценностные результаты станут доминировать как в оценке ученика, так и в оценке деятельности учреждения и его руководства, будет использовать рычаги давления на педагогов и учащихся, чтобы требуемые показатели были такие как нужно. И примеры этого уже имеются.

Введение в стандарт личностного результата как главного показателя игнорирует реалии общества. Игнорирует тот факт, что в обществе есть разные системы ценностей, находящиеся в противоборстве друг с другом, что между духовными ценностями могут быть противоречия («война богов», по М. Веберу), даже внутри, например, морали, возможны противоречия между одинаково правомерными нравственными ценностями, и, наконец, есть сложные диалектические отношения между личными и безличными ценностями. И если приобщать личность к человеческой культуре, на чем настаивает А.Г. Асмолов, то надо приобщать ее и к ценностному поиску, к пониманию всех этих противоречий. И так как этот поиск человечеством еще незавершен, то и каждая личность вправе искать своего собственного ответа на противоречия жизни и культуры. Создается впечатление, что сам А.Г. Асмолов уже решил все проблемы в ценностной области. И это решение должны принять все остальные члены общества. Представляется, что это несколько опрометчивое мнение.

Что же получается? Если выпускник школы стал, например, убежденным ксенофобом с нулевой толерантностью, то мы должны поставить ему неудовлетворительную оценку по личностному результату? И перекрыть ему дорогу к поступлению в вуз? Разве это не будет вмешательством в его личные убеждения? Разве это не будет покушением на свободу личности? Мы видим, что на практике либеральная, по видимости, система превращается в свою противоположность, в духовное подавление свободы личности, в новый тоталитаризм. Мы обязаны противодействовать публичному распространению ксенофобских взглядов, тем более, вытекающим из них действиям, но запретить мыслить ксенофобски мы же не можем.

Воспитывать, конечно, надо. Но результат наших действий во многом непредсказуем. Поэтому процессу воспитания противопоставлена как жесткая формализация, так и привязка результата воспитания к каким-либо выгодам для воспитанника.

Апелляция к свободе индивидуума применяется А.Г. Асмоловым для оправдания возможности для ученика выбрать пониженный уровень образования. Получается своеобразное «право на невежество». Вот диалог с А.Г. Асмоловым из того же интервью:

«– А каждому ученику нужно выбирать что-то профильное?»

– Нет, почему все должны непременно в вуз идти? Если школьник посчитал, что интегрированного уровня ему достаточно, это его право.

– То есть подросток может и вовсе облегчить себе жизнь...

– Не должно быть изнасилования предметом. Цель этого стандарта – картина мира, позволяющая принимать решения, найти, собрать себя. И должен быть облегчен путь дальнейшего индивидуального развития» [26].

Здесь мы видим, проповедуется фактически отказ от принуждения в образовании. Принуждение к учебе называется «изнасилованием». При этом, как мы уже отмечали,

А.Г. Асмолов не против «изнасилования» в ценностной сфере. Но практика показывает, что учеба – это труд, предполагающий усилие над собой. Это усилие, собственно, и формирует личность. Несовершеннолетний человек не может полностью управлять собой. Поэтому нередко требуется стимул извне в виде педагогического принуждения. Отказ от такого принуждения, во многих случаях, означает, консервацию уровня развития человека, потворство его не самым высоким интенциям, даже деградацию личности. Да и «собрание себя» не означает легкой прогулки, это тяжелый труд над своей личностью, включающий и опыт преодоления трудностей, в том числе, и в учебной сфере. Как же личность станет успешной, если ей фактически дается карт-бланш на инертность и лень?

Что касается выбора предметов, то вызывает сомнение способность выпускника 9-го класса делать столь ответственный выбор. Нет никакого научного обоснования того, способен ли этот выпускник к такого рода выбору. Да и *необходимость* такого выбора не обоснована. Педагоги знают, насколько неустойчивы интересы многих старшеклассников, как часто они меняют свои приоритеты. Принцип выбора основных предметов самими школьниками плох тем, что школьники и их родители часто не обладают достаточным интеллектуальным ресурсом для этого. Возможность ошибки очень велика. Многие делают выбор не по соображениям дальнейшей профессиональной деятельности, а исходя из выбора друзей, знакомых и пр. И поступают в вузы, недостаточно осознанно выбирая специальность. Немаловажно и то, что выбор учеников и их родителей часто расходится с действительными потребностями общества. Д. Медведев не раз отмечал, что выпускники школ предпочитают экономические и юридические специальности, хотя стране нужны инженеры. Тем самым президент признал ошибочность того выбора, который делают сегодняшние выпускники школ. Проект стандарта дает возможность усугубить эту ошибку, перенеся ее на два года раньше.

Сторонники стандарта апеллируют к свободе личности, но свобода, как верно писал К. Маркс, есть способность поступать со знанием дела, каковое у многих школьников отсутствует. И навязывать им свободу в этом смысле, игнорируя их реальную степень готовности к важному выбору, означает, на самом деле, покушаться на их свободу. Такое своеобразное «принуждение к свободе» представляется изощренным насилием над еще несформировавшейся личностью.

Примечательно, что глава авторского коллектива, разрабатывавшего стандарт, А. Кондаков иначе обосновывает его необходимость. По его мнению, старшие классы – это уже предпрофессиональная подготовка школьника, и ориентация его на дальнейшую социальную и общегражданскую деятельность. Вот поэтому разработчики предложили ограничить число предметов девятью, максимум десятью. А. Кондаков предложил разгрузить школу от «избыточных» знаний. По его мнению, например, следует отказаться от изучения в школе творчества Ф.М. Достоевского, а творчество Л.Н. Толстого изучать не по роману «Война и мир», а по «Севастопольским рассказам», как более «патриотичным».

На наш взгляд, эта концепция образования в старших классах школы неверна.

Во-первых, неверно сводить обучение в старших классах только к предпрофессиональной подготовке. В противовес этому надо указать на то, что в старших классах происходит интенсивное развитие личности, ее интеллектуальной и эмоциональной сферы. Этому очень способствует разностороннее образование на высоком уровне сложности. Старший школьный возраст – важный сензитивный период, когда формируется способность молодых людей к напряженной интеллектуальной деятельности. Если этот период пропустить, то соответствующие способности не сформируются. Вариативность в достаточной степени можно обеспечить посредством дополнительного образования, а также через профильное обучение. Но основные предметы, составляющие ядро обучения должны изучаться на уровне не ниже базового. Немаловажно напомнить, что преждевременная специализация несет в себе опасность одностороннего развития личности.

Во-вторых, знания нужны не только для профессиональной подготовки, но и для становления полноценной, развитой личности, находящейся на уровне науки XXI в. Личность, ее развитие – это самоценность. Нельзя смотреть на образование, тем более, в средней школе, только с точки зрения его пользы для профессиональной подготовки. Есть и общее развитие, которое не менее, а может быть, и более важно, чем какая-либо специализация. Познавательная деятельность – это высокодуховная деятельность, проявление высших способностей личности. Она – самоценна. И одновременно она воспитывает, поскольку лич-

ность в познавательном процессе подчиняется ценности объективной истины, постигает интеллектуальную красоту. В XXI в. нужна личность с обширными знаниями, широким кругозором, развитыми духовными потребностями, творческими наклонностями и умениями. Познавательная деятельность, особенно изучение естественных наук, формирует в сознании человека научную рациональность, воспитывает критическое мышление и является естественным противоядием против всяческих экстремистских, иррациональных воззрений.

В-третьих, надо учесть и то обстоятельство, что динамичная современная экономика требует постоянного совершенствования, самообразования, готовности сменить профессию, гибкости мышления. Поэтому, чем лучше развита общая база человека, чем более разносторонни его знания и умения, тем большую ценность он будет представлять для экономики, тем более он будет успешен. С позиций ценности личности как таковой, немаловажное значение имеет такое ее качество как гармоническое развитие. У каждого предмета своя содержательная логика, свое мышление. Чем большим набором таких логик владеет человек, тем более он развит, тем выше его человеческий капитал. Важно, что любая специальность в реальности взаимодействует с другими специальностями. Так что и в этом аспекте широкий кругозор и разносторонность очень важны. Человек, обладающий хорошей общей базой, общей образованностью, легче освоит любую профессию, чем человек без такой базы. Все нынешние «успешники» прошли советскую школу образования с ее универсальным характером.

Сами сторонники нового стандарта признают, что человек в течение одной жизни может сменить несколько профессий. Они признают, что в будущем могут быть востребованы такие профессии, которых сейчас не существует. Неизвестно, как готовить человека к таким профессиям, какие компетенции вырабатывать. В таком случае, единственный выход – разностороннее базовое образование на хорошем уровне.

В свете всего вышеизложенного, нам представляется возможным, охарактеризовать взгляды А.Г. Асмолова как псевдоперсонализм. За хорошими словами о необходимости упора на личностное развитие прячется стремление навязать учащимся свою – либеральную систему ценностей, понизить их уровень образования и подорвать положение и авторитет педагога в учебном процессе.

Примечательно, что А.Г. Асмолов во многих случаях ссылается на психолога Э. Фромма, который противопоставлял две жизненных ориентации – бытия (стремление быть многим) и обладания (стремление обладать многим) Но разве «философия успеха», проповедуемая нашими либералами не тот же рыночный тоталитаризм, не та же ориентация на обладание? Разве рынку не присущи в высшей степени эксплуатация и манипуляция людьми, примеров чего Э. Фромм в своих произведениях привел предостаточно. «Обладать многим» – по Фромму – это характеристика именно капиталистического общества. И как же «быть многим», если возможность разностороннего развития в старшей школе нормативно ограничивается? Нам представляется, что Э. Фромм был бы скорее с Яносом Коменским, чем с Александром Асмоловым.

Другим видным представителем реформаторской педагогической мысли является Александр Адамский, ректор Института проблем образовательной политики «Эврика», «ведущий эксперт в области российского образования», как его величают некоторые издания.

Для него тоже одним из главных противников выступает Янос Коменский. А. Адамский пишет об обосновании целей образования по Я. Коменскому: «Система Коменского по своему целеполаганию была основана на божественном причащении и на движении человека к образцу, заданному Богом. И образование для Коменского являлось одной из частей служения Богу. А как только мы говорим о светской школе, такое целеполагание не обсуждается. В результате мы используем систему Коменского, но без того основного духовного фундамента, который он закладывал» [27].

На самом деле, в работах Я. Коменского можно найти две формулировки цели образования.

В «Великой дидактике» мы встречаем такой вариант: «Все люди, которые только родились, произошли на свет с одной и той же главной целью: быть людьми, т. е. разумными существами, владыками тварей, ярким подобием своего творца. Следовательно, всех нужно вести к тому, чтобы они, надлежащим образом впитав в себя знания, добродетель и религию, могли с пользой пройти настоящую жизнь и достойно подготовиться к будущей [28, с. 26].

В «Пампедии» Я. Коменский пишет: «Первое наше желание в том, чтобы до полноты человечности были развиты не отдельные, или немногие... каждый кому было суждено родиться человеком, чтобы в конце концов весь род человеческий пришел к культуре независимо от возраста, сословия, пола и народности», «Во-вторых, мы желаем, чтобы каждый получивший правильное образование человек достиг полноты культуры и не только в одном, или в некоторых, или даже многих направлениях, но во всех, способствующих совершенству человеческой природы...», «Причем именно всесторонне; не напоказ и для обмана, но во имя истины...» [29, с. 107].

«Три необычные вещи хотим мы посоветовать...: привести к всесторонней культуре (1) всех, (2) во всем, (3) во имя всеобщего просвещения» [30, с. 108].

Таким образом, во второй формулировке цели образования у Я. Коменского фигурирует гуманистический идеал полноты человечности, без ссылок на божественные предначертания. Почему светская школа не может использовать такой идеал – непонятно. В принципе, как раз советская школа, в лучших своих проявлениях, и стремилась к такому идеалу.

Как видим, ни христианство, ни гуманизм как основа целей образования А. Адамского не устраивают.

Другим противником А. Адамского, как ни странно, выступает наука: «Второе основание – это убежденность в том, что научная модель мира, во-первых, существует, а во-вторых, может являться содержанием образования. Ученые, математики, философы XVII в. были уверены в том, что они могут с помощью своих моделей объяснить мир. Но этой уверенности с тех пор заметно поубавилось. И сегодня, на рубеже веков, мы уже обсуждаем кризис, а по мнению Василия Васильевича Давыдова, даже полный крах научного мировоззрения. При этом мы продолжаем строить «содержание образования» (теперь эти слова нужно взять в кавычки), а именно выстраиваем учебный предмет, как сколок науки (например, учебный предмет «математика» – сколок математики как науки). Комбинацию же этих учебных предметов, как возможную научную модель, мы делаем предметом освоения ребенком и таким образом выстраиваем образование» [31].

В чем заключается «крах научного мировоззрения» непонятно. Пусть наука не достигла абсолютной истины, и никогда ее не достигнет, но масса относительных истин ей известна. Как же в век быстрого научно-технического прогресса не знакомить учеников с начатками наук, с их достижениями? Какая же тогда будет социализация?

Ни наука, ни религия не вдохновляют нашего реформатора. Возможно, не совсем неправы те, кто приписывает А. Адамскому симпатию к оккультизму, в частности, к вальдорфской педагогике, базирующейся на идеях Р. Штайнера.

В конце своей статьи, А. Адамский, на наш взгляд, бездоказательно заявляет: «Но в наше время знания и навыки быстро устаревают, и мы после окончания школы теряем возможность для самоопределения на их основе. Именно в этом смысле можно говорить о низкой функциональности и эффективности системы образования» [32]. Неужели устарели знания, что «дважды два – четыре», или, что «Волга впадает в Каспийское море»? Вряд ли. Школа должна давать базу, позволяющую развиваться на ее основе человеку дальше. А вот если этой базы не будет, тогда мы действительно «потеряем возможность самоопределения».

Примечательно интервью А. Адамского «Заканчивается эпоха в образовании длиной в пятьсот лет». Название говорит само за себя. Новаторство А. Адамского доходит до отрицания самих принципов классической школы, существующей столетиями. В интервью он формулирует свое кредо: «Наша идеология: многообразие, самоопределение, и развитие, понятное, как альтернатива копированию и простой репродукции» [33].

По мысли реформатора, в эпоху глобализирующегося общества на смену традиционной школе приходят неформальные, не системные образовательные институты, в частности, интернет.

По мысли А. Адамского, получение знаний уже не представляет для учащегося проблемы, если он подключен к глобальной информационной сети. «Сейчас не так важно, сколько запомнили, любую справочную информацию можно получить мгновенно. Важнее, что человек умеет делать со знаниями, и умеет ли сам двигаться, получая их от среды» [34].

Здесь мы опять-таки видим стремление представить традиционную школу как школу только запоминания. Опять игнорируется фактор понимания. Школьник может найти в интернете научный труд, допустим, по истории, но много ли он в нем поймет?

Нужно еще учесть преобладание в интернете недостоверной и прямо вредной для детей информации. Но для А. Адамского такой проблемы как бы и не существует.

На вопрос корреспондента: «Согласитесь, что удельный вес разумности в сети меньше, чем в печатной продукции даже 20 века? Понятно, что общий вес умного и полезного – только больше. Но доля падает», А. Адамский отвечает: «Я думаю, то же самое говорили переписчики книг в начале эпохи книгопечатания. Что раньше, когда писали от руки, что попало не переписывали. А еще раньше так говорили хранители устных традиций, когда появилась письменность» [35].

Примечательно, что А. Асмолов не столь радужно смотрит на результаты информатизации детей. Он пишет о рисках информационной социализации, которым относит такие феномены, как феномен «информационной акселерации», приводящий к резкому дисбалансу интеллектуального и личностного взросления детей; феномен «обратимости жизни», смешения виртуальной реальности и действительности, приводящей в ряде случаев к росту подростковых суицидов; феномены информационных неврозов, интернет-зависимости, приводящие к выпадению детей из социальной жизни. Так что нужно очень осторожно относиться к подобным «неформальным образовательным институтам».

Цель образования А. Адамским мыслится в виде производства «успешных людей»: «Вот традиционная среда усвоения знаниевых шаблонов – и человек после ее прохождения может быть только исполнителем, это одна судьба, один социальный статус. А вот среда, после которой человек может самоопределяться, находить себя в деятельности, это другая социальная роль, другая успешность» [36].

Шкала успешности ребенка внутри школы и шкала успешности ребенка в реальной жизни абсолютно не совпадают друг с другом. А нужно сделать так, чтобы успехи и успешность ребенка в школе определяли его успехи и успешности за границами школы.

«Натуральные показатели успеваемости или хорошего поведения в классе, конечно, важны, но социализация ребенка как во время учебы, так и после нее слабо связана с этими показателями. Вообще социализация ребенка, его успешность оказались настолько важными эффектами, что стало совершенно очевидно – одними учебными результатами не объяснить и, что самое главное, не обеспечить успешность ребенка ни во время учебы, ни тем более после нее.

И сколько бы мы не тратили времени на пустые споры о том, что же такое успешность и как личный успех связан с общественной пользой (конечно, связан, и это лежит в природе успеха личности – общественном признании, тут и спорить нет смысла), очевидным фактом стало то, что без признания достижений ребенка в самых разных, не только учебных направлениях, успешную личность, способную к самореализации, к принесению пользы другим людям, не сформировать.

Не строгие наказания за несоответствие заданному образцу (пока не повторишь правильно – буду считать тебя отстающим), а способность в своей талантливости и наклонности достигать высоких результатов обеспечивает самореализацию личности и максимальную возможность принести пользу другим.

Каждый может стать успешным учеником, но не каждый будет успешен, если направления успеха сузить до одной-единственной возможности – быть отличником по всем предметам. Поэтому наше определение качества образования – это уровень успешности и социализации ребенка и выпускника... [37, с. 6–7].

Таким образом, качество образования для нас – это уровень успешности, социализации гражданина, а также уровень условий освоения им образовательной программы школы (образовательного учреждения).

Успех – очень широкое понятие. В широком смысле – это достижение поставленной цели. Но жизненные цели у людей могут быть разными. И достижения, соответственно, – разные. Из контекста приведенных высказываний А. Адамского ясно, что он понимает под успехом именно материальный успех. Предприниматель, менеджер, руководитель, а не исполнитель – вот ориентир для А. Адамского. Но таких людей – явное меньшинство. А как же быть остальным? Для них, видимо, предполагается образование по минимуму и ранняя профессиональная специализация, чтобы работать в сфере услуг наемным работником. Подлинным развитием личности, которое достигается через освоение фундаментальных культурных достижений здесь и не пахнет. Образование ограничивается кусочками знаний и компетенций, избираемых по прихоти ученика или в соответствии с сигналами рынка.

Но разве знание, нравственность, развитый эстетический вкус сами по себе не имеют ценности, а только тогда, когда приносят доход и повышают престиж? А что если материальный успех потребует безнравственных действий? К этому надо готовить ученика, к такой «социализации»? В условиях дикого капитализма в России преуспело немало аморальных и невежественных людей. Значит, ли это, что российская школа должна на них ориентироваться как на образец?

Каков же образ инновационной школы будущего, по А. Адмскому: «Давайте выскажу версию. Образование будущего как сеть, где в узлах какие-то экспертирующие, лицензирующие и навигационные центры, отправляющие индивида в его личном путешествии по съемным образовательным модулям. Вот здесь учат языки, вот здесь ставят финансовую грамотность, вот здесь риторику, и так далее. Ключевое здесь – избыточность вот этих ветвей, или, как вы сказали, модулей. Общеобязательных предметов, пронизывающих весь образовательный путь, должны быть не так много, может быть, всего два-три. Математика, например, родной язык, возможно – родная история. Все остальное – на выбор. Не факультативно, это обязательный набор, который впрочем, формируется самим учащимися с помощью тьюторов и родителей. И это нормально, но, опять-таки, поначалу трудно будет убедить родителей в этой норме. Сейчас ключевое – уметь ставить себе задачи и находить ресурсы под них, в том числе знаниевые. При этом, возможно, воспроизводить запомненное стали хуже, но это не главное» [38].

Из этих слов видно, что главный удар А. Адамский направляет против общеобязательного ядра образования в средней школе, состоящего из набора фундаментальных предметов. Основное содержание образования, по мысли А. Адамского, должно формироваться на основе произвольного выбора детей и родителей, при помощи, правда, неких тьюторов.

Опять-таки возникает вопрос: обладают ли дети и родители необходимой квалификацией для того, чтобы произвести рациональный выбор предметов? Очень велик в этом случае риск одностороннего, бессистемного, мозаичного образования. Разве это полезно для личности? Конечно, задатки и склонности ученика, безусловно, надо учитывать, как при индивидуальном подходе к каждому ученику при освоении общеобязательной программы, так и, в особенности, в дополнительном образовании. Но, тем не менее, общеобязательное ядро знаний он должен усвоить.

Дополнительное образование по новому ФГОС становится частью общего образования и входит в нагрузку учителя. Происходит интеграция основного и дополнительного образования. Здесь, несомненно, сказывается влияние эвриканцев. Одновременно проводится «оптимизация» сети учреждений дополнительного образования в соответствии с принципом подушевого финансирования.

Вследствие введения стандартов второго поколения сейчас наблюдается тенденция перевода дополнительного образования в школы. При этом происходит серьезное искажение идеи дополнительного образования. Форматы уроков не позволяют работать с детьми в режиме кружка. На уроке нужно поддерживать дисциплину, а на кружке детям позволительно расслабиться. Да и нужно ли перегружать уже уставших после основных уроков детей?

Есть и ещё одна опасность – будет происходить замена профессиональных педагогов дополнительного образования учителями школы и как следствие выбор предметов резко сузится, а может быть даже просто станет факультативом основных предметов. Дополнительное образование имеет большую специфику, и чтобы овладеть его приемами требуется многолетняя специальная подготовка.

Двигаясь таким путём, мы рискуем потерять нашу уникальную российскую систему дополнительного образования. Это означает, что многие дети не смогут в достаточной мере развить свои способности и даже не узнают об их существовании. Страна лишится многих будущих чемпионов, художников, артистов и ученых мирового класса. Неравенство в доступе к дополнительному образованию неизбежно будет вызывать недовольство и протесты в обществе. Для детей из малообеспеченных семей, которым будет затруднен доступ к дополнительному образованию, возрастут риски поддаться асоциальному поведению, наркомании, преступности, суицидальным наклонностям. Экономия на бесплатном дополнительном образовании неизбежно вызовет рост расходов на правоохранительные органы, исправительные и медицинские учреждения. Для общества в целом экономия получится мнимой, а вред – громадным.

По мысли А. Адамского надо научить ребенка действовать в ситуации неопределенности. Инновационное образование – формирование способностей строить свои действия в новой, неизвестной ситуации. Но, даже действуя в ситуации неопределенности, человек все же опирается на что-то: на свои знания, опыт, использует свои способности. Как же успешно действовать в таких ситуациях, не имея хорошей базы знаний? Наличие фундаментальных знаний нисколько не противоречит заявленной цели, наоборот способствует нахождению правильного выхода из ситуации.

А. Адамский и его единомышленники ориентируются на западный опыт оценки образования. Отсюда стремление выявить некие сквозные результаты, развитие компетентностей, социального опыта и пр. Замысел реформаторов в том, чтобы максимально формализовать процесс оценки работы учителя и школы, максимально держать их под контролем, желательно, внешним, обложить, так сказать, их «красными флажками», чтобы они работали «правильно». Правильная работа должна, по их мысли вознаграждаться материально, а неправильная, соответственно, наказываться рублем.

А. Адамский является рьяным приверженцем проводимой в стране бюджетной реформы. Сутью ее является введение квазирынка в государственное управление социальной сферой, главным элементом – подушевое финансирование.

В этой реформе ярко проявилось влияние глобализации на Россию. Она проникнута духом рыночного фундаментализма, экономизма, ориентируется на западные аналоги, и продвигается реформаторами, сотрудничающими со Всемирным банком. Откроем любопытную книгу: «Механизмы финансирования школьного образования в Российской Федерации: опыт и проблемы. Аналитическая записка. Сентябрь 2004 г.» Всемирный банк [39]. В ней мы найдем настойчивые советы по введению подушевого финансирования, пропаганду автономных учреждений, и квазирынка – суть бюджетной реформы.

Нам представляется, что сама идея, что можно точно измерить результат обучения и определить вклад педагога, недостаточно обоснована. Ведь обучение в школе и вузе есть субъект-субъектное взаимодействие. И 50% успеха зависит от самого ученика, а не только от учителя. Кроме того, как учесть отдаленный результат образования, который выявится в будущем? Результат образования относится к доверительным благам, достоверные сведения о которых становятся ясными обычно лишь спустя немалое время после их получения.

Профессия педагога, врача, социального работника несколько необычна. Она подразумевает, что носитель профессии не просто выполняет свой служебный долг, но и осуществляет еще и служение людям. Эффективность работы в данных профессиях в сильной степени зависит от того, насколько сам трудящийся увлечен процессом труда. Иными словами, для таких профессий важна внутренняя мотивация. Когда рыночные фундаменталисты делают ставку именно на материальное поощрение, они нарушают и искажают эту внутреннюю мотивацию. Они предполагают, что учитель будет стараться учить лучше, а врач – лучше лечить только в том, случае, если получит за это дополнительное материальное вознаграждение. Но настоящий учитель или врач рассматривает свою работу как призвание и будет стараться работать как можно лучше – с дополнительным вознаграждением или без него. Редукция мотивации труда учителя или врача только к материальным стимулам подрывает их самоуважение.

Введение экономических стимулов в работу учителя неизбежно искажает его трудовую мотивацию. Вместо того, чтобы стараться учить детей как можно лучше, он начинает работать на показатели. Пример с ЕГЭ здесь весьма поучителен.

На практике стремление все контролировать, формализовать, материально стимулировать приводит к обратным результатам – не к улучшению работы, а к ее ухудшению или имитации. Увеличивается вал отчетности, которую проверить уже фактически невозможно, и составление которой отнимает драгоценное время у педагога (да и у врача). Поскольку многие измеряемые параметры слабо зависят от усилий педагога, то вырабатывается «методика» подгонки показателей под требуемый результат. Так, например, один из показателей – динамика успехов ученика в течение учебного года. Поскольку от нее зависит стимулирующая часть зарплаты, то педагоги занижают оценки в начале года и завышают в конце, чтобы получить нужную динамику.

В. Тамбовцев отмечает, что введение рыночных элементов в систему образования способствует развитию у учителей оппортунистического поведения: «Если конкуренция между школами ориентирует их руководителей на повышение качества школы, то стимулирующая

оплата труда учителей (так называемая merit payment system), напротив, ориентирует их в значительной мере на оппортунистическое поведение (“мягкое” выставление оценок, подделки на экзаменах, “натаскивание” на сдачу тестов и т.п.)» [40].

На наш взгляд, 83-й закон о бюджетной реформе будет способствовать дальнейшей коммерциализации образования. Государственное задание по нормативному методу поставит многие учреждения в тяжелое финансовое положение. Поскольку отменяется субсидиарная ответственность государства за свои же учреждения, они будут предоставлены самим себе. А поскольку им разрешены платные услуги – это и станет для них палочкой-выручалочкой. Так что из самой логики закона вытекает все большая коммерциализация образования и медицины, все большая замена бесплатных услуг на платные.

Платность среднего образования может проявиться в нескольких формах. Во-первых, платность за дополнительные дисциплины, кружки, секции. Во-вторых, платность за навязанные образовательные услуги. Когда выделяется недостаточно часов для освоения основного курса, и учащийся вынужден брать дополнительные платные уроки. В-третьих, плата за содержание учреждения, если денег по нормативам будет не хватать. Четвертый момент связан с конкурсами, в которых могут участвовать и частные учреждения образования. Дело в том, что такой конкурс представляет собой нечестную конкуренцию. Ведь частное учреждение имеет финансовое преимущество перед государственным. А если оно побеждает в конкурсе и берет госзаказ, то где должны тогда учиться школьники, обучающиеся в государственном учреждении? Получается, что они должны пойти в частную школу и платить за обучение?

Кроме того закон создает благоприятные условия для расцвета коррупции и всяческих злоупотреблений в бюджетной сфере. Результатом его введения в действие будет ликвидация многих лечебных и образовательных учреждений и увольнение работающих в них бюджетников. В «Дорожной карте образования» об этом недвусмысленно сказано.

Мы видим, что негативные последствия, связанные с бюджетной реформой, многократно превышают возможные (не очень ясные, правда) плюсы. Велики и социальные риски, связанные с дальнейшим социальным расслоением нашего общества и перекрытием социального лифта для детей из недостаточно обеспеченных семей. Вспоминается известная поговорка «Бойтесь данайцев (сторонников глобализации), дары приносящих».

Рыночные фундаменталисты игнорируют то обстоятельство, что в сфере массового образования и здравоохранения в силу самой специфики этой сферы имеют место провалы рынка.

Особенно ясно это из состояния нашего высшего образования. Л. Полищук и Э. Ливни отмечают: «Сектор высшего образования в России несомненно является высококонкурентным; он в значительной мере либерализован, по крайней мере номинально модернизирован, обслуживает потребности рыночной экономики, где ценится качественная продукция, — и несмотря на все это общий уровень качества образования в целом остается низким. Налицо, таким образом, «провал рынка» высшего образования в том смысле, как это явление понимается экономистами, т.е. неспособность чисто рыночных механизмов обеспечить эффективное удовлетворение потребностей общества» [41, с. 3].

Они отмечают, что стратегией конкуренции становится облегчение учебных программ, что ухудшает качество обучения: «Высшее образование является едва ли не единственным товаром, где рост качества сопровождается увеличением издержек не только производства, которые включаются в цену, но и потребления. Ясно, что с этой точки зрения повышение уровня преподавания и требований к студентам может при прочих равных условиях привести к потере части студентов, которые предпочтут получение диплома «меньшей кровью» в других вузах. Таким образом, в сложившихся условиях конкуренция российских вузов сама по себе не только не обеспечивает качественного высшего образования, но и способствует распространению несостоятельных учебных программ» [42, с. 7].

Е.В. Балацкий отмечает, что «в обществе произошло образование двух видов институциональных ловушек. Первый вид ловушки (организационный) — неэффективная, но устойчивая система вузов-мутантов, не дающая полноценного образования; второй вид ловушки (ментальный) — неэффективная, но устойчивая система нравов, ориентирующая студентов на отлынивание от знаний. В настоящий момент возникшая организационная форма вузов и «новая» образовательная мораль вполне устраивают подавляющую часть населения стра-

ны. Однако если такое положение дел сохранится в течение еще одного десятилетия, то деградация сферы высшего образования может стать необратимой» [43].

Правительство стремится использовать для решения проблем с высшим образованием не рыночные, а административные рычаги, де-факто подтверждая фиаско рынка в области высшего образования. Проведен мониторинг вузов, который разделил объективно, по мнению министерских работников, вузы на «эффективные» и неэффективные». Сами критерии оценки подвергались многочисленной обоснованной критике. В планах правительства увольнение трети «лишних» педагогов высшей школы и введение «эффективного» контракта.

Но ведь подобное положение сложилось не случайно. Оно тесно связано с прошедшими в России рыночными реформами, которые проходили под патронатом глобалистских организаций, в частности. МВФ

Е.В. Балацкий считает, что интеллектуалоемкие сектора отечественной экономики почти полностью деградировали и спрос предъявлялся только на представителей сферы услуг, где не требовалось почти никаких особых знаний и умений. Для работы на таких местах не требовалось высшего образования, нужен был лишь минимальный опыт. Отсюда ясно, что никакая перестройка системы высшей школы сама по себе ничего не даст, если радикально не изменится ситуация на рынке труда. Чтобы мотивировать студента, необходимо создать соответствующую экономику, предъявляющую спрос на квалифицированные кадры. А это задача, выходящая за рамки собственно сферы высшего образования, и судя по всему, это задача далекого будущего.

То же самое отмечают Л. Полищук и Э. Ливни: «Это, разумеется, связано с наличием в структуре спроса на высшее образование значительных сегментов, где качество образования ценится недостаточно либо вовсе безразлично, в том числе и с точки зрения потенциального трудоустройства [44, с. 8].

«Мотив «обязательной социализации» поддерживается стандартными требованиями к принимаемым на работу молодым сотрудникам, которые обычно ограничиваются компьютерной грамотностью, владением иностранным языком, умением ориентироваться в предмете деятельности и «общим развитием», получаемым за время учебы в вузе, – всему остальному новые сотрудники обучаются на рабочем месте. Вакансии подобного рода преобладают на нынешнем российском рынке труда – по-видимому, это связано с особенностями сегодняшней экономики России, где обрабатывающие и высокотехнологичные отрасли с высокими требованиями к специализированным профессиональным знаниям работников играют подчиненную роль. Спад промышленного производства усилил наметившееся уже во второй половине восьмидесятых годов сокращение спроса на естественнотехнические специальности, в то время как быстрорастущий сектор услуг поглощает рабочую силу со знаниями и навыками, полученными уже после одного двух лет обучения» [45, с. 8].

Таким образом, плачевное положение дел в высшем образовании и образовании вообще тесно связано с плачевными результатами рыночных экономических реформ, втянувших Россию в глобальную экономику. Встраивание российской экономики в глобальную привело к потере страной самых передовых производств, и поэтому понизило спрос на высококвалифицированную рабочую силу. Недофинансирование отрасли государством привело к расцвету платных услуг и конкуренции между вузами за студентов. Но эта конкуренция привела к понижению уровня образования. Получилась «обратная селекция».

Но тот же рынок и предлагается, как ни странно, правительством в качестве средства совершенствования образования. Лечение болезней высшего образования полагается в его еще большей коммерциализации. От вузов требуют зарабатывать деньги – не меньше 50 тыс. рублей на одного преподавателя. Нетрудно представить себе, к чему приведет этот процесс – к дальнейшей деградации отрасли. Требуются хорошие оценки – преподаватели будут их ставить, требуется сохранение «поголовья студентов» – оно будет сохраняться, даже ценой прекращения необходимого отсева. Тем более что для зарабатывания денег нужно больше платных студентов, а им ставить двойки нельзя. Стратегия, избранная правительством, в этой связи, представляется контрпродуктивной, противоречащей экономической теории.

По нашему мнению, Россия не должна идти на поводу у неолиберальной глобализации. Рыночный фундаментализм показал свою несостоятельность в условиях мирового кризиса,

когда для спасения экономики пришлось срочно использовать государственный интервенционизм.

Поэтому возрастание роли государства в экономике, разумный протекционизм, защищающий отечественного производителя, даже элементы стратегического планирования – необходимы не просто для развития нашей страны, но для ее сохранения в истории.

Мы видели сколь сомнительны также неолиберальные новации в социальной сфере, особенно, в образовании. Не следует по нашему мнению следовать курсу, предписываемому экспертами Всемирного банка. И. Ильинский, в этой связи, верно замечает: Пора осознать: цели и задачи Всемирного банка, МВФ, Всемирной торговой организации и им подобных организаций совершенно противоположны целям и задачам российского общества. Это ложь, что кому-то нужна сильная Россия с сильной экономикой, сильной армией, хорошим образованием, грамотным населением, сильным национальным самосознанием. Совсем наоборот. «Их» цель – разрушить национальное самосознание, подчинить своей власти свободные нации и государства единому (универсальному) международному законодательству и таким образом управлять любой страной и миром в нужном им направлении [4, с.20].

Более разумной нам представляется стратегия предлагаемая отечественными учеными. Группа отечественных экономистов в Институте экономики РАН под руководством Р. Гринберга и А. Рубинштейна разработала новую экономическую парадигму, которая называется «экономическая социодинамика». Согласно этой теории государство, выступая инвестором в социальном секторе, является субъектом рынка, реализующим потребности общества в развитии человеческого капитала и интеллектуального потенциала страны. Поэтому они выступают против нынешней политики, враждебной по отношению к социальной сфере: «детерминизм не выявляемых рыночным путем интересов общества несовместим с рыночными или квазирыночными процедурами распределения общественных средств, необходимых для реализации этих интересов. Иначе говоря, социальные цели, сталкиваясь с рыночными или квазирыночными процедурами распределения общественных средств, утрачивают эту определенность» [46, с. 31].

А. Рубинштейн, доктор философских наук, первый заместитель директора ИЭ РАН профессор Московской школы экономики МГУ, считает о необоснованной абсолютизации принципа: «деньги выделяются организации в зависимости от результатов ее работы. Это своего рода – «проектный фетишизм»

Он отмечает, что многие специалисты по экономике не доверяют последним нововведениям в социальной сфере: «принцип примитивной «сдельщины» предлагается внедрить, причем внедрить всеохватно и форсировано, в явно неподходящих для этого сферах». Нет необходимости говорить и об особенностях науки, культуры и образования, принадлежащих к тем секторам общественной жизни, где определить реальные «результаты работы», не подменяя их утилитарными и сиюминутными выгодами, более чем сложно, а, может быть, в режиме актуального времени – и вовсе невозможно. Административное «продавливание» этой, внешне привлекательной, идеи выделять бюджетные средства, ориентируясь на конечные и, главное, измеримые результаты, приведет к тому, что уже было в эпоху плановой экономики – к бесплодным поискам «хороших» показателей» [47, с. 35].

По мнению сторонников концепции экономической социодинамики нужны социальные стандарты достаточного финансирования образования, здравоохранения, науки, культуры, ненарушаемые государственные обязательства. Они предлагают не сокращать педагогов, ученых, врачей и пр., а, наоборот, повысить им зарплату, поскольку они являются производителями самого большого богатства – человеческого капитала: «минимальный уровень оплаты труда в гражданской науке, образовании и культуре устанавливается на уровне средней заработной платы работников сферы управления» [48].

Представляется, что такой дружелюбный подход к социальной сфере соответствует долговременным интересам нашей страны.

Библиографические ссылки

1. Сутовский М. Готовится российский апокалипсис // «Wirtualna Polska», Польша. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://netreforme.org/news/smi/gotovitsya-rossiyskiy-apokalipsis-wirtualna-polska-polsha/>

2. Комков С. Казенная автономия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russia-today.ru/tema-nomera/535-sergej-komkov-kazennaya-avtonomiya.html>
3. Днепров Э.Д. Образовательный стандарт – инструмент обновления содержания общего образования. М., 2004. С.33–34
4. Ильинский И. Эти странные российские реформы...// Вестник аналитики. Журнал аналитических материалов. №3 (49).
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Сосновский Б.А. Трансформация психологических проблем современного образования // Развитие методологических знаний у обучаемых: материалы Всероссийского научно-методологического семинара, Новый Уренгой, 11 декабря 2009 г. / Отв. ред. Г.А. Дзида. 2010. С.81–85.
9. Крупнов Ю. Практика персонального образования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kroupnov.ru/pubs/2007/04/09/10543/>
10. Лакруа Ж. Избранное: Персонализм. М.: РОССПЭН, 2004.
11. Асмолов А.Г. Образование как ценностное полагание: диалог между педагогикой сотрудничества и культурно-исторической психологией. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.firo.ru/?page_id=3132
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Асмолов А.Г. Ведущая деятельность и социальная ситуация развития. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prosvpress.ru/2011/01/vedushhaya-deyatelnost-i-sotsialnaya-situatsiya-razvitiya/#more-137>
16. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека: 3-е изд., испр. и доп. М.: Смысл; Академия, 2007.
17. Там же.
18. Школа искусства жизни. // Трибуна. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tribuna.ru/news/society/school_of_art_of_living/
19. Асмолов А. Без визы блогосферы документ не действителен. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/society/7099.html>
20. Там же.
21. Там же.
22. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека.
23. Селье Г. От мечты к открытию: Как стать ученым. М.: Прогресс, 1987.
24. Лакруа Ж. Избранное: Персонализм. М.: РОССПЭН, 2004.
25. Ильин И. Путь духовного обновления // Ильин И. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.
26. Асмолов А. Без визы блогосферы документ не действителен.
27. Адамский А. Коменский и современная школа // Школьный психолог. 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://psy.1september.ru/2000/44/5_2.htm
28. Коменский Я. А., Локк Д., Руссо Ж.-Ж, Песталоцци И. Г. Педагогическое наследие. М.: Педагогика, 1988.
29. Там ж.
30. Там же.
31. Адамский А. Коменский и современная школа.
32. Там же.
33. Адамский А. Заканчивается эпоха в образовании длиной в пятьсот лет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newslab.ru/article/358187>
34. Там же.
35. Там же.
36. Там же.
37. Что такое качество образования? М.: Эврика, 2009.
38. Адамский А. Заканчивается эпоха в образовании длиной в пятьсот лет.

39. Механизмы финансирования школьного образования в Российской Федерации: опыт и проблемы: аналитическая записка. Сентябрь 2004 г. // Всемирный банк. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2006/05/04/000090341_20060504133100/Rendered/PDF/299430RUSSIAN01cation1Russia1PN1rus.pdf
40. Тамбовцев В. Реформы российского образования и экономическая теория. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sigma-econ.ru/.files/2092/tambovtsev3-05.pdf>
41. Полищук Л., Ливни Э. Качество высшего образования в России: роль конкуренции и рынка труда // Теоретические и прикладные исследования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.hse.ru/data/998/611/1237/Polys4uk\[1\].pdf](http://www.hse.ru/data/998/611/1237/Polys4uk[1].pdf)
42. Там же.
43. Балацкий Е.В. Институциональные конфликты в сфере высшего образования // Свободная мысль – XX. 2005. №11
44. Полищук Л., Ливни Э. Качество высшего образования в России: роль конкуренции и рынка труда.
45. Там же.
46. Рубинштейн А.Я. Теоретические аспекты социальной политики государства // Социальная политика в контексте «нормативной теории государства» / под общ. ред. проф. А.Я. Рубинштейна. М, 2009.
47. Там же.
48. Рубинштейн А.Я. Стратегия социального императива. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://institutiones.com/strategies/239—q-q.html>

Т. Ю. ЗЕЛЕНИНА

Национальный исследовательский Иркутский государственный технический университет, г. Иркутск

РОЛЬ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В последние годы активно ведется усовершенствование и модернизация содержания образования, основным направлением которого является обеспечение условий для развития потенциальных возможностей обучающихся. Разработка содержания осуществляется в соответствии с компетентностным подходом. Под компетенцией подразумевается некая сфера деятельности или действительности, в области которой человек должен быть компетентным, умеющим мобилизовать свои способности. **Компетентность** – это интегральная характеристика знаний, умений и способностей студентов, позволяющая адекватно оценить определенную ситуацию в окружающем мире, высказать авторитетное мнение о ней или принять необходимое решение. На симпозиуме, состоявшемся в Берне 27–30 марта 1996 г. по программе Совета Европы, были озвучены ключевые компетенции, которые необходимы для успешной деятельности: политическая и социальная; компетенция, связанная с жизнью в мультикультурном обществе, относящаяся к владению устными и письменными коммуникациям, а так же связанная с информатизацией общества, способность к самообразованию (профессиональному, социальному, и т.д.) в течение всей жизни.

Несомненно, ощущается потребность в хорошо подготовленных специалистах, которые ориентированы на понимание научной картины мира, на социальную активность, на духовность, на формирование культуры общества в целом. Соответственно при современной тенденции развития педагогических систем образованный компетентный специалист – это, несомненно, человек культурный. Понятие культура можно трактовать по-разному, но значимым атрибутом всегда признается глубоко осознанное, уважительное отношение к историческому наследию прошлого и к традициям и обычаям других народов, а также умение творчески воспринимать, понимать и преобразовывать действительность в разных сферах деятельности и межличностных отношениях. Процесс глобализации приводит к постоянно-му взаимодействию, интегрированию национальных сообществ, стран и регионов. Глобализация повлекла за собой рост напряженности межнациональных и межрасовых конфликтов,

миграционные процессы, которые в свою очередь влияют на социальную и этнокультурную жизнь обществ. Понимание и осмысление этих процессов, а так же первые попытки их решения способствовали осознанию гражданским обществом феномена мультикультурности в большинстве стран мира.

Мультикультурализм – совокупность разнообразных процессов развития, в ходе которых раскрываются многие культуры в противопоставление единой нации, это ставит под сомнение наличие национальной идентичности [1, с. 68].

Понятие «мультикультурализм», как правило, используется в двух значениях: в первом значении «мультикультурализм» – это феномен этнокультурной фрагментации социума; более точно его можно обозначить как «многокультурность», которая обращена против культуры как общенационального явления. Соответственно речь идет не о культурной автономии в контексте так называемой культурной общности, а именно о ее фрагментации. Во - втором значении «мультикультурализм» предстает как идеология и политика, в значительной мере опирающиеся на либеральные концепции «культурного разнообразия», транслирующие расовые, этнические и субкультурные предпочтения в различных сферах общественной жизни. Их цель – искоренение дискриминации и достижение «равенства» различного рода меньшинств с национальным большинством.

«Мультикультурализм», как одна из составляющих либеральной идеологии, направлен на осуществление политики согласия и стабильности, а так же содействие культурному плюрализму и защиту культурного многообразия. Ко всему прочему это один из аспектов толерантности, заключающийся в требовании смешения культур в целях их взаимного обогащения, проникновения и развития в общенациональном русле массовой культуры. Принципы мультикультурализма распространяются как на политические, социальные, культурные сферы, так и на образование, найдя свое воплощение в образовательном законодательстве ведущих стран мира. Это объясняет то, что с поддержкой мультикультурного образования выступает Совет Европы [2, с. 89].

Мультикультурное образование – это образование, создающее равные для всех народов условия для реализации своих культурных потребностей, которые приобщают молодежь к культурным и нравственным ценностям других стран и народов. Как раз в нём осуществляется в полной мере принцип диалога и взаимодействия культур. Мультикультурное образование создает мультикультурную личность, признающую культурный плюрализм и активно способствующую ему, нацеленную защищать национально-культурное многообразие [3, с. 65].

Перед мультикультурным образованием стоят определенные задачи: изучать психологию расизма, дискриминации, механизмы создания стереотипов, ксенофобии; осознавать и принимать многокультурные идентичности учащихся; исследовать национально-культурную атмосферу в классе (группе) для определения уровня толерантности национально-культурных различий; формировать атмосферу толерантности, уважения, принятия и утверждения культурных различий в классе (группе); строить взаимоотношения и общение между учащимися на основе взаимопонимания и уважения, пробуждать взаимный интерес к национальной культуре друг друга; творчески разрешать конфликты, не прибегая к насилию и учить этому учащихся.

Немаловажную роль в основе мультикультурного мировоззрения играет система ценностных ориентаций, находящаяся в постоянном развитии. Проявляется же мультикультурное мировоззрение в виде установок на организацию образовательно-воспитательной деятельности с учетом позиций мультикультурализма. Объективные ценности и цели отражают потребность общества в мультикультурном образовании, положение психолого-педагогической науки, определяют выбор преподавателей ценностей содержания и средств. Ценности содержания, как составляющая мультикультуральности преподавателя, объективируются в его сознании в форме ведущих мультикультурных принципов, идей, понятий, закономерностей. В качестве ценностей средств выступают ценности народной культуры, например фольклор, всевозможные обряды, нормы и этикет и т.д.

Одним из направлений поступательного развития считается включение в педагогический процесс эффективных методов и форм развития и воспитания учащихся на основе этнокультуры, которая вбирает в себя самое ценное, созданное на протяжении веков мудростью народа, которое наиболее сильно находит свое отражение в народной эстетике. Внедрение в мультикультурное образование эстетических представлений различных этносов даст воз-

возможность эффективно сгенерировать мультикультурное пространство, где обучающийся будет не только знать, но и воспринимать красоту этнических традиций, обычаев и обрядов [4, с. 41].

Структурными компонентами «мультикультуральности» как основного и содержательного понятия являются следующие элементы.

1. Когнитивный – включает в себя знания, представления о сущности мультикультурализма, его проявлении в образовании, о составляющих «мультикультуральности», особенностях культуры своего народа и тех народов, которые представляют учащиеся класса, школы или ВУЗа, а также знания о целях, содержании и технологии такого образования.

2. Эмотивный – направлен на развитие эмоционально-чувственной сферы, которая проявляется в убеждениях, чувствах, эмоционально-ценностном отношении к национально-культурным особенностям, традициям, языку, обычаям, психологии, истории и другими особенностями своего народа и других народов республики, страны, мира.

3. Мотивационно – рефлексивный, представляющий целый комплекс внутренних волевых усилий, которые направлены на усвоение знаний, умений и навыков осуществления мультикультурного образования, его оценки и анализа; выражающийся в интересах и склонностях преподавателя к реализации мультикультурного образования, к саморазвитию и самовоспитанию.

4. Деятельностный – проявляется в действиях, поступках самого преподавателя в отношении к людям другой национальности и культуры, а также умении направлять деятельность учащихся на формирование у них толерантности и культуры межнационального общения [5, с. 45].

Таким образом, формирование мультикультурной личности учащихся в учебном заведении – это учебно-воспитательный процесс, который опирается на специфические содержание и технологии образования. Он направлен на приобретение учащимися ценностей, знаний, умений и навыков мультикультурного образования, самовоспитание себя как личности, и, непосредственно, как специалиста – профессионала. Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что «мультикультурное» образование учащегося в педагогическом смысле означает учебный и воспитательные процессы в жизнедеятельности личности, как уже состоявшейся, так и на границе саморазвития и совершенствования. Ко всему прочему это процесс создания условий формирования мультикультурности учащегося, как компонента процесса социализации личности студента – будущего компетентного специалиста, который, несомненно, является залогом процветающего духовно развитого общества в целом.

Библиографические ссылки

1. Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование. М.: Народное образование, 1999. 68 с.
2. Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности поли этнических обществ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 89 с.
3. Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения. М.: Педагогика, 1981. 65 с.
4. Палаткина Г.В. Мультикультурное образование: современный подход к воспитанию на народных традициях. М.: Педагогика, 2002. № 5. 41 с.
5. Малахов В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. М.: Модест Колеров и Дом интеллектуальной книги, 2001. 45 с.

А. А. КАРТАШОВА

Томский государственный политехнический университет, г. Томск

ИННОВАЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современное общество претерпевает процесс глобализации. Глобализация – явление динамичное, и, в то же время, многогранное. Поэтому последствия ее влияния вызывают разногласия и споры. Это относится и к периодизации разных фаз глобализации, и к оценке специфических особенностей её нынешней стадии. В изучении глобализации должен использоваться комплексный подход. Это относится как к экономическим, политическим, социокультурным и иным аспектам глобализации, так и её результатам.

Под глобализацией обычно понимают, прежде всего, сближение во всех сферах жизни общества: экономической, политической, социальной и духовной. Прежде всего глобализация проявляется в экономической сфере. Она проявляется через усиление взаимосвязей и развитие интеграционных процессов в результате ощутимого снижения препятствий, стоявших на пути движения капиталов, свободного обмена товаров, услуг, информации, знаний. Это ведёт к возрастающей взаимозависимости рынков и производства разных стран, на которую влияют новые финансовые и технологические потоки [1, с. 8].

К важнейшим направлениям глобализации относятся технологические нововведения. На основе базисных технологических инноваций может сформироваться новый постиндустриальный технологический способ производства, который способен в итоге создать условия для удовлетворения потребностей возрастающего числа людей. Особое место в этом процессе принадлежит образованию, так как именно знания открытые наукой и передающиеся через образование, способствуют модернизации и повышению производительности труда.

Глобализация таит в себе опасность подавления национальных традиций. Образование позволяет сохранить уникальность своих традиций, и гармонично вписаться в процесс всеобщей интеграции, сохранив конкурентноспособность.

В самом образовании происходит процесс экономизации. Теперь образование рассматривается как средство для инновационного развития и обеспечения устойчивости социальной системы государств.

Сегодня уровень образования населения является важнейшим фактором устойчивого развития любой страны. Сравнительные преимущества стран все меньше и меньше определяются богатством природных ресурсов или дешевой рабочей силой и все больше – техническими инновациями и конкурентным применением знаний. Экономический рост сегодня является в такой же мере процессом накопления знаний, как и процессом накопления капитала» [2, с. 7–8].

В настоящее время высшее образование в России характеризуется резким увеличением численности выпускников высших учебных заведений, а финансирование увеличивается несущественно. Наблюдаются диспропорции в специальностях, в частности, резкий рост по специальностям «экономика и управление», «юриспруденция». Постоянно увеличивается платный сектор образования, количество студентов в котором уже равно количеству бюджетных студентов. Оплата за обучение постоянно увеличивается, особенно в крупных городах. Также растет количество вузов, как государственных, так и частных. Причем в различных регионах страны до 20 % высших образовательных учреждений работает без лицензии.

Без постоянных инвестиций, образование не сможет должным образом реагировать на запросы рыночной экономики. Таким образом, важная роль в развитии современного образования отводится государству. Поддержка государства необходима особенно в области фундаментальных наук, так как именно они обеспечивают будущие инновационные технологии, которые, в свою очередь способны значительно повысить производительность труда в масштабах всего общества, а значит качество жизни и, как следствие, снизить имеющуюся социальную напряженность.

Инновации в образовании связаны с изменениями в содержании, структуре, методах и средствах обучения и воспитания. Инновационная деятельность является важнейшим инструментом повышения качества и конкурентоспособности образования.

Инновационное образование предполагает обучение в процессе создания новых знаний, в результате активного взаимодействия образования с наукой. Переход российского образования на инновационный путь развития может быть достигнут за счет интеграции фундаментальной науки, непосредственно учебного процесса и производства [3, с. 31].

Инновационность выступает важнейшей парадигмой современного образования. Происходит пересмотр и обновление программ обучения в сторону стимулирования творческой деятельности студентов, привлечение их к активному участию в научной деятельности.

Новая формирующаяся парадигма образования основана уже не на воспроизводстве готового знания, а на готовности индивида к действию в разнообразных ситуациях.

В современном обществе знание уже не рассматривается как абсолютная ценность. Знание объявляется ценным только при наличии возможности его практического использования. Поскольку общественная ситуация постоянно меняется: информация обновляется, технологии усовершенствуются, даже ценности пересматриваются, требования к индивиду возрастают. Теперь он должен приспосабливаться к настоящему, то есть быть готов к получе-

нию новых знаний и обучению в течение всей жизни. То есть, образование, основанное на постоянном обновлении знаний, рассматривается как ценность, необходимая для достижения жизненного успеха.

Одним из новых механизмов государственной инновационной политики является выдвижение важнейших инновационных проектов государственного значения, в реализацию которых активно включаются университеты.

Преобразование ведущих университетов России в учебно-научно-инновационные комплексы является важнейшей составляющей стратегии инновационного развития России. Взаимосвязь науки, образования и инноваций реализуется на базе крупных университетов технологических и научных парков, инкубаторов технологий и т.д. Поэтому у преподавателей и студентов появляется возможность участвовать в технологическом развитии наукоемких отраслей. Система образования в инновационном вузе должна быть открыта современным научным исследованиям и современной экономике. В учебном плане такого вуза должны присутствовать такие формы обучения, как проектные разработки, тренинги, стажировки на производстве, в научно-исследовательских организациях. Технологическое оснащение учебного процесса должно соответствовать уровню передовой науки.

Становление образования инновационного типа сделало актуальным ряд теоретико-методологических проблем: соотношение традиций и инноваций, критерии оценки нового в образовании, содержание и этапы инновационного цикла, отношение к инновациям разных субъектов образования, эффективное управление инновациями, подготовка педагогических кадров, готовых к инновационной деятельности и ряд других [4, с.78–79].

Соотношение традиций и инноваций.

Сегодня качество образования зависит не только от численности, структуры и подготовленности педагогических кадров, материально-технической базы учреждения образования и его престижа. Динамичные изменения современной жизни снижают время актуальности полученного знания. Это заставляет образовательные учреждения оперативно перестраиваться в соответствии с требованиями развивающейся науки, производства и рынка. В соответствии с этим увеличивается скорость смены технологий, методов и средств обучения и воспитания.

Уровень инновационного развития образования определяется соотношением старых и новых методов и способов достижения целей образовательных систем. При этом уровень инновационности образования должен быть ниже, чем в промышленности. Образование как социальный институт не предназначено для формирования внутри образовательной системы нового социального идеала, основные черты и принципы которого складываются в общественном сознании, реальной политике и практической жизни людей. Условием того, что образование является актуальным, выступает соответствие целей и форм образования этому складывающемуся идеалу. Инновации в образовании не могут быть автономно достигнутым, крайне быстрым результатом. Образование по определению должно быть в какой-то мере консервативной сферой жизни общества.

Содержание и этапы инновационного развития.

Процесс освоения инноваций между разработкой новшества и его массовым использованием весьма труден. Сегодня он зачастую сопровождается значительными потерями достигнутого вузами научно-методического уровня. Не случайно проблема качества образования выдвигается сегодня на первый план в реформировании российского образования.

Качество образования можно определить, исходя из того, что цели образования задаются так или иначе понятым и сформулированным «социальным заказом». С другой стороны, определение цели образования может исходить из так или иначе понятого «личностного заказа». Образование рассматривается скорее как способ развития личности.

Инновационное образование позволяет соединить оба выделенных подхода к определению качества образования. Образование - это долгосрочные инвестиции, и выгоду от процесса и результатов образования получает множество лиц и субъектов. Параллельно с растущими общественными потребностями в обновлении производства и уклада жизни образовательная система будет сталкиваться с частой сменой новшеств. Важно, чтобы инновации не стали предлагаться и внедряться ради самих инноваций, необходима выработка неких критериев оценки эффективности инноваций в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

С позиций социальной ценности образования, новшество можно считать освоенным в том случае, если оно, вытесняя устаревшие элементы образовательной системы, органически

встроилось в учебно-воспитательный процесс, и привело к качественным сдвигам в формировании разносторонне развитой личности, расширяет возможности учащихся получать и перерабатывать все возрастающие объемы знаний.

Отношение к инновациям разных субъектов образования.

В центре внимания при обсуждении вопросов инновационного образования оказалась адаптивная функция образования и воспитания: вписать входящего в жизнь индивида в определенный тип социальности, научить взаимодействию в группе по правилам, учитывающим конкретные социальные модели. Реформы в российском образовании идут сверху именно под лозунгом повышения адаптированности выпускников образовательных учреждений всех уровней к социальным реалиям.

Кардинально меняются социальные роли основных субъектов образования. Ранее патерналистская модель отношения учителя и ученика воспринималась обеими сторонами как должная. Сегодня мало кого удивляет критика педагогов не только родителями, но и учениками. Молодежь зачастую лучше владеет новыми способами получения и распространения информации. Есть объективные причины, затрудняющие для научно-педагогического сообщества освоение новых объемов информации и новых педагогических технологий. Регулярное обновление знаний у преподавателей образовательных учреждений с целью научного обогащения читаемых ими курсов лекций затрудняется дефицитом времени, возникающим из-за занятости в нескольких местах работы. Отставание темпов роста заработной платы в сфере образования, падение престижа преподавательской профессии приводят к тому, что молодежь неохотно идет на работу в сферу образования, растет доля преподавателей пенсионного возраста.

Массовый отказ от книжной культуры, переориентация на визуализацию информации не всегда принимается во внимание педагогическим сообществом. Рыночный подход к образованию способствует оценке образовательных учреждений, как оказывающих услуги государственных или частных предприятий. Часто основным индикатором качества оказывается удовлетворенность субъектов образования процессом образования. Оказывается оцениваемой и собственно личность педагога, уровень его предметных знаний, педагогический профессионализм, его речь и имидж.

В связи с переходом на принципы Болонской декларации: кредитно-модульная форма организации учебного процесса, двухуровневая система подготовки в вузах, значительное увеличение времени на самостоятельную работу студента при сокращении аудиторных занятий, система промежуточного и итогового контроля знаний влияние на образование конкретного студента индивидуальности профессора и ассистента будет уменьшаться, фактически основным субъектом образовательного процесса станет технический вспомогательный персонал.

Признаком образовательных инноваций рассматривается внедрение в учебный процесс тренингов, деловых, ситуационных, прогнозных, модельных игр. Причем, процесс обучения все более становится похож на процесс развлечения. Распространение тренинговых образовательных технологий на всех уровнях системы образования свидетельствует об укреплении образовательной парадигмы, ключевое назначение которой сформировать «умение», а не «знания». Отличие от прежней парадигмы образования в том, что ранее делался основной упор на усвоение знания прошлого, а теперь – на технологии поведения в ситуациях, основанных не столько на прежнем опыте культуры, сколько на индивидуальном понимании и личном опыте.

Мы живем в непростое время, когда образовательные реформы, имеющие целью приблизить нас к так называемым общеевропейским стандартам, перешли в стадию своей практической реализации. Мы отнюдь не считаем, что ничего менять не надо. Однако изменения должны улучшить, а не ухудшить качество и уровень того образования, которое мы даем.

Таким образом, можно сделать вывод, что инновации являются основным средством устойчивого развития образования в целом и высшей школы в частности. Более того, сегодня решение задачи формирования экономики, основанной на знаниях, невозможно без перехода всей сферы образования на инновационный путь развития. В системе высшей школы нововведениями затронуты все компоненты совокупной образовательной деятельности: ценностные ориентации, цели, содержание, методы и средства обучения, структура высшего образования, способы его организации и управления.

Библиографические ссылки

1. Танган С.А. Неолиберальная глобализация. М., 2004. С.8–11.
2. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы / пер. с англ. М: Весь Мир, 2003. 232 с.
3. Асаул А.Н. Управление высшим учебным заведением в условиях инновационной экономики: науч. и учеб.-метод. справ. пособие. СПб.: Гуманистика, 2007. 280 с.
4. Тодосийчук А.В. Теоретико-методологические проблемы развития инновационных процессов в образовании. М., 2005. 81 с.

К. Л. ЛЕБЕДЕВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

СОВРЕМЕННЫЕ КАНОНЫ ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

В образовательной среде в настоящее время наблюдается отсутствие ее атрибутивной связи с устойчивыми нравственными канонами, с ценностными ориентациями. В системе высшего образования, в целом, отсутствует аксиологический фундамент как основание для реализации его направленности. Ценностные ориентиры определяются этапами образования. Высшая школа призвана подготовить профессионально и социально пригодную, нравственно устойчивую, духовно целостную личность для прогрессивного преобразования социальной общности. По сути, высшее образование имеет своей целью создать для общества наивысшую ценность бытия – это гуманного, социально востребованного профессионала. И именно гуманизация образовательной среды будет способствовать раскрытию индивидуальности студента, его творческих возможностей, личностных и стилевых свойств и качеств. Она требует создания определенных методов, форм, содержания обучения для осуществления воспитывающего воздействия.

Основные психолого-педагогические технологии, такие как интерперсонализация субъект – объект – субъектных отношений «преподаватель – студент», тактическая диалогичность, моделирование профессиональных и социальных ситуаций, межпредметность как утверждение значимости определенной учебной дисциплины, восприятие студенческих экспектаций и их ценностно-потребностное удовлетворение как раз могут служить процессу гуманизации высшего образования.

Чтобы высшее образование достигло своей цели, необходимо интегрировать и унифицировать процесс его осуществления. Так как основополагающим фактором содержания и непосредственного осуществления образования во все времена являлась аксиология, то для успеха в работе с имеющимся контингентом необходимо учитывать возрастные и физиологические особенности развития отношений и ценностных ориентаций современной молодежи.

В педагогическом процессе необходимо осуществлять гуманный индивидуальный подход в функционально-эмоциональных отношениях, который позволяет целенаправленно формировать устойчивые личностно-стилевые и квалификационные свойства и качества. Индивидуальный подход сам по себе дифференцирует и унифицирует педагогическое воздействие на обучающихся, а гуманная направленность в осуществлении такого подхода, то есть его качественная сторона интегрирует весь учебно-воспитательный процесс.

Индивидуализация как искусство использования оптимальных методов и приемов воздействия на определенного человека способствует эффективности нравственного воспитания в вузе через преподавательско-студенческие отношения. Индивидуальный подход предполагает унифицировать воспитательную деятельность в определенные периоды обучения – это первый и второй курсы, третий и четвертый, соответствующие первому, второму и третьему периодам.

В первом периоде учитывается исходный уровень нравственной воспитанности, определяются цели и задачи педагогического воздействия и планируется содержание учебно-воспитательной деятельности и педагогических отношений. Во втором – отмечается опре-

деленная морально-волевая перестройка у большинства студентов. В это время, не выдержавшие испытания волевым трудом, социо-личностной адаптации отсеиваются, и, наоборот, положительно зарекомендовавшие себя в общественно-трудовом процессе, заметно созревают в социализационном направлении (их отличает честность, принципиальность, организованность, целеустремленность и другие характеристики). Воспитательные цели и задачи направлены на дальнейшее закрепление полученных положительных результатов в формировании нравственно-волевых стимулов. Углубляется гармонизация моральных черт и качеств личности, растет их приспособление к задачам предстоящей профессиональной деятельности. В это время основным содержанием воспитательной работы является корректировка нравственных элементов профессиональной этики (врача, юриста, педагога, инженера). В последнем периоде обучения (4 курс) студенты заметно ощущают себя равноправными будущими специалистами. Некоторая часть из них, ориентированная на работу по специальности, начинает проявлять профессиональный интерес к исследовательской работе. Устанавливается характер и направленность личности, определяется ее жизненная позиция, вскрываются издержки нравственной воспитанности, будучи замаскированы под «идеального» передового человека (некоторая самоуверенность с одной стороны, а с другой - неуверенность в выборе предстоящей деятельности, «размытое» понимание общественных проблем, несовершенные межличностные отношения). Поэтому содержание воспитательной работы в данном периоде направлено на совершенствование уже паритетных субъект-субъектных преподавательско-студенческих отношений взаимной зависимости и ответственности. Такому характеру отношений способствует контактный стиль педагогического управления процессом формирования нравственной личности. Он предполагает тесное эмоциональное и профессиональное сближение с каждым членом студенческой группы и с ее коллективом в целом для достижения сформированности социо-нравственной цельности у молодого человека.

Чтобы на выходе после вузовского обучения получить личность с закрепленными духовно-нравственными ценностями и профессиональной компетенцией необходимо гуманизировать образовательную среду настолько, чтобы человек с высшим образованием получил такую модель межличностных отношений, которая бы существенно влияла на степень этичности его поведения в социальной среде.

Основой гуманности является человечность как высшее качество отношений к себе подобному. Истинно образованный человек обладает духовно-нравственными ценностями. Духовность – это идеальное состояние сознания как высшей формы психической деятельности. И, конечно, человек, обладающий таким сознанием, уважает любого другого, любит его по-человечески достойно, относясь к нему как к наивысшей, объективно существующей ценности в природе.

Канонами гуманистической деятельности и отношений следует считать нормы человеческого бытия, обладающие социо-сущностно ценной значимостью для человеческой природы. Именно они достойны для подражания. Так как человек развивается в деятельности и отношениях, то их следует по сути рассматривать как совершенные, созвучные с добродетелью. В добродетель, конечно, вкладывается моральный смысл – делание добра другому человеку, причем, сознательно, взвешенно, свободно, по велению разума. Волевой человек, совершая положительный поступок – это разумный человек и его действия приобретают этическую сторону. Добродетель в общении считается дружелюбием. Нравственные добродетели характеризуются подчинением разуму различных влечений к совершению поступка. Господство разума – это господство человека над самим собой, преодоление самого себя. Такое состояние души обусловлено и природно, и социально. Природное начало - очень сильный определяющий фактор в жизнедеятельности человека, но социальные условия, опыт общения с другими индивидами могут влиять на него либо положительно, либо отрицательно. Так как нравственные поступки и отношения представляют собой общественную меру поведения, то для формирования духовно-моральной личности в образовательном процессе оправданным является индивидуализированный подход на гуманистической основе, где духовно совершенным центром является личность педагога.

Библиографические ссылки

1. Гусейнов А.А., Иррилитц Г. Краткая история этики. Москва: Мысль, 1987. 589[3] с.
2. Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса. М.: Дело, 2004.

ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ ВУЗА К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ МЕНЕДЖМЕНТА

Главным элементом менеджмента является профессиональный характер управленческой деятельности, осуществляемой менеджерами. Поэтому большое внимание в современной теории и практике менеджмента уделяется подготовке профессиональных управляющих.

В основу подготовки менеджеров положены специальные знания и навыки в области управления, способности к работе с людьми в различных сферах, т.е. обучение управляющих осуществляется на неотраслевой основе. За рубежом считается, что менеджеру не нужно иметь специальные знания в какой-либо области достаточно знать технику управления, уметь работать с людьми, обладая для этого особыми личностными качествами.

Сравнительный анализ характеристик эффективных менеджеров, позволяет сделать вывод, что содержание психологических черт личности эффективных лидеров оказываются близкими друг другу.

Руководителям необходимы такие навыки и способности, как: способность управлять собой, четкие личные цели, навык решать проблемы, изобретательность, высокая способность влиять на других, знание современных управленческих подходов, способность руководить, умение обучать подчиненных и другие.

Огромную значимость представляет обучение искусству управления на примере практиков менеджмента. Современный менеджер должен владеть технологией человеческого общения, так как именно он задает поведение в коллективе и от того, какой психологический климат в организации зависит эффективность работы.

Нововведение в управленческих кадрах, связанное с новыми рыночными отношениями, требует от менеджера самоопределения в профессиональной деятельности, выработки своего стиля управления, своей жизненной позиции. В зависимости от конкретных управленческих ситуаций, а также личностных особенностей формальные лидеры выбирают определенный стиль руководства. Возможным также является варьирование этих стилей.

Как показывает анализ, в процессе подготовки у руководителей не формируются базовые профессиональные компетентности руководителей – личностная, индивидуальная, коммуникативная.

В связи с этим актуализируется проблема целей, содержания и технологий профессиональной подготовки руководителей. Одним из методологических оснований её решения может быть избран, компетентностный подход, согласно которому целевым ориентиром профессиональной подготовки является становление интегральной профессионально-личностной компетентности руководителя, определяющей его универсальную способность проектировать и реально обеспечивать новое качество образования.

Согласно этому подходу, были обоснованы четыре компонента интегральной профессионально-личностной компетентности руководителя: рефлексивно-ценностный, креативно-смысловой, социокоммуникативный, когнитивно-операционный, каждому из которых соответствуют определенные профессионально-личностные свойства руководителя, базовые для данной компетентности.

Основу рефлексивно-ценностного компонента составляет субъективно-авторская профессиональная позиция руководителя как носителя ценностей. Креативно-смысловой компонент отражает профессиональную направленность личности руководителя на инновационные преобразования и творческое созидание нового качества управления. Социокоммуникативный компонент детерминирует готовность руководителя к управленческой коммуникации с персоналом и совместной творческой деятельности. Когнитивно-операционный компонент свидетельствует о теоретико-технологической компетентности в вопросах управления.

В связи с этим содержание профессиональной подготовки руководителей должно моделироваться как личностно-профессиональный опыт перехода к новому качеству управления включающий в себя такие компоненты, как: а) ценностно-смысловой; б) коммуникативно-деятельностный; в) познавательно-инструментальный.

Значительные изменения, произошедшие в мире в последнее время в экономической сфере и, прежде всего, в области финансов, открывают широкое поле деятельности для новых исследований и улучшения преподавания, большие возможности для служебной карьеры.

В этих условиях обучение обязано обеспечить:

- необходимую теоретическую базу для освоения экономики и финансов предприятий, организаций, основ функционирования финансовых рынков;
- возможность проведения глубокого анализа реальных условий предприятий, организаций, применения более рациональных способов принятых решений в данной области, внедрения эффективных методов исследования конкретных ситуаций;
- практические навыки, необходимые для успешного осуществления профессиональной деятельности.

Профессиональная подготовка будущих менеджеров должна опираться на следующие базовые предпосылки: ориентацию на реально сложившиеся на российском рынке условия; обязательную компетенцию в финансово-экономической проблематике; выработку необходимых социальных навыков; готовность к постоянному и последовательному самообразованию в течение всей жизни; развитие способности работать не только эффективно, но и коллективно, в команде; постоянное проявление собственной инициативы.

Основной принцип подготовки специалистов в области экономики и финансов – ориентация на требования практики с учетом российской специфики и менталитета. Это не исключает необходимость приобретения и углубления знаний по экономической теории. Система обучения должна исходить из принципа обобщения, передавать обучающимся широкий спектр знаний, обеспечивать развитие умения правильно понимать и успешно решать частные и общие проблемы. Такие формы обучения как деловые игры или самостоятельные исследования практических ситуаций выходят на передний план. Также требуется обеспечить единство предметной и учебной деятельности, а также непрерывное развитие и обновления образовательного пространства. По мере развития педагогических технологий, форм и методов организации воспитательно-образовательного процесса возникают новые технологии профессиональной подготовки, видоизменяются, совершенствуются старые.

Деятельность преподавателя должна рассматриваться не только как предоставление каждому студенту структурированной, целенаправленной и мотивированной информации о понятийно-методологическом содержании, способах деятельности и областях использования знаний из данной дисциплины, но и как прямое и косвенное управление преподавателем самостоятельно учебно-познавательной активностью студентов по овладению знаниями и умениями в соответствии с поставленными учебными целями.

Применительно к учебным заведениям, обеспечивающим подготовку менеджеров в целях их более успешного функционирования, перечисленные условия раскрываются следующим образом: наличие технически современной по самым высоким стандартам материальной базы; привлечение преподавателей не только с высокой научной, но и практической квалификацией, способных соединить высочайший профессионализм с непринужденностью общения; эффективно использовать здесь все возможности человеческого фактора; разработка широкого спектра методических материалов и учебных программ, каждый комплект которых должен быть рассчитан на определенный сегмент повышающих свою деловую квалификацию специалистов управления.

Опыт подсказывает необходимость перестройки методических основ обучения и переобучения кадров менеджеров. Что касается методологии, оптимальных результатов реально можно добиться только за счет применения целостного комплекса передовых приемов и методов приобретения знаний. Не только лекций, практических и семинарских занятий, упражнений, но и решения задач, связанных непосредственно с реальной практикой, сквозных примеров, деловых игр, ситуационных задач, мозговых атак и т.д.

В этой связи целесообразно: разработать новые методики и методические материалы применительно к каждой форме квалификации менеджеров, постоянно их обновлять и перерабатывать; увеличить удельный вес специальных управленческих дисциплин; обеспечить внедрение новых методов активного обучения, наладить свободный обмен мнениями по дискуссионным проблемам теории и практики, особенно в сфере экономики и финансов; существенно усилить промежуточные, конечные и последующие формы контроля за усвоением слушателями знаний; использовать самые различные формы обучения – консульта-

ции, практические занятия и др. для решения профессиональных задач. Постоянно укреплять связь теории с практикой; максимально широко применять наглядное изложение учебного материала, специальные раздаточные материалы для эффективного использования учебного времени. Необходимо учитывать размеры бюджета времени, которое слушатели реально могут полнокровно уделять учебе, с тем, чтобы использовать его наиболее рационально; внедрить в практику подготовку каждого слушателя не только по общей программе, но и по личному (индивидуальному) плану, согласованному с руководством предприятия или организации, в котором работает студент.

Е. А. МОСКОВКИНА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

К ВОПРОСУ О ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Проблемы высшего образования – от вступительных испытаний (ЕГЭ) до перехода на двухуровневую систему образования (присоединение России к Болонскому процессу), широко обсуждаемые в научных кругах на протяжении последних десятилетий, возникли как следствие более ранних экспериментов начала 1990-х гг., охвативших главным образом начальную школу.

«Материалом» для экспериментов в системе образования в результате ликвидации «железного занавеса» стали дети до десяти лет. Формирование мировоззрения российского ребенка в условиях культурной интеграции и унификации проходило под контролем международных, общественных и благотворительных организаций, способствующих развитию идей и механизмов открытого общества (ЮНЕСКО, Фонд Сорока и пр).

Первые ростки глобальных процессов дает сексуальное просвещение, внедренное в курсы валеологии, которые вводились в России повсеместно, начиная с 1-го класса, включая профильные валеологические гимназии. Инициатором проекта явилась Российская Ассоциация «Планирование семьи» (РАПС) как филиал Международной Федерацией Планирования Семьи (МФПС), а также феминистская организация «Женщины России». Программа предусматривала обучение детей «безопасному сексу» (а, следовательно, всем «превратностям» последнего) с целью предотвращения венерических заболеваний и нежелательной беременности. С точки зрения отечественных психологов и педагогов, половое влечение, не являющееся для детей естественным по причине физиологической и психологической незрелости, в рамках данной дисциплины превращается в культ, замещающий нравственные и социальные основы жизни и порождающий обратные процессы: нездоровый интерес к различным проявлениям сексуальности, ранние половые связи, подростковые аборты – последствия узаконенного и открыто пропагандируемого в школах промискуитета. Основателем и идеологом МФПС была М.Зангер – идейная вдохновительница Гитлера, поборница улучшения человеческой породы путем сокращения «бесперспективных». На этой же почве проросли проблемы ювенальной юстиции и правового статуса сексуальных меньшинств, внедренные в образовательную систему как юридический инструмент упразднения семьи, неуместной в стратегии глобализации. После многократных отрицательных отзывов о программе отечественных ученых и педагогов Министерство образования РФ якобы приостановило работу по реализации проекта «Половое воспитание российских школьников». Однако в завуалированном виде западные социокультурные ценности Здорового образа жизни (ЗОЖ), явно преобладающие над духовным становлением личности, легли в основу другой учебной дисциплины, внедренной в ущерб базовым предметам – «Основы безопасности жизни». В рамках этого курса наряду с закономерностями проявлений опасностей, угрожающих человеку, и способами защиты от них, изучаются «основы здорового образа жизни» детей и подростков, подразумевающие все те же сексуальные мотивы.

В программах дошкольного образования также смещаются аксиологические доминанты, которые опирались в советской системе на принципы нравственности (добродетель, послушание) и коллективизма (дружба, товарищество), в сторону приоритетной заботы о телесном благополучии и совершенстве (гигиена, закаливание, основы анатомии). Валеологические

программы, эксплуатирующие опыт различных оккультных учений, распространились в системе дошкольного образования и частных школ.

Привлекательным для России в аспекте глобализации выглядел западный опыт «раннего развития», призванный своевременно сформировать полноценную и адаптивную личность. Однако наиболее востребованными для становящейся российской демократии стали основы Я-концепции и идеи свободной личности. Оптимальной методикой в глобальном процессе формирования общества потребления и, соответственно, потребителя стало учение итальянского педагога М. Монтессори. В основу своей педагогической системы Монтессори положила принципы врожденной потребности в свободе и самопроизвольности всякого ребенка. Она пренебрегала традиционным опытом формирующего воздействия на детей, но сосредоточилась на проблеме организации среды, наиболее соответствующей их потребностям. Методика Монтессори была направлена главным образом на детей с ограниченными умственными возможностями, но впоследствии адаптирована для здоровых детей. В аспекте глобализации мода на школы Монтессори связана с принципами «космического воспитания», которые автор почерпнула в азиатских и индийских оккультных учениях. Не останавливает адептов учения Монтессори отказ педагога и психолога от собственного ребенка: мальчик, рожденный вне брака, был оставлен в интернате и возобновил отношения с матерью уже будучи взрослым. В 1926 г. система Монтессори, начавшая распространяться в России, была запрещена: «Помимо совершенно неприемлемой идеологической стороны, система Монтессори страдает также грубыми дефектами и в области биолого-теоретического своего материала. Ряд неправильных представлений о биологическом содержании детской возрастной эволюции, недоучёт биологического значения игры и воображения, искажения в понимании моторного фактора, недооценка значения общих процессов в сравнении со специальными навыками – все эти изъяны исключают возможность использования биологической теории Монтессори в качестве педагогической основы советской дошкольной педагогики...» (из резолюции Государственного Ученого совета (ГУС) [1, с. 3]. Неприемлемыми для нравственного воспитания советского ребенка, и, напротив, оптимальными для становления человека эпохи глобализма стали следующие принципы:

1. Ребенок (личность) – центр Вселенной, все остальное, включая окружающих его взрослых (педагогов, родителей) – средства обеспечения комфортных условий становления и развития личности. Взрослый не является нравственным эталоном, авторитетом, но лишь посредником в ходе реализации потребностей ребенка.

2. Самостоятельность ребенка культивируется в искусственной среде вне всякой практической деятельности (не связана с практическими навыками повседневной жизни: чем менее самостоятелен человек, тем более «благодарным» потребителем он является).

3. Методика препятствует развитию творческого мышления, она исключает сказки, ролевые игры, ограничивает фантазию и образное мышление ребенка заданным материалом и искусственной средой (масштабность глобальных технологических процессов постепенно создает искусственные условия для всего социума).

4. Строго индивидуальный подход к каждому ребенку препятствует его социализации (глобализм не терпит выраженных социальных групп).

5. «Подготовленная среда» приучает ребенка к специальным условиям, которые непременно должны быть предоставлены в глобальной системе «человеку потребляющему».

6. Методика направлена только на раннее обучение. В школе ребенок попадает в чужеродную среду, у него отсутствуют навыки работы в коллективе, он не умеет самостоятельно мыслить, действует строго по алгоритму.

7. В рамках методики «картина мира» ребенка делится на зоны (практическая, сенсорная, математическая, языковая, космическая). В традиционном обучении все эти «зоны» осваиваются параллельно.

8. Воспитатель по отношению к ребенку занимает позицию остранения: не проявляет к нему внимания, а ждет инициативы с его стороны, не предлагает помощь, а откликается на просьбу помочь. В естественной социально-нравственной среде люди предупреждают желания близких, предлагают помощь, не дожидаясь требований. Ребенок, воспитанный по системе Монтессори, оказывается не подготовленным к такого рода отношениям; подражая взрослому, остается безынициативным, действует строго по команде.

Другие нетрадиционные методики преподавания, распространившиеся в 1990-е гг. в России под флагом глобализации и открытого общества – вальдорфская педагогика Штайнера,

дианетика Хаббарда, «ноосферное образование» Н.В. Масловой, «гуманная педагогика» Ш.А. Амонашвили, «альтруистическая педагогика» Л.С. Болотовой и пр. педагогические изыски вводились в детские сады и начальную школу под маской психологии. А школьные психологи, в свою очередь, столь же свободно пользовались отрывочными эзотерическими знаниями в организации «тренингов личностного роста» и индивидуальных занятиях с детьми [2].

Подключение к глобальным процессам, регулируемым Западом, происходит на уровне расшатывания традиционных духовных основ и внедрения светских западноевропейских традиций. В современных детских садах и начальных школах, многие из которых мотивируют копирование американских культурных стереотипов углубленным изучением английского языка (представляющего собой инструмент интеграции в мировое сообщество), проходят массовые детские мероприятия, посвященные празднованию Хэллоуина и Дня святого Валентина. Фактор престижа США, приобщения к языковой среде делает в глазах родителей уместными «ужасные» шутки и розыгрыши, страх, поклонение смерти, дьяволу и злым духам, а также культивирование девальвированного эротического романтизма в среде малышей. Не смущает современных российских потребителей образовательных услуг и явная коммерциализация этих отнюдь не детских праздников.

Внедрение вненационального сознания проводится в начальной школе уже в базовых курсах, ответственных за формирование картины мира, нравственных приоритетов, эстетических основ, социальных навыков. «Родная речь», «Русская литература» – предметы, изучаемые маленькими детьми доперестроечной России вслед за букварем, не вписываются в глобальную систему образования по причине очевидных национальных приоритетов. На смену им приходит безликое и космополитичное «Литературное чтение». Пример такого учебника – «Литературное чтение: 2 кл. В 2 ч.» Н.А. Чураковой, вышедшего под грифом «Рекомендовано Министерством образования и науки РФ» в учебно-методическом комплекте «Перспективная начальная школа XXI век»; форзац учебника украшает еще одна лестная подробность «Лауреат Главной Премии 2006 г. за лучшую работу в области технологий, науки и образования».

Первую часть учебника открывает традиционное пушкинское «У Лукоморья...», завершают рассказы Л.Н. Толстого. Однако на этом знакомство с русской классикой почти заканчивается. В середине книги есть еще «Воробей» И.С. Тургенева. Вторая часть знакомит детей с одним стихотворением А.С. Пушкина, одним стихотворением М. Лермонтова и одним стихотворением Ф. Тютчева, а также двумя рассказами Е. Чарушина и таким же количеством произведений М. Пришвина. Учебник включает две русские народные сказки (для сравнения – целый раздел отведен изучению японских хокку). Слова «Родина», «Россия» в учебнике не встречаются. Основное содержание учебника составляют произведения современных российских (Н. Носов, В. Драгунский, С. Усачёв, Г. Цыферов) и зарубежных (Д. Родари, Д. Биссет, Дж. Харрис) авторов. Имена многих писателей и поэтов невозможно встретить на страницах других учебников, и в этом, по-видимому, особое преимущество программы: Л. Яхнин, Кедрин, А. Ахундова, С. Махотин, Г. Гиваргизов, Е. Чеповецкий, П. Синявский, Р. Сеф, М. Карем, Г. Юдин, О. Кургузов, М. Тахистова, О. Коран и пр. Однако достаточно познакомиться с произведениями некоторых из них, чтобы усомниться в очевидности такого преимущества.

Так, весьма нетривиально дается в учебнике философская проблема самоопределения: стихотворение О. Дриза с многообещающим названием «Кто я?» сводится к перечислению обидных прозвищ, которыми наделяют мальчика близкие: непричесанный еж, неуклюжий медведь, горластый петух, упрямый козел, молчаливый индюк. В стихотворении А. Гиваргизова «Мой бедный Шарик» преимущество человека перед собакой Шариком («Как весело быть человеком!») состоит в умении первого подражать многим животным «*Чирикать, квакать, блеять, хрюкать / Жужжать, как пчелка и комарик, / Как дятел, носом громко стучать. / Об стенку носом. Понял, Шарик?*». В стихотворении М. Есеновского «У мальчика Юры ужаснейший насморк...», построенном как диалог мальчика с собственным насморком, гуманитарные акценты сменяются физиологическими с элементами натурализма: «*А ну-ка, проваливай прочь, носопыра / И сопpli с собою свои забирай!*» [3, с. 56, 58, 129]. Если учесть особенности детской памяти, которая, увы, не отличается избирательностью – цитируемые строки «высокой» поэзии, адресованные младшим школьникам, обещают врезаться в па-

мать ребенка так же глубоко и безапелляционно, как рекламные слоганы – современный «индустриальный фольклор».

Почетное место в учебнике для восьмилетних детей занимает специфический жанр – философская сказка (С. Козлов, Б. Окуджавы). Все тексты учебника отличает отсутствие назидательности, очевидной морали – обязательного спутника классической литературы и устного народного творчества. В глобализованном обществе нет места нравственной принципиальности, не существует понятия добра и зла, всякие оценочные суждения – относительны: «*Хитрец и проказник в сказках о животных часто самый главный герой!*» [4, с. 40] – такое утверждение дается в рамочке для заучивания (именно эти качества становятся релевантными в условиях глобального обмена и постмодернистской игры). Встречаются в учебнике и более странные «правила»: «*Ты смотришь на меня, а я – на тебя!*», «*Мы смотрим на них - они смотрят на нас!*» (напоминает декларацию постмодернистского «символического обмена») или «*ПОЭТ может расшифровать не только то, что говорят животные, ПОЭТ слышит даже то, о чем мечтают бублик и батон*» (вновь заявляет о себе постмодернистская игра «смысла и нонсенса»), и, наконец, апофеоз парадоксальной самоизоляции представителя глобальной цивилизации, четко сформулированная «Я-концепция» современного глобального общества: «*Как хорошо, что Я – это именно Я*» [5, с. 27, 32, 35, 55]. Важно отметить, что личное местоимение «Я» пишется здесь с прописной буквы, аналогичное написание в данной программе найдем применительно к словам Космос, Природа, Вселенная, что обнаруживает очевидную связь автора с эзотерикой и космофией.

«Прелестные приключения» Б. Окуджавы – своего рода мировоззренческая платформа для юного представителя глобального социума. Противостояние «примитивной» христианской морали, бывшей оплотом европейского общества на протяжении двух тысячелетий, здесь настолько очевидно, что невозможно воздержаться от апелляции непосредственно к Священному писанию и святоотеческой литературе: «В Библии церковно-славянское слово *прельстити* значит «обманывать», «обольщать» (Быт.3:13). *Прельститися* – впасть в заблуждение, обмануться, свернуть с прямого пути (Вт.4:19). От различных видов прелести предостерегает нас Спаситель: *берегитесь, чтобы кто не прельстил вас* (Мк.13:5). Св. апостол Павел увещевает коринфян: *боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, [уклонившись] от простоты во Христе* (2Кор.11:3). В святоотеческой аскетике *прелесть* – одно из важнейших понятий. Словами *впасть в прелесть* определяется внутреннее состояние человека, которого обманули (*прельстили*) бесы. Делается это скрыто через внушение ложной мысли под личиной добра и истины» [6]. В сказке Окуджавы образным воплощением «прелести» является Наша Добрая Змея, другие персонажи представляют собой безобразные гибриды – никак не располагающие к себе фантастические существа с отталкивающими неблагозвучными именами (Крэг Кутенейский Баран, Гридиг, Невыносимый Преставучий Каруд), которые сами же себя характеризуют (добрый, хитрый, ловкий), не оставляя читателю возможности самостоятельно определить их качества. Кстати, во всех текстах учебника, «важные» места выделяются автором: ребенок не имеет возможности самостоятельно расставить логические, этические и эстетические акценты. Философия сказки – в поиске смысла жизни, который, по убеждению автора-повествователя состоит в приключениях. В традиционных культурах приключения служат обязательным условием инициации. В христианской традиции – приметой несовершенства мира, условием земного существования. В философии Окуджавы приключения приобретают самодостаточное значение. В этом смысле в сказке очевидно отрицание нравственной идеи долга, служения родине, народу, ближнему. Особую ценность приобретает приключение как развлечение – базовая категория массовой культуры и общества потребления.

В аннотации к учебнику находим объяснение подчеркнутой несерьезности самого материала и принципов его подачи: в книге главным образом «обсуждаются жанровые особенности «смешного» рассказа и сюжетно-композиционные приемы создания комического эффекта» [7, с.1]. Кстати, в теории литературы жанра «смешного» рассказа не существует.

Насмешливое выворачивание наизнанку этических норм, весьма условных и нестабильных в глобальной аксиологической картине, происходит в «Сказке про Змея Горыныча» С. Седова. Здесь победить Змея Горыныча героям помогают жадность, наущничество, трусливость, ложь, хвастовство, нечистоплотность, лень. По законам массовой культуры, не исключая зрелищных форм жестокости, изображается писателем расправа над Змеем Горынычем: «...солдаты в него из автоматов стали стрелять, а генерал командовал... Лет-

чик на Змея бомбу сбросил, танкист на него танком наехал, а знаменитый олимпийский чемпион ка-а-а-к даст Змею шестом по зубам!» [8, с. 157].

Поэтическое наполнение книги ограничивается набором незатейливых по форме (их отличает однообразная «бедная» грамматическая или глагольная рифма – «сом – том», «пломбир – тир», «разгорайся – наливайся», «не знают – летают», «врут – живут», «шипит – говорит», «сказать – скакать») и содержанию стихотворений (весомая часть которых – переводы) современных авторов – М. Карем, В. Лунин, Р. Сеф, Г. Лагздынь, Э. Мошковская, И. Пивоварова (К. Чуковский (в учебнике ровно шесть строк этого автора), С. Маршак, А. Барто, Е. Благинина, В. Берестов – исключаются, по-видимому, как пережитки антиглобализма). Стихи-небылицы, считалки и поэтические «глупости» сменяют японские хокку (Исса, Иссё, Тиё, Бусон, Оницура), которые, безусловно, требуют совершенно иного уровня восприятия, не развитого еще у детей 7–8 лет, и остаются за пределами возможностей детского интеллекта, чуждого абстракции. Не в состоянии постичь ребенок с несформированным еще абстрактным интеллектом высоту гения Ван Гога, Брейгеля, Борхеса, Рериха, репродукции картин которых представлены в «Музейном доме» учебника (традиционная школа, для сравнения, приобщала детей к искусству посредством реалистической живописи).

Литературная речь, которую несет детям учебник на этапе освоения элементарных языковых норм и основ культуры речи, «утопает» в неологизмах и окказионализмах: страшидло, конфетина, носопыра, Анишит Йокоповна – волшебница (обратное написание слов «тишина» и «покой») и ее помощники Асырк и Торк (крыса и крот) и пр. Столь же ущербна теоретическая база учебника. Юные читатели освобождаются даже от самых поверхностных представлений о литературных жанрах. Так, поэма А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» названа автором учебника «большим текстом в стихах».

Упомянутые уже рассказы Л.Н. Толстого, завершающие первую часть «Литературного чтения», «Выстрел» и «Акула», пожалуй, весьма неоднозначные и недетские произведения. Центральные темы этих рассказов – смерть, рок, судьбы, случай, отчаяние, риск. В соответствии с логикой учебника эти тексты вводятся с единственной целью – щекотание нервов. Именно эта цель является определяющей в производстве продукции массовой культуры в условиях глобализма, и даже русская классика оказалась в этом смысле призванной на службу колоссу мировой шоу-индустрии. Вторую часть учебника и, соответственно, годовой курс обучения литературному чтению завершает еще более иллюстративное произведение – стихотворение П. Синявского «Хрюпельсин и Хрюмидор», которое демонстрирует нарочитое, граничащее с цинизмом, отрицание пиетета к науке, образованию, учению, ассоциирующимся в детском сознании с букварем: «*И теперь ее букварь / Называется "Хрюкварь"*» [9, с. 174].

Особой «находкой» учебника является сквозной персонаж – летучая мышь: нетопырь, вампир, архетипический символ ада и смерти (для сравнения – в советских учебниках в качестве помощников в освоении материала выступали литературные или сказочные герои, например, Буратино). Кстати, в учебнике для третьего класса этого же автора таким персонажем станет Баба Яга – мифологический мертвец в древнеславянских архаичных представлениях.

С такой книгой в руках упорядочить представления о мире непросто даже взрослому: в ней нет места дидактике, оценкам, классическим «встречам» добра и зла, нет очевидной логики. Она внеисторична и внесистемна. Эпизодичность знаний, заложенных в основу учебника, делают его похожим на журнал, периодичность и поверхностный характер сведений которого ни к чему не обязывают читателя. Обычный школьный учебник является не просто иллюстрацией, но и средоточием глобалистских идей, внедренных в систему образования на уровне начальной школы. Нивелирование традиционных ценностей и «прививание» секулярного, космополитичного, десакрализованного, неукорененного менталитета происходит посредством смещения этических и эстетических доминант в сторону их изживания на самых ранних этапах социализации, приучая будущего члена «открытого общества» к толерантному усвоению экономических, политических, культурных, правовых и других аспектов общественной жизни. Овладение культурными институтами в ходе глобализации начинается со школ.

Библиографические ссылки

1. Монтессори М. Мой метод: начальное обучение. М.: АСТ, Астрель, 2007. 352 с.
2. Как защитить Вашего ребенка? М.: Даниловский благовестник, 2003. 352 с.
3. Чуракова Н.А. Литературное чтение: 2 кл.: учебник В 2 ч. М.: Академкнига / Учебник, 2008. Ч.2. 176 с.
4. Чуракова Н.А. Литературное чтение: 2 кл.: учебник. В 2 ч. М.: Академкнига / Учебник, 2008. Ч.1. 176 с.
5. Чуракова Н.А. Литературное чтение. Ч. 2.
6. Гумеров И. Что значит впасть в прелесть. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/sm/6731.htm>
7. Чуракова Н.А. Литературное чтение. Ч. 2.
8. Там же.
9. Там же.

Н. Ф. ТРУБНИКОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

На рубеже XX-XXI вв. одной из главных проблем в рамках модернизации отечественного образования обозначена гуманитарная проблема – проблема формирования социальной культуры, требующая неоднозначного ответа, связанная с необходимостью подлинного обновления духовно-нравственной и физической жизни людей современного общества (негативные процессы в современном социуме, такие как духовный кризис, девальвация высших человеческих ценностей, отказ от многих нравственных идеалов и др.). Нашей стране необходимо духовное возрождение через культуру, развитие личности молодого поколения. Отсюда главная задача – формирование человека, обладающего теми качествами, которые соответствовали социальному заказу нашего общества.

На сегодня, как никогда, оголились проблемы и противоречия в практике работы высшей школы. Расцвет «массовой культуры» достиг небывалых размеров (коммерциализация, индустрия досуга с атрибутами авторитаризации насилия и т.д.). Свобода средств массовой информации (включая и программы ТВ аналитического толка) повлекла за собой вседозволенность, деморализацию, дегуманизацию в становлении личности молодого специалиста. Образ современного молодого человека деградирует и деформируется.

На практических занятиях групп (по специальности «Социальная работа») по теме «Развитие, социализация и воспитание личности как педагогическая проблема» (курс «Педагогика») было проведено социологическое исследование: в основном своё свободное время студент проводит за просмотром ТВ, Интернет, видео, посещение вечеринок и т.д.. Просмотр канала «Культура» и других, которые направлены на интеллектуальное, культурно-нравственное развитие, указали 2,1% опрошенных студентов.

Исследуя практику подготовки будущих социальных работников, мы выявили, что нет должного внимания интеграции предметов (педагогика (соц. педагогика) плюс спецпредметы) в части формирования у студентов целостного восприятия мира. А чтобы разработать интегративный курс, преподаватель должен быть носителем интегративности, т.е. владеть на оптимальном уровне знаниями нескольких предметов. На сегодня механизм интегративного знания в науке не разработан. Поскольку интеграция в системе образования есть новое качественное образование, то это, прежде всего, – новый категориальный и понятийный аппарат. Таким образом, на сегодня в образовательной системе интеграция представлена своей низшей ступенью – межпредметными связями.

Вопрос формирования базовых основ общей культуры в вузе всплывает уже по отношению к каждому студенту. В связи с этим нужно, чтобы студент изучал все предметы культурно-нравственного цикла на протяжении всего периода целостного учебно-воспитательного процесса в вузе. Вывод напрашивается сам собой: необходимо ставить

вопрос о нравственно-этическом воспитании вузовской молодёжи. Выделенный объём часов по данному направлению недостаточен (например, цикл лекций по культурологии, выделяемый для студентов направления «Социальная работа», никак не способствует в полной мере их культурному образованию и воспитанию). Будет ли от этого высокий уровень профессионального мастерства у будущего социального работника без уровня общей культуры, которая немыслима без культуры нравственно-этической?

В системе подготовки будущих специалистов социальной сферы основополагающее значение должна иметь интеллектуальная культура, связанная с социальными ценностями и идеалами (нравственные, интеллектуальные, эстетические). Процессы, происходящие сегодня в культурном развитии личности (а в целом и общества), вызывают озабоченность в плане отсутствия у студентов понимания роли формирования базовых основ культуры личности. Переориентация университетского образования сегодня – это активизация его характеристик, таких как универсализм, в том числе экология разума (ценности, обеспечивающие выживаемость общества и природы), фундаментализм (единство научных исследований и обучения, способствование инновационному характеру научного прогресса), гуманизация, формирование базовых основ культуры личности студентов, поскольку основу культуры личности составляет её отношение к общечеловеческим ценностям. Термин «ценность» мы используем как указания на человеческое, социальное, культурное значение определённых явлений действительности. Критерии, на основании которых производится процедура оценивания соответствующих явлений, закрепляются в общественном сознании и культуре как субъективные ценности, которые в дальнейшем выступают ценностными ориентирами деятельности личности (установки и оценки, цели и т.д., выраженные в форме нормативных представлений) [1].

Существенным элементом ценностных отношений в обществе являются ценностные ориентации. Под ценностными ориентациями мы понимаем отражение в сознании человека ценностей, признаваемых их в качестве жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров. Основное содержание ценностных ориентаций – мировоззренческие, политические, нравственные убеждения, этические принципы. Совокупность устоявшихся ценностных ориентаций обеспечивает устойчивость личности, преемственность поведения и деятельности, выраженную в направленности потребностей и интересов. А противоречивость в ценностных ориентациях порождает непоследовательность в поведении, незрелости эмоционально-волевой сферы, которая выражается в несамостоятельности решений и действий, чувстве незащищённости, в понижении критичности к себе, повышении требовательности к заботе о себе, эгоцентризм и др. [2].

Общечеловеческие ценности выражают общие интересы человечества и признаются большинством людей во всех странах мира. Научиться ценить и беречь созданное всеми народами – значит осознать и принять общечеловеческие ценности, понимаемые как единое целое. Осознание общечеловеческих ценностей студентами возможно при формировании у них идей, чувств, представлений, направленных на общество; обязанностей по отношению к обществу и другим людям; воспитании гражданских чувств и поведения и др. Поэтому в любом обществе ценностно-ориентационные цели личности являются объектом воспитания и должны органично входить в содержание целостного учебно-воспитательного процесса.

В рамках Болонского процесса и в организационной основе государственной политики РФ в области образования по модернизации Российского образования на современном этапе развития общества был взят курс на гуманитаризацию образования (направленность на приоритетное развитие общекультурных компонентов в содержании образования и формирование личностной зрелости обучаемых). Ясно, что унификация образования – это тупиковый путь, а вот интеграция Российского образования в мировое сообщество есть живой организм, живая система из живых составляющих элементов, живой обмен.

Мы пытаемся в рамках Болонского процесса сохранить свои главные достижения в образовании: фундаментальность научных знаний, которая обеспечивает его спрос на рынке, национальные приоритеты в образовательном процессе, а также перестроиться на новый лад и взять от него больше, т.е. открыть границы других государств для наших студентов, улавливать и умело направлять маркетинговый образовательный потенциал специфического вида товара и т.д.). В рыночных условиях для презентативности, кроме высокой узкопрофильной подготовки специалиста, необходим адаптационный компонент, но в отсутствии гуманитарного блока в образовательных системах адаптация специалиста в

социуме, как его члена, невозможна, он просто не выживет (на сегодня – 70–78% выпускников вузов не работают по специальности). Поэтому (в условиях Болонского процесса) Российская высшая школа должна стать важнейшей социальной структурой государства, а иначе Болонский процесс внесёт не созидательные, а разрушительные тенденции в российское образование (отказ от 5-летней системы обучения, переход на бакалавриат и магистратуру образования, квалификация высшая или средне-специальная, как по западному образцу). Вывод один, если мы сохраним свою национальную систему образования (качество образования, его фундаментальность, конкурентоспособность), а также свой сильный кадровый потенциал (наши вузы не хуже европейских), то, безусловно, будем востребованы на мировом рынке образовательных услуг [3].

Концепция модернизации образования обнадеживает нас и в ожидаемых результатах ее реализации: интеграция России в международное образовательное пространство (в части сближения целей Болонского процесса с модернизацией отечественной высшей школы); конкурентоспособность уровня образования и по содержанию образовательных программ, и по качеству образовательных услуг; широкомасштабность инноваций в образовательном процессе в решении принципиальной задачи Российской системы образования в усилении процессов всемирной экономической взаимозависимости, глобализации, информационного пространства [4].

В связи с этим ученые-педагоги, философы утверждают, что необходимо усиление гуманитарной направленности образования. Гуманитарное образование формирует общую культуру личности студента, его мышление, нравственное самосовершенствование. Необходимо продолжать творческий поиск обоснования стратегии развития отечественной теории образования, нравственного и духовного потенциала человека, поскольку в рамках модерации и модернизации Российского образования наша реальность требует от молодого поколения глубоких гуманитарных знаний, помогающих его ориентации в социальной среде [5].

Отсюда, система образования требует развития широкого спектра инновационных систем в обучении и воспитании молодого специалиста. Анализ научной литературы и эмпирических данных по проблеме подготовки будущих социальных работников позволяет сделать вывод, что наряду с профессиональной подготовкой специалистов по социальной работе, необходимо более углублённо (в рамках гуманитарного блока) разработать и организовать систему воспитания ценностных ориентаций в части предметов гуманитарного, культурологического циклов.

В результате практической деятельности перед нами постоянно стояли вопросы: как многообразие неосознанных потребностей, нереализованных желаний, перевести в осознание (осознать – значит поступать со знанием дела) будущего специалиста социальной сферы? Каковы оптимальные мотивационно-ценностные ресурсы? Что взять за социально-психолого-педагогическое основание при формировании базовых основ культуры личности будущего специалиста? [6]

Решение этих вопросов определило наше обращение к инновационным технологиям мотивационного программно-целевого управления в части их реального использования в учебно-воспитательном процессе [7].

Библиографические ссылки

1. Гончаров В.Н., Филиппов В.Н. Философия образования в условиях духовного обновления России. Барнаул, 2004. 376 с; Торохтий В.С. Психология социально-педагогической деятельности. М.:КАРО, 2009. 160 с.
2. Педагогика / под ред. В.А. Сластенина, И.Ф. Исаева, А.И. Мищенко и др. М.: Школьная пресса, 2006. 512 с; Филиппов В.Н., Колтаков К.Г. Философия и методология науки: в 2 кн. Барнаул, 1997. 380 с.
3. Торохтий В.С. Психология социально-педагогической деятельности. М.:КАРО, 2009. 160 с.; Щербаков Н.П. Болонский процесс: от Парижа до Бергена. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2004. 111 с.
4. Щербаков Н.П. Болонский процесс: от Парижа до Бергена.

5. Гончаров В.Н. Философия образования в условиях духовного обновления России; Из кризиса к достойной жизни. Национальная доктрина образования в РФ // Учительская газета. 2000. 17 октября. С.6–7; Торохтий В.С. Психология социально-педагогической деятельности.
6. Шептенко П.А. Введение в специальность «Социальный педагог»: учеб.пособие. М.: Флинта. 2006.с.
7. Хрестоматия по эффективности управлению образованием: мотивационный программно-целевой подход / под ред. И.К. Шалаева. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006. 820 с.; Шалаев И.К. Мотивационное программно-целевое управление: основы теории и экспертиза эффективности. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. 300 с.

Н. Ф. ТРУБНИКОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ИННОВАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ МОТИВАЦИОННОГО ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ

Требования российского образования в условиях Болонского процесса в части формирования социальной культуры личности студентов высшей школы выявили необходимость использования конкретных технологий мотивационной сферы, базирующейся на факторах профессиональной подготовки, направленных на воспитание личностно-ориентированных духовных ценностей обучающихся по направлению «Социальная работа». Основное противоречие, порождающее главную проблему эффективной воспитательной деятельности в формировании личности студентов в недостаточном использовании мотивационного (МП) и программно-целевого подходов (ПЦП): мотивационного – в создании мотивационной сферы, стимульной ситуации в развитии профессионального интереса студентов в становлении ценностных ориентаций [1].

Программно-целевой подход является высшим достижением рационалистического управления, положен в основу концепции мотивационного программно-целевого управления (МПЦУ) и имеет алгоритм реализации оперативно-технологических функций управления по традиционному циклу: анализ, планирование, организация, контроль, регулирование. Имея эти достоинства, ПЦП имеет недостаток – не учитывается уровень социально-психологической подготовки. Мотивационное управление эффективно в достижении цели психологической подготовки работников к труду, но «беспомощно в системных расчётах производственных процессов, их технологий и конечного результата труда» [2,с. 20].

Становление ценностных ориентаций личности студентов высшей школы, требующая своего разрешения, исключает применение только одних традиционных методов обучения, в которых, как правило, не учитывается мотивационная сфера личности. Поэтому для методического обеспечения использовалась технология мотивационного программно-целевого управления (МПЦУ) [3].

Мотивационное программно-целевое управление – это «...практика перевода управляемой системы в новое более высокое качественное состояние на основе дерева целей с мотивационным началом в виде цели психологической подготовки...к соответствующему труду, адекватному дереву целей исполняющей программы в виде норм-образцов под каждую цель и управляющей программы, органично сочетающей в себе социально-психологическую стратегию, социально-психологическую тактику и традиционный управленческий цикл» [4, с. 3].

Технология МПЦУ, в которой разработаны различные методы взаимодействия субъектов процесса деятельности, помогает интериоризации целевой ориентации студентов, позволяет перевести воспитание на более качественный уровень, способствующий значительной активизации познавательной деятельности студентов и ее контролю, с помощью «норм-образцов» этой деятельности. Мотивационное программно-целевое обеспечение учебного процесса позволит существенно влиять на потребностно-мотивационную сферу личности студента.

Поскольку технология МПЦУ носит универсальный характер, возникает возможность использовать МПЦУ в поиске новых подходов в воспитании студентов для достижения максимальной результативности учебного процесса. Необходимо добавить, что выбор МПЦУ как технологической основы для профессиональной подготовки будущих социальных работников был обусловлен анализом реальных факторов, свидетельствующих о степени сложности учебно-педагогической деятельности, слабой психологической и технологической готовности студентов к своей профессиональной деятельности.

В соответствии с технологией МПЦУ, перед нами стояла необходимость создания психологической готовности (желание действовать) и технологической готовности этой деятельности у студентов социальной направленности.

МПЦУ позволяет подойти к студенту как субъекту воспитания, исходить в выдвижении целей, разработке исполняющей и управляющей программ из его мотивации к обучению, вносить в нее необходимые коррективы. Содержательное наполнение структурных компонентов учебного процесса определяет ДЦ (дерево целей).

Практическое применение основ МПЦУ в технологии решения проблемы начинается с анализа стратегического (ас), с выявления социально-психологического состояния группы: отношение к учёбе, к сокурсникам, к самому себе, мотивации учёбы, причинно-следственных связей между содержанием и его конечным результатом. Данные анализа реально воплощаются в дереве целей (Схема 1).

В стратегическом анализе (СА) мы выявили отношение студентов к формированию базовых основ культуры (ценностных ориентаций) личности студентов через анкетирование и разработку нормы – образца. В результате СА выявлено, что отношение студентов к этому требует изменения его уровня: студенты не осознают, что это им пригодиться в статусе будущего социального работника, ссылаясь на отсутствие необходимости, неподготовленности.

Психологическая и технологическая готовность к труду разные: чем выше уровни достижения цели психологической готовности, технологической подготовленности и достижения цели деятельности, тем выше результат решения наших задач (конечной цели): хочу – могу делать лучше – делаю хорошо – получаю лучше [5].

Конструкция МПЦУ: ДЦ (дерево целей) – ИП (исполняющая программа) – УП (управляющая программа).

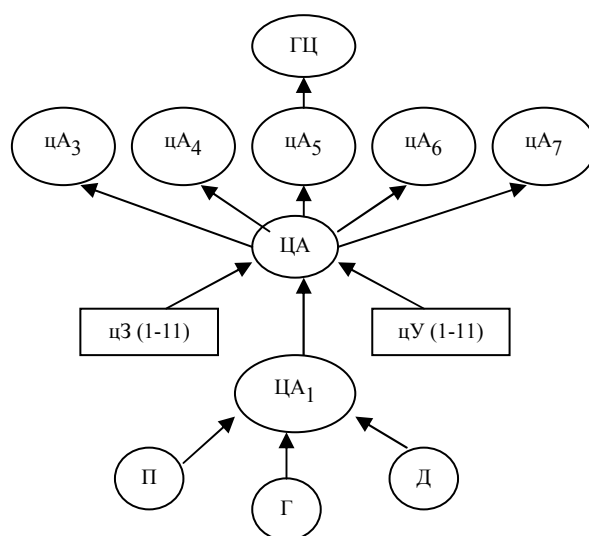

Схема 1 – Дерево целей

Алгоритм построения ДЦ: определение главной цели – Гц (получение оптимального уровня профессиональной подготовленности студентов специальности (направления) «Социальная работа» в части формирования ценностных ориентаций); выявление препятствующих факторов в ходе системного (многоуровневого) анализа, формирование проблемного поля; систематизация проблем и оформление дерева целей по ярусам: «хочу-могу-делаю-получаю» [6].

Блок «хочу» предполагает психологическую готовность студентов к деятельности, помогает преодолеть препятствующие факторы обучения. Этап «могу» обеспечивает технологическую подготовленность студентов к достижению поставленной цели. Блок «делаю» конкретизирует ГЦ, обеспечивает процесс развития интеллектуальных, нравственных, физических способностей и т.д.. На этапе «делаю» осуществляем самоанализ знаний, умений, планирование собственной деятельности по овладению знаниями, самоорганизация деятельности в соответствии с планами овладения знаниями, умениями, саморегуляция процесса деятельности по овладению знаниями, умениями в сфере социального воспитания. Блок «получаю» (повышение качества знаний и уровень воспитанности студента на этапе обучения в вузе) есть следствие достижения учебно-воспитательного процесса и мер достижения главной цели, под которую мы выстраиваем всё дерево целей.

Ип адекватна структуре дерева целей: под каждую цель разрабатывается соответствующая норма-образец и меры ее достижения. Исполняющая программа представлена в форме качественно-количественных характеристик по измеряемым параметрам, которые приближены к фактическому положению дел. Исполняющая программа (Ип) содержит не только характеристику желаемого результата, но и содержит прогнозируемые меры его достижения, что позволяет реально осуществить процесс установления качественной степени ценностной сформированности личности студентов в целом. Оптимальный уровень качественно-количественных показателей становится нормой-образцом деятельности обучающегося студента, а меру достижения этого образца каждый педагог определяет сам с помощью набора характеристик по каждому параметру. В результате появляется стимул к получению истинных конечных результатов в виде воспитанности обучающихся и фактического качества их знаний.

Взяв за основу системный анализ к выработке критериев социальной воспитанности студентов, мы выбрали квалиметрические характеристики оптимального уровня готовности к профессиональной деятельности.

«Под профессиональной готовностью понимается особое психическое состояние, наличие у субъекта образца структуры определенного действия и постоянной направленности сознания на его выполнение. Состояние профессиональной готовности включает в себя различного рода установки на осознание задач, модели вероятного поведения, определения оптимальных способов деятельности, оценку своих возможностей в их соотношении с предстоящими трудностями и необходимостью достижения определенного результата» [7, с. 406].

Для достижения оптимального уровня социальной культуры личности студентов нами определены следующие параметры: интерес к общечеловеческим ценностям, ценностным ориентациям, являющиеся составной частью отношения человека к действительности. Оцениваем результаты по числовой шкале «0–10», по уровням: оптимальный (10–9), допустимый (8–6), критический (5–4), недопустимый (0–3).

Управляющая программа (УП) представляет собой всю совокупность действий по определению ДЦ, разработке ИП и включает три подструктуры: социально-психологическая стратегия – ас (стратегический анализ) – пс (стратегическое планирование) – ос (стратегическая организация) – кс (стратегический контроль) – рс (стратегическое регулирование); социально-психологическая тактика – ат (тактический анализ) – пт (тактическое планирование) – от (организация тактическая) – кт (тактический контроль) – рт (стратегическое регулирование); традиционно-управленческий этап АПОКР: а(традиционный анализ, предмет которого – учебно-воспитательный процесс) – п (традиционное планирование,) – о (традиционная организация осуществления планирования) – к (контроль традиционный, соответствует государственному стандарту) – р (традиционное регулирование).

Этапы процесса достижения целей (Схема 1): цА1 (соответствует этапу «хочу») – психологическая подготовка студента к повышению своего общекультурного уровня: П – перестройка отношения к ценностным ориентациям, достижение положительной мотивации,

осознанная некомпетентность студентов: интерес и затруднения являются результатом осознанной потребности и проявления мотивации к овладению новых знаний; Г – готовность к восприятию на основе понимания его целей и задач; Д – желание реального достижения оптимального уровня нормы-образца; цА2 (соответствует этапу «могу») – технологическая подготовка студента к становлению и совершенствованию ценностных ориентаций; цА3 – цА7 и подцели цЗ1–11 – цУ1–11 – целенаправленная деятельность (соответствует этапу «делаю»); цА3 - самоанализ знаний, умений; цА4 – планирование собственной деятельности по дальнейшему овладению знаниями, умениями; цА5 – самоорганизация деятельности в соответствии с программой овладения знаниями, умениями; цА6 – самоконтроль по критериям оценки достижения цели саморазвития; цА7 – саморегуляция процесса деятельности по овладению знаниями, умениями в сфере формирования культуры личности. Главная цель дерева целей – достижение оптимального уровня воспитанности будущих социальных работников.

Таким образом, в алгоритме МПЦУ может развиваться самостоятельная деятельность студентов и вне курса, благодаря соответствующим нормам-образцам: самоанализ знаний, умений на основе системного анализа; планирование собственной деятельности по дальнейшему овладению их; самоорганизация деятельности в соответствии с планом овладения знаниями, умениями, позволяющая продуктивно усваивать наиболее правильные и полезные факторы окружающей среды, в которой они находятся; самоконтроль по критериям оценки саморазвития, дающий возможность выявить собственный положительный потенциал личностного и профессионального развития, определить свои проблемы, выработать стратегию собственного развития; возможность постоянно и осознанно находиться в изменяющихся условиях современной действительности.

Основная цель данной работы – желание привлечь внимание участников конференции «Россия в эпоху глобализации: опыт, проблемы, перспективы» к МПЦУ как универсальной возможности решения проблем в любом предметном поле исследовательской деятельности, а также в образовательной системе (как разновидность социальной системы) вуза.

Библиографические ссылки

1. Гончаров В.Н., Филиппов В.Н. Философия образования в условиях духовного обновления России. Барнаул. 2004. 376 с.; Якобсон П. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М.: Просвещение, 1969. 317 с.
2. Шалаев И.К. Мотивационное программно-целевое управление: основы теории и экспертиза эффективности: учебное пособие по психологии управления. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. 299 с.
3. Шалаев И.К. Школа МПЦУ в развитии управленческой теории и практики. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. 119 с.; Он же. Мотивационное программно-целевое управление: основы теории и экспертиза эффективности.
4. Сластенин В.А. Педагогика. М.: Издательский Дом Магистр – Пресс, 2000. 488 с.
5. Шалаев И.К. Школа МПЦУ в развитии управленческой теории и практики; Он же. Мотивационное программно-целевое управление: основы теории и экспертиза эффективности.
6. Там же.
7. Сластенин В.А. Педагогика.

УЧИТЬСЯ УЧИТЬСЯ – ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Высшее образование в нашей стране переживает глубокие преобразования, последствия которых в основном и определяют его кризисное состояние. Что доказывает печальный факт: не всякая новация полезна. В данном случае часть нововведений разрушительна и потому трагична.

Одни преобразования вызваны стремлением России войти равноправной в мировое сообщество. Для этого ВУЗам навязана Болонская программа, европейская структура высшего образования (бакалавриат и магистратура), тестирование и т.п. формы. Другие преобразования ставятся в зависимость от вопроса «что такое образование – благо или услуга?»

«Рыночники» и «антирыночники» обсуждают проблему платного и бесплатного образования (для студентов). В результате жизненное пространство занимает абсурдная идея превращения научного знания, ученого, студента и преподавателя в товар со всеми вытекающими последствиями для личности, школы и для России в целом. В этом ряду противоречий следует обратить внимание и на стандартизацию образования. Выглядит она весьма противоречиво, если не удручающе. С одной стороны, мы ратуем за творческое, гибкое поведение на рынке, с другой – насаждаем стандарты, которые всегда носят рамочный характер и по причине своей устойчивости быстро устаревают и в которые не вписывается динамика жизни. Противоречие заложено в самом постановлении правительства РФ «О национальной доктрине образования в РФ» от 4.10.2002г. за №751.

В нем стандартизация приняла законодательный характер. Однако сохранила требование вариативных образовательных программ, индивидуализирующих образование, а также сохранило личностно ориентированное образование и воспитание. Сегодня официальная печать, в частности, журналы «Педагогика», «Народное образование», «Альма-матер» - уже услужливо рапортуют об успехах стандартизации, о ее преимуществах. И только редкие статьи с болью отмечают ее разрушительный характер.

Годы перестройки доказали, что избранный ныне путь «взращивает» такого работника, который смог бы правильно потребить готовые технологии, придуманные другими людьми. (Это же XVII–XVIII вв.!) Современным называется образование, которое готовит инженеров, не стесняющихся обращаться к зарубежным партнерам по причине отсталости отечественных технологий и отечественной науки (хотя общество всерьез озабочено дефицитом патриотизма в стране).

Академики открыто не соглашались с заниженной оценкой своей деятельности. Для доказательства они представили обширный список технологий, которые могут быть востребованы современным рынком. К слову сказать, Запад запрашивает эти технологии, но не Россия. К сожалению, Россия до сих пор не востребовала их, потому что бизнес не сказал еще своего слова. При всем колоссальном уважении к отечественной науке, государство в ожидании оценки, которую обозначит бизнес, потому что у него «другой угол зрения» (по-видимому, более правильный). К тому же сторонники современной перестройки объявили новое направление в образовании: они отказываются от «догоняющей» модели, заменив ее «опережающей» моделью модернизации образования. Но с незначительным уточнением: осуществлять опережение будут инженеры, представляющие прикладную отрасль, а не ученый, занимающийся фундаментальной наукой. «Опережающая» модель модернизации образования не могла ограничиться одними суждениями и призывами, она коснулась глубинных пластов образовательного организма. Классическое образование не просто было подвергнуто критике, но отброшено как рутинное и устаревшее. Вполне справедливо были названы такие недостатки как декларированное изложение материала, как формирование и закрепление памяти, но не обращение к уму, к творчеству. Однако при этом совсем забыты достоинства классического образования.

На самом деле, классическое образование умело формировало необходимые навыки познавательной деятельности, закладывало прочные базовые знания, без которых последующие образовательные усилия не могли быть успешными. Образование было органично свя-

зано с воспитанием, школа решала общую, единую задачу: формирование дееспособной, всесторонне развитой личности.

Современное столкновение старых, но еще жизнеспособных, веками отработанных и закрепленных на практике методов обучения, с либерально-демократическими новациями долго будет отрицательно сказываться на качестве образования. Нельзя не согласиться с мнением авторов монографии «Человек восходящий» по поводу оценки новационного образования они пишут «Еще в 90-х гг. стали появляться работы постмодернистского толка, где образование представало как «репрессивная» сфера, начиная с системы экзаменов и оценок и заканчивая самой необходимостью усваивать «готовое знание». Далее авторы разъясняют, такого рода перестройка основана на постмодернистском представлении о человеке как о сознательной субъективности, лишенном не только собственной природы, но и связующего центра и, тем более, каких-либо глубинных измерений. В рассматриваемой системе «человек не является ни свободной личностью, ни целостностью» [1, с. 486–487].

Противоречие в системе образования, частично обозначенное нами, является порождением самого российского общества. И при наличии доброй воли и сознательно организующего начала, общество может и минимизировать ущербность переживаемого этапа, и найти наиболее оптимальные способы работы Школы.

Но есть ещё очень важный фактор современности. Фактор международного масштаба, который также напрямую выходит на систему образования, и не считаться с ним равносильно оказаться за бортом истории. Речь идет о глобальной проблеме современности: о подготовке таких кадров работников, которые бы были адекватны новой эпохе.

В 60–70-е гг. XX в. быстрые темпы общественного развития и технологическая революция разворачивались настолько стремительно, что общество, не успев насладиться достижениями научно-технической революции в области информатики, не успев осознать все плюсы и минусы информационного общества, оказалось не перед выбором, а перед жесткой необходимостью погружения в «знаниево общество» или «общество знаний». Всемирная организация ЮНЕСКО в 2005 г. констатировала и провозгласила идею перехода к обществу с различными моделями социального развития, но с единой, общей для всех моделью «знаниево общество». Наряду с парадигмой «Информационное общество», названа новая парадигма «Знание». Новый этап предъявляет человеку третьего тысячелетия: требования учиться учиться. Стало ясно, чтобы человек встал вровень со временем, нужно иначе взглянуть на образование. Остро встал вопрос о качестве образования: XXI век идентифицирует качество образования с формированием у человека способности к мышлению. Озабоченность качеством образования в высшей школе вызвала необходимость несколькими годами ранее, чем прозвучало постановление ЮНЕСКО, создать ассоциации, контролирующие качество образования. В 1991 г. в Гонконге была создана ассоциация, куда вошли страны Европейского сообщества, США и Востока, но Россия в этот состав не вошла. В 2004 г. в г. Алма-Аты была создана другая международная ассоциация, объединяющая цепь «Агентств гарантий качества высшего образования», куда вошла Россия, Казахстан, Белоруссия и др. страны. Естественно была сформирована новая модель человека. К имеющимся признакам человека информационного общества (компетентность, осведомленность, информированность), в качестве определяющих появились новые признаки: способность к мышлению – творчеству, ответственности, поступку. Словом, «знаниево общество» вынуждено заменить прежнего частичного работника разносторонним, думающим трансфессионалом с повышенным спросом на ум. Модель нового человека, в общих чертах сформулированная международным сообществом, вполне можно считать социальным заказом и для российского общества.

И естественно задать вопрос: можно ли научить человека мыслить? Обучение уму – иллюзия или реальность? Ум – это дар природы? Он носит наследственный, врожденный характер или это дар общества? Способно ли общество решать поставленную пред ним задачу непрерывного самообразования? И наконец, успеет ли Россия из современного стандартного образования выйти на новую модель – непрерывное самообразование, не пассивное потребление готового знания.

Библиографические ссылки

1. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. «Человек восходящий»: философский и научный синтез «Живой этики». Барнаул: Алтайский дом печати, 2012.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Татьяна Сергеевна – старший преподаватель Алтайской академии экономики и права (института)

Афанасьева Галина Павловна – кандидат педагогических наук, профессор, зав. кафедрой немецкого и французского языков Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Ахсянов Альберт Вазыхович – аспирант Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова

Бабаскин Сергей Алексеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Алтайской государственной академии культуры и искусств

Бабаскина Татьяна Леонидовна – старший преподаватель кафедры философии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Батурина Мария Михайловна – аспирант кафедры культуры и коммуникативных технологий Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Белоусов Николай Александрович – кандидат философских наук, доцент, декан факультета гуманитарного образования Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Бодрова Елена Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории Отечества Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина

Боровиков Владимир Дмитриевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Боровикова Людмила Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Васильев Сергей Фёдорович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Глиос Геннадий Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Алтайского государственного аграрного университета

Гуреева Марина Алексеевна – кандидат технических наук, доцент Российского Нового Университета

Гусева Алла Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Данильчик Татьяна Леоновна – кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Демин Иван Валериевич – ассистент кафедры философии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Жерносенко Ирина Александровна – кандидат культурологии, доцент, зав. кафедрой культуры и коммуникативных технологий Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Зеленина Таисия Юрьевна – студентка Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета

Инговатов Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Инговатова Аурика Германовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Каланчин Роман Викторович – аспирант кафедры политологии Алтайского государственного университета

Каланчина Ирина Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Алтайского государственного аграрного университета

Калашникова Елена Александровна – аспирант кафедры экономики Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева

Калинов Вячеслав Викторович – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой политической истории Отечества, декан факультета гуманитарного образования Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина

Карташова Анна Александровна – ассистент Томского государственного политехнического университета

Коврижных Ирина Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Комальцева М. А. – студентка Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Лебедева Кирилла Львовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Левочкина Наталья Алексеевна – кандидат экономических наук, кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Лисицына Наталья Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Литвинова Оксана Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Малиновский Вадим Владимирович – аспирант Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Миннибаев Булат Илдарович – старший преподаватель кафедры права и экономики Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета

Московкина Евгения Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и культурологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Новоселов Сергей Вениаминович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Астраханского государственного университета

Носкова Светлана Юрьевна – старший преподаватель Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева

Павлова Татьяна Александровна – аспирант кафедры эмпирической социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета

Пивень Павел Владиславович – кандидат философских наук, старший преподаватель Алтайского государственного университета

Садиков Умед Асатович – студент Российского Нового Университета

Сапелкин В. С. – аспирант кафедры культуры и коммуникативных технологий Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Старчикова Маргарита Валерьевна – аспирант Алтайского государственного университета, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной социологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Сытых Ольга Леонидовна – доктор философских наук, профессор кафедры эмпирической социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета

Трофимова Ярослава Владимировна – кандидат экономических наук, доцент Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы

Трубникова Нина Фёдоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной социологии Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова

Ушакова Елена Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры культуры и коммуникативных технологий Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова

Фаненштиль Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры философии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Цыганенко Наталья Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной социологии Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова

Чинкин Игорь Ревкатович – кандидат философских наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Швец Юрий Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Шеренков Роман Анатольевич – магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета

Шеренкова Виктория Викторовна – магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ЧАСТЬ 1. ФИЛОСОФСКОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

<i>Г. П. Афанасьева</i> Время выбора: быть или не быть.....	4
<i>Н. А. Белоусов</i> О парадигме Русского пути.....	5
<i>В. Д. Боровиков, Л. С. Боровикова</i> Социально-антропологический фон глобализации.....	6
<i>И. В. Демин</i> Формирование и метаморфозы национальной идентичности в условиях глобализации.....	9
<i>В. Ю. Инговатов</i> Глобализация в метаисторической перспективе	17
<i>А. Г. Инговатова</i> Значение межкультурного диалога в контексте глобализационных тенденций современного мира.....	23
<i>Р. В. Каланчин</i> Процессы глобализации через призму концепции исторической цикличности	26
<i>И. Н. Каланчина</i> Трансгуманизм как технология глобализма	28
<i>Т. В. Фаненштиль</i> К вопросу об основаниях анализа повседневного в условиях современного мира	31
<i>Р. А. Шеренков, В. В. Шеренкова</i> Феномен технауки как образ науки в эпоху глобализации.....	33

ЧАСТЬ 2. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ РОССИИ КАК ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

<i>А. В. Ахсянов</i> Мероприятия земства по аграрной модернизации в Ярославской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.)	36
<i>О. А. Литвинова</i> Школа в первые годы Советской власти как фактор формирования социокультурной идентичности советского общества	41

<i>Б. И. Миннибаев</i> Рост благосостояния рабочего класса в ТАССР (1959–1965 гг.)	45
<i>Е. В. Бодрова, В. В. Калинов</i> К вопросу о причинах кризиса в советском нефтегазовом комплексе в 80-е гг. XX в.	46
<i>Т. Е. Коршунова</i> Проблема взаимообусловленности человека и истории	50
<i>Ю. П. Швец</i> О догоняющем типе развития России	51

ЧАСТЬ 3. СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Г. Н. Глиос</i> Правовая доктрина современной России в условиях глобализации	59
<i>В. С. Сапелкин, Е. В. Ушакова, И. А. Жерносенко, В. П. Дик</i> Философский анализ правовых понятий и правовых отношений в эпоху глобализации	61
<i>С. В. Новоселов</i> Глобализация и национальное государство в мировых политических процессах: проблемы и противоречия	66
<i>С. А. Бабаскин, Т. Л. Бабаскина</i> «Мировая премьера» как феномен медиареальности в условиях глобализации	73
<i>В. В. Малиновский</i> «Сужение мира» и появление нового типа человека в условиях глобализации	76
<i>И. А. Жерносенко, Д. И. Мамыев, Р. В. Опарин, Е. В. Ушакова</i> Специфика российского управления в эпоху глобализации	78
<i>Н. А. Левочкина, М. А. Комальцева</i> Образовательные молодёжные проекты как фактор развития гражданского общества	85
<i>М. В. Старчикова</i> Социальное положение лиц пожилого и старческого возраста в Алтайском крае (на примере социологических исследований)	88
<i>О. Л. Сытых</i> Ценностные ориентации российской молодёжи в эпоху глобализации	92
<i>Н. В. Цыганенко, Ю. Н. Татаркина</i> Региональные инициативы в противодействии глобальной угрозе терроризма	95
<i>М. М. Батурина, И. А. Жерносенко, П. В. Пивень, Е. В. Ушакова</i> Общие экологические закономерности в глобальной концепции устойчивого развития	101

ЧАСТЬ 4. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, МИРОВОЙ РЫНОК И ЭКОНОМИКА РОССИИ

<i>Т. С. Алексеева</i> Проблемы электронного декларирования товаров в условиях глобализации экономики.....	107
<i>М. А. Гуреева, У. А. Садиков</i> Проблемы и решения в сфере проектного финансирования	109
<i>Т. Л. Данильчик</i> Российский рынок труда: нетипичные формы занятости	115
<i>И. В. Коврижных</i> Проблема воспроизводства рабочей силы предприятия в условиях глобализации: стоимостные процессы	118
<i>С. Ю. Носкова</i> Мир-системный подход к глобализации	123
<i>Н. В. Осокина, Е. А. Калашникова</i> Изменение природы национального государства в условиях глобализации мировой экономики	128
<i>Т. А. Павлова</i> Россия в глобализирующемся мире	132
<i>И. Р. Чинкин</i> Глобализация и трудовой потенциал России.....	135
<i>Я. В. Трофимова</i> Глобализация экономики и экологические стандарты	137

ЧАСТЬ 5. РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

<i>С. Ф. Васильев</i> Реформа образования в России в контексте глобализации: поход против знаний	143
<i>Т. Ю. Зеленина</i> Роль мультикультурности в образовании в условиях глобализации	162
<i>А. А. Карташова</i> Инновационное образование как результат эпохи глобализации.....	164
<i>К. Л. Лебедева</i> Современные каноны гуманизации образовательной среды.....	168
<i>Н. С. Лисицына</i> Подготовка студентов вуза к осуществлению менеджмента.....	170
<i>Е. А. Московкина</i> К вопросу о глобальных процессах в системе образования России.....	172

<i>Н. Ф. Трубникова</i> К проблеме формирования социальной культуры личности студентов в условиях модернизации высшей школы.....	177
<i>Н. Ф. Трубникова</i> Учебно-воспитательный процесс в инновационном контексте мотивационного программно-целевого управления	180
<i>А. А. Гусева</i> Учиться учиться – глобальная проблема современного образования	184
Сведения об авторах	186

Научно-практическое издание

Россия в эпоху глобализации: опыт, проблемы, перспективы

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции
Барнаул, 17 мая 2013 г.

Издано в авторской редакции

Подписано в печать 21.06.2013. Формат 60х84 1/8.
Печать – цифровая. Усл.п.л. 22,32.
Тираж 100 экз. Заказ 2013 -

Издательство Алтайского государственного
технического университета им. И. И. Ползунова,
656038, г. Барнаул, пр-т Ленина, 46,
<http://izdat.secna.ru>

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 020822 от 21.09.98 г.

Отпечатано в типографии АлтГТУ,
656038, г. Барнаул, пр-т Ленина, 46,
тел.: (8-3852) 29-09-48

Лицензия на полиграфическую деятельность
ПЛД № 28-35 от 15.07.97 г.